

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

Март — Апрель

1986

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Бромлей, А. Е. Тер-Саркисянц (Москва). Советская этнографическая наука на рубеже двух пятилеток	3
Н. П. Лобачева, М. Я. Устинова (Москва). Задачи этнографической науки в разработке, внедрении и совершенствовании социалистической обрядности (семейный цикл)	24
Н. В. Шлыгина (Москва). Современная финская семья	35
А. Б. Спеваковский (Ленинград). Айнская терминология родства	45
Т. Э. Даттон (Канберра). Язык хири-моту в Папуа — Новой Гвинее: происхождение и ранние этапы развития	56

Из истории науки

В. А. Зибарев (Томск). Из истории обычного права народов Севера	73
---	----

Сообщения

Н. А. Соболевская (Хабаровск). Жилые и хозяйственные постройки в селах Приамурья начала XX века	80
К. К. Логинов (Петрозаводск). Являются ли «заонежане» локальной группой русских?	91
А. С. Соколов (Ленинград). Российская трудовая иммиграция в Америку в последней четверти XIX в.	95
В. К. Рой Берман (Нью-Дели). Трансформация племен и подобных им социальных образований	105

Поиски, факты, гипотезы

Е. В. Говор (Москва). Н. Н. Миклухо-Маклай в воспоминаниях современников (забытые страницы)	110
---	-----

Наши юбилеры

Список основных работ доктора исторических наук Б. А. Калоева (К 70-летию со дня рождения)	119
Список основных работ доктора исторических наук М. Г. Рабиновича (К 70-летию со дня рождения)	121

Научная жизнь

В. К. Соколова (Москва). Научный симпозиум «Геронко-исторический эпос и его значение для художественной культуры народов Кавказа»	126
Н. В. Юхнева (Ленинград). Вторая конференция «Этнография Петербурга — Ленинграда»	128
М. С. Бутинова (Ленинград). XVI научная конференция по изучению Австралии и Океании	130
И. Я. Богуславская (Ленинград). Искусство Гжели	132

С. Б. Рождественская, В. В. Руднев (Москва). Третий Всероссийский фестиваль юных этнографов 14
Коротко об экспедициях 15

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- В. Е. Гусев (Ленинград). Народное творчество в годы Второй мировой войны 14
Н. Г. Волкова (Москва). Этнографическое изучение Юго-Западной Грузии 14
Н. А. Лопуленко (Москва). Основные направления изучения северо-американских эскимосов в этнографии США и Канады (1960-е — 1970-е годы) 15
Т. Б. Уварова (Москва). Этнографическая тематика в изданиях ИНИОН АН СССР 15

Народы СССР

- С. А. Арутюнов (Москва). Б. Х. Бгажноков (Нальчик). С. Х. Мафедзев. Очерки трудового воспитания адыгов. XIX — начало XX в. 15
К. П. Калиновская (Москва). Г. Н. Симаков. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. Историко-этнографические очерки 16
Л. И. Саука (Вильнюс). N. Vėlius. Senovės baltų pasaulėžiūra (Мировоззрение древних балтов) 16

Народы Зарубежной Азии

- М. А. Членов (Москва). И. Н. Соломоник. Традиционный театр кукол Востока 16

Народы Африки

- Н. И. Кирей (Краснодар). Э. С. Львова. Этнография Африки. Учебное пособие 16
В. А. Шнирельман (Москва). В. А. Виноградов, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовский. Социолингвистическая типология. Западная Африка 17

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижина,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

Ю. В. Бромлей, А. Е. Тер-Саркисянц

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ ДВУХ ПЯТИЛЕТОК *

Советской этнографии, как и всем отраслям советской науки, сейчас, на рубеже двух пятилеток, следует подвести главные итоги развития в одиннадцатой пятилетке в свете решений XXVI съезда КПСС с тем, чтобы наметить, хотя бы в самых общих чертах, основные перспективы этнографических исследований в наступившей двенадцатой пятилетке.

В одиннадцатой пятилетке советская этнографическая наука, сохраняя лучшие достижения традиционной этнографии как специальной области исторического знания, сделала заметный шаг в познании и объяснении в широком историческом контексте глобальных этнонациональных процессов в современном мире и прогнозированию их развития. Это сопровождалось широкими междисциплинарными связями с антропологией, фольклористикой, социологией, географией, демографией, медициной, психологией. Усилилось внимание к разработке теоретических проблем этнографии. Расширились и обогатились методы исследования. В частности, широкое применение получили массовые опросы, прогнозирование, обработка материалов на ЭВМ и др.

Исходя из понимания этнографии как науки о народах-этнусах, советские этнографы в рассматриваемый период продолжили разработку общетеоретических проблем своей науки. Получили дальнейшее развитие такие важные аспекты теории этноса, как определение его места среди других человеческих общностей, узкое и широкое понимание этнических общностей, их классификация, этнические особенности культуры и психики, выявление типов, тенденций и факторов этнических процессов. В частности, рассмотрены общие и специфические черты нации в сравнении с другими историко-стадиальными типами этносоциальных общностей; продолжена разработка теории этноса, охватывшая весь комплекс проблем компонентной характеристики этноса, а также типологизации основных исторических видов этнических общностей и этнических процессов. Показана несостоятельность попытки биолого-географической трактовки этноса как одного из проявлений осужденного на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС биологизаторства общественных явлений¹.

Было уделено значительное внимание уточнению предмета этнографии, раскрытию особенностей этнографического изучения современности, традиционно-бытовой культуры, этногенеза и этнической истории, архаических общественных форм².

Продолжалось обсуждение вопроса о специфике этнографического изучения культуры³.

* В настоящей работе в библиографии даны главным образом монографии и статьи, посвященные наиболее актуальным проблемам.

¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983; *его же*. Этнические процессы. М., 1983 (на англ., франц., испан. яз.); *его же*. Теоретическая этнография. М., 1984 (на англ. яз.).

² Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981; *его же*. О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности.— Советская этнография (далее — СЭ), 1983, № 6.

³ Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблема классификации элементов культуры (На примере армянской системы питания).— СЭ, 1981, № 4; Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса.— СЭ, 1982, № 1; Першиц А. И. Проблема аксиологических сопоставлений в культуре.— СЭ, 1982, № 3; Ару-

Важное значение для развития теоретической мысли имели проведенные на страницах журнала «Советская этнография» дискуссии, посвященные проблемам теории культурной традиции⁴, проблемам этнической и национальной психологии⁵, социально-экономической терминологии в понятийном аппарате этнографической науки⁶, теоретическим проблемам реконструкции древнейшей славянской духовной культуры, месту сельской общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций⁸, проблемам полевых исследований⁹.

Существенное место в разработке методологических проблем этнографии занимает, как известно, уточнение ее понятийного аппарата. В протяжении нескольких лет совместно с учеными ГДР ведется работа по созданию фундаментального труда, посвященного основным понятиям и терминам этнографической науки. Этот труд призван содействовать дальнейшей углубленной разработке ее важнейших категорий и интернациональной унификации терминологии, что весьма важно для международного сотрудничества в области этнографии и смежных дисциплин. Первый выпуск словаря «Социально-экономические отношения и аксиономативная культура» находится в печати. В наступившей пятилетке предстоит завершить и опубликовать все 10 выпусков словаря, а затем и сводный том.

В новом пятилетии теоретические проблемы этнографии должны получить освещение, в частности, в таких трудах, как «Ленинизм и этнографическая наука», «Этносоциальные проблемы: история и современность», «Теоретические проблемы процессов этнокультурного развития» и др.

Продолжалась разработка теоретических проблем общеприродного развития, в частности проблем первобытной истории и истории раннеклассовых обществ. В завершенном трехтомнике «История первобытного общества»¹⁰ впервые дано комплексное освещение современного состояния проблем антропосоциогенеза, приобретающих особую сложность в свете новых антропологических открытий.

Большое методологическое значение имеет проведенный советскими учеными анализ подхода основоположников марксизма к изучению истории первобытного общества¹¹. Значительно продвинулось изучение

тюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса.— СЭ, 1983, № 2; Этнографические исследования развития культуры. М., 1985; Куббель Л. Е. Культурная традиция в информационной сети культуры: функционирование и трансформация.— СЭ, 1985, № 6.

⁴ В основу дискуссии положена статья: Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции.— СЭ, 1981, № 2. Отклики на нее и заключение дискуссии см.: СЭ, 1981, № 2—3.

⁵ В основе дискуссии — статья: Дашдамиров А. Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем.— СЭ, 1983, № 2. Отклики на нее и заключение дискуссии см.: СЭ, 1983, № 2—4.

⁶ Дискуссия начата статьей: Першиц А. И. Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии.— СЭ, 1983, № 5. Отклики на нее и заключение дискуссии см. в том же номере журнала.

⁷ Обсуждение составили ответы на вопросник по теоретическим проблемам реконструкции древнейшей славянской духовной культуры (авторы Н. И. и С. М. Толстые).— СЭ, 1984, № 3, 4.

⁸ Дискуссия открывается статьей: Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций.— СЭ, 1984, № 5. Отклики на нее и заключение дискуссии см.: СЭ, 1984, № 6; 1985, № 1—2.

⁹ Дискуссию открыли две статьи: Шмелева М. Н. Полевая работа и изучение современности и Вайнштейн С. И. Актуальные вопросы полевого исследования традиционно-бытовой культуры народов СССР.— СЭ, 1985, № 3. Отклики и завершение дискуссии см.: СЭ, 1985, № 4—6; 1986, № 1.

¹⁰ I том — История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. II том — История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. III том — История первобытного общества. Эпоха классового разложения — находится в печати.

¹¹ Тер-Акопян Н. Б. Взгляды К. Маркса на историю первобытного общества и понятие общественно-экономической формации.— СЭ, 1983, № 4; его же. Труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и некоторые вопросы теории исторического процесса.— СЭ, 1984, № 4; Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Эн-

эволюции типов и форм этнических общностей, доклассовых и раннеклассовых периодов истории человечества в различных регионах земного шара¹². Особое внимание было уделено теоретическим проблемам типологии общины и ее хозяйственно-культурных разновидностей¹³.

В наступившем пятилетии планируется разработка проблем потестарной и политической этнографии, что важно в нескольких отношениях. Во-первых, вопрос о возникновении государственности всегда вызывал острое противостояние марксистской и антимарксистской науки, по-разному определявших причины, факторы и механизмы политогенеза. Во-вторых, разработка этой проблематики необходима и потому, что на Западе распространены тенденции к произвольному истолкованию идей К. Маркса и попыткам противопоставить их идеям Ф. Энгельса как историка первобытного и раннеклассового общества. Кроме того, эта работа может и должна показать взаимодействие старой и новой политической культуры в развивающихся странах Азии, Африки и Океании.

Теоретические и методологические исследования, проводившиеся советскими этнографами в минувшие годы, органически связаны с созданием обобщающих трудов. Особо отметим завершение фундаментальной географо-этнографической 20-томной научно-популярной серии «Страны и народы»¹⁴. Нужно упомянуть и находящийся в производстве энциклопедический этнографический справочник «Народы мира».

Важнейшим направлением этнографических исследований в последнее время, как известно, стало изучение динамики современных этнических систем, т. е. современных этнических процессов. При этом, естественно, основное внимание уделяется этническим процессам, происходящим в нашей многонациональной стране¹⁵.

Существенное развитие в последнее время получили этносоциологические исследования¹⁶. По этой тематике весной 1981 г. в Баку была проведена вторая Всесоюзная школа-семинар по этносоциологии, в задачу которой входили ознакомление ее участников с основными направлениями отечественной этносоциологии, а также взаимная информация о новых методических разработках.

Как и прежде, особое внимание уделялось таким важным проблемам, как формирование советского образа жизни, роль национального и интернационального в процессе образования и развития новой социальной и интернациональной общности советского народа. Была предложена более широкая интерпретация социальной однородности наций, включающая, кроме стирания граней между классами и социально-профессиональными группами, развитие общих черт культуры, морали и быта¹⁷.

гельс и современные проблемы первобытной истории.— Вопросы философии, 1984, № 4; Тер-Акопян Н. Б. К. Маркс о первичной формации.— В кн.: Марксизм и проблемы социального прогресса. М., 1985.

¹² Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

¹³ Община и ее типы. М., 1982 (на англ., нем. франц. яз.).

¹⁴ Страны и народы, т. 1—20. М., 1978—1985.

¹⁵ Бромлей Ю. В. Основные тенденции этнических процессов в современном мире.— СЭ, 1982, № 2; Гурвич И. С. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза.— СЭ, 1982, № 6; Бромлей Ю. В. Современные этнические процессы в СССР.— Коммунист, 1983, № 5; Пономарев А. П. Межнациональные браки в Украинской ССР и процесс интернационализации. Киев, 1983; Современные этнические процессы в Чувашской АССР (компонентный анализ этноса). Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования. Чебоксары, 1984; Брагина Д. Г. Современные этнические процессы в Центральной Якутии. Якутск, 1985; Бромлей Ю. В. Современные этносоциальные процессы у восточнославянских народов СССР.— СЭ, 1985, № 4.

¹⁶ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований. М., 1984.

¹⁷ Дробизева Л. М. Духовная общность народов СССР: историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981; Национальное и интернациональное в современном мире. Кишинев, 1981; Бромлей Ю. В. Основные тенденции национальных процессов в СССР (К 60-летию образования СССР).— СЭ, 1982, № 6; Дробизева Л. М. Осуществление ленинской национальной политики КПСС на современном этапе. М., 1982; Развитие национальных отношений в СССР в свете решений

Институт этнографии АН СССР активно участвовал во Всесоюзной конференции «Национальное и интернациональное в социалистическом образе жизни» (Фрунзе, сентябрь 1981 г.), к которой были подготовлены три сборника статей (под редакцией Ю. В. Бромлей) ¹⁸.

Продвинулось изучение механизма взаимодействия между развитием национально-русского двуязычия и этнокультурными процессами ¹⁹.

Была выдвинута гипотеза о возрастающем значении этнокультурных традиций для повышения эффективности труда работников в ходе научно-технической революции, когда создаются новые отрасли производства ²⁰.

В последние годы было развернуто обширное исследование этносоциальных процессов в целом по стране. В ходе его подготовки проводились массовые опросы населения в Эстонии, Молдавии, Грузии, Узбекистане и ряде автономных республик и областей РСФСР. Основная их задача — раскрыть конкретный механизм диалектической взаимосвязи двух основных тенденций национальных процессов: развития и сближения наций в СССР на этапе зрелого социализма. Результаты исследования обобщены в находящейся в производстве коллективной монографии «Социально-культурный облик советских наций».

Были проведены также этносоциологические исследования в Армении, на Северном Кавказе, в Поволжье и Калмыкии ²¹.

В плане решений XXVI съезда КПСС сделаны шаги по изучению специфических запросов в области языка, культуры и быта представителей некоренных национальностей, в том числе русских, проживающих в иноэтнической среде. Начато фундаментальное этносоциологическое исследование образа жизни русских, проживающих в РСФСР и в других союзных республиках. Это позволит сделать вывод о современных тенденциях этнокультурного развития русского народа, а также раскрыть механизм взаимодействия культур в республиках, в том числе в районах проживания русских в инонациональной среде. Будет продолжено этносоциологическое исследование процессов адаптации мигрантов, удовлетворенности условиями труда и быта, демографического поведения семьи, реализации специфических культурных запросов людей разных национальностей и т. д.

В наступившем пятилетии Институт этнографии АН СССР планирует начать подготовку обобщающего коллективного труда «Развитие и сближение народов СССР: этносоциальные аспекты», для чего предполагается проведение повторных этносоциологических исследований в ряде союзных республик и сравнительный анализ данных для изучения таких актуальных проблем, как изменение социальной структуры советских наций; этносоциальная среда и территориальные общности людей; изменения в семейно-бытовой сфере жизни; интернациональное

XXVI съезда КПСС. М., 1982; Бромлей Ю. В. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР (К 50-летию ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР). — СЭ, 1983, № 2; Дробижева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития. — СЭ, 1985, № 5; Нация и культура. Таллин, 1985.

¹⁸ Национальное и интернациональное в бытовой сфере жизни; Традиции и инновации в бытовой сфере жизни. Национальное и интернациональное в сфере семейных отношений. Фрунзе, 1981.

¹⁹ Григорьева Р. А. Этноязыковые процессы в Чувашской АССР. — Расы и народы 1984, № 14. Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984; Гураич И. С. Таксами Ч. М. Социальные функции языков народностей Севера и Дальнего Востока СССР в советский период. — СЭ, 1985, № 2.

²⁰ Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. Национальные трудовые традиции — важный фактор интенсификации производства. — Социологические исследования, 1983, № 2; и др. Национальные традиции в социалистической экономике. — Вопросы экономики, 1983, № 4.

²¹ См.: Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981; Вопросы этносоциологического изучения сельского населения. Ижевск, 1983; Статистико-этнографическое исследование в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984; Социально-этнические аспекты развития современного села. Ижевск, 1984; Статистико-этнографические исследования в Удмуртии (Материалы к изучению образа жизни сельского населения). Устинов, 1985.

и национальное в сфере культуры; процессы развития двуязычия у народов СССР; межэтнические отношения и формирование национального самосознания.

На XXVI съезде КПСС и июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, как известно, большое внимание было уделено проблемам личности советского человека, совершенствования межличностных отношений. Существенное значение в данной связи имело проведение Институтом этнографии АН СССР совместно с Научным советом по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР и Институтом философии АН Азербайджанской ССР специальной научно-практической Всесоюзной конференции «Диалектика национального и интернационального в духовном мире советского человека» (Баку, декабрь 1983 г.)²².

Проведена также Всесоюзная научная конференция «Современное социальное и этническое развитие народов СССР, миновавших стадию капитализма» (Элиста, июнь, 1984 г.).

Весной 1986 г. намечается совместно с Научным советом по национальным проблемам провести в Ташкенте Всесоюзную научную конференцию на тему «Вопросы совершенствования национальных отношений на этапе развитого социализма». На конференции предполагается уделить главное внимание рассмотрению современных национальных процессов в свете материалов XXVII съезда КПСС.

В истекшем пятилетии продолжались углубленные этнографические (нередко с использованием методов этносоциологии) исследования современности. Прежде всего это относится к выявлению этнического своеобразия современного образа жизни, бытовой культуры, этнокультурных процессов у народов СССР и т. п.²³.

Поскольку современная бытовая культура этноса формируется на основе синтеза возникших в разное время традиций и новых форм, рожденных социалистической действительностью, этнографы, изучающие современность, по-прежнему уделяли большое внимание исследованию взаимоотношений традиций и инноваций в культуре народов СССР²⁴.

Для понимания современных национальных процессов в СССР и управления этими процессами большое значение, как известно, имеет

²² Материалы этой конференции представлены в публикациях: Актуальные проблемы национального и интернационального в духовном мире советского человека. Баку, 1984; Интернациональное воспитание молодежи, Баку, 1985.

²³ Буткявичюс И., Куликаускаене В., Милюене М., Вишняускайте А. Современная сувалькская деревня. Культура и быт социалистического села Литвы.— В кн.: Из истории литовской культуры. Т. II. Вильнюс, 1981 (на лит. яз., резюме на рус. и нем. яз.); Дробижева Л. М., Суколов А. А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР).— СЭ, 1981, № 3; Зориктуев Б. Р. Современный быт бурятского села. Новосибирск, 1982; История и современность. Фрунзе, 1982; Шинло Л. Г. Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте дунган. Фрунзе, 1982; Курогло С. С., Маруневич М. В. Социалистические преобразования в быту и культуре гагаузского населения Молдавской ССР. Кишинев, 1983; Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии, вып. 1. Черкесск, 1983; вып. 2, 1984; Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984; Современные этнокультурные процессы в Кабардино-Балкарии (Исторические и этносоциологические аспекты). Нальчик, 1984; Современный быт и этнокультурные процессы в Бурятии. Новосибирск, 1984; Тер-Саркисянц А. Е. Современный быт армян Абхазии.— Кавказский этнографический сборник (далее — КЭС), VIII. М., 1984; Этнография и современность. Нальчик, 1984; Вопросы развития национальных отношений (по материалам автономной республики). Устинов, 1985; Современное сельское население Советской Латвии и его культура. Рига, 1985 (на латыш. яз.); Статистика в этнографии. М., 1985; Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М., 1985; Этнокультурные традиции марийского народа.— В кн.: Археология и этнография Марийского края, вып. 10. Йошкар-Ола, 1985; и др.

²⁴ Прудзе Л. А. Быт и традиции (Этнографические этюды). Тбилиси, 1981 (на груз. яз.); Традиционное и новое в современном быту дагестанцев-переселенцев. Махачкала, 1981; Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М., 1982; Современность и традиционная культура народов Бурятии. Улан-Удэ, 1983; Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983; Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. Новосибирск, 1983; Кацадзе А. Н. Традиционные формы миграции населения Грузии и современность. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.); Новое и традиционное в быту и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

учет национальных особенностей семейно-бытовой сферы. Поэтому изучение современной семьи, в которой находят непосредственное отражение этнокультурные процессы, характерные как для отдельных этносов, так и для всего советского народа в целом, по-прежнему находилось в центре внимания специалистов²⁵. Актуальность исследования семьи и сферы семейного быта определяется решениями XXVI съезда КПСС о проведении эффективной демографической политики и необходимости способствовать упрочению семьи как важнейшей ячейки социалистического общества. Не случайно именно этой проблематике была посвящена Всесоюзная конференция «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества» (Махачкала, сентябрь, 1985 г.)²⁶.

Среди работ, созданных по данной проблематике в минувшую пятилетку, важно отметить международное исследование «Семья и культура», которое велось под эгидой Венского центра социальных исследований совместно с учеными ряда социалистических и капиталистических стран Европы; в работе особое внимание уделено потреблению культуры в рамках семьи, причем оказалось, что в этом отношении в разных европейских странах имеются существенные различия²⁷. Вышли также в свет материалы международной конференции социалистических стран о роли семьи в передаче этнокультурных традиций²⁸. В настоящее время готовится сводный труд «Семейно-бытовая сфера образа жизни у народов СССР», а также обобщающие региональные исследования о семье у народов Средней Азии, Казахстана и Прибалтики.

В свете материалов июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС было обращено особое внимание на связь этнографии с практикой социалистического строительства. Были даны рекомендации по совершенствованию проектируемой отраслевой структуры промышленного производства в республиках Средней Азии в пользу дисперсно размещаемых производств, особенно предприятий легкой и пищевой промышленности. Обобщен ценный народный опыт горного земледелия на Северном Кавказе и в Закавказье, скотоводства на Крайнем Севере, полеводства в Нечерноземной зоне РСФСР, включая автономные республики Поволжья; поливного земледелия в Средней Азии и т. д. Итоги этих рекомендаций нашли отражение в публикуемой сейчас книге «Современные этносоциальные процессы на селе». Были подготовлены рекомендации относительно улучшения и совершенствования планирования и строительства современных городских и сельских поселений и жилищ у народов Кавказа и Средней Азии (они были учтены ЦНИИГрадостроительства). В государственные органы направлены докладные записки по вопросам современного хозяйства, культуры и быта у малых народов Севера.

По всем этим направлениям, связанным с практикой совершенствования развитого социалистического общества, работа будет продолжена. Намечается подготовка ряда конкретных исследований, в том числе коллективного труда «Национальные традиции и совершенствование социалистического образа жизни».

²⁵ Бекай М. А. Роль брачно-семейных традиций в стабилизации современной грузинской семьи. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.); Каракеева С. И. Современная киргизская городская семья. Фрунзе, 1981; Таштемиров У. Современная социалистическая семья и тенденции ее развития (Из опыта республик Средней Азии). Ташкент, 1982; Бигвава В. Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983; Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы. — СЭ, 1984, № 6.

²⁶ См.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества». 24—26 сентября 1985 г. Махачкала, 1985.

²⁷ Семья и ее культура. Исследование в семи восточных и западных европейских странах. Будапешт, 1984 (на англ. яз.). Рецензию на эту книгу см.: Гришаев И. А. The Family and its Culture. An Investigation in Seven East and West European Countries. — СЭ, 1985, № 4.

²⁸ См.: Lëtöpis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung. Bautzen, 1982, № 25; Slovenský národopis, 31/1983, 3—4.

Прикладное значение в плане оптимизации условий воспроизводства трудовых ресурсов, принятия решений по вопросам районных планировок и сельского строительства, языковой политики и т. п. будет иметь исследование современных этнических процессов у народов Урало-Поволжья²⁹.

Особое внимание в двенадцатой пятилетке предполагается уделить демографической ситуации на Севере, использованию многовекового трудового опыта коренного населения в области промыслового хозяйства, структуре свободного времени, борьбе с негативными явлениями в быту.

Дальнейший конкретный выход в практику народного хозяйства получат работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции: большое научно-прикладное значение в плане разработки широкого круга исторических проблем будет иметь подготавливаемая коллективная монография «Освоение водных и земельных ресурсов дельтовых областей Приаралья в прошлом и настоящем. Археолого-этнографическое исследование».

В истекшую пятилетку уделялось много внимания этнографическому изучению современного города, культуры и быта рабочих³⁰. Подготовлен к печати коллективный труд «Этносоциальные проблемы развития советского города».

Большая работа велась по этнографическому изучению современных этнических и культурно-бытовых процессов в зарубежных странах³¹. Эта же проблематика освещалась и в ежегоднике «Расы и народы»³².

Подготовлен обобщающий труд «Этнические процессы в современном мире». В нем впервые в нашей науке рассматриваются основные тенденции современных этнических процессов в социалистических, капиталистических и развивающихся странах.

В свете задач, поставленных перед обществоведами новой редакцией Программы КПСС, необходимо и дальше развивать и совершенствовать исследование тенденций и перспектив этих процессов в региональном и мировом масштабе, выявлять взаимосвязи собственно этнических, социально-экономических и политических аспектов конкретных национальных проблем, изучать роль этнических факторов в национально-освободительной и классовой борьбе в капиталистических и развивающихся странах.

С изучением современности была связана работа и в области таких пограничных с этнографией дисциплин, как этническая география и этническая демография³³.

²⁹ С этой целью, а также для координации исследовательской работы в регионе в октябре 1985 г. в г. Устиново было проведено региональное совещание, тезисы докладов и сообщений которого были опубликованы. См.: Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР. Устинов, 1985.

³⁰ Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. К этнографическому изучению города.— СЭ, 1981, № 3; Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии русского современного города.— СЭ, 1982, № 6; Кауанова Х. А. Образ жизни и быт рабочих семей. Алма-Ата, 1982; Данилюскас А., Кальнюс П. Этнографические проблемы культуры и семьи промышленных рабочих Литовской ССР. Вильнюс, 1983 (на лит. яз., резюме на рус. и англ. яз.); Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (В целях этнографического изучения).— СЭ, 1983, № 3; Аббасов А. А. Новые социалистические города Азербайджана (этносоциологическое исследование). Баку, 1985; Касперович Г. И. Миграция населения в города и этнические процессы. Минск, 1985.

³¹ Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. К историко-этнографической характеристике современной семьи у народов Югославии.— СЭ, 1981, № 6; Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981; Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981; Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1982; Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982; Малые народы Индокитая. М., 1983; Национальные меньшинства и иммигранты развитых капиталистических стран (1960—1970 гг.). Киев, 1983; Пучков П. И. Этническая ситуация в Океании. М., 1983; Котовская М. Г. Этнические процессы в Бразилии. М., 1985.

³² Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы, 11—14. М., 1981—1984.

³³ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981 (эта работа была в переработанном виде опубликована также на франц. яз.— М., 1983 и на арабск. яз.— М., 1984); Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украин-

Теория и практика тематического картографирования в области языка и народной культуры обобщены в специально подготовленных сборниках по ареальным исследованиям³⁴. Продолжалась публикация карт народов СССР и мира³⁵.

Выдвижение в качестве центральной задачи советской этнографической науки изучения тенденций и перспектив современных этнических процессов не означает ослабления внимания к исследованию традиций бытового культуры народов мира. Вышло немало различных работ открывающих новые страницы исторического прошлого народов нашей многонациональной страны, отраженного в занятиях, обычаях и воззрениях людей, в создаваемых ими предметах³⁶. При этом многоплановость и богатство традиционной культуры каждого народа предопределили разный предметный уровень конкретных исследований, их масштабы. Проводились исследования хозяйства³⁷, материальной культуры³⁸ или отдельных ее элементов — поселений и жилища³⁹, одежды⁴⁰, пи-

ского этноса в XVIII — начале XX в. — СЭ, 1981, № 5; *их же*. Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.). — СЭ, 1982, № 4; *их же*. Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции. — СЭ, 1982, № 5; Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1982; Этническая география и картография. М., 1982 (на франц. и нем. яз.); Загородная Е. М., Зеленчук В. С. Население Молдавской ССР. Кишинев, 1983 (на молд. яз.); Покишицкий В. В. Методы изучения этнической смешанности городского населения. — СЭ, 1983, № 1; Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М., 1985; Брук С. И. Этнодемографические процессы. Население мира на пороге XXI века. М., 1985 (на испан. яз.).

³⁴ Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983; Ареальные исследования в языкознании и этнографии. — Тезисы V конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985.

³⁵ Народы СССР (карта в масштабе 1:5 млн). М., 1983; Народы СССР (карта в масштабе 1:16 млн). М., 1984; Народы и плотность населения мира (карта в масштабе 1:20 млн). М., 1984; Плотность населения СССР (карта в масштабе 1:5 млн). М., 1985; Народы мира (карта в масштабе 1:20 млн). М., 1985 и др.

³⁶ См., например: История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

³⁷ Абдулхамидов А. Из истории народной ирригационной практики в зоне предгорий Узбекистана в XIX — начале XX в. (историко-этнографическое исследование). Ташкент, 1981; Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981; Гамкрелидзе Б. В. Альпийское скотоводство горцев Центрального Кавказа. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); Кантария М. В. Из истории хозяйственного быта Кабарды. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); Брегадзе Н. А. Очерки по агроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982; Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX — начала XX в. Ашхабад, 1982; Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв. М., 1984; Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984; Мухиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX в. Душанбе, 1984; Османов М. О. О формах и типах скотоводства (по материалам Дагестана XIX в.) — СЭ, 1984, № 6; Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина (этногенетический аспект). М., 1984; Топурия Н. С. Из истории хозяйственного быта грузинского народа (обычай и обряды, связанные с виноградарством и виноделием). Тбилиси, 1984 (на груз. яз.); Думне Л. А. Животноводство в Латвии в XIX — начале XX в. Этнографический очерк. Рига, 1985 (на латш. яз.); Макалатия М. Н. Скотоводство в горной части Восточной Грузии (Туш-Пшав-Хевсурети). Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).

³⁸ Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVII вв. Минск, 1981; Шаниязов К. Ш., Исмаилов Х. И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX — начала XX в. Ташкент, 1981; Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов XIX — начала XX в. Минск, 1983.

³⁹ Муканов М. С. Казахская юрта. Алма-Ата, 1981; Сельские поселения Удмуртии в XIX — XX вв. Ижевск, 1981; Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982; Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982; Микеладзе Д. Х. Жилище и хозяйственные постройки в Аджарии. Батуми, 1982 (на груз. яз.); Поселения и жилища Марийского края. — В кн.: Археология и этнография Марийского края, вып. 5. Йошкар-Ола, 1982; Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1983; Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984; Робакидзе А. И. Сванети. Жилище и поселения. Тбилиси, 1984; Сумбадзе Л. Архитектура грузинского народного жилища дарбази. Тбилиси, 1984.

⁴⁰ Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана (XIX — начало XX в.). М., 1981; Гагошидзе Ю. М. Украшения грузинской женщины. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.); Раманюк М. Белорусская народная одежда. Минск, 1981 (на белорус. яз.); Эстонская

щи⁴¹, сельскохозяйственных орудий⁴², традиционных средств передвижения⁴³.

Наметились новые подходы, новые исследовательские аспекты в этнографическом изучении традиционно-бытовой культуры⁴⁴.

По-прежнему велись исследования и по такой традиционной для этнографической науки теме, как общественный и семейный быт⁴⁵.

Ряд работ был посвящен такой важной для изучения семьи проблеме, как семейная обрядность⁴⁶. По погребальным обычаям опубликована теоретическая статья С. А. Токарева⁴⁷.

В минувшей пятилетке продолжалось изучение обрядности, связанной с важнейшими событиями в жизни народа и с его верованиями. При разработке этой темы широко привлекались фольклорные материалы⁴⁸.

С обрядами и верованиями тесно связан отражавший хозяйственный цикл народный календарь, изучение которого также велось на примере разных народов⁴⁹.

народная одежда. Таллин, 1981 (на эст., рус., англ. и нем. яз.); *Сухарева О. А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1982; *Авакян Н. Х.* Армянская народная одежда XIX — начала XX в. Ереван, 1983 (на арм. яз.); Материалы к истории кустарного производства и мелкого ремесла в Грузии. Т. III, ч. I. Одежда. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); *Патрик А.* Армянский костюм. С древнейших времен до наших дней. Альбом. Ереван, 1983 (на арм., рус., англ. яз.); *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984; *Зеленчук В. С.* Молдавский национальный костюм. Кишинев, 1985 (на рус. и англ. яз.); *Исмаилов Х. И.* Узбекская народная одежда (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1985.

⁴¹ См., например: *Артюх Л. Ф.* Народное питание украинцев и русских северо-восточных районов Украины. Киев, 1982 (на укр. яз.).

⁴² См., например: *Джавадов Г. Д.* Традиционное азербайджанское пахотное орудие *гара котан*. — СЭ, 1981, № 6.

⁴³ См., например: *Давиладзе А. О.* Из истории грузинского народного транспорта. Батуми, 1983.

⁴⁴ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983.

⁴⁵ *Варданян Л. М.* Традиции мужских возрастных групп у армян в конце XIX — начале XX в. (Историко-этнографическое исследование). — В кн.: Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования, вып. 12. Ереван, 1981; *Шатинова Н. И.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981; Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — начале XX в. Махачкала, 1981; *Ефремова Л. С.* Латышская крестьянская семья в Латгале. 1860—1939. Рига, 1982; *Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1982; *Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков (Историко-этнографическое исследование). Элиста, 1982; *Асмангулян А. С.* История армянских терминов родства (Опыт историко-этимологического исследования). Ереван, 1983; Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983; *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа во второй половине XIX—XX вв. М., 1983; *Гемуев И. Н.* Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1984; *Мафедзев С. Х.* Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984; *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX—XX в. М., 1985; Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII—XX вв. Устинов, 1985; *Чочиев А. Р.* Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.

⁴⁶ *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981; *Лобачева Н. П.* Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков). — СЭ, 1981, № 2; *Дробищева Л. М., Тульцева Л. А.* Свадебная обрядность в общественном мнении (по материалам этносоциологических исследований у народов СССР). — СЭ, 1982, № 6; Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982; *Хоси-ташвили С.* Свадебные и похоронные обряды Самхве-Джавахеги. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.); *Калоев Б. А.* Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XIX в. КЭС, VIII. М., 1984; *Христолюбова Л. С.* Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Устинов, 1984.

⁴⁷ *Токарев С. А.* Погребальные обычаи, их смысл и происхождение. — Природа, 1985, № 9.

⁴⁸ Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981; *Соколова В. К.* К исследованию обрядового фольклора (На примере восточнославянского материала). — СЭ, 1981, № 4; Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982; Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985.

⁴⁹ *Джавадов Г. Д.* Земледельческий календарь и народная метеорология в Азербайджане. Баку, 1981 (на азерб. яз.); Эстонский народный календарь. Таллин, 1981 (на эст. яз.); *Власов В. Г.* Русский народный календарь. — СЭ, 1985, № 4; *Руднев В. В.* Традиционные метеорологические знания (ареальный аспект). — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985.

Особое внимание советские этнографы уделяли изучению новых обрядов как одной из важных сторон советского образа жизни. За пять лет исследования в данном направлении несколько продвинулись как в центре, так и в республиках, особенно на Украине⁵⁰. И все же в целом этнографы еще недостаточно активно участвуют в создании и популяризации новой обрядности. Поэтому в ближайшем будущем необходимо обратить внимание на усиление связи этих исследований с практикой. Этнографы должны внести свой вклад также в борьбу с некоторыми негативными явлениями, которые наблюдаются в наши дни в обрядности ряда народов.

Существенно продвинулось за последние пять лет изучение этнических стереотипов поведения и общения⁵¹. В целом исследования этнопсихологических проблем, в том числе связанных с развитием национального самосознания, национальных чувств, межэтнического общения, необходимо шире развернуть в свете поставленной в новой редакции Программы КПСС задачи изучения специфических интересов наций и народностей, особенностей национальной психологии, формирования у всех советских людей высокой культуры межнационального общения.

В последние годы значительно активизировалась работа по систематическому, углубленному анализу роли религий и религиозных организаций в современном мире, новых явлений в деятельности церкви, преодолению религиозных пережитков. Эта работа велась прежде всего в рамках подготавливаемой 10-томной серии «Религии в XX веке» (межинститутское издание, из них четыре тома готовит Институт этнографии АН СССР, в их числе — Историко-этнографический атлас религий). Начато издание ежегодника «Религии мира», статьи которого посвящены вопросам теории и методологии религиоведения, истории религии, ее роли в современном мире⁵².

Большое теоретическое и практическое значение имеет также работа по исследованию взаимодействия этнического и конфессионального факторов в различных сферах жизни общества. Помимо вышедших в свет публикаций⁵³ Институт этнографии АН СССР подготовлен к печати сборник «Этнос и религия».

Значительное внимание, как и в прежние годы, было уделено исследованию традиционных верований народов нашей страны, при этом этнографы-религиоведы главную свою задачу видели в выявлении синкретизма религиозных верований, наложившего заметный отпечаток и на различные формы мировых религий⁵⁴. По-прежнему вни-

⁵⁰ В духе народных традиций. Минск, 1981; Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981; Праздник в нашем доме (составитель В. Е. Келембетова). Киев, 1981 (на укр. яз.); Тульцева Л. А., Заградская С. Г. Праздники и обряды. Истоки и современность. М., 1981; Праздники и обряды трудящихся Киева. Киев, 1982 (на укр. яз.); Зеленчук В. С., Лоскутова Л. Д. Новые гражданские праздники, обряды и ритуалы: практические рекомендации. Кишинев, 1984; Келембетова В. Е. Общественно-бытовые функции советской обрядности. Киев, 1984 (на укр. яз.); Тульцева Л. А. Советские государственные праздники. Истоки и интернациональная сущность. М., 1983; *её же*. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985.

⁵¹ Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983; *её же*. Организация пространства и этикет. — СЭ, 1983, № 4; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазский этикет. Сухуми, 1984; Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.

⁵² Религии мира. Ежегодник, вып. I—IV. М., 1982—1985.

⁵³ Родичонов М. А. Марониты (из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья). М., 1982; Дараан Н. Я. США: этническая структура католической общины. — Расы и народы. М., 1982, № 12.

⁵⁴ Баялиева Т. Д. Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. Фрунзе, 1981; Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981; Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981; Бардавелидзе В. В. Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии, т. II, ч. I. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); Токарев С. А. О культе гор и его месте в истории религии. — СЭ, 1982, № 3; Эриашвили Ж. Г. Древнейшие социально-религиозные институты в горных районах Грузии. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1983; Снесарев Г. П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983; Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984; Сагалаев А. А. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния. Новосибирск, 1984; Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной

Опубликован ряд работ, посвященных исследованию роли религий в жизни народов зарубежных стран⁵⁶.

Продолжалось изучение мифологии народов мира. При активном участии этнографов вышел в свет обобщающий труд в двух томах «Мифы народов мира»⁵⁷.

За минувшие пять лет советскими этнографами наряду с изучением отдельных элементов традиционной культуры проводились также всесторонние историко-этнографические исследования разных этнических общностей, велась комплексная разработка важнейших компонентов традиционной культуры того или иного этноса или его отдельных групп. Большинство опубликованных работ подобного рода посвящено народам Советского Союза⁵⁸. Сдан в печать фундаментальный труд «Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры».

Вышли в свет работы, посвященные древнейшим этапам социальной истории человечества, а также задачам реконструкции древних, уже исчезнувших форм культуры, послуживших основой для возникновения традиционных культур современных народов нашей страны⁵⁹.

культуры осетин. Цхинвали, 1984; Попов Н. С. К истории верований марийцев. Йошкар-Ола, 1985.

⁵⁵ Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (По материалам второй половины XIX — начала XX в.). М., 1981; Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (Опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск, 1984.

⁵⁶ Григулевич И. Р. Церковь и олигархия в Латинской Америке. 1810—1959. М., 1981; Шпажников Г. А. Религии стран Африки. М., 1981; Краснодембская Н. Г. Традиционное мировоззрение сингалов (обряды и верования). Л., 1982; Кривелев Н. А. Библия: историко-критический анализ. М., 1982; Григулевич И. Р. Инквизиция. 3-е изд., М., 1985.

⁵⁷ Мифы народов мира, т. I—II. М., 1982.

⁵⁸ Азербайджанский этнографический сборник, вып. IV. Баку, 1981 (на азерб. и рус. яз.); Быт и культура Юго-Западной Грузии. Тбилиси, вып. IX, 1981; вып. X, 1983; вып. XI, 1985 (на груз. яз.); Быт сельского населения Дагестана (XIX — начало XX в.). Махачкала, 1981; Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1981; История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981; Масак Е. Условия жизни в таллинских пригородах 1870—1940. Таллин, 1981 (на эст. яз.); Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981; Пелих Г. И. Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981; Потова И. Г. Эвены Магаданской области. М., 1981; Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981; Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981; Цагареишвили Т. М. Ферейданцы в Грузии. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.); Этнография и фольклор народов Дальнего Востока. Владивосток, 1981; Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста, 1981; Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982; Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л., 1982; Мусукаев А. И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик, 1982; Очерки этнографии Аджарии. Тбилиси, 1982; Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (Материальная и духовная культура). Черкесск, 1982; Старый Петербург. Л., 1982; Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования, вып. 12—14, Ереван, 1981—1983 (на арм. яз.); Этнография русского крестьянства XVII — середины XIX в. М., 1982; Берадзе Т. Н. Рача. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.); Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983; Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материале нганасан XIX — начала XX в.). Л., 1983; Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984; Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Очерк этнографии удмуртов. Ижевск, 1984; Топчишвили Р. А. Миграция горцев Восточной Грузии в XVII—XX вв. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.); Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984; Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1984; Болонев Ф. Ф. Семейские. Историко-этнографический очерк. Улан-Удэ, 1985; Долженко И. В. Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении (конец XIX — начало XX в.). Ереван, 1985; Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1985; Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. Историко-этнографические очерки. М., 1985; Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985; Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985; Развитие быта и образа жизни в эстонской деревне с середины XIX в. по настоящее время. Таллин, 1985 (на эст. яз., резюме на рус. яз.); Русский Север, вып. 3. М., 1985; Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985; Этнические культуры Сибири. Проблемы развития и контактов. Новосибирск, 1985.

⁵⁹ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981; Городище Топрак-Кала (раскопки 1965—1975 гг.). Труды Хорезмской экспе-

Одной из подсистем этноса, издавна привлекающих внимание этнографов, является народное художественное творчество. В поле зрения наших этнографов по-прежнему находились преимущественно те его виды, которые неразрывно связаны с материальной культурой и обладают не только эстетическими, но и этническими особенностями (гончарное мастерство, художественная обработка металла и дерева, ткачество, вышивка и т. п.⁶⁰). Ряд публикаций посвящен изучению народных танцев, музыки и театра⁶¹. Заметно усилилось изучение народных игр и развлечений⁶².

По-прежнему исследовались этнические аспекты народной медицины⁶³. Была продолжена разработка весьма перспективного и нового в советской этнографической науке направления — этнопедагогики. Разрабатывалась методология этого направления. Проведены этнографические исследования традиционных принципов и методов воспитания детей на примере разных народов. Особого внимания заслуживает публикация коллективной монографии в двух частях, представляющей собой ком-

диции, т. XII. М., 1981; Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981; *Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.* «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982; Петроглифы урочища Сары-Сатака. Новосибирск, 1982; *Шнирельман В. А.* Специфика этнической структуры у охотников, собирателей и рыболовов. — Расы и народы, 1982, № 12; *Окладникова Е. А.* Петроглифы Средней Катуни. Л., 1984; Проблемы реконструкций в этнографии. Новосибирск, 1984; Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (По этнографическим данным). Л., 1984; Топрак-Кала. Дворец. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. XIV. М., 1984.

⁶⁰ *Кочешков Н. В.* Проблемы декоративного искусства малых народов советского Дальнего Востока в зарубежной историографии. Владивосток, 1981; *Курилович А. Н.* Белорусское народное ткачество. Минск, 1981; *Рождественская С. Б.* Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы. М., 1981; *Ташев Х., Ураков М.* Домашние промыслы узбеков в конце XIX — начале XX в. (на этнографическом материале долины Зеравшана). Ташкент, 1981 (на узб. яз.); *Алсупе А. П.* Ткачи в Видземе во второй половине XIX и начале XX в. Рига, 1982 (на латыш. яз.); *Зандукелс М. З.* Грузинская народная керамика. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); *Гусева Н. Р.* Художественные ремесла Индии. М., 1982; *Кузнецова А. Я.* Народное и прикладное искусство балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1982; Материалы к истории кустарного производства и мелкого ремесла в Грузии. Т. 2, ч. 2. Вязание, крашение, вышивание. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); *Соловьева Г. И.* Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982; *Сулайманов Э.* Традиции обработки металлов у киргизов. Фрунзе, 1982; *Гулиев Г. А.* Ткачество в Азербайджане. Баку, 1983; *Дмитриева С. И.* Народное искусство русских Мезени (В связи с этнической историей края). — СЭ, 1983, № 5; *Кудирка Ю., Милос В., Вишняускайте А. Л.* Крестьянские промыслы. Вильнюс, 1983 (на лит. яз., резюме на рус. и нем. яз.); *Орфинский В. П.* К методике исследования деревенного зодчества. — СЭ, 1983, № 4; *Ершов Н. Н.* Каратаг и его ремесла. Историко-этнографический очерк. Душанбе, 1984; *Милоченков С. А.* Белорусское народное гончарство. Минск, 1984; Промыслы и ремесла Белоруссии. Минск, 1984 (на белорус. яз.); *Гулиев Г. А., Мустафаев А. Н.* Ткачество в Азербайджане (этнографические очерки). Баку, 1985 (на азерб. яз.).

⁶¹ *Нагаева Л. И.* Танцы восточных башкир. М., 1981; Народный театр. Кишинев, 1981 (на молд. яз.); *Бадмаева Т. Б.* Танцевальный фольклор калмыков. Элиста, 1982; *Жорницкая М. Я.* Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М., 1983; *Лисицян С. С.* Армянские старинные пляски. Ереван, 1983; *Спагару Г. И.* В мире народного театра. Кишинев, 1984 (на молд. яз.); Хороводные и игровые песни Сибири. Новосибирск, 1985.

⁶² *Анчабадзе Ю. Д.* Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX — начале XX в. — СЭ, 1981, № 4; *Турсунов Н. Н.* Таджикские национальные подвижные игры. Душанбе, 1981; *Бдоян В. А.* Армянские народные игры. кн. 3. Ереван, 1983 (на арм. яз.); *Джикиев А.* Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры (на материале Южного и Восточного Туркменистана). Ашхабад, 1983; *Симаков Г. Н.* Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. (Историко-этнографические очерки). Л., 1984; Игры народов СССР (составители Л. В. Былова, В. М. Григорьев). М., 1985; *Теджов А.* Традиционные детские игры и их воспитательное значение. Ашхабад, 1985 (на туркм. яз.).

⁶³ *Миндадзе Н. Р.* Грузинская народная медицина (по этнографическим материалам горцев Восточной Грузии). Тбилиси, 1981 (на груз. яз.); *Кунижева Л. З.* Из народной медицины абазин. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура). Черкесск, 1982; Материалы по изучению источников традиционной системы индо-тибетской медицины. Новосибирск, 1982; *Торрэн М. Д.* Русская народная медицина. М., 1982 (Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР, № 9425).

плексное исследование особенностей социализации детей и подростков в традиционных обществах различных народов Зарубежной Азии⁶⁴.

В минувшее пятилетие развернулись исследования и по такому новому направлению, как этническая экология, развившаяся на стыке этнографии с экологией человека и частично перекрывающая предметные зоны этнической географии, этнической антропологии и этнической демографии⁶⁵. Была продолжена начатая в 1978 г. работа в рамках советско-американской темы «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с высоким процентом долгожителей», итогом которой явилась опубликованная в СССР и в США совместная книга ученых этих двух стран⁶⁶.

Опубликован ряд работ по этой теме⁶⁷, подготовлен к печати сборник «Абхазское долгожительство». В наступившей пятилетке запланирована работа над коллективным трудом «Проблемы этнической экологии» и монографией «Этнос и экология».

Особое место в исследовании традиционной культуры занимает изучение некоторых забытых систем письма, без расшифровки которых невозможно сколько-нибудь полно охарактеризовать соответствующие этносы. Наиболее значительным, получившим всемирную известность достижением в области этнолингвистики, явилась дешифровка Ю. В. Кнорозовым письменности древних майя. В 1983 г. его труд «Иероглифические рукописи майя» был переведен на английский язык и опубликован в США (Нью-Йорк). В истекшее пятилетие группой специалистов под руководством Ю. В. Кнорозова проводилась дешифровка протоиндийских текстов, созданных носителями культуры Хараппы и письменности населения острова Пасхи⁶⁸. Велись исследования, связанные с работой над коллективным трудом «Дешифровка древних систем письма». Были подготовлены к печати «Словарь древнего языка майя» и монография «Протоиндийские тексты как историко-этнографический источник».

Были продолжены исследования и опубликован ряд работ в области этнической ономастики⁶⁹. Подготовлены к печати коллективный труд «Личные имена у народов мира», сборник «Ономастика Кавказа», вып. III, и монография В. А. Никонова «География фамилий».

Ряд публикаций (в том числе и описание коллекций музеев) содержат материалы по традиционно-бытовой культуре народов зарубежных стран⁷⁰.

⁶⁴ См., например: *Кон И. С.* Этнография детства (проблемы методологии). — СЭ, 1981, № 5; Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983; Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983.

⁶⁵ *Бромлей Ю. В.* Этнические аспекты экологии человечества. — В кн.: Современные проблемы этнографии. М., 1981; *Козлов В. И.* Основные проблемы этнической экологии. — СЭ, 1983, № 1.

⁶⁶ Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования. М., 1982; *Proceedings of the First Joint US—USSR Symposium on «Aging and Longevity»*, v. I, II. N. Y., 1983.

⁶⁷ *Гегешидзе М. К.* Культурно-исторические и социальные проблемы экологии Грузии. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.); *Зубов А. А., Козлов В. И.* Поиск причин долгожительства. — Наука и жизнь, 1981, № 1; *Смирнова Я. С.* Роли и статусы старших в абхазской семье (к проблеме геронтофильных факторов долгожительства). — СЭ, 1982, № 6; *Козлов В. И.* Этнографический подход к изучению феномена долгожительства. — СЭ, 1984, № 1.

⁶⁸ *Кнорозов Ю. В.* Протоиндийские надписи (к проблемам дешифровки). — СЭ, 1981, № 5; *Альбедиль М. Ф.* Некоторые проблемы исследования протоиндийских текстов. — СЭ, 1982, № 6; *Волчок Б. Я.* К проблеме интерпретации протоиндийских изображений и символов. — СЭ, 1982, № 3; Забытые системы письма: Остров Пасхи, Великое Ляо, Индия. Материалы по дешифровке. Л., 1982; *Федорова И. К.* Тексты острова Пасхи (Рапа-Нуи). — СЭ, 1983, № 1; *Альбедиль М. Ф.* Протоиндийское письмо: итоги и перспективы исследования. — СЭ, 1984, № 4.

⁶⁹ Ономастика Востока, вып. II. М., 1981; Ономастика Кавказа, вып. II. М., 1981; Этническая ономастика. М., 1984; *Гейбуллаев Г. А.* Топономия Азербайджана (историко-этнографическое исследование). Баку, 1985; *Соколовский С. В.* Роль данных ономастики в историко-антропологических исследованиях. — СЭ, 1985, № 5.

⁷⁰ Материальная культура и мифология. — Сборник МАЭ, т. XXXV. Л., 1981; *Africana*, XIII. Л., 1982; *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Брак и семья у народов Югославии.

В целом уровень исследования традиционной этнографии за одиннадцатую пятилетку значительно повысился. При этом особое следует отметить внимание наших ученых к сравнительно-типологическому изучению тех или иных компонентов материальной и духовной культуры народов, что имеет важное значение, поскольку только путем сравнения можно выявить особенности этнической специфики, в современную эпоху все более перемещающейся из сферы материальной в сферу духовной культуры. В минувшее пятилетие опубликован ряд работ, являющихся итогом сравнительно-типологического изучения таких компонентов культуры, как жилище, пища, календарные обычаи и обряды. Сравнительно-типологическое исследование представляет собой и упомянутый ранее труд по этнографии детства.

В наступившем пятилетии необходимо продолжить сравнительно-типологические исследования. Особенно это важно этнографам, работающим в республиках, где очень часто преобладающей остается тенденция изучения только своего народа.

Как известно, важнейшей формой исследования, при которой достигается обобщение накопленных материалов по традиционным культурам народов, является создание историко-этнографических региональных атласов. За минувшее пятилетие проведена большая работа по их подготовке. Вышел в свет атлас, посвященный земледелию в Прибалтике. Ряд работ был опубликован в качестве подготовительных материалов атласам за этот период⁷³.

Изучение традиционных культур неразрывно связано с исследованием этногенеза и этнической истории народов мира. Пристальное внимание к этой проблеме диктуется не только познавательными задачами науки, но и практическими целями, поскольку до сих пор еще встречается крайне упрощенное понимание происхождения народов. В минувшем пятилетии исследовались как общие вопросы этногенеза и этнической истории⁷⁴, так и этногенез конкретных этносов в СССР⁷⁵ и за рубежом⁷⁶.

М., 1982; *Бутинов Н. А.* Полинезийцы островов Тувалу. Л., 1982; *Годинер Э. С.* Возникновение и эволюция государства в Уганде. М., 1982; Из культурного наследия народов Европы и европейской части России.—Сб. МАЭ, XXXV. Л., 1982; *Ионова Ю. В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в. Л., 1982; *Мыльников А. С.* Культура чешского возрождения. Л., 1982; *Попов В. А.* Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. Л., 1982; *Чернецов С. Б.* Эфиопская феодальная монархия XIII—XVI вв. Л., 1982; *Абрамян Л. А.* Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983; *Березкин Ю. Е.* Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I—VII вв. Л., 1983; *Africana*, XIV. Л., 1984; *Бутинов Н. А.* Социальная организация полинезийцев. М., 1985; Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985; и др.

⁷¹ Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981; Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М., 1981; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983; *Крюков М. В.* О принципах типологического исследования явлений культуры.—СЭ, 1983, № 5; Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984; Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985.

⁷² Историко-этнографический атлас Прибалтики. Вып. II. Земледелие. Вильнюс, 1985.

⁷³ См., например, *Гаврилюк Н. К.* Картографирование явлений духовной культуры (По материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981; *Малия Е. М., Акаба Л. Х.* Одежда и жилище абхазов (Материалы для историко-этнографического атласа Грузии). Тбилиси, 1982.

⁷⁴ См., например: *Волкова Н. Г.* Этническая история: содержание понятия.—СЭ, 1985, № 5.

⁷⁵ Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982; Этническая история народов Севера. М., 1982; *Мохов Н. А.* Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1983 (на молд. яз.); Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев, 1983; Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983; *Анчабадзе Ю. Д.* Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа).—КЭС, VIII. М., 1984; *Егунов Н. П.* Прибайкалье в древности и проблема происхождения бурятского народа, ч. 1. Улан-Удэ, 1984; Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984; Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. М., 1985; Древние этнические процессы Волго-Камья.—В кн.: Археология и этнография Марийского края, вып. 9. Йошкар-Ола, 1985; Этнография белорусов: историография, этногенез, этническая история. Минск, 1985.

⁷⁶ Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981; *Фурсова Л. Н.* Формирование метисного населения Канады.—16

Особо следует отметить продолженную в одиннадцатой пятилетке Институтом этнографии АН СССР совместно с Институтом Дальнего Востока АН СССР публикацию серии монографий по исследованию этнической истории китайцев⁷⁷. Готовится к печати монография «Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени».

С изучением этногенеза связаны и работы в области этнической антропологии, в том числе и дальнейшая разработка проблем восстановления лица по черепу⁷⁸.

В связи с изучением этногенеза и этнической истории в двенадцатой пятилетке запланирован ряд антропологических исследований. Прежде всего, это две работы, подготавливаемые Институтом этнографии АН СССР совместно с Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР («Антропология современного и древнего населения европейской части СССР» и «Проблемы антропологии древнего и современного населения советской Азии»). Начнется работа по созданию сводного труда (в семи томах) «Антропология СССР». Будут продолжены исследования и по этногенезу отдельных народов Австралии, Америки, Зарубежной Европы и Азии.

На двенадцатую пятилетку намечен ряд мероприятий по изучению кардинальных вопросов этнической истории человечества. В этих целях Институтом этнографии подготовлен проект комплексной программы «Этногенез и этносоциальные процессы современности», в разработке которой должны принять участие представители разных дисциплин: археологи, антропологи, историки, этнографы и т. д. Конечная цель исследования — создание сводного труда «Этническая история человечества», в ходе его подготовки предстоит уделить особое внимание этнической истории народов СССР, прежде всего ее комплексному рассмотрению по регионам.

В минувшее пятилетие продолжалось многоплановое исследование фольклора как историко-этнографического источника. Один из важнейших аспектов данной проблемы — использование фольклора для изучения этногенеза и этнической истории разных народов, а также их этнокультурных связей⁷⁹. Об использовании фольклорных материалов для изучения обрядности уже говорилось выше. В одиннадцатой пятилетке в Институте этнографии АН СССР были подготовлены к печати книга

СЭ, 1982, № 5; *Шейнбаум Л. С.* Аргентинский этнос. Этапы формирования и развития. М., 1984; *Нитобург Э. Л.* О характеристике этнической общности афроамериканцев США.— СЭ, 1985, № 4.

⁷⁷ *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983; *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос в средние века (VII—XIII). М., 1984.

⁷⁸ *Беневоленская Ю. Д.* Дифференциация народов Сибири и Дальнего Востока по некоторым краниологическим признакам.— СЭ, 1981, № 2; *Гохман И. И., Решетов А. М.* О южных границах распространения североазиатских монголоидов в древности.— СЭ, 1981, № 6; *Тегакко Л. И., Саливон И. И., Микулич А. И.* Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследований населения Полесья). Минск, 1981; *Чебоксаров Н. Н.* Этническая антропология Китая. Расовая морфология современного населения. М., 1982; *Дубова Н. А.* Одонтологическая характеристика населения Северо-Восточной Азии.— В кн.: На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983; *Мамонова Н. Н.* К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья.— Вопросы антропологии (далее — ВА), 1983, № 71; *Хиль Г. Л.* Дерматоглифика народов СССР. М., 1983; *Алексеев В. П., Гохман И. И.* Антропология азиатской части СССР. М., 1984; *Алексеев В. П.* Палеоантропологический материал как исторический источник.— Вопросы истории, 1984, № 12; *Джагарян А. Д.* Внешняя морфология лица и пластическая реконструкция. Ереван, 1984; *Зубов А. А.* Морфологические исследования зубов детей из Сунгирского погребения.— В кн.: Сунгирь. Антропологическое исследование. М., 1984; *Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии.* М., 1984; *Алексеев В. П.* Человек: эволюция и таксономия. М., 1985; *его же.* Географические очаги формирования человеческих рас. М., 1985; *Дубова Н. А.* Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этногенетические проблемы Среднеазиатского региона. М., 1985 (Рукопись депонирована в ВИНТИ, № 6944).

⁷⁹ Фольклор и историческая этнография. М., 1983; Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984; *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984; *Толстова Л. С.* Исторические предания Южного Приаралья (К истории ранних этнокультурных связей народов Арахо-Каспийского региона). М., 1984.

К. В. Чистова «Народная традиция фольклор (очерки теории)», сборник «Традиции и современность в фольклоре» и монография Б. Н. Путилова «Героический эпос и действительность».

Советской этнографической науке, как известно, принадлежит немалая роль в той идеологической борьбе, которую ведет наша партия. Этнографы отстаивают материалистическую концепцию исторического процесса, разоблачая расизм и шовинизм во всех их видах. Большое идеологическое значение имеет аргументированный критический анализ современных направлений и школ в зарубежной этнографии, чему были посвящены многочисленные рецензии и обзоры зарубежной литературы, а также специальные издания⁸⁰. При этом особое внимание было обращено на отношение разных ответвлений буржуазной этнологической науки к марксистскому историческому методу. Исследования по этим вопросам обобщены в подготовленном к печати коллективном труде в 4-х выпусках «Современная зарубежная этнология».

В наступившем пятилетии работу по изучению зарубежной этнографической науки планируется вести по двум основным направлениям: 1) исследование современного состояния этнографии социалистических и развитых капиталистических стран, а также развивающихся государств; 2) критический анализ теорий, концепций, направлений в теоретической этнографии за рубежом. Особое внимание предполагается уделить исследованию влияния марксистской методологии, марксистской этнографии на развитие этнографической науки в разных странах мира в последние десятилетия XX в.

Значительное место в работах этнографов занимает разоблачение расистских концепций. В минувшее пятилетие вышли в свет четыре тома ежегодника «Расы и народы», два издания сборника «Расовая проблема в современном мире»⁸¹ и коллективная монография «Расы и общество»⁸², в которой впервые в марксистской науке освещается весь комплекс вопросов, относящихся к расовой проблеме в широком общественно-историческом контексте. Особо необходимо отметить ряд работ антропологов, в которых четко отстаивается тезис, что современное человечество принадлежит в антропологическом отношении к одному виду, но состоит из многих генетически связанных и как бы «переливающихся» друг в друга частей — человеческих рас. В философском понимании — это проявление «единства в многообразии», в идеологическом — обоснование биологического равенства рас как частей единого человечества⁸³.

В двенадцатой пятилетке специалистам, разрабатывающим проблему «Расизм и борьба с ним в современном мире», придется заняться комплексным анализом различных аспектов и вопросов, составляющих ее содержание. Это последовательное разоблачение всех завуалированных форм современного расизма, более конкретная увязка научного анализа проблемы (или отдельных ее аспектов) с актуальными задачами антирасистской борьбы на современном этапе. Будет продолжено издание ежегодника «Расы и народы», запланирована публикация сборника «Антропология и этнография в борьбе с расизмом» и ряда других работ (в том числе на иностранных языках).

С критикой буржуазной идеологии тесно связано изучение истории этнографической науки. Четкое представление о путях формирования научных концепций и направлений, о ходе накопления фактических данных позволяет лучше понять сегодняшние тенденции развития науки.

⁸⁰ См., например: Пути развития зарубежной этнологии. М., 1983; Западная этнология: школы, идеи, концепции. М., 1985 (на франц. яз.); Таболина Т. В. Этническая проблематика в современной американской науке (Критический анализ основных этносоциологических концепций). М., 1985.

⁸¹ Расовая проблема в современном мире. М., 1982 (на англ., франц., испан. и порт. языках); второе издание вышло в свет в 1983 г.

⁸² Расы и общество. М., 1982.

⁸³ Zubov A. A. Оптимизация развития материи на биологическом и социальном отрезках магистралей. — В кн.: Биология человека и социальный прогресс. Пермь, 1982; *его же*. Содержание понятия «антропология» в период интеграции наук в СССР. — СЭ, 1982, № 5; Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984; и др.

годы минувшего пятилетия отмечены углубленным изучением истории этнографической науки⁸⁴.

В серии «Этнографическая библиотека» начата публикация работ классиков зарубежной и отечественной этнографии. Вышли в свет труды Л. Г. Моргана⁸⁵, К. Леви-Строса⁸⁶. Подготовлены к печати переводы книг: с английского — «Культура и мир детства. Избранные произведения Маргарет Мид» (составление, вступительная статья и общая редакция И. С. Кона), с немецкого — «Д. К. Зеленин. Труды по восточнославянской (русской) этнографии» (отв. ред. К. В. Чистов); с английского — «В. Г. Богораз. Материальная культура чукчей (конец XIX — начало XX в.)» (отв. ред. И. С. Вдовин). В наступившем пятилетии будет продолжена подготовка к печати избранных трудов С. П. Толстова по археологии, этнографии, истории первобытного общества (в двух томах) и собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая (в шести томах).

Продолжалась публикация ряда малоизвестных источников и комментариев к ним по этнографии народов разных регионов мира, что имеет большое познавательное значение⁸⁷.

Важное место в деятельности этнографов по-прежнему занимали экспедиционные исследования. Только сотрудниками Института этнографии АН СССР за пятилетие было осуществлено около 300 экспедиционных выездов. Одним из главных направлений в сборе полевых материалов оставалось изучение современных этнических, социальных и культурно-бытовых процессов, выявление соотношения традиционного и нового в современном хозяйстве, быте и культуре народов Советского Союза. Важнейшие полевые материалы публиковались в сборниках «Полевые исследования Института этнографии АН СССР». Раз в два года этнографы страны встречаются на всесоюзных отчетно-экспедиционных сессиях по итогам полевых исследований. Такие сессии состоялись в Нальчике (1982 г.) и Черновцах (1984 г.). Эти сессии, организуемые Институтом этнографии АН СССР как головным учреждением, играют

⁸⁴ Гаглоева З. Д. Этнографическая наука в Юго-Осетии за 60 лет. — В кн.: Южная Осетия в период строительства социализма. Тбилиси, 1981; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах (составитель Л. А. Чибиров). Кн. 1. Цхинвали, 1981; кн. 2, Цхинвали, 1982; Пугилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. Л., 1981; Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. IX. М., 1981; Алексеев В. П. В. В. Бунак — новатор в разработке теоретических основ антропологической науки. — СЭ, 1982, № 4; Залкинд Е. М., Халтаев П. Т. М. Н. Хангалов. Улан-Удэ, 1983; Робакидзе А. И. Пути развития грузинской советской этнографии (1922—1982). Тбилиси, 1983; Чистов К. В. Из истории советской этнографии 30—80-х годов XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР. — СЭ, 1983, № 3; Алексеев В. П. М. Г. Левин — антрополог, этнограф и организатор науки (К 80-летию со дня рождения). — СЭ, 1984, № 6; Аnciaбадзе Ю. Д. Этнографические сюжеты в трудах Ф. И. Леонтовича. — СЭ, 1984, № 4; Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов. Краткий исторический очерк с библиографией. Ижевск, 1984; Библиография эстонской советской этнографии, 1976—1980, т. 4 (составитель Э. Кару). Таллин, 1985 (на эст. яз.); Керимов Э. А. Очерки истории азербайджанской этнографии и русско-азербайджанских этнографических связей (XVIII—XIX вв.). Баку, 1985; Пугилов Б. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай. М., 1985; Тишков В. А. История и историки в США. М., 1985; Шангина И. И. Д. А. Золотарев (К 100-летию со дня рождения). — СЭ, 1985, № 6.

⁸⁵ Морган Л. Г. Лига ходеносауни, или прокезов (послесловие и примечания Н. Б. Тер-Акопяна; отв. ред. Ю. П. Аверкиева и Н. Б. Тер-Акопян). М., 1983.

⁸⁶ Леви-Строс К. Структурная антропология (пер. с французского под редакцией и с примечаниями Вяч. Вс. Иванова; отд. ред. Н. А. Бутинов и Вяч. Вс. Иванов). М., 1983.

⁸⁷ Лев Африканский. Африка — третья часть Света (пер. с итальянского, комментарий В. В. Матвеева). Л., 1982; Летопись Картли (перевод, введение и примечания Г. В. Дулая). Тбилиси, 1982; Волкова Н. Г. Материалы экономических обследований Кавказа 1880-х годов как этнографический источник. — КЭС, VIII. М., 1984; Суданские хроники (пер. с арабского, вступительная статья и примечания Л. Е. Куббеля). М., 1984; Эфиопские хроники XVI—XVII вв. (составитель С. Б. Чернецов). Л., 1984; Русская Америка в записках К. Т. Хлебникова (составление, предисловие, комментарии и указатель С. Г. Федоровой). М., 1985; Матвеев В. В., Куббель Л. Е. Арабские источники по истории и этнографии Африки южнее Сахары. XII—XIII века. Л., 1985; Пугач З. Л. Культура народов верховьев Нила (по материалам В. В. Юнкера). М., 1985.

также важную координирующую роль в научно-исследовательской деятельности этнографов в масштабе всей страны. Вошло в традицию ряде республиканских этнографических учреждений раз в два года: водить итоги полевых работ своих сотрудников с последующей публикацией тезисов их докладов.

Существенно расширились и активизировались в последние международные научные связи советских этнографов. Они осуществлялись и развивались в традиционно сложившихся формах: подготовка и публикация совместных научных трудов; совместные полевые этнографические исследования; участие в деятельности международных научных организаций, обществ и редколлежий международных журналов; организация международных этнографических и антропологических выставок; участие в международных научных мероприятиях (конгрессах, конференциях, симпозиумах), непосредственный обмен опытом исследований между специалистами.

Было продолжено многостороннее научное сотрудничество с научными центрами социалистических стран по таким темам, как «Общие специфические черты в народной культуре стран Карпато-Балканского региона», «Этнокультурные процессы в условиях социализма», «Этнография славян», «Этнокультурные традиции народов Центральной Восточной Европы».

Двустороннее сотрудничество осуществлялось с академиями наук ВНР (по темам «Этнокультурные связи народов ВНР и СССР с древнейших времен до наших дней», «Методологические проблемы изучения национальных культур»), ГДР (по темам «Методологические проблемы этнографической науки и ее основные категории», «История, этнография, культура и языки славянских народов»), Кубы (по теме «Этнографический атлас Кубы») ⁸⁸, МНР (по теме «Этническая история и современные этнокультурные процессы в МНР»), с Комитетом общественных наук (КОН) СРВ (по темам «Этногенез и этническая история народностей Вьетнама», «Национальные меньшинства СРВ в условиях социализма»).

Советские ученые продолжали работать в международном реферативном журнале «Демос», издаваемом в ГДР. В 1981—1985 гг. для публикации в журнале было направлено 450 рефератов, освещающих изданные в Советском Союзе работы по этнографии и фольклористике.

В минувшее пятилетие наиболее эффективно и плодотворно развивались научные связи советских этнографов с этнологическими центрами США, Финляндии и Индии. Советско-американское сотрудничество (в рамках Комиссии АН СССР и Американского совета познавательных обществ в области общественных наук) осуществлялось по трем проблемам: «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с высоким процентом долгожителей», «Взаимодействие культур народов мира. Сравнительное этнографо-антрополого-археологическое изучение аборигенного населения Северной Сибири и Северной Америки» ⁸⁹ и «Сравнительное изучение этнических процессов в СССР и США: историко-культурные аспекты». По этой проблеме состоялись два советско-американских симпозиума: «Современные этнические процессы в СССР и США» (США, апрель 1984 г.) и «Факторы, влияющие на этнические процессы» (Киев, июнь 1985 г.).

Успешно продолжалось советско-финляндское сотрудничество в области антропологии и этнографии по проблеме «Этногенез и этническая

⁸⁸ Опубликована совместная работа советских и кубинских этнографов — Кубинская этнография. Статьи и материалы. М., 1983.

⁸⁹ В СССР и США был издан сборник статей советских и американских исследователей «Традиционные культуры народов Северной Сибири и Северной Америки: Материалы II советско-американского симпозиума». М., 1981; *Cultures of the Bering Sea Region.— Papers from an International Symposium*. N. Y., 1983. Опубликован также сборник «На стыке Чукотки и Аляски». М., 1983.

история финно-угорских народов по данным антропологии и этнографии». Был проведен симпозиум по теме «Развитие и взаимодействие культур города и деревни в период после первой мировой войны у финноязычных народов» (Москва, апрель 1983 г.)⁹⁰, осуществлена совместная советско-финляндская антропологическая экспедиция, которая обследовала коренное население Башкирской АССР по медико-биологической антропологической программе, опубликован совместный сборник⁹¹.

В результате советско-индийского сотрудничества по проблеме «Современные антрополого-этносоциологические исследования населения Индии» также опубликована совместная работа⁹².

Наши ученые принимали активное участие в таких крупнейших международных форумах, как I Интерконгресс Международного союза антропологических и этнологических наук (Амстердам, 1981 г.), XI Международный конгресс антропологов и этнографов (Канада, 1983 г.)⁹³, Международный конгресс Тихоокеанской научной ассоциации (Новая Зеландия, 1983 г.), IV Международный конгресс монголоведов (МНР, 1982 г.), XIII Международный геронтологический конгресс (США, 1985 г.), XIII конгресс Международной ассоциации политических наук (Франция, 1985 г.), XVI Международный конгресс исторических наук (ФРГ, 1985 г.). Крупные международные мероприятия были организованы и в Советском Союзе, в их числе: II конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы (Суздаль, 1982 г.)⁹⁴ и VI Международный финно-угорский конгресс (Сыктывкар, 1985 г.)⁹⁵.

Широкому ознакомлению зарубежной научной общественности с трудами советских этнографов способствуют переводы их книг на иностранные языки как в СССР, так и за рубежом⁹⁶. В Индии вышел в свет фундаментальный труд «История мелиорации и орошения в СССР», одним из редакторов и автором семи разделов которого был Б. В. Андрианов⁹⁷. В ФРГ в Трудах комиссии всеобщей и сравнительной археологии немецкого Археологического института в Бонне вышли две книги — «Раннесредневековые погребения в Западной Туве», составленная по работам А. Д. Грача и С. И. Вайнштейна (Мюнхен, 1983), и «Могиль-

⁹⁰ Материалы симпозиума опубликованы в сборнике «Der Wandel der Dörfer und Städte und die gegenseitige Beeinflussung in der Zeit nach dem ersten Weltkrieg». Helsinki, 1985.

⁹¹ Финно-угорский сборник. Антропология, археология, этнография. М., 1982.

⁹² Новые материалы к антропологии Западной Индии (результаты советско-индийских исследований). М., 1982.

⁹³ Бромлей Ю. В., Тишков В. А. XI Международный конгресс антропологических и этнологических наук. — СЭ, 1984, № 1. К XI МКАЭН был опубликован на английском языке сборник в двух частях «Исследования по этнографии и антропологии (доклады советских участников)». М., 1983.

⁹⁴ К конгрессу были изданы на английском языке сборник тезисов докладов его участников и библиография публикаций советских этнографов (1977—1982 гг.): Problems of the European Ethnography and Folklore. Summaries by the Congress Participants. М., 1982; Bibliography of Soviet Ethnographical Publications (1977—1982). М., 1982.

⁹⁵ Советское финно-угроведение. 1980—1984. Материалы к VI Международному финно-угорскому конгрессу. Сыктывкар, 1985. Указатель литературы. М., 1985.

⁹⁶ В числе таковых, помимо уже упоминавшихся, можно назвать книги: *Аверкиев Ю. П.* Индейцы Северной Америки (ВНР, 1982); *Кон И. С.* Дружба (НРБ, 1982); *Гриздулев И. Р.* История инквизиции (ЧССР, 1982; Куба, 1983); *его же.* Эрнесто Че Гевара (ГДР, 1982; 1985); *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия на Новую Гвинею. Дневники, письма, документы (составитель, автор вступительной статьи и комментариев Д. Д. Тумаркин). М., 1982 (на англ. яз.); *Путилов Б. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай — путешественник, ученый, гуманист. М., 1982 (на англ. яз.); *Алексеев В. П., Гохман И. И.* Антропология азиатской части СССР (ФРГ, 1983); *Кон И. С.* Открытие «Я». М., 1983 (на нем. яз.); *Лебедев В. В., Симченко Ю. Б.* Дневники одного года (Польша, 1984); *Федорова И. К.* Мифы, предания и легенды о Пасхи (ВНР, 1984); *Кривелев И. А.* Библия: историко-критический анализ (ЧССР, 1985); *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города (ПНР, 1985); *Симченко Ю. Б.* (в соавторстве). Словарь нганасанского языка (ФРГ, 1985); Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1985 (на исп. яз.); *Брук С. И.* Население мира (Китай, 1985).

⁹⁷ Дели, 1985 (на англ. яз.).

ник гунно-сарматского времени Кокель (Тува, Южная Сибирь)», составленная по работам С. И. Вайнштейна и В. П. Дьяконовой (Мюнхен, 1984). В ФРГ же в 1984 г. вышли в свет материалы советско-венгерского симпозиума, посвященного исследованию ранних форм религии.

При всем значении международных связей главная роль в дальнейшем развитии нашей науки принадлежит, несомненно, контактам и взаимодействию специалистов внутри страны. Это важно и для подготовки кадров, и для координации планов, и для объединения усилий специалистов при разработке крупных проблем. В данном отношении дела не так немало. Это и целевая аспирантура в головном институте, это и регулярно проводимые всесоюзные сессии и проблемные конференции, и этнографические школы. Но особенно важным представляется совместное создание капитальных трудов. Уже имеются немалые традиции в совместной подготовке региональных историко-этнографических атласов. Хорошие межреспубликанские контакты сложились у этносоциологов. Прекрасный пример межреспубликанского и вместе с тем междисциплинарного сотрудничества дает уже упоминавшийся выше труд о культуре жизнеобеспечения этноса, подготовленный московскими и ереванскими учеными, в создании которого наряду с этнографами принимали участие и философы. Показательна в рассматриваемом отношении работа, проделанная в последние годы этнографами Москвы, Ленинграда, Киева, Кишинева, Львова, Ужгорода по подготовке сводных материалов по важнейшим проблемам карпато-балканской традиционной культуры. В том же ряду стоят и комплексное антрополого-этнографическое исследование проблем долгожительства, в котором принимали участие ученые Москвы, Киева, Тбилиси, Сухуми, Баку, а также массовые этнографические исследования у народов Поволжья. Можно привести и некоторые другие примеры плодотворного межреспубликанского и междисциплинарного сотрудничества. И все же возможности, заложенные в такого рода сотрудничестве, нами используются явно недостаточно. И это относится не только к кооперации усилий ученых центральных и республиканских учреждений, но и к объединению их в масштабах отдельных регионов, например кавказского, среднеазиатского, прибалтийского и т. д. Такое объединение особенно важно как для исследования этноспецифических черт каждого народа, так и для выявления историко-генетических корней общих черт, характерных для той или иной историко-этнографической области. А для этого, в частности, крайне важно возобновить практику проведения региональных проблемных конференций, симпозиумов.

Одним словом, нужна не только специализация, нередко сопровождающаяся мелкотемьем, но и кооперация, объединение усилий на решение крупномасштабных проблем нашей науки. Только при этом условии мы сможем реализовать те ответственные задачи, которые встают перед этнографической наукой в новом пятилетии.

Большое познавательное значение науки о народах мира предопределяет стремление этнографов поделиться своими знаниями с массовым читателем. Наиболее крупное в данном плане мероприятие представляет уже упомянутая выше обобщающая этногеографическая 20-томная серия «Страны и народы». Заметно расширилась в последние годы публикация научно-популярных этнографических книг⁹⁹.

⁹⁸ Schamanism in Eurasia. Göttingen, 1984, p. 1—2.

⁹⁹ Анохин Г. И. Малый Кавказ. М., 1981; Кривелев И. А. О «тайнах» религии. М., 1981; Спевакоский А. Б. Самурай — военное сословие Японии. М., 1981; Фролов Б. А. О чем рассказала сибирская мадонна. М., 1981; Глазами этнографов. М., 1982; Рабинович М. Г. Не сразу Москва строилась. М., 1982; Рухадзе Дж. А. Листки Ванского дневника. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); Соколова З. П. Путешествие в Югру. М., 1982; Чиковани Т. А. Джавахети. Историко-этнографический очерк. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.); Гегечкори А. М. Заоблачная Тушет. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.); Григулевич И. Р. Пророки «новой истины». М., 1983; его же. Дорогами Сандино. М., 1983; Итс Р. Ф. Золотые мечи и колодки невольников. Историко-этнографический роман. Хабаровск, 1983; Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1983; Салимзаде А. Гордость чинара. Баку, 1983 (на азерб. яз.); Лебедев В. В., Сим

В издательстве «Русский язык» в минувшее пятилетие начат выпуск серии этнографических рассказов о народах СССР¹⁰⁰. Эти превосходно иллюстрированные книги предназначены для зарубежного читателя, изучающего русский язык, и снабжены комментариями на английском, французском или испанском языках.

Нашими учеными опубликовано немало научно-популярных статей по отдельным проблемам этнографии в различных журналах и газетах. Продолжали публикацию научно-популярных статей также журналы «Советская этнография» и «Народна творчість та етнографія». Для пропаганды этнографических знаний специалисты нередко использовали телевидение и радио.

Огромную роль в распространении этнографических и антропологических знаний играют музеи, в первую очередь Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, который ежегодно посещает около полумиллиона человек, и Государственный музей этнографии народов СССР (Ленинград), а также этнографические музеи на открытом воздухе (Киев, Рига, Вильнюс, Львов, Мукачево и др.). С 1983 г. в журнале «Советская этнография» появился новый раздел — «Этнография в музеях», в котором публикуются информационные сообщения о различных этнографических музеях мира.

Значительную роль в популяризации науки играет организация этнографических выставок как в нашей стране, так и за рубежом. За пятилетие этнографы участвовали в целом ряде выставок, например в экспозиции секции общественных наук АН СССР на тему «Ученые СССР — от съезда к съезду» на ВДНХ СССР, где работала и организованная Институтом этнографии АН СССР выставка «Антропологическая реконструкция»; в выставке АН СССР «Братский союз — основа расцвета советских республик», посвященной 60-летию образования СССР; в выставке АН СССР «Вклад советских ученых в Великую Победу».

Музей антропологии и этнографии подготовил выставки «Традиционное искусство народов СССР», «Шахматы народов мира», а также широко участвовал в ряде различных выставок как по стране, так и за рубежом, и в экспозиции других музеев нашей страны.

Этнографы принимали участие в шести выставках за рубежом, среди них особо важную роль с точки зрения научной эффективности имела археолого-этнографическая выставка «Кочевые народы Евразии», экспонировавшаяся в Японии (1982 г.) и Финляндии (1985 г.)¹⁰¹.

В 1983 г. в связи с 50-летием со времени основания и за заслуги в развитии этнографической науки и подготовке научных кадров Институт этнографии АН СССР был награжден орденом Дружбы народов¹⁰². В связи с этим знаменательным событием в жизни института большая группа его сотрудников была награждена почетными грамотами Пре-

ченко Ю. Б. Ачайваямская весна. М., 1983; Арабули К. М., Арабули А. И. Умолкшие мельницы. Тбилиси, 1984; Бунятов Т. А. Золотая скала. Баку, 1984 (на азерб. яз.); Рабинович М. Г. Судьбы вещей. М., 1984; Басилов В. Н. Избранники духов. М., 1984; Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Создано человечеством. М., 1984; Гусева Н. Р. Махабхарата, или Сказание о великой битве потомков Бхараты. М., 1984; Аббасов А. А., Салимов А. Г. Город братства. Баку, 1985 (на рус. и азерб. яз.); Бунятов Т. А. Край мой родной (этнографические этюды). Баку, 1985; Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850—1854 гг. Новосибирск, 1985; Путилов Б. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай. Публицист, ученый, гуманист. М., 1985; Симченко Ю. Б. Зимняя дорога. М., 1985; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. 2-е изд. М., 1985.

¹⁰⁰ Андрианов Б. В. На великой Русской равнине. М., 1981, 2-е издание опубликовано в 1983 г.; Соколова З. П. На просторах Сибири. М., 1981; Итс Р. Ф. У Янтарного моря. М., 1983; Арутюнов С. А. У берегов Ледовитого океана. М., 1984.

¹⁰¹ Крюков М. В. Культура евразийских кочевников в выставочных залах Японии. — СЭ, 1982, № 5. По Шелковому пути. Каталог выставки «Кочевые народы Евразии» (на финском и англ. яз.). — 1985.

¹⁰² Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР орденом Дружбы народов от 3 февраля 1983 г. (см. СЭ, 1983, № 2).

зидиума АН СССР, Президиума ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, а также почетными грамотами дирекции и общественных организаций Института этнографии АН СССР. За годы пятилетки девять сотрудников Института стали лауреатами Государственной премии СССР.

Таковы основные итоги за минувшее пятилетие многогранной и плодотворной научно-исследовательской деятельности советских этнографов, значительно обогатившей разные области отечественной этнографической науки. В двенадцатой пятилетке, судя по перечисленным выше проблемам, перед нашими учеными стоят еще более сложные и ответственные задачи. Прежде всего усилия советских этнографов должны быть направлены на дальнейшее развитие фундаментальных исследований, а также на значительное повышение практической роли этнографии, которая в числе других общественных наук должна принять активное участие в разработке многих проблем современности. Как отмечено в Проекте новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза, «Научный анализ объективных противоречий социалистического общества, выработка обоснованных рекомендаций по разрешению, надежных экономических и социальных прогнозов — неолложная задача общественных наук на современном этапе развития»¹. В свете этих требований перед советской этнографической наукой встает широкий круг актуальных задач. Успешное их выполнение возможно только путем совместных усилий большого коллектива этнографов нашей страны.

¹⁰³ Коммунист, 1985, № 16, с. 41.

Н. П. Лобачева, М. Я. Устинова

**ЗАДАЧИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ
В РАЗРАБОТКЕ, ВНЕДРЕНИИ
И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ОБРЯДНОСТИ
(семейный цикл)**

К настоящему времени у всех народов нашей страны сложились новые (по содержанию и в значительной части по форме) семейно-бытовые, трудовые, общественно-политические и другие обряды. С момента своего зарождения они способствовали сужению сферы влияния религии, воспитанию у советских людей социалистических морально-нравственных черт, укреплению социалистических отношений между людьми.

Современные гражданские обряды давно стали предметом этнографического изучения¹. Сосредоточив внимание на исследовании новых обрядовых форм, ученые, как правило, стремились выявить степень их распространения, социально-этнические факторы, способствующие процессу их создания или, наоборот, тормозящие его, историческую базу и динамику этого процесса, пережиточные явления традиционной обрядности, сохранившиеся в наши дни, и т. д.

В последнее десятилетие специально проблемам обрядности было посвящено несколько научных и научно-практических конференций, сессий и совещаний, семинаров-совещаний всесоюзного значения (Москва, 1977; Киев, 1978; Рига, 1982; Ташкент, 1985 и др.). На многих из них этнографы играли ведущую роль. Для всех этих встреч харак-

¹ Результаты этих исследований нашли отражение в монографиях, обзорах, статьях и других публикациях. См. библиографию к работам: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981; Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды. М.: Наука, 1985.

терна атмосфера поиска наиболее оптимальных путей комплексной разработки проблем социалистической обрядности специалистами разного профиля. Лейтмотивом встреч всегда было стремление достичь максимальной взаимосвязи научных изысканий с практикой социалистического строительства и глубокого осмысления с позиций марксистско-ленинской теории уже действующей системы обрядов. На таких форумах анализировались содержание и природа понятий «обряд», «обычай», «традиция», «праздник» и др., предпринимались попытки систематизации этих общественных явлений, обсуждались сценарии праздников и обрядов, ставились вопросы материально-технического обеспечения обрядовой службы, подготовки кадров, разрабатывались рекомендации совершенствования обрядов. Поэтому мы не будем останавливаться на многократно обсуждавшихся вопросах, а сосредоточим внимание на наиболее острых, на наш взгляд, научно-методологических аспектах проблемы семейных обрядов.

Не раз отмечалось, что у разных народов и даже у разных социальных групп одного народа неодинаковы темпы и тенденции формирования и развития новой семейной обрядности (большее или меньшее сохранение традиционных элементов, их трансформация или изживание, различное насыщение общесоветскими чертами, сокращение числа компонентов обрядности и т. п.). Отмечались различия и в формировании разных циклов новой семейной обрядности: например, консерватизм похоронно-поминального и относительно быстрая реакция на новое свадебного цикла.

Формирование семейной обрядности происходит в острой борьбе старого и нового, в непосредственном столкновении традиции и новации в рамках одного и того же церемониала, ибо поводы для обрядового действия в прошлом и настоящем одни и те же: рождение человека, вступление в брак и уход из жизни.

Несмотря на противоречивость, неравномерность и незавершенность процесса формирования новой семейной обрядности по стране в целом, о чем свидетельствуют функционирующие у разных народов и в разных социальных средах различные формы обрядовых церемоний — от развернутого традиционного ритуала до обычного праздничного застолья (праздничного вечера), можно утверждать, что вырисовываются два типа современных советских обрядов, сохраняющих национальную окраску.

Один из них характеризуется уменьшением (в сравнении с аналогичным традиционным обрядом) числа церемоний и преобладанием общесоветских интернациональных черт; национальный колорит проявляется в нем обычно в профессиональных формах культуры (музыка и песни национальных композиторов, исполняемые нередко силами артистических коллективов). Этноспецифические элементы традиционного ритуала в обрядах этого типа немногочисленны, часто модифицированы: русских и ряда других народов европейской части СССР это хлеб-соль, озглас «горько», свадебный поезд, современные «свадебные чины» свидетели при регистрации брака и др.), институт кумовьев при регистрации новорожденных, разбрасывание еловых веток на пути похоронной процессии, специфические блюда за поминальным столом (блины, гороховая каша, кисель и т. д.). Многие из этих элементов в ходе формирования новых церемониалов появились и у других народов страны (результат интеграционных процессов в культуре). Другой тип современных обрядов характеризуется ярко выраженными этноспецифическими чертами при наличии общесоветских элементов (акты регистрации брака или новорожденного, общее застолье и др.). Обряды этого типа редуцированы в сравнении с традиционным обрядом, но все-таки сохраняют его узловые элементы и в известной мере символику и трибутику. Первый тип обрядов, согласно визуальным наблюдениям, встречается чаще в крупных городах преимущественно европейской части СССР, второй, с разной степенью насыщенности этноспецифическими чертами, — в сельской местности той же части страны, а также

в союзных и автономных республиках, расположенных главным образом на территории бывших периферийных регионов.

Предлагаемая типология современных обрядов достаточно обща и понятна, предварительна. Дальнейшие исследования позволят выявить ее промежуточные звенья, уточнить характеристику каждого варианта и его локализацию.

Различия в существе выделенных типов обрядов и их локализация обусловлены социально-экономическими и историческими причинами. Так, в старых промышленных центрах религиозно-магическая практика и элементы древних культов, составлявших ядро традиционной обрядности, в силу сужения ареала ее применения в условиях крупного города стали трансформироваться и изживаться уже в эпоху капитализма. Здесь вырабатывались свои формы обрядов (различающиеся у разных социальных слоев городского населения степенью сохранения элементов традиционной обрядности и модификации ее форм). Религиозный обряд, к началу XX в. у всех народов составлявший неотъемлемую часть любого обрядового комплекса семейного цикла, в этих районах выдвигался на первое место. Это было особенно заметно у высшего социального слоя населения. Таким образом, характерная для семейной обрядности синкретичность религиозных воззрений, у населения промышленных центров страны постепенно вытеснялась. От традиционной обрядности здесь, пожалуй, устойчивее сохранялись, переживая, конечно, известную трансформацию, обычаи социально-экономического, правового характера. В целом обрядовый комплекс в городах заметно сокращался.

В период социалистического переустройства страны, с отделением церкви от государства, постепенным распространением атеизма, интеграционными процессами в быту именно в крупных промышленных городах, население которых характеризуется довольно высоким уровнем социального и культурного развития, сформировались и бытуют сокращенные до двух церемоний (официальная часть и торжественное застолье, организуемое нередко в кафе, столовых, ресторанах) новые семейные обряды. В них преобладают общесоветские формы, доля же этноспецифических черт весьма незначительна.

Таким образом, город, как правило, создает естественную почву для процесса сложения новых форм культуры, в том числе и семейной обрядности. Этот процесс и идет в городах гораздо интенсивнее, чем в сельской местности. Разумеется, развитие семейной обрядности в городах разных типов имеет свою специфику. Так, в средних и малых городах РСФСР (Калуга, Елец, Ефремов, Козельск) население предпочитает свадьбу (т. е. развернутый ритуал) вечеринке (торжественному застолью, сопровождающемуся обычными развлечениями). В 1969 г. здесь из 1292 опрошенных высказалось за свадьбу 69%, причем большинство из них (83%) выразило желание пригласить на нее широкий круг родственников, друзей, знакомых, соседей³. Аналогичные сведения получены и в малых городах Латвии: 87% свадеб, сыгранных с 1960 по 1971 г., включали значительное число традиционных элементов⁴. Еще больше традиционных черт наблюдается в современных обрядах жителей сел, даже расположенных в промышленно развитых регионах страны.

Иными были исторические предпосылки для формирования новой семейной обрядности в окраинных районах Российского государства где до Великой Октябрьской социалистической революции господствова-

² См.: Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976, с. 100—101; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1977, с. 282—293; Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980, с. 64, и др.

³ Жирнова Г. В. Указ. раб.; с. 147, 148; в примерах употреблена терминология автора исследования.

⁴ Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX веке. М.: Наука, 1980, с. 118.

патриархально-феодальной строй с пережитками общинно-родовой организации. На путь капиталистического развития народы этих районов лишь вступали, да и то не все. Индустриальные города здесь, в основном, отсутствовали; урбанизационные процессы, трансформирующие и разрушающие традиционный уклад жизни, только начинались. Все это способствовало консервации традиционной культуры и быта. Поэтому естественно, что и в послереволюционный период традиционная народная культура, в том числе и обрядность, особенно семейная, в этих районах сохранялась дольше.

В годы социалистических преобразований в окраинных районах страны происходил процесс консолидации ряда народов и этнически однородных групп в социалистические нации, который способствовал росту национального самосознания, созданию новой национальной культуры и общенациональных ее форм на основе традиционной культуры. Все это, очевидно, обусловило и сохранение многих традиционных элементов в складывающихся новых семейных обрядах и ориентацию значительной части населения на этноспецифические черты быта и культуры⁵.

Многочисленные статистические показатели, приводящиеся на страницах этнографических работ, свидетельствуют о положительном отношении советских людей, независимо от их национальности, к новым обрядам. Признание населением новой обрядности, формирующейся в русле естественных изменений традиционных церемониалов под воздействием социально-экономических и других причин и целенаправленной деятельности по ее созданию, — достаточно весомая оценка работы всех звеньев, занятых обрядотворчеством.

Обрядность, как любое другое общественное явление, находится в постоянном движении и изменении. Наблюдения за новыми обрядами семейного цикла — а они бытуют уже не одно десятилетие — позволяют говорить об усиливающемся процессе стихийного обрядотворчества, нередко путем частичного возрождения утраченных старинных обычаев и обрядов, прежний смысл которых при этом иногда искажается. Последнее проявляется в псевдонародной стилизации обряда, мешанском стремлении к неоправданной и требующей больших затрат помпезности и т. д. Естественно, что такие факты, свидетельствующие, в частности, о недочетах в деятельности обрядовой службы, не должны быть оставлены без внимания. Лица, занятые разработкой сценария обряда, порой сами оказываются в плену этого процесса: не учитывая основной тенденции развития новой обрядности — формирования краткого, но содержательного церемониала, они пытаются искусственно возродить целые звенья и циклы старых обрядов, давно ушедших из быта (например, девичник). Интерес к национальным формам культуры в ее традиционном выражении существует, о чем свидетельствует рост числа фольклорных и фольклорно-этнографических ансамблей, однако в наш век небывалого экономического и социального развития страны возврат к старому в полном объеме и невозможен и не нужен. Представляется, что в обрядотворчестве необходимо исходить из тех узловых моментов обрядности, которые сложились и распространены сейчас повсеместно (например, в брачном цикле — знакомство сторон жениха и невесты, акт регистрации брака, свадебное застолье). И если уж возрождать элементы традиционного обряда, то лишь те, которые созвучны времени и не несут в себе ничего отрицательного, в частности не ведут к дополнительным расходам (как, например, девичник с угощением и развлечениями). Не следует также переносить элементы обрядности одного цикла в другой. Особую осторожность надо соблюдать при насыщении новых обрядов элементами традиционной обрядности разных народов, дабы не нарушить национальных этических установок.

Июньский (1983 г.) и последующие Пленумы ЦК КПСС ставят пе-

⁵ См. *Лобачева Н. П.* Общесоветское и национально-специфическое в новой обрядности. — В кн.: *Традиционные и новые обряды в быту народов СССР*. М.: Наука, 1981, с. 46 и сл.

ред учеными-обществоведами задача усиления идеологической работы, причем на первый план выдвигается ее качественный уровень.

Идеологические аспекты становления и развития современной обрядности трудно переоценить, особенно если учесть, что сами обряды формируются под влиянием определенного мировоззрения, а становясь традицией, оказывают влияние на формирование мировоззрения людей. Всякая «недоработка» обрядовой службы может повлечь за собой трудно компенсируемые морально-нравственные издержки, способствовать складыванию и в наши дни нежелательных традиций, с которыми, как известно, бороться очень трудно.

Таким образом, утверждение социалистических норм обрядности в настоящее время не снято с повестки дня, как не сняты вопросы полного и всестороннего утверждения принципов и норм социалистического образа жизни. Преждевременно было бы считать, что в этом плане все уже сделано даже в тех регионах, где имеются достаточно давние традиции разработки и внедрения новой гражданской обрядности (например, в республиках Прибалтики и на Украине). И это естественно: жизнь не стоит на месте, постоянно совершенствуется советский социалистический образ жизни, совершенствуется и его составная часть — социалистическая обрядность. Последняя, как всякое общественное явление, развивается диалектически противоречиво. Данное положение важно не только принимать. Важно уметь видеть как положительные по содержанию и назначению, так и негативные элементы каждого из обрядов, чтобы уяснить природу и содержание обрядности и сделать надежным управление ее развитием. Именно поэтому и сегодня, когда идет процесс совершенствования новых обрядов, надо вновь вернуться к идеологической оценке как обряда в целом, так и каждого из его элементов. Сказанное относится и к официальной и к неофициальной части обрядов.

В новых гражданских обрядах выделяются две тесно взаимодействующие, но различающиеся по ряду признаков структурные части. Основную социальную функцию выполняет первая, официальная часть обряда — собственно юридический акт (регистрация новорожденного, регистрация брака и др.), фиксирующая (санкционирующая) конкретное событие (вручение паспорта, проводы на пенсию, чествование передовиков на трудовых праздниках и т. д.). Однако роль официальной части гражданской обрядности этим не исчерпывается. Большое значение имеет и то обстоятельство, что она формирует отношение людей к соответствующему событию и во многом влияет на характер дальнейшего исполнения обряда уже в неофициальной обстановке, о чем речь пойдет ниже.

Официальная часть современной обрядности проводится по разработанным заранее сценариям, которые лишь в ограниченных пределах допускают импровизацию. В качестве примера приведем официальные акты записи гражданского состояния, которые по своей природе не имеют и не могут иметь специфически национального характера, так как на всех граждан распространяются разработанные в соответствии с «Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» гражданские законы, касающиеся и брачно-семейных отношений. Однако и на этом этапе в городах и сельской местности с этнически однородным населением нередко используются определенные символы, средства эстетического воздействия и атрибуты национальной культуры (музыкальное сопровождение, художественное оформление интерьера ритуальных помещений и т. д.), которые призваны усилить воздействие обряда. Разработка и успешная реализация этой части обряда в значительной мере зависят от материальной базы обрядовых служб, квалификации кадров и ряда других факторов, учет которых представляется, несмотря на ряд трудностей, вполне реальным.

Наибольшая трудность заключается в том, что в стране пока нет еди-

⁶ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 г. М.: Политиздат, 1983, с. 6.

юго центра разработки и внедрения новой обрядности. Многогранность и разнохарактерность обрядов, отражающих все стороны жизни, имеющих разную степень социальной регламентации и совершающихся в разных по масштабу социальных общностях, являются, видимо, одной из основных причин, приведших к межведомственной разобщенности, отрицательные последствия которой хорошо известны. Так, разработкой сценариев записи актов гражданского состояния в основном заняты соответствующие работники Министерства юстиции; ряд календарных, производственных и других обрядов и праздников находятся в ведении Министерства культуры; выполнение разных обрядовых услуг обеспечивают учреждения коммунально-бытового обслуживания. Кроме того, в создании и внедрении новой обрядности активное участие принимают комсомольские и профсоюзные организации, трудовые коллективы. Этот перечень, не исчерпывающий все возможные ведомственные и общественные звенья, занимающиеся в той или иной мере обрядами, в то же время говорит о том значении, которое придает новой обрядности наше государство. Специфика каждого отдельного звена обрядовой службы заключается не только в специализации его на конкретных обрядах или отдельных моментах их реализации, но и в характере квалификации работников. В одних случаях подготовка последних должна обеспечить глубокое знание и понимание существа природы обряда и его воздействия на людей, в других такой подготовки не требуется. Последнее не принесет вреда, если речь идет о внедрении готовых, апробированных сценариев обрядов. Подобно тому как мы с успехом постоянно пользуемся многими современными техническими средствами, не зная их устройства, но соблюдая определенные правила эксплуатации, так и в популяризации и внедрении новой обрядности допустимо участие широкого круга культработников самых разных профилей. Единственное требование к ним, определяющее успех работы, — добросовестное отношение к своему делу, что подразумевает культуру поведения, чувство такта и меры, уважение не только к участникам обряда, но и ко всей обрядовой ситуации.

Однако разработку сценариев должны, на наш взгляд, осуществлять исключительно специалисты — деятели науки и культуры, квалификация которых позволяет прежде всего — и это главное — оценить идеологическое значение каждого элемента обряда, соответствие его данному конкретному событию, а также подобрать наиболее подходящее поэтическое или музыкальное оформление обряда.

Как свидетельствует опыт, поиск оптимального варианта сценариев — процесс достаточно длительный, но результатом этого поиска должно быть выявление и глубокое уяснение природы обрядности данного цикла в целом и конкретного обряда в частности. Лишь при этом условии можно обеспечить максимальное насыщение новой гражданской обрядности подлинно социалистическим содержанием и рассчитывать на ее общественное одобрение.

В этой связи представляется уместным вспомнить социальные функции обрядов, наиболее важная из которых — воспитательная. Этнографические исследования и многократные наблюдения за исполнением новых обрядов позволяют заключить, что роль этой функции нередко уменьшается из-за стремления сделать обряд максимально эмоциональным, чтобы «людям понравилось». Последнее, пожалуй, часто служит определяющим критерием оценки работы обрядовой службы. И действительно, красивый, торжественный ритуал производит большое эмоциональное воздействие на людей и делает событие, по поводу которого он совершается, запоминающимся. Вместе с тем основной смысл нового обряда семейного, как и других циклов, — в выполнении определенной социальной функции. При оценке любого обряда надо каждый раз попытаться ответить на вопрос: воздействовал ли данный обряд (например, бракосочетания) на процесс формирования социалистических отношений в молодой семье, способствовал он ее упрочению, осознали ли молодые родители, которых только что до слез растрогала торжественность обряда имя-

наречения, свою новую роль? Ведь идейно-нравственная ценность обряда заключается не только и даже не столько в его эмоциональном воздействии. Форма обряда, сколь бы торжественна она ни была, сама по себе не гарантирует достижения цели: усилить стремление человека реализовать осознанное им новое качество в действиях, соответствующих социалистическим идеалам.

Разумеется, нельзя рассчитывать на немедленное, сиюминутное воздействие обряда, даже созданного с глубоким, подлинно научным пониманием каждого используемого элемента. Известно, что обряды лишь символически оформляют и этим закрепляют уже существующие социальные отношения людей. Социалистическая обрядность сможет выполнить свои функции только в том случае, если ее участники воспитаны, в духе социалистической нравственности, если социальный опыт, предшествовавший переходному моменту в жизни, достаточно подготовил их к новым социальным задачам и функциям. В то же время перемещение акцента на эмоциональный момент, превращающее иногда обряды в театрализованные представления, где участники становятся исполнителями главных ролей или просто зрителями, едва ли способствует внушению подлинного чувства ответственности, серьезному осмыслению важности переходного момента в жизни человека, осознанию новых обязанностей и прав.

Нередко имеет место формальное включение в сценарии семейных церемониалов элементов обрядов другого цикла, что свидетельствует о неправильно понятом их символическом значении. Представляется, что в ряде случаев при разработке сценариев недостаточно учитывается именно последний аспект. Совершенно того или иного обряда предшествует создание у людей соответствующего данному событию социально-психологического настроения. Так, например, накануне праздника урожая мысли людей наполнены радостным ожиданием общественной оценки результатов их труда, у них доминируют чувства гордости за достигнутые успехи, а символика и атрибутика, по содержанию и форме созвучная этому событию, усиливает именно эти чувства, укрепляя желание еще лучше трудиться на полях страны. Любой символ, оставшийся в поминении от предыдущего праздника, например, праздника совершеннолетия, будет в лучшем случае незамеченным, в худшем — вызовет недоумение и нарушит социально-психологический настрой людей. Но вряд ли кто-либо из его участников попытается перестроиться на другой лад. Мы намеренно утрируем ситуацию, чтобы показать очевидную нецелесообразность использования символов и атрибутов одного церемониала, в котором они не только уместны, но и важны, в обрядовых действиях другого.

Создание новых семейных обрядов требует особого внимания. Успеху здесь способствует прежде всего тактичное, бережное отношение к семейно-бытовой сфере в целом, тонкое понимание ее специфики, учет психологических установок людей, их мыслей и чувств. Одна из причин неудачи попыток внедрения новой обрядности в 1920-е годы заключалась именно в пренебрежении этой спецификой, в стремлении непосредственно ввести в обряд символы и атрибуты из других сфер общественной жизни (в частности, политической)⁷. Аналогичные примеры можно, к сожалению, привести и из практики 1960—1980-х годов. Они снижают не только воздействие конкретного обряда на людей, но, что особенно опасно, значение использованного ценного, но не соответствующего данному событию символа, тем самым причиняя ущерб обрядности в целом. Особенно осторожно нужно подходить к использованию в семейных обрядах государственных символов и атрибутов. Флаг и гимн играют огромную идеологическую и эмоциональную роль в праздниках и обрядах государственного значения и масштаба, для которых характерен особый психологический климат, усиливающий чувства общности государства и всего народа, вплоть до стельного человека.

⁷ Суханов И. В. Указ. раб., с. 184—186.

Семейные же обряды совершаются в переходные моменты жизни конкретного человека, и главное их социальное значение — усилить осознание новой роли, которую предстоит выполнять этому человеку. Если обряд бракосочетания способствовал осознанию человеком своей ответственности за семью, своих обязанностей в семье и укрепил его готовность реализовать их — значит обряд выполнил свою функцию, он как бы заложил фундамент крепкой семьи, в чем заинтересованы общество и государство. Несмотря на то что каждая советская семья — это ячейка общества и государства, в день бракосочетания у участников обряда господствует, если можно так выразиться, лично-семейный настрой, который едва ли может на протяжении обряда трансформироваться до чувств общности с государством, а именно этого предполагается достичь использованием в некоторых случаях государственного флага и других подобных символов.

Представляется спорным и обязательное посещение свадебным поездом исторических и революционных памятных мест. На наш взгляд, подлинно идеологическое значение эти элементы современных обрядов смогут сыграть только в том случае, если их реализация — не просто осуществление предписанного маршрута свадебного кортежа, а внутренняя потребность брачащихся.

Мы затронули отдельные проблемы главным образом официальной части обрядности, которая при согласованности действий разных ведомств и преодолении упомянутых выше трудностей поддается управлению, а значит, и планомерному совершенствованию.

Однако целостность обрядности как социального явления — в тесном взаимодействии двух ее структурных частей, причем вторая — неофициальная часть, проводящаяся обычно в домашней обстановке, имеет у всех народов вековую традицию. Такая структура обряда — не теоретическая абстракция, а реальность.

Общеизвестно, что одним из факторов, стимулировавших становление новой гражданской обрядности, являлось возрождение ряда традиционных ритуалов, связанных обычно с домашней обстановкой. И в этом нет ничего предосудительного: ведь наличие общих для всех народов черт обряда не исключает совершения его в национальной форме, так же как общие черты социалистического образа жизни не исключают своеобразия образа жизни отдельных народов. Это своеобразие, как известно, связано с еще сохраняющимися различиями в развитии хозяйства, со спецификой национальной культуры.

Этнографические и этносоциологические исследования, проведенные в последнее десятилетие, позволяют утверждать, что регенерация традиционных обычаев и обрядов — общий процесс, характерный практически для всех народов нашей страны. И это тоже понятно: социалистическая культура в целом, в том числе праздники и обряды как одна из ее областей, питается лучшими традициями демократической культуры, сложившейся в предшествующих социально-экономических формациях. Разумное их использование при создании новой обрядности во многом способствует ее внедрению. Традиционная обрядность любого народа содержит много элементов, творческое перенесение которых в современные церемониалы можно только приветствовать. Народные обряды, созвучные социалистическим нравственным ценностям, заслуживают всяческой поддержки. Именно их распространение вширь и вглубь обеспечивает преемственность лучшего в культуре каждого народа и придает социалистическим по содержанию обрядам национальную форму. Последнее выражается в использовании как традиционной символики и атрибутики, так и отдельных обрядовых действий, в которых на протяжении истории каждого народа оттачивались элементы подлинного народного обряда, всецело направленного именно на выполнение его социальной функции.

Однако, как отмечал Ю. В. Андропов на торжественном заседании, посвященном 60-летию СССР, «надо помнить, что в духовном наследии, традициях, в быту каждой нации есть не только хорошее, но и плохое, отжившее. И отсюда еще одна задача — не консервировать это плохое,

а освобождаться от всего, что устарело, что идет вразрез с нормами советского общежития, социалистической нравственности, с нашими коммунистическими идеалами»⁸. Поэтому мы должны с особой ответственностью подходить к идеологической оценке каждого элемента обрядности, и не только традиционной, но и новой.

Возрождение некоторых традиционных по форме элементов касается в основном неофициальной части церемониала, которая в значительно меньшей степени, чем официальная, поддается управлению. Тем не менее задача управления именно этой, фактически стихийно развивающейся частью обрядности, приобретает особую актуальность, особенно в связи с появлением в ней некоторых негативных тенденций. Значение этой проблемы для нашей страны, объединяющей свыше 100 наций и народностей, трудно переоценить. Дальнейшее совершенствование семейной обрядности невозможно без внимательного изучения ее специфики каждого народа, без учета особенностей национальной психологии, культуры в целом. Это одна из актуальных задач этнографической науки, вытекающих из решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС⁹.

И хотя обрядовая тематика разрабатывается давно и успешно, во еще ощущается необходимость глубокого исследования не только реально действующей обрядности, но и социальных, идеологических и других последствий ее развития¹⁰. Это поможет, в частности, выявить и негативные стороны современной гражданской обрядности, которые иногда выдвигаются за национальные традиции.

В ряде регионов и у разных народов страны новая обрядность нередко служит прикрытием для возрождения мещанских, мелкобуржуазных и других обычаев и традиций. Возросший материальный уровень населения позволяет организовать семейные торжества с приглашением большого числа гостей, однако порой в этих случаях не только искажается содержание самого обряда, но и попираются морально-нравственные устои советского общества. Пышные свадьбы, многолюдные поминки, зародившиеся сравнительно недавно юбилеи широкой волной захлестнули вначале некоторые районы Кавказа и Средней Азии, а в настоящее время, как показывают наблюдения этнографов, все более распространяются и в северных регионах¹¹. Приведем только один пример. По данным проведенного А. Вишняускайте исследования, у литовцев, для традиционной семейной обрядности которых никогда не были характерны многолюдность и разорительные материальные затраты, подобные факты в последние годы имеют место. Так, если в период с 1960 по 1965 г. на большинство свадеб приглашалось 30—50 человек, то в период с 1974 по 1979 г. — уже 60—80. За время с 1960 по 1979 г. число свадеб, в праздновании которых участвовало 100 и более гостей, возросло с 1 до 9%. Соответственно росли затраты: если в первой половине 1960-х годов от одной до трех тысяч рублей было израсходовано на каждую из 17½ свадеб, то во второй половине 1970-х годов такие разорительные свадьбы составили уже 76,4%¹².

Помпезность семейных торжеств, стихийно распространяясь, способствует формированию ложного общественного мнения о престиже, нередко определяемом стоимостью свадебных даров или суммой внесенных «в пользу молодых» денег. Хождение с подносом для сбора подарков и денег, допускающееся даже на свадьбах, устраиваемых в ресторанах иногда приобретает оттенок вымогательства, унижает человеческое достоинство. Меркантильность ряда свадеб, инициаторами которой выступают родители молодых, способствует культивированию иждивенческих настроений у современной молодежи. Некоторые негативные тен

⁸ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. — Коммунист, 1983, № 1, с. 8.

⁹ Июньский Пленум ЦК КПСС и задачи советских этнографов. — Советская этнография (далее — СЭ), 1983, № 6, с. 5.

¹⁰ Бромлей Ю. В. О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности. — СЭ, 1983, № 6, с. 22.

¹¹ Там же.

¹² Vyšniauskaitė A. Vestuvės Suvalkijos kolūkiniame kaime. — In: Iš lietuvių kultūros istorijos. Siuolaikinis Suvalkijos kaimas. Vilnius, 1981, p. 154.

денции, возникшие в семейной обрядности, уже получили соответствующую оценку ученых-обществоведов, в том числе этнографов. Ю. В. Бромлей, резко критикуя возрождающиеся в ряде районов дорогостоящие обычаи, пишет: «...они вредны идеологически, так как в них самым пошлым образом используются элементы общесоветской социалистической обрядности (посещение дорогих для советских людей мест и т. д.) в чудовищном сочетании с чуждыми социализму, мешанскими по целевой функции обрядами. Другими словами, псевдоидейность отдельных элементов служит как бы оправданием мешанской сущности этих обычаев, фактически заменивших традиционные для мешанской среды в прошлом церковные обряды»¹³.

В бывших мусульманских регионах наблюдается оживление обычая калыма, причем даже у тех народов, у которых он практически отсутствовал уже в конце XIX — начале XX в., например у таджиков-горожан¹⁴. Встречаются и факты своего рода нравственного компромисса: наряду с официальным оформлением браков, рождений и смертей соблюдаются религиозные ритуалы венчания, крещения и отпевания.

Такой ход развития отдельных сторон современной обрядности свидетельствует о том, что мы не всегда «держали руку на ее пульсе». Поэтому, видимо, весьма актуальны этнографические исследования проблемы преодоления тех негативных тенденций, которые наносят идейный и эстетический ущерб гражданской обрядности. Для этого надо прежде всего выявить причины, породившие эти тенденции.

Не требует доказательств тот факт, что в разработке и совершенствовании новых обрядов этнографы должны принимать участие. Уже сегодня многие этнографические публикации взяты на вооружение практическими работниками, которые нередко осмыслиют свой опыт с позиций современной науки. И все-таки по-прежнему дискуссионным остается вопрос о том, что именно должны в этом плане делать этнографы. Постановка такого вопроса представляется правомерной прежде всего потому, что только определение конкретных задач в пределах наших профессиональных интересов даст возможность столь же конкретного их решения. На наш взгляд, до сих пор еще не найдена оптимальная форма сотрудничества, при которой этнографы могли бы принести максимальную практическую пользу.

Бесспорно, важнейшая задача этнографов — дальнейшее изучение реально действующей в современных условиях обрядовой системы. Несмотря на довольно широко развернувшиеся исследования обрядности, проводимые учеными-обществоведами, главным образом этнографами, мы еще не имеем достаточно полного представления об обрядности ряда народов, о специфике развития ее в разных регионах, экологических, национальных и социальных средах. В то же время лишь глубокое знание реальных процессов может вооружить нас в поиске оптимальных рекомендаций в сфере обрядности, соответствующих задачам совершенствования социалистического образа жизни. Такой поиск подразумевает детальный, строго научный анализ всего, так или иначе сопряженного с обрядностью, — от соответствующих нравственных представлений и отношений людей, воплощенных в отдельных церемониалах, эстетического восприятия и эстетической оценки каждого из элементов обряда до восприятия и оценки обрядовой системы в целом. Постоянное наблюдение за тенденциями и закономерностями процесса формирования гражданских обрядов, количественная, а главное, качественная оценка как положительных, так и отрицательных их элементов, всемерное содействие развитию первых будут способствовать становлению подлинно социалистической по своему содержанию обрядности.

Одним из важных направлений изучения обрядов должно стать исследование общественного мнения о новых обрядах, их официальной и неофициальной частей. В этой связи, на наш взгляд, еще недостаточно

¹³ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 22—23.

¹⁴ Гафарова М. Деньги за... дочку. — Комсомольская правда, 1983, 20 января.

используются средства массовой коммуникации. Назрела настоятельная необходимость средствами массовой пропаганды (печать, радио, телевидение) систематически формировать общественное мнение в духе неприятия к проявлениям мещанства и ложной идейности под лозунгом современных социалистических обрядов.

Не менее важным, на наш взгляд, является постоянный систематический сбор описаний современных обрядов, что позволит составить представление о действующей обрядности как форме народного творчества. Знание реально функционирующих обрядов открыло бы возможности совершенствования обрядовой системы, более широкого использования уже сложившихся, апробированных сценариев всего ритуала (это помогло бы избежать искусственно созданных, насаждаемых сверху кабинных сценариев).

Разумеется, для решения поставленных задач первостепенное значение имеет заинтересованность в этом всех или по меньшей мере основных звеньев обрядовой службы, кооперация их сил.

Нельзя не отметить особую актуальность изучения современной обрядности прежде всего у крупных народов (например, у русских), и населения крупных городов, в том числе Москвы, которая во многом является образцом не только для других городов, но и для сельской местности. Именно в крупных городах заметнее новые тенденции в развитии обрядов.

Необходимо, на наш взгляд, изучить опыт работы дворцов культуры и других учреждений, занимающихся обрядотворчеством, опыт службы ЗАГС, а также подробнее ознакомиться с запросами молодежи и ее мнением о новой обрядности.

Нам представляется спорным нередко высказываемое суждение о том, что этнографы должны разрабатывать сценарии обрядов, подбирать эстетические средства и атрибутику и т. д. Скорее всего, сделать это на достаточно высоком уровне смогут специалисты — работники культуры, имеющие профессиональную подготовку. Этнографы же, на наш взгляд, должны привлекаться в качестве экспертов, особенно если в сценарии введены различные элементы традиционной культуры народов (так используются этнографы при оценке художественной самостоятельности новых сувениров, ряда изделий легкой промышленности и т. д.). Именно этнографы могут в отличие от работников обрядовой службы судить о подлинной ценности того или иного обрядового элемента с позиций его этнокультурного, нравственного и социального значения.

Другой аспект этнографической деятельности — пропаганда новых обрядов через общество «Знание». И хотя в этом плане делается немало пока, как показывает опыт, несмотря на большой интерес к новым обрядам в целом, еще не найдена аудитория, действительно заинтересованная в наших рекомендациях. Несомненно заслуживает популяризации опыт некоторых регионов нашей страны (например, республик Прибалтики), в которых организована так называемая служба семьи, где юноши и девушки, подавшие заявление о регистрации брака, могут получить консультации специалистов по самым разным вопросам, в том числе и в формах проведения свадебного торжества. Встречи с такой аудиторией дали бы этнографам возможность более эффективно пропагандировать лучшее в народных обрядах, разъяснять отрицательную, несовместимую с социалистическими нормами отношений между людьми суть некоторых обычаев и обрядов и тем самым внести вклад в реальное управление неофициальной частью семейных обрядов. Разумеется, эффект таких лекций ограничен, однако на современном этапе этот путь представляется наиболее реальным каналом формирования общественного мнения о подлинно социалистическом содержании современных семейных обрядов.

Мы коснулись лишь отдельных аспектов проблемы формирования новой обрядности. Способствовать решению вопроса о том, в каких направлениях следует вести дальнейшую работу по изучению и совершенствованию обрядов, может прежде всего тесное сотрудничество ученых-обществоведов и практических работников обрядовой службы. В слож-

ной, многогранной работе по разработке, внедрению и, главное, совершенствованию советской социалистической обрядности не может быть одноразовых, годных на все времена рекомендаций. Это трудное, но благородное дело требует постоянного творческого поиска, совершенствования как формы, так и содержания обрядов — неотъемлемой части социалистического образа жизни. Не случайно создание и широкое распространение социалистических обрядов в Проекте новой редакции Программы КПСС рассматриваются как одна из важных задач идейно нравственного воспитания советских людей¹⁵.

¹⁵ Коммунист, 1985, № 16, с. 38.

Н. В. Шлыгина

СОВРЕМЕННАЯ ФИНСКАЯ СЕМЬЯ

Семья и семейные отношения у финнов на протяжении последних примерно ста лет претерпели существенные изменения, обусловленные всем ходом социально-экономического и исторического развития страны в связи с ее индустриализацией. Особенно ощутимо это стало после 1917 г., когда начался бурный отток населения из сельского хозяйства в другие отрасли производства и быстрый рост городов. Достаточно напомнить, что перед первой мировой войной в городах Финляндии жило 15, а в сельском хозяйстве было занято 75% населения;¹ в наши дни эти показатели составляют соответственно 60 и 4,1%².

Современная финская семья широко и разносторонне изучается социологами и демографами. Из научных учреждений и организаций, ведущих эти исследования, прежде всего следует назвать «Союз обеспечения благополучия семьи и народа» (Tuoliitto), Институт демографии (Väestö tutkimuslaitos), Институты социологии Хельсинкского, Туркуского, Тампереского и Ювяскюльского университетов. Среди наиболее важных публикаций последнего времени можно отметить исследования М. Ритамиес и Э. Висури о составе семьи у финнов, И. Ниemi и Л. Суоминен «Финская семья с детьми», О. Рийхинена, А. Пулккинена и М. Ритамиес «Число детей в финской семье» и, наконец, книгу Л. Суоминен «Семья с детьми в Финляндии»³, в которой автор рассматривает изменения, происшедшие в этой сфере со времени издания ее совместной с И. Ниemi работы.

Надо сказать, что в финляндской этнографии до настоящего времени семья почти не изучалась. И в наши дни при широко развернувшихся этнографических исследованиях современного быта деревни и города эта проблема остается на втором плане, о чем нельзя не пожалеть. Те материалы о семье, которые можно все же извлечь из этнографических работ последних лет, по возможности использованы в данной статье.

При рассмотрении семьи финские ученые исходят из того, что семью составляют совместно проживающие люди, связанные супружескими отношениями или отношениями детей и родителей. Следовательно, минимальный размер семьи — два человека: бездетная супружеская пара

¹ *Talve I.* Suomen kansankulttuuri.— Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, № 355. Helsinki, 1980, s. 28.

² Finland in Figures 1983. Central Statistical Office of Finland. Helsinki, 1984, p. 4, 7.

³ *Ritämies M., Visuri E.* Suomalaisen perhekoko-sattuma vai suunnitelma.— Väestötutkimuslaitoksen julkaisusarja D. Helsinki, 1975, № 1; *Niemi I., Suominen L.* Suomalainen lapsiperhe. Perheneuvosto. Helsinki, 1976; *Riikinen O., Pulkkinen A., Ritämies M.* Suomalaisen perheen lapsiluku.— Väestötutkimuslaitoksen julkaisusarja D. Helsinki, 1980, № 7; *Suominen L.* Lapsiperhe Suomessa.— Väestöliiton julkaisu. Kolmikanta sarja 7. Helsinki, 1980.

или один из родителей с ребенком. В социодемографических исследованиях семьи подразделяются обычно на следующие группы: состоящие бездетных пар; супружеских пар с детьми и, наконец, одного из родителей с детьми. Наряду с семьей единицей обследования служит так «руокакунта» — «люди, питающиеся за одним столом»; мы же будем для краткости употреблять слово «хозяйство». Понятие «хозяйство» охватывает кроме обычных семей и те объединения, в которых жили дальние родственники и лица, не связанные кровным родством, например батраки в деревне⁴.

Одна из проблем, занимающих исследователей, — устойчивость семьи в наши дни и те факторы, которые влияют на ее развитие и рост, поскольку малые размеры финской семьи и постоянная тенденция к сокращению вызывают обоснованную тревогу общества.

Статистика показывает, что институт семьи в Финляндии сам по себе достаточно устойчив, и 80% жителей образуют семьи, большая часть которых (на 1980 г. — 60%) — семьи с детьми⁵. К их числу исследователями отнесены семьи, где есть хотя бы один ребенок моложе 18 лет. Следовательно, в число бездетных попадают и семьи со взрослыми детьми (даже при совместном проживании), и пожилые супруги с уже отделившимися детьми, и молодые пары, еще не обзаведшиеся потомством.

Число людей, вступающих в брак, в последние годы выше, чем на рубеже XIX—XX вв.: тогда оно составляло 34, а в 1979 г., например, уже 54% всего населения⁶. Правда, этот показатель зависит от возрастного состава и отражает в известной мере происшедшее падение доли детей в населении страны. Можно отметить также рост числа женщин вступающих в брак: на рубеже XIX—XX вв. незамужними оставались 25% женщин, в то время как в наши дни среди женщин 35—40 лет — только 10—15%⁷.

Впрочем, теперь возникла новая проблема: увеличивается численность холостых мужчин среди сельского населения. Трудность найти жену для крестьянина связана в первую очередь с тяжестью сельскохозяйственного труда, и число невольных холостяков в деревне составляет уже около 10 тысяч⁸. Не имея возможности остановиться на этой проблеме в настоящей статье подробнее, отметим лишь, что решение ее весьма сложно.

Число браков, заключаемых в год, в последнее время падает: на тысячу человек в 1970 г. их было 8,8, в 1974 г. — 7,4, в 1977 г. — 6,5, в 1978 г. — 6,3. Правда, для стран Северной Европы это все же самый высокий показатель: в Швеции на 1977 г. он составлял 4,9‰, в Норвегии — 5,9, в Дании — 6,3‰⁹.

Средний возраст вступающих в брак в Финляндии в наши дни (как и в прошлом) относительно высок: для мужчин — 25 лет, для женщин — 23 года. При этом разница в возрасте мужчин и женщин, вступающих в первый брак, постепенно сокращается¹⁰.

Из факторов, негативно сказывающихся на развитии семьи, следует прежде всего назвать разводы. Число их постоянно растет. В предреволюционный период разводов бывало всего несколько сот в год на всю страну, в начале 1940-х годов — до полутора тысяч. В наше время разводится до 10 тысяч пар в год, т. е. распадается примерно каждый четвертый брак¹¹. При этом разводов в сельской местности еще в 1950-х го-

⁴ *Suominen L. Op. cit.*, s. 5.

⁵ Finland in Figures 1983, p. 7; Perheet, 1980. — In: Tilastotiedus. Tilastokeskus 1982.

⁶ *Suominen L. Op. cit.*, s. 8.

⁷ *Niemi I., Suominen L. Op. cit.*, s. 8; *Marin M., Stolte-Heiskanen V. Suomalainen perhe*. — In: Tiede, 1981, № 2, s. 10.

⁸ *Marin M., Stolte-Heiskanen V. Op. cit.*

⁹ *Suominen L. Op. cit.*, s. 9.

¹⁰ *Ibid.*, s. 11.

¹¹ *Niemi I., Suominen L. Op. cit.*, s. 8.

дах было в 4—5 раз меньше, чем в городе. Сейчас же городской показатель выше сельского лишь в 2,5 раза¹².

Причины разводов разнообразны. В наши дни семья, даже сельская, не представляет уже той хозяйственной единицы, какой была крестьянская семья в прошлом, когда ее экономическое благосостояние зависело от сохранения единства и цементировало связь ее членов.

Теперь супружеская жизнь базируется главным образом на личных контактах, что не дает большой стабильности; и происходящие конфликты чаще ведут к распаду семьи. Немаловажно и то, что брак перестал рассматриваться — причем как самими супругами, так и обществом в целом — как союз, заключенный на всю жизнь.

Далее, женщина, получив экономическую самостоятельность, имеет возможность при желании расторгать брак, в то время как в прошлом она обычно полностью материально зависела от супруга и не решалась на развод.

Характерно, что в наши дни мужчины редко выступают инициаторами развода: в 80% случаев о нем ходатайствует жена или оба супруга¹³.

Число разводов составляет сейчас 2,13 на тысячу человек — показатель, близкий к среднему для скандинавских стран: в Швеции он равен 2,7‰, в Норвегии — 1,51, в Дании — 2,64‰¹⁴. Надо заметить, что значительная часть людей, расторгнувших брак, вступает в новый, так что, несмотря на многочисленные разводы, ощутимого снижения числа семей не происходит. Наибольшее число разводов приходится на супругов в возрасте до 30 лет, и они типичны для лиц, рано вступивших в брак (до 20 лет). Однако это не означает особой кратковременности таких браков — разводы происходят, как правило, после 4—6 лет совместной жизни. Напротив, разводы, следующие быстро — в течение года после заключения брака, — характерны для лиц, поздно вступивших в брак¹⁵.

То обстоятельство, что ранние браки распадаются после 4—6 лет совместной жизни, означает в большинстве случаев развод людей, уже обзаведшихся детьми. Если в 1950-х годах $\frac{2}{3}$ всех разводов происходили в семьях с детьми, то сейчас — $\frac{3}{4}$ их приходится на детные семьи. Свыше 10 тысяч детей в год переживают трагедию развода родителей¹⁶. Все исследователи отмечают, насколько тяжело сказываются разводы на психике детей.

Несколько слов следует сказать о юридически неоформленных браках, называемых в Финляндии «открытыми союзами» (*avoliitto*), которые начали распространяться в 1970-е годы. Это вызвало тогда бурные дискуссии. Социологами был проведен ряд обследований, чтобы установить реальную степень распространенности этой формы брака, причины, побуждающие людей предпочесть ее, и выяснить, насколько устойчивы эти союзы.

Статистика показала, что нет оснований считать «открытый союз» явлением, «угрожающим» привычным нормам гражданского и церковного брака в Финляндии. В неоформленный брак вступает преимущественно молодежь 16—24-летнего возраста. Судя по проведенным обследованиям, в этой возрастной группе от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ лиц состоит в открытом браке¹⁷. Наблюдается даже тенденция к росту этих показателей. Так, в г. Тампере при записи на оглашение брака в церкви общий адрес проживания уже до брака назвало в 1971 г. 29, а в 1975 г. — 58% венчающихся¹⁸. Часть «открытых союзов» впоследствии юридически оформля-

¹² Соответственно 2,71 и 1,14‰. (Цит. по: *Suominen L. Op. cit.*, s. 14).

¹³ *Suominen L. Op. cit.*, s. 17 (см. также: *Väestötillasto. Tilastotiedus*, 1973, № 17; 1976, № 4).

¹⁴ Цит. по: *Suominen L. Op. cit.*, s. 13.

¹⁵ *Niemi I., Suominen L. Op. cit.*, s. 14; см. также: *Piepponen P. Ikä ja avoliitto. — Väestöpoliittisen tutkimuslaitoksen julkaisuja*. Sarja B. Helsinki, 1968, № 13.

¹⁶ *Suominen L. Op. cit.*, s. 18—19; *Marin M., Stoltte-Heiskanen V. Op. cit.*, s. 10.

¹⁷ *Suominen L. Op. cit.*, s. 9; *Aromaa K., Cantell I., Jaakola R. Parisuhde yhä useammin virallisesti vahvistamaton. — Sosiaalinen Aikakauskirja* 1979, № 1; *Idem. Avoliitto. — In: Oikeuspoliittinen tutkimuslaitoksen julkaisuja*, 41, Helsinki, 1981.

¹⁸ *Suominen L., Op. cit.*, s. 9—10.

ется. В официальном браке вступаает примерно половина (по некоторым подсчетам 47%) пар, около трети продолжает жить в «открытом браке», остальные пары распадаются¹⁹. Среди людей старшего возраста число «открытых союзов» очень невелико — по разным данным оно составило от 0,7 до 2% всех супружеских пар²⁰.

Исследователи считают, что «открытый союз» можно рассматривать как попытку молодых людей проверить правильность выбора, прежде чем оформлять брак юридически²¹.

Моральная сторона вопроса, волновавшая общественность в начале 1970-х годов, отошла на задний план после того, как в 1975 г. государство официально признало «открытый союз», а люди, состоящие в нем, получили право, как и другие семьи, на некоторые государственные льготы (обеспечение жилой площадью, охрана прав детей и др.). Они были также обложены теми же ставками налога, что и супруги, состоящие в оформленных браках. Последнее лишило «открытый союз» те экономические преимуществ, которые давало раздельное налогообложение супругов и которые, вероятно, способствовали иногда нежеланию оформлять брак.

Наиболее острой проблемой в современной финской семье является вопрос о числе детей. В настоящее время семья, как правило, двухпоколенная и отличается крайне малым размером — ее средняя величина 2,7 человек.

Процесс сокращения числа детей идет все время, о чем беспристрастно свидетельствуют статистические данные: в семьях с детьми в среднем было в 1950 г. 2,24 ребенка, в 1977 г. — 1,75, а в 1980 г. — всего 1,68. В семьях, где имеются оба родителя, число детей обычно не превышает двух: более чем в 40% этих семей один ребенок, в 34% — два. Только 15,5% полных семей имеют трех детей и 10,4% — более трех²². Таким образом, как не без горечи сформулировал один из исследователей: «наши дети живут в среде, где все меньше и меньше детей»²³.

Еще полвека назад этой проблемы не существовало. Семьи были, как правило, многодетны, и у супружеских пар, проживших совместно 20–25 лет, было по 4—5 детей (средняя цифра на 1920 г. — 4,7)²⁴. Правда, определенные тенденции к сокращению числа детей отмечены этнографами уже для начала XX в. и именно в семьях профессиональных городских рабочих, в частности при изучении Порт-Артура — рабочей окраины г. Турку. В 1920 г. в этой части города жило до 6 тыс. человек, в основном профессиональных рабочих. Среди них насчитывалось большое число одиночек: между 1900 и 1920 гг. их было от 38 до 54% всех хозяйств. В тот же период семьи, имевшие 1—2 детей, составляли от 17 до 24%, многодетные — от 12 до 16% и матери-одиночки с детьми — от 5 до 10%²⁵.

Для рабочих поселков в сельской местности, напротив, многодетная семья в начале XX в. была, очевидно, еще типична. Например, в небольшом поселке Йокийонен, где работали лесопилка, гвоздильная и крахмало-паточная фабрики, рабочая семья состояла обычно из супружеской пары с 4—5 детьми, причем число рождений было еще выше, но высока была и детская смертность²⁶.

К сожалению, в этнографических исследованиях по современности сведений о семье немного, и проследить на конкретных примерах процесс сокращения финской семьи с учетом социальных различий пока невозможно. Однако, вполне очевидны те перемены, которые произошли

¹⁹ Ibid., s. 11.

²⁰ Aromaa K., Cantell I., Jaakola R. Avoliitto; Suominen L. Op. cit., s. 9—10.

²¹ Suominen L. Op. cit., s. 9; Marin M., Stolte-Heiskanen V. Op. cit., s. 8.

²² Suominen L. Op. cit., s. 31; Finland in Figures, 1983, p. 9.

²³ Marin M., Stolte-Heiskanen V. Op. cit., s. 9.

²⁴ Suominen L. Op. cit., s. 23.

²⁵ Eénilä J. Port Arthur. Turun Kaupungin Historiallinen Museo. Turku, 1971, s. 166—168.

²⁶ Yliaho T. Tehtaalainen lounaisessa Hämessä. Jokioisten naulatehtaan työntekijän muotokuva, n. 1900—1940. Helsinki, 1984.

по последним десятилетиям, с тех пор, когда у финнов господствовала крестьянская семья с традиционными нормами взаимоотношений и бытового уклада и когда сама многодетность семьи была нормой. К тому же крестьянское хозяйство было производительной единицей, в которой основную роль играл ручной труд, и была нужна каждая пара рук, в том числе слабые руки детей и стариков.

В ребенке видели помощника, и работать он начинал рано. Проблем трудового воспитания в том виде, как они понимаются теперь, крестьянская семья не знала. Для ребенка очевидна была трудовая деятельность взрослых, поскольку он наблюдал ее постоянно, ясны были и конечные результаты крестьянского труда. Поэтому включение ребенка в общий труд шло естественным образом. При этом ребенок рос на глазах родителей, да и все сельское общество с его жесткими патриархальными нормами было в определенной мере ответственно за каждого своего члена, в том числе и за детей.

В настоящее время все старые нормы семейной жизни практически ушли в прошлое. Основная масса финнов живет в городах, производственная деятельность членов городской семьи лежит вне ее рамок, и в домашнем быту семья — это потребляющая единица, хозяйственная ее деятельность ограничивается рамками домашнего хозяйства. Возможность приобретать товары общественного производства и пользоваться предприятиями бытовых услуг, а также механизация многих домашних работ заметно сократили сферу домашнего труда.

В семье изменились роли ее членов, формы труда и воспитания детей, которое протекает теперь в значительной мере в общественной среде благодаря обязательному школьному обучению и постепенному развитию системы дошкольных учреждений. Тем не менее, роль семьи достаточно велика и в обеспечении здорового морального климата для ее членов, и в воспитании детей, и в продолжении рода. В определении числа детей в семье и времени их рождения современные родители имеют возможность действовать в значительной мере сознательно и целенаправленно. Ограничение числа детей может производиться не только с помощью широко распространенных контрацептивных средств разного рода — в 1970 г. в Финляндии был разрешен аборт.

В последние десятилетия был проведен ряд исследований, рассматривавших вопросы проектирования числа детей, установки супругов о наиболее подходящих годах брака для обзаведения первым, вторым, последним ребенком и т. д.²⁷ Результаты этих исследований свидетельствуют о сильном расхождении мнений в зависимости от социальной принадлежности опрошиваемых, их возраста, пола, а также времени опроса. Так, по данным 1950-х годов, в сельской местности было еще немало сторонников многодетной семьи — треть опрошенных высказалась за 4 и более детей. В городе в то время большинство хотело иметь 2 детей, только лица из хорошо обеспеченных и более образованных слоев называли также желательными 4 детей²⁸.

В небольшом городке Рийстина среднее число желаемых детей было 2,9 (1967 г.); в Тампере — крупном промышленном центре — оно составило по ответам женщин 2,2, мужчин — 2,3 детей (1970 г.)²⁹. По широко и детально проведенным исследованиям М. Ритамие и Э. Висури в 1970-е годы среднее желаемое число детей было 2,8, т. е. почти на одного ребенка больше, чем по реальным данным³⁰.

Наряду с тем что от желаемого числа детей люди бывают вынуждены отказываться в силу жизненных обстоятельств, немаловажным является и то, что срок, в течение которого семья обзаводится детьми, теперь значительно сократился. В прошлом последнего ребенка женщина рожала уже после 40 лет, теперь же она рождает его до 35 лет. Таким образом,

²⁷ См. прежде всего работы М. Ритамие и Э. Висури (1975) и О. Рийхинена, А. Пулкийнена, М. Ритамие (1980), указанные в примеч. 3 настоящей статьи.

²⁸ *Ritamies M., Visuri E. Op. cit.*, s. 9.

²⁹ *Ibidem*.

³⁰ *Ibid.*, s. 39, tabl. 14.

при сравнительно высоком брачном возрасте (у женщин 22—23 года) обзаведение детьми происходит в течение довольно короткого периода. Поэтому при рассмотрении проблемы числа детей внимание должно быть обращено в первую очередь на молодые семьи.

Молодожены, как правило, переживают много трудностей, связанных именно с началом самостоятельной жизни. Как молодые работники должны завоевать определенное положение в сфере труда, немало у них и материальных трудностей — часто нужно еще выплачивать долги, взятый на получение образования, обычно стоит проблема обеспечения семьи квартирой, мебелью и прочими вещами домашнего обихода.

В 1970-х годах в Тампере был проведен интересный опрос молодых людей (до 30 лет) непосредственно при вступлении в брак и через год после этого³¹. Отвечая на вопрос о том, что руководит каждым из них при вступлении в брак, чаще всего называли следующие мотивы: желание иметь спутника жизни; решить сексуальную проблему; обрести душевное жизненное равновесие; наладить свое хозяйство; отделиться от родителей.

При повторном опросе через год все молодые пары оценили свой брак как счастливый. Возлагаемые на него надежды оправдались в большинстве случаев у тех, кто стремился начать самостоятельную жизнь или вступил в брак для решения сексуальной проблемы. При этом все отметили большее, чем ожидали, потерю личной свободы.

При первом опросе 96% молодых людей хотели иметь детей, большинство — двух. Через год часть супружеских пар уже обзавелась ребенком. Все эти семьи испытывали трудности: мужчины говорили об ухудшении материального положения, женщины — о сложности подыскать подходящую работу. Стремление женщины найти работу при наличии грудного ребенка, кстати, также свидетельствует о материальных трудностях.

Не следует забывать, что с конца 1970-х годов к общим социальным и экономическим проблемам в Финляндии прибавилась безработица, хотя и не столь сильная, как в ряде других капиталистических стран. По данным 1977 г. среди безработных преобладают лица 20—24 лет, почти у половины безработных есть дети. Ясно, что возможность оказаться без работы служит серьезным препятствием для вступления в брак и обзаведения потомством³².

Благополучие семьи и семейное счастье не связаны прямо с материальным благосостоянием, но последнее во многом определяет образ жизни, и, без сомнения, экономические трудности нередко ведут к решению ограничить число детей.

Для уточнения взаимосвязи числа детей в семье и ее экономического положения финскими демографами и социологами был проделан ряд специальных работ. Они использовали данные официальной статистики за 1971 г. по 9 тыс. и 1976 г. по 8 тыс. семей. Кроме того, в 1976 г. был проведен опрос 5 тыс. семей, при этом в 3,5 тыс. из них велась повседневная запись всех расходов в течение месяца. Программа исследований в 1971 и 1976 гг. была однотипна³³.

Исследуемые семьи (точнее «хозяйства», так как учитывались и одиночки) были разделены на пять равных групп (по 20% обследуемых) соответственно возрастающим размерам дохода на душу.

При таком подразделении в низшую по доходу группу попали семьи, в которых в среднем было около 4 человек, в том числе 1,52 детей. В высшей по доходам группе оказались одиночки и небольшие семьи (средний размер — ниже 2 человек, детей 0,13)³⁴, несмотря на то, что в этой

³¹ Tolkki-Nikkonen M. Avioliiton ensimmäinen vuosi.— Acta Universitatis Tamperensis. Sarja A., v. 92, Tampere, 1978.

³² Suominen L. Op. cit., s. 54—57.

³³ Ibid., s. 88, 108.

³⁴ Ibid., s. 90.

группе немало пенсионеров, доходы которых меньше, чем у работающих людей.

Далее обнаружилось, что средний доход на семью с детьми почти одинаков во всех детных семьях, следовательно, чем больше было в семье детей, тем ниже был доход на душу. В тех семьях, где имелся лишь один из родителей, доход на душу, естественно, оказался еще ниже, чем в «полной семье» с тем же числом детей.

Средние показатели официальной статистики не отражают различий в доходах людей различной социальной принадлежности и вуалируют трудности положения низкооплачиваемых слоев. Исследования социологов свидетельствуют о том, что в наиболее тяжелом положении оказываются семьи с детьми, где есть только один из родителей. Это видно и по средним показателям. Но при проведенных обследованиях было установлено, что именно среди этих семей много таких, которые содержит женщина из плохо оплачиваемых слоев трудящихся: низших служащих (34,8%) и неквалифицированных работниц (12,4%)³⁵. Если же в семье есть дети дошкольного возраста, наряду с материальными нуждами остро стоит вопрос обеспечения присмотра за ними в течение дня. Социологи считают, что по отношению к таким семьям государство не проявляет должного внимания³⁶.

Данные официальной статистики не предоставляют возможности для анализа бюджета семей с учетом их социального положения, но по материалам социологических обследований выявляются некоторые особенности бюджета в семьях с разным подушным доходом.

Расходы семьи были разделены исследователями на несколько статей, причем в число обязательных были внесены расходы на жилище, питание и одежду.

Квартира в Финляндии дорога и поглощает почти четверть бюджета: средний расход на оплату жилой площади достигает 17,3%, освещения и отопления — 4,8, т. е. в целом на квартиру уходит 22,1% бюджета. Практически расход на жилье в семьях с разным достатком весьма различен, и квартиры различаются по размерам и качеству. Характерно, что эта статья расходов, составляющая у низшей по доходу группы 14,8% бюджета, увеличивается в высшей до 20,2% (без платы за свет и отопление). В денежном выражении, учитывая, что доход (по данным 1976 г.) в низшей группе составляет 8,2 тыс. марок, а в высшей — 19,0 тыс. в год на душу, разница в затратах на жилую площадь еще ощутимее³⁷. Такое различие объясняется не просто большими размерами и благоустроенностью квартир у состоятельных людей. Они выбирают также квартиру в дорогих, престижных кварталах города; кроме того, купленные квартиры нередко служат и капиталовложением. Низкооплачиваемые слои трудящихся стремятся, напротив, по возможности сократить расходы на жилище, выбирая небольшие, менее благоустроенные или расположенные в предместьях квартиры.

Следует отметить, что обследования новых микрорайонов (lähiö) Хельсинки, расположенных в 20—25 км от центра, показали, что у их жителей возникают особые, в том числе психологические проблемы, связанные с изолированностью от остального города. Во всяком случае, у многих обитателей этих микрорайонов отношение к ним неблагоприятное. Один из опрашиваемых молодых рабочих высказался таким образом: «Что это по-моему? Это резервация для рабочих... Ну что же это еще, если не резервация для рабочих?»³⁸

В целом положение с жильем в Финляндии за последние два-три десятилетия заметно улучшилось, в первую очередь благодаря строительству новых домов. В 1950 г. в стране насчитывалось около 1 млн. квартир, в 1980 г. — 1,8 млн. при приросте населения за этот период на 19%³⁹.

³⁵ Ibid., s. 45.

³⁶ Niemi I., Suominen L. Op. cit., s. 84.

³⁷ Suominen L. Op. cit., s. 110, tabl. 1.

³⁸ Kortteinen M. Lähiö. Helsinki, 1982, s. 56.

³⁹ Finland in Figures 1983, p. 12; Suominen L. Op. cit., s. 129.

Статистика дает также довольно высокие показатели размера площади на душу населения, но финские специалисты считают, что о жилищных условиях правильнее судить по соотношению числа помещений и проживающих в них лиц. Нормой они признают соотношение один человек — одно помещение (учитывая как жилые комнаты, так и кухню). Следует оговорить, что для Финляндии характерны однокомнатные квартиры с кухней, в которых в жилой комнате есть электрическая или газовая плита с вытяжкой. Нормой (один человек на помещение) в 1975 г. были обеспечены почти все одиночки и семьи из 2 человек. Но среди семей с большим числом членов обеспеченность ниже: норма имеется лишь у 54% семей из 5 человек, у 20% — из 6 и у 10% — из 7 и более человек. Кроме того, ниже нормы обеспечены молодые семьи. В семьях с младшим ребенком дошкольного возраста норму имеют 54% семей. Положение ниже нормы также у 34% семей, где младшие дети достигли школьного возраста (7—15 лет), и у 23% семей со взрослыми детьми (младший — 16 лет) ⁴¹.

При недостаточном числе помещений страдают в первую очередь именно дети. Причем это происходит иногда и при наличии нормы, в частности из-за того, что в качестве спальни используется для всей семьи лишь одна комната, и дети поэтому ложатся спать не ранее взрослых. Дети часто не имеют постоянного места для приготовления уроков, игр, лишены возможности что-нибудь мастерить, пригласить к себе товарищей. Теснота сказывается, конечно, на жизни всей семьи. Так, при обследовании молодых семей только треть из числа живущих в неудовлетворительных условиях считала, что теснота не мешает свободному времяпрепровождению ⁴².

Молодые семьи с маленькими детьми стремятся жить в квартире с горячим водоснабжением и центральным отоплением, что, разумеется, отражается на ее стоимости. Обеспечение удобствами квартир в Финляндии в настоящее время сравнительно высокое (водопровод имеется в 83% квартир, центральное отопление — в 74, канализация в 75, ванны — в 61%), хотя и ниже, чем в других скандинавских странах. Стремление молодых семей улучшить свои жилищные условия ведет, как показали обследования, к частой смене квартир в первые годы брака. При этом возникает побочное негативное явление: специалисты по детской психологии отмечают, что на детей дошкольного возраста перемены квартир — домашней и окружающей обстановки — действуют плохо.

Вторая графа обязательных расходов — питание. По имеющимся данным, картина на первый взгляд представляется довольно благополучной: в 1976 г. расходы на питание составляли в низшей по обеспеченности группе 31,3, а в высшей — 17,6% бюджета ⁴³. В денежном выражении, учитывая разницу в размерах дохода на душу, это почти одна и та же сумма. Настораживает другое обстоятельство: при росте числа детей в семье расходы на питание растут весьма незначительно. Даже в «благополучных» семьях, т. е. относящихся к группе со средними доходами, супружеская пара тратит на еду 22, а семья с тремя детьми — 22,4% дохода ⁴⁵.

Детальное обследование, проведенное социологами в 1966 г., показало, что расход на питание остается в семье практически на одном уровне вне зависимости от числа детей. Это означает, что в семье с 4 детьми на питание каждого из них тратится в два раза меньше, чем в семье с одним ребенком ⁴⁶.

⁴⁰ *Suominen L.* Op. cit., s. 135.

⁴¹ *Ibid.*, s. 137.

⁴² *Ibid.*, s. 138.

⁴³ *Ibidem.*

⁴⁴ *Ibid.*, s. 110, tabl. 1.

⁴⁵ *Niemi I., Suominen L.* Op. cit., s. 76.

⁴⁶ *Suominen L.* Op. cit., s. 77; *Välimäki T.* Tulojen ja lasten lukumäärän vaikutus perheen ravintomenoihin. Helsinki, 1972.

Средние цифры, естественно, скрывают гораздо более трудное положение многодетных семей, относящихся при этом к низкооплачиваемым слоям жителей. Наиболее трудным оно оказывается в семьях неквалифицированных рабочих. В большинстве случаев жена в такой семье не имеет профессионального образования, поэтому из-за незначительности заработка при наличии нескольких детей переходит на положение домохозяйки, что в свою очередь сокращает бюджет семьи. Недостаток средств на питание отражается прежде всего на качестве продуктов и их ассортименте.

Согласно проведенным обследованиям, состоятельные семьи меньше потребляют зерновых, сахара, жиров, молока и яиц, но больше мяса, фруктов и дорогих сортов овощей. В низшей по доходу группе, напротив, семья вынуждена отказываться от мяса и довольствоваться дешевыми сортами рыбы. В ее рационе преобладают каши и картофель, молоко (но не дорогие сорта молочных продуктов), отсутствуют фрукты и дорогие сорта овощей⁴⁷. Иногда ограниченность средств ведет и к прямому недоеданию.

Разумеется, официальная статистика не отражает всей сложности картины распределения доходов в семьях, так как дает лишь средние показатели. Когда же исследователями тот или иной вопрос рассматривался специально, сразу выступали те особенности, которые связаны с социальным положением семьи. Так, например, по средним данным во всех пяти различающихся по доходам группах расход на одежду и обувь составляет почти равную долю бюджета. Однако даже внутри одной группы можно обнаружить существенные различия в этих затратах в зависимости от социального положения семьи. В частности, семьи с высоким социальным статусом должны тратить на одежду больше денег, чем даже семьи с более высокими доходами, но стоящие на низкой социальной ступени⁴⁸.

Служащие с низким доходом покупают также ряд предметов домашнего обихода и вещей, связанных с отдыхом и свободным времяпрепровождением, которых не приобретают семьи более низкого социального статуса. У первых чаще имеются пылесосы, тостеры, домашние весы, проигрыватели, фото- и кинокамеры, автомашины. Зато у низших социальных слоев особенно престижным оказывается телевизор⁴⁹.

Следует упомянуть еще об одной статье, которую финские исследователи относят к числу расходов «по свободному выбору» и которая не очень удачно, на наш взгляд, объединяет учебу, отдых и культурные развлечения. В группе с низким доходом она составляет 6,8, а с высоким — 8,1%. При сопоставлении этих цифр с размерами дохода на душу обнаруживается, что в низшей группе соответствующая денежная сумма в три раза меньше, чем в высшей⁵⁰.

Для семей с низким доходом эти 6,8% нередко означают невозможность продолжать образование, повышать свою профессиональную подготовку, а также отказ от полноценного отдыха. Особенно это существенно для городских семей с детьми, так как последние нередко остаются летом в «каменных пустынях» города.

Итак, в многодетных семьях, относящихся по средним данным к группе с низшим доходом на душу, нехватка средств отражается на всех сторонах быта: неудовлетворительных жилищных условиях, необходимости экономить на питании, что особенно ощутимо при наличии детей, невозможности обеспечить детей летним отдыхом и т. д. Материальные трудности, несомненно, ведут к сознательному ограничению числа детей. Необходимость поддерживать материальное благополучие семьи в значительной мере объясняет рост занятости замужних женщин в общественном труде. Число работающих замужних женщин в Финляндии постоянно растет. В 1960 г. работало еще менее половины замужних

⁴⁷ Niemi I., Suominen L. Op. cit., s. 64.

⁴⁸ Ibid., s. 67.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Suominen L. Op. cit., s. 110. tabl. 1.

женщин — 45%, в 1970 г. — 53, в 1972 г. — 63, в 1977 г. — 64%⁵¹. Среди капиталистических стран Финляндия по числу работающих замужних женщин стоит на первом месте. Правда, в Швеции и Дании также больше половины состоящих в браке женщин работают (соответственно 51 и 54% на 1970 г.), но в Норвегии их всего 31% (1972 г.), в ФРГ — 31 (1970 г.) и в Канаде — 34% (1970 г.)⁵².

По статистике в Финляндии на положении домашних хозяек остаются женщины преимущественно в многодетных семьях (37% имеет 3 детей, 44% — больше)⁵³. Не работают чаще всего те женщины, у которых есть дети младшего возраста (55%), но при этом часть из них (30%) считает себя лишь временно не работающими, пока не подрастут дети⁵⁴. Их пребывание дома практически вынужденное, поскольку маленький ребенок требует постоянного надзора.

Детских учреждений в Финляндии недостаточно, хотя наряду с государственными или созданными при предприятиях дошкольными учреждениями в последнее время широко распространяются частные группы для присмотра за детьми (на день или полдня). Их часто организуют женщины, сами имеющие детей и не работающие, существуют также различные прогулочные группы и т. п. Но все же потребности в яслях и детских садах удовлетворяются лишь наполовину.

В тех случаях, когда женщина работает, сочетание общественного и домашнего труда ведет к ее перегрузке. При проводившихся опросах на это жаловались все работающие женщины. Кроме того, всех их беспокоила проблема воспитания детей⁵⁵. Женщины отмечали, что дети, воспитываемые матерью и воспитательницей по-разному, становятся нервными. Ими высказывалось мнение, что дети более привязаны к воспитательницам, чем к матерям; последние не могут уделять им должного времени из-за его нехватки и усталости. Действительно, вопрос о нагрузке, падающей на плечи работающей замужней женщины, особенно если она имеет детей, весьма серьезен.

В семьях, где есть один-два ребенка школьного возраста, женщина после работы ежедневно тратит на домашние дела еще 5 ч. В семьях с двумя детьми младшего возраста домашний труд занимает у работающей матери 8,6 ч в день, с тремя — 10 ч⁵⁶. Таким образом, в течение 5—6 лет женщина имеет рабочий день продолжительностью более 16 ч. Естественно, что многим женщинам обзаведение вторым и тем более третьим ребенком оказывается не под силу.

Нельзя сказать, что финские мужчины вообще не занимаются домашними делами. Обследования, проводившиеся с опросом обоих супругов (и детей) и ведением дневников, в которых фиксировалось в течение недели, кто в семье выполняет какие работы и сколько затрачивает на это времени, показали, что мужчины участвуют в уходе за детьми, занимаются различным ремонтом по дому, даже готовят еду (в среднем не более получаса в день). Но в целом в семье с детьми мужчина тратит на домашнюю работу 1,9 ч в сутки, причем больше участвуют в домашних делах мужчины в возрасте от 25 до 34 лет (по 2,2 ч в день)⁵⁷.

При обследовании выяснилось, что лучше всего дело обстоит в молодых семьях с одним ребенком, где домашние работы распределяются между супругами равномерно и не вызывают конфликтов, напротив, отмечается товарищеская атмосфера⁵⁸.

⁵¹ Niemi I., Suominen L. Op. cit., s. 29; Suominen L. Op. cit., s. 47.

⁵² Ibidem.

⁵³ Suominen L. Op. cit., s. 51.

⁵⁴ Sääntti R., Väliäho H. Lapsiperheiden palkaton kotityö: ajankäyttö ja arvo. Helsinki, 1982, s. 10.

⁵⁵ Saloma S. Ansiotyö ja perheenemäntä.— Kotitalouskeskuksen tiedoituksia. Helsinki, 1956, № 6.

⁵⁶ Sääntti R., Väliäho H. Miesten, naisten ja lasten työpannos palkattomassa kotityössä. Helsinki, 1982, s. 103.

⁵⁷ Sääntti R., Väliäho H. Lapsiperheiden palkaton kotityö..., s. 14—18.

⁵⁸ Haavio-Mannila E. Kodinhoitotehtävien jakautuminen perheessä. Sosiologia, 1980, № 3, s. 188.

Итак, несмотря на трудности обеспечить детей младшего возраста дневным присмотром — яслями и детскими садами — все большая часть матерей стремится работать, чтобы повысить доходы семьи. Это в свою очередь создает препятствия к увеличению числа детей в семье из-за перегрузки женщины.

Подводя итоги, нельзя не признать, что в Финляндии изучение современной семьи ведется целенаправленно. Исследователи четко выявили те факторы, которые ведут к низкой рождаемости и вследствие этого к неблагоприятной демографической ситуации. Убедительно показана ими сложность положения молодых семей, их слабая материальная обеспеченность, а также перегрузка занятых в сфере общественного труда женщин, которые физически не в состоянии справиться одновременно с работой по дому и воспитанием нескольких детей.

Успех исследований несомненно в большой мере обеспечивался тем, что многие вопросы изучались комплексно, при участии демографов, социологов, статистиков, медиков и специалистов по детской психологии.

Разумеется, исследования не охватывают всех сторон семейного быта. Очень важно было бы провести изучение семей по различным социальным прослойкам городского и сельского населения (о целесообразности этого свидетельствуют уже те небольшие наблюдения, которые имеются сегодня).

Можно с уверенностью сказать, что большую пользу в анализе финской семьи могли бы принести этнографы, использовав накопленные социологами материалы по современной финской семье.

Вскрытые финскими исследователями факторы, отрицательно сказывающиеся на развитии семьи, не так легко ликвидировать. Многие из них обусловлены социально-экономическими характеристиками капиталистического государства; кое-что могло бы быть достигнуто, по мнению финских специалистов, путем соответствующих изменений в законодательстве (в частности в налогообложении). Однако существенно уже и то, что эти «больные вопросы» изучены и стали достоянием общественности. Характерно, что работы И. Ниemi и Л. Суоминен, как и работа М. Корттейнена, были немедленно распроданы.

Следует отметить также, что финские социологи публикуют большое число рассчитанных на широкого читателя статей о современной семье, ее бюджете, воспитании детей, распределении домашних работ между супругами и т. д. в таких популярных журналах, как «Мы, женщины», «Домашний иллюстрированный журнал», «Ева», «Анна» и др. В этих журналах часто появляются различные интервью и результаты опросов (например, как молодожены справляются с проблемой обзаведения мебелью, утварью и прочими необходимыми в хозяйстве вещами, как организовать общий отдых семьи, проводить досуг), обсуждаются проблемы участия отцов в воспитании детей, самодетельные формы организации надзора за маленькими детьми и т. д. Несомненную пользу приносит и «Семейная консультация», работающая при «Союзе обеспечения семьи и народа»; она не только ведет прием населения специалистами, но и издает небольшие бесплатные брошюры, содержащие советы по семейному бюджету, воспитанию детей разных возрастов, нормам поведения старшего поколения в семье и т. д. Вся эта деятельность очень важна, и кое-что из ее опыта можно было бы позаимствовать и нам.

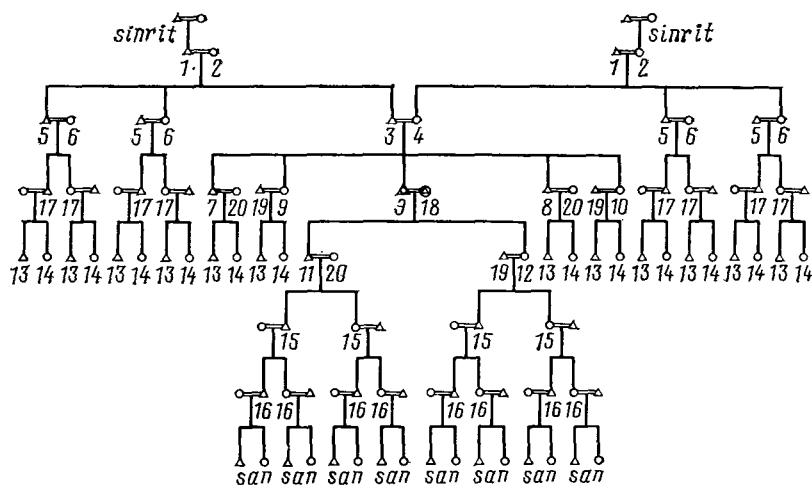
А. Б. Спевиковский

АЙНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА

Айны — один из древнейших народов Дальнего Востока. В настоящее время они живут на севере Японского архипелага на о. Хоккайдо, в основном в юго-восточной (округа Ибури, Хидака, Токати, Кусиро) и се-

веро-восточной (округ Абасири) его частях. В прошлом этническая территория айнов была гораздо больше. До рубежа н. э., когда древние японцы, проникнув на острова, начали вытеснять предков айнов на север, последние занимали территорию всей Японии. Еще в конце XV и даже в начале XVIII в. они обитали на севере о. Хонсю. Айны жили также на юге Камчатки и на Курильских островах (до XVIII—XIX вв. в низовьях Амура и южной части о. Сахалина (в первой половине XX в.

Численность айнов в настоящее время определить крайне трудно, так как они не выделяются в общепонских переписях в качестве отдельного этноса. В связи с этим в литературе даются приблизительные данные. По японским оценкам, айнов насчитывается 16 тыс., причем чистокровные айны, без японской примеси, являющейся следствием смешанных браков и аккультурационных процессов, составляют лишь около 1% их

Структура системы терминов родства у айнов

общего числа¹. Однако, несмотря на малочисленность айнов, к ним вот уже более 100 лет приковано внимание ученых всего мира. С полным основанием можно констатировать, что айнам в научной литературе уделено значительно больше места, чем многим другим народам Восточной Азии. Это объясняется прежде всего своеобразием айнской культуры, многие черты которой характеризуются как южные, а также резким различием антропологического типа айнов и окружающих их этнических общностей. Все это обусловило появление множества публикаций, особенно антропологических, основная цель которых заключалась в решении проблемы этногенеза и освещении этапов этнической истории айнов.

Несмотря на огромное число работ, посвященных археологии, антропологии, лингвистике, этнографии (преимущественно материальной и духовной культуре) айнов, некоторые стороны их традиционной социальной организации изучены недостаточно. Это относится, в частности, к айнской системе терминов родства (СТР), являющейся ценным источником не только при рассмотрении традиций в сфере семейно-брачных отношений, реконструкции социальной истории и общественных институтов айнов, но и при этногенетических изысканиях.

В отечественной литературе СТР айнов не служила предметом специального исследования, однако сбор ее терминов был начат еще в XVIII в., в основном авторами словарей языков народов северо-восточ-

¹ См.: Аину миндзокуси (Этнографическое описание айнов).— В кн.: Аину бунка ходзон тайсаку кёгикай (Совещание по сохранению культуры айнов). Т. I. Токио, 1969, с. 6. В справочнике С. И. Брука указана иная численность айнов — не более 20 тыс. (Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 543, 868).

ных районов Сибири и Дальнего Востока. Одними из первых зафиксировали в своих словарях термины СТР айнов Ф. И. Страленберг, работавший в Сибири вместе с Д. Г. Мессершмидтом², и С. П. Крашенинников, бывший участником Великой северной экспедиции (1733—1743 гг.), проводившейся Академией наук. С. П. Крашенинников включил в свое сочинение «Описание земли Камчатки» так называемый «Курильско-латинский словарь», содержащий термины родства камчатских и курильских айнов³. Ряд терминов СТР айнов Курильских островов, большей частью заимствованных у С. П. Крашенинникова, был внесен несколькими десятилетиями спустя в капитальный словарь П. С. Палласа⁴. В начале XIX в. 27 терминов родства айнов Сахалина отметил в «Словаре наречий народов, обитающих на южной оконечности полуострова Сахалина» Г. Давыдов, который участвовал в кругосветном путешествии И. Ф. Крузенштерна на шлюпах «Надежда» и «Нева»⁵. К началу XIX в. относятся также словарные данные по СТР айнов, зафиксированные японскими авторами. Наибольшую известность получила публикация Уэхара Кумадзиро и Абэ Тёдабура, в которой было собрано около 4 тыс. слов айнского языка, в том числе свыше 60 терминов СТР айнов Хоккайдо⁶. Словарь Г. Лангсдорфа, составлявшийся приблизительно в это же время, содержал 20 терминов айнской родственной терминологии, преимущественно айнов Курильских островов, Камчатки и Сахалина⁷. Более 30 терминов камчатских, сахалинских и хоккайдоских айнов было отражено в сравнительно-лингвистической работе Ю. Клапрота, обобщившего собранные им самим и другими исследователями материалы⁸. Данные по айнской СТР содержатся также в «Атласе» А. Бальби (около 10 терминов)⁹, работе А. Пфизмайера (свыше 50 терминов и их вариантов СТР айнов Сахалина и Хоккайдо), использовавшего материалы японских лингвистов, Г. Давыдова и Ф. Лаперуза¹⁰, и в публикациях некоторых других исследователей.

Наиболее полный список терминов айнской родственной системы в отечественной литературе представлен в айнско-русском словаре военного врача М. М. Добротворского, опубликованном уже после смерти автора его братом¹¹. В этом словаре приведены не только собранные М. М. Добротворским во время пребывания на Сахалине материалы, но и словарные данные всех названных выше, а также ряда других исследователей языка айнского населения всего Дальневосточного региона. Подобная сопоставительная работа имеет особое значение при сравнении СТР локальных групп айнов и выявлении их особенностей.

Из изданий последующего времени следует отметить работы Б. Дыбовского¹² и Тории Рюдзо¹³, посвященные языку курильских айнов, и один из наиболее полных, выдержавший уже несколько изданий словарь Дж. Бечелора, английского миссионера, большого знатока культуры,

² *Strahlenberg F. J. Der Nord- und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.*

³ *Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. I—II. СПб., 1755—1756; Krasheninnikov S. P. Vocabularium latino-curilice-chuhachtscha-kamtschatzice-ukinice. 1738.— Архив АН СССР, разр. 1, оп. 13, № 10, лл. 209—214.*

⁴ *Сравнительные словари всех языков и наречий. Т. I—II. СПб., 1787—1789.*

⁵ *См. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева» Крузенштерна. СПб., 1812.*

⁶ *Уэхара Кумадзиро, Абэ Тёдабура. Эдзо хогэн мосиогуса (Словарь диалектов Эдзо). 1804.*

⁷ *Langsdorff G. H. Bemerkungen aus einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807. Frankfurt am Main, 1812.*

⁸ *Klaproth J. Asia polyglotta. P., 1823.*

⁹ *Balbi A. Atlas ethnographique du globe, ou classification des peuples anciens et modernes d'après leurs langues. P., 1826.*

¹⁰ *Pfizmaier A. Vocabularium der Aino-Sprache.— In: Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. B. 5, Wien, 1854.*

¹¹ *Добротворский М. М. Айнско-русский словарь. Казань, 1875.*

¹² *Dybowski B. Słownik narzecza Ainów, zamieszkujących wyspę Szumszu w łańcuch Kurylskim przy Kamczatce.— In: Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Filologiczny. Serya II, t. I. Krakow, 1892.*

¹³ *Тория Рюдзо. Тисима айну (Айны Курильских островов). Токио, 1903.*

быта и языка айнов, среди которых он прожил свыше 60-ти лет¹⁴. С. Батчелор Дж. Бэчелора дает самый подробный список терминов родства айнов Хоккайдо. В нем собрано более 100 терминов и их диалектные варианты, многие из которых представлены в издании как в референтивной (называние третьего лица), так и в вокативной (обращение к певому лицу) формах. Достаточно отметить, что для обозначения «отца» в словаре приведено 13 терминов, «младшей сестры» — 12, «матери» — 9 и т. д. Однако в словаре английского исследователя, к сожалению, не указано, в какой области острова и у какой именно локальной группы айнов были собраны те или иные термины родства.

Из работ послевоенного времени необходимо прежде всего выделить публикацию японского лингвиста, айна по происхождению, Тири Масихо, содержащую как ряд общих положений и сведений, касающихся айнской СТР, так и терминологию всех основных групп айнов Хоккайдо и Сахалина¹⁵, диалектальный словарь Хаттори Сиро¹⁶, исследования по языку северокурильских айнов Мураяма Ситиро, который обобщил и сопоставил в своей книге данные по СТР айнов С. П. Крашенинников, Б. Дыбовского, Тории Рюдзо, Ю. Клапрота и др.¹⁷, монографию Мурасаки Кёко с ее словарем к фольклорным текстам сахалинских айнов¹⁸ и некоторые другие работы. И наконец, совсем недавно в первом том серийного издания по изучению культуры айнов (авторы Ватанабэ Хитоси и др.) опубликована запись номенклатуры родства айнского населения района Асахигава о. Хоккайдо¹⁹.

Особую группу источников по айнской СТР составляют фольклорные тексты, в которых изложение отличается значительной детализацией. Последняя распространяется и на родственную терминологию, передаваемую обычно в вокативной (нередко архаичной) форме. К числу такого рода источников в первую очередь следует отнести книгу известного востоковеда Н. А. Невского, изданную на русском языке²⁰, уже упоминавшуюся работу японской исследовательницы Мурасаки Кёко, а также вышедшие в последние годы публикации «Ассоциации по сохранению духовного наследия айнов»²¹ и др.

К третьей группе сведений об айнской СТР относятся материалы исследования, специально посвященные родственной терминологии отдельных локальных групп айнов. В частности, термины СТР айнов бассейна р. Сару округа Хидака на о. Хоккайдо послужили предметом изучения как японских, так и американских специалистов. В 50-е — начале 60-х годов, например, были опубликованы работы японских этнологов К. Сугиура и Х. Бэфу²², а в 1977 г. появилась основанная на полевых исследованиях конца 60-х годов публикация Ф. Пена и П. Гейзера, в которой наряду со многими сторонами традиционной жизни айнов рассматривались также система родства и брачные отношения у айнов бассейна р. Сару²³.

Суммируя данные по СТР айнов разных районов Дальнего Востока, можно отметить, что родственная терминология, собранная почти на всей

¹⁴ *Batchelor J. An Ainu-English-Japanese Dictionary. Tokyo, 1926.*

¹⁵ *Тири Масихо. Бунруй айнуго дзитэн (Классификационный словарь айнского языка). Т. 3. Нингэн хэн (Человек). Токио, 1954.*

¹⁶ *Хаттори Сиро. Айнуго хогэн дзитэн (Фонетический словарь диалектов айнского языка). Токио, 1964.*

¹⁷ *Мураяма Ситиро. Кита Тисима айнуго (Язык северокурильских айнов). Токио, 1971.*

¹⁸ *Мурасаки Кёко. Карафутто айнуго (Язык сахалинских айнов). Токио, 1976.*

¹⁹ *Ватанабэ Хитоси, Нисимото Тоёхиро, Осима Минору, Кариказ Хидэо. Айну миндзоку бунка дзай тэса хохокусё (Доклады об изучении народных обычаев и культуры айнов). Айну миндзоку тэса (Асахигава) (Изучение народных обычаев айнов) (Асахигава). Т. 1. Саппоро, 1982, с. 56—57.*

²⁰ *Невский Н. А. Айнский фольклор. М.: Наука, 1972.*

²¹ *Когосий-но моногатари (Божественные рассказы). — Айну мукэй миндзоку бунка дзай кироку (Доклады по айнскому фольклору). Т. 1. Саппоро, 1981; Эйю-но моногатари (Героические рассказы). — Там же, т. II. Саппоро, 1982.*

²² *Сугиура К. Сару айну-но синдзоку сосики (Родственная организация айнов бассейна реки Сару). — Миндзокугаку кэнкю, 1951, т. 16, № 3—4; *Befu H., Sugiura K. Kinship Organization of the Saru Ainu. — Ethnology, 1962, v. 1, № 3.**

²³ *Peng F. C. C., Geiser P. The Ainu: The Past in the Present. Hiroshima, 1977.*

режней и нынешней территории их обитания, за исключением, может быть, области нижнего течения Амура, отражает специфику присущих им диалектов и говоров²⁴.

В табл. 1 приведены термины родства, зафиксированные у разных групп айнов. При сравнении этих терминов обнаруживаются лишь незначительные расхождения, обусловленные, очевидно, диалектными различиями. Однако, как показывает табл. 1, СТР не всех групп айнов обладают исчерпывающей информацией. Относительно наибольшим объемом сведений (данные словарей и особенно материалы Ф. Пена) отличается СТР одной из самых крупных групп айнов бассейна р. Сару, что позволяет на ее примере перейти к рассмотрению особенностей айнской терминологии родства (см. табл. 2).

Морфологический анализ СТР айнов указанной группы дает возможность выделить три категории терминов, что характерно для большинства систем: 1) элементарные (*opa* — Рм, *upu* — Рж, *asa* — ДмРР и др.), 2) составные (*sanmitro* — ДДД) и 3) описательные (*matnero* — Дж, состоящий из двух компонентов: *mat* — лицо женского пола, *ro* — ребенок и глагола-связки *ne*).

Термины *opa* и *upu* в айнской СТР употребляются только в референтивной форме. В то же время большинство других терминов имеют как референтивную, так и форму обращения. Терминами обращения для Рм и Рж являются слова *iyaro* — («папа, папочка») и *haro* («мамочка»), для ДмРР, ДмРЭ, ДжРЭ и ДмРЭ соответственно *asaro*, *gyro*, *saro* и *akro*. Здесь, как и при обозначении Дм и Дж, применяется элемент *ro*, который в данном случае используется в качестве уменьшительного суффикса.

Очень часто при обращении к родственникам айнами применяется притяжательный префикс *ki-* — «я» («мой» — перед именами существительными). Употреблением этого префикса в разговорной речи, очевидно, были вызваны ошибки С. П. Крашенинникова, Г. Лангсдорфа и других ученых, записавших некоторые термины не в референтивной, а в вокативной форме (см. табл. 1).

Интерес представляет термин *mici*, зафиксированный у айнов Хоккайдо, Курильских островов и Камчатки и имеющий в записях С. П. Крашенинникова, Г. Лангсдорфа, Ю. Клапрота и других исследователей значение «отец». Для хоккайдоских айнов Тири Масихо отметил особое функциональное значение этого термина — «покойный отец»²⁵. Последнее, возможно, связано с табуированием имени умерших родственников.

Критерий пола в рассматриваемой системе соблюдается довольно четко. Лишь в четырех случаях он игнорируется. В материалах Ф. Пена отсутствуют термины для номинации родственников +3 поколения, отмеченные другими авторами на Хоккайдо (Асахигава) и на Сахалине: *nakta ekasi* (РмРмРм, РмРмРж), *nakta huci* (РжРжРж, РжРжРм), что условно можно перевести как «позади отца отца (матери)» (см. табл. 1). Все предки выше +3 поколения Ф. Пенном отмечены как *sinrit* — «предки», дословно — «корни». По отношению к потомкам ($D \geq 2$), в противоположность *sinrit*, Ф. Пен указывает общий термин *san*²⁶ — «потомок» или «нисходящая линия» (см. схему). Не выделяется пол также при обозначении ДД и ДДД (см. табл. 2, № 15, 16). В других случаях, как уже отмечалось, принадлежность к женскому полу указывает часто элемент *rat* (см. табл. 2, № 10, 12, 14, 18). Мужской пол обозначается словами *upu* или *gyu*, т. е. «человек», «мужчина» (например, *ainu* — См). Такой же принцип выделения лиц мужского и женского пола распростра-

²⁴ Н. А. Невским были выделены три диалекта айнского языка (северо-восточной конечности Хоккайдо, уже почти вымерший; северо-западного побережья, в долине Исикари, приближающийся к сахалинскому говору; юго-восточного побережья, в кругах Хидака и Ибурри, сильно отличающийся от сахалинского) и два говора (сахалинский и равнины Токати, сходные с северо-западным диалектом) (см. *Невский Н. А.* Каз. раб., с. 10). Эти диалекты и говоры в общем соответствуют основным локальным группам айнов.

²⁵ *Тири Масихо.* Указ. раб., с. 493.

²⁶ *Peng F. C. C., Geiser P.* Op. cit., p. 94.

№ п.п.	Денотаты	О. Хоккайдо		О. Сахалин		
		Пен (1977)	Ватанабэ (1982)	Давыдов (1812)**	Добровольский (1875)	Мурас (1976)
1	РМРМРМ; РМРМРЖ	—	makta ekasi	—	—	mahta 'ekasi
2	РЖРЖРЖ; РЖРЖРМ	—	makta huci	—	сүци	mahta 'ahci
3	РМРМ; РМРЖ	ekasi	ekasi	икорочача	геньки, экась	'ekasi
4	РЖРЖ; РЖРМ	huci	huci	фуци	сүци	'ahci
5	РМ	opa, mici, iyapo (об.)	opa, hampe (об.)	ачапу. хамби	она	'onaha
6	РЖ	unu, hapo (об.)	unu, totto (об.)	уну, ну, хабу	уну, нана	'unu
7	ДМРР	аса, асаро (об.)	аса, асаро (об.)	ача	ачабо, ачапо	'aasa
8	ДжРР	unape	unape	фунароби	унáрахпе	'unape
9	ДМРЭ	yupi, yupo (об.)	yupo	юбу	юби, юпи, юпи- ги, гóскирам	yuhpo
10	ДМРЭ	aki	aki	аки	аки, нóкантрам	'ahkapo
11	ДжРЭ	saha, sapo (об.)	sapo	шяа	са	mahsaaha
12	ДжРЭ	mataki	mataki, fures (об.)	туриш	турес	mahfuresi
13	Дм	po	póho	поо	по, огкаю по	po
14	Дж	matnepo	matnepo	маценебу	махпо	mahpooho
15	ДмДР	karku	karku	ача	караку	—
16	ДжДР	matkarku	mat karku	карогу	—	—
17	ДД	mitro	mippo	карогу	ми́ци, о́хкаю ми- ци, махми́ци	mi'h
18	ДДД	sanmitpo	sanmippo	—	—	—
19	ДмДмРР; ДжДмРР; ДмДжРР; ДжДжРР	irwaki	—	—	'ийриваки (коро), уйриваки (коро), мацириваки (ко- ро)	—
20	См	poku	hoku	хогу	хо́ка	hoku
21	Сж	maci	maci	ма́ци, ма́чи	мах, ма́ци, ма́чи	mah
22	СмДж	kokowe	kafne kur	—	кохнеку́, кокò	—
23	СжДм	kosmaci	kosmaci	кош-мац	ко́сьма	kosmah

* Таблица составлена на основе систематизации терминологии, почерпнутой из вышеперечисленных работ. Термины даются без изменения транскрипции, принятой в работах разных авторов (термины в русской транскрипции приведены по М. М. Добровольскому). В большинстве случаев терминология записана в референтивной форме; в ряде примеров некоторые родственные термины представлены в форме обращения (об.) и с притяжательными префиксами. Для записи отношений

няется и на айнские имена. Тории Рюдзо приводит в своей работе несколько примеров, иллюстрирующих данное положение:

женские имена
Tobasotai-mat
Yabi-mat
Saonke-mat

мужские имена
Kamoire-guru
Oribito-ainu
Nimoroshit-ainu и т. д.²⁷

²⁷ Torii R. Etudes Archéologiques et Ethnologiques. Les Ainou des Iles Kouriles.— Journal of the College of Science Imperial University of Tokyo. Tokyo, 1919, v. XLII, Art. 1, p. 21.

родства айнов*

Курильские острова			П-ов Камчатка		
Крашенинников (1738)	Дыбовский (1892)	Тории (1903)	Крашенинников (1755)	Лангсдорф (1812)	Клапрот (1823)
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	—	eka'shi	—	—	кеусут
mitschi (miči)	miči, mīci	michi	мичи	мичи	метке
аару < hápo,	nonno, аару < < hápo	nonno	'аару	'аару	группайну < < ку-рупнэ- айну
—	ačipo	achabo, keu- keu	—	—	группичи- мат < ку- рупнэ-чимат
—	unapi < unarpi, metki	unabe, met'ke	—	—	ача
kiupi < ku-yupi	ubu < hupo	habo	киүпи < ку- юпи	—	унарне
kaki < ku-aki	akipu	akipo	какй < ку-акй	—	—
ksa < ku-sà, saha	kiyani аару < < habo	—	кса < ку-са	—	—
uarmāt < ?uara- mat	materpiy	ake'bo	уармат	—	—
kpúhu < ku-pó- ho	poo, yuturuf, poo	—	кпүгу < ку- по-хо	кпүгу < ку- по-хо	окайено, бом- по
kpommatſchi < < ku-pon-mači	pomat < pon- mat, yuturuf po- mat	—	кпоммачй < ку-пон-мачи	кпоммачй < ку-пон-мачи	матне бомпо
—	karku	—	—	—	—
—	matkarku < < mat-karku	—	—	—	—
—	kumuči < ku- miči	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
kokaiō < ku- okayo	hoku (oxokunup < o-hoku-nu-p)	kokkai < ku- okkay	какаиō < ку- окаиō	какаиō < ку- окаиō	мамат когур
kmachi < ku- mači	mat (mat konre- si < mat-kor-re- či)	machi	кмачи < ку- мачи	кмачи < ку- мачи	гамачи ку- мачи
—	kuku < koko	—	—	—	—
—	kosmat	—	—	—	—

родства здесь и далее используется система буквенных индексов, предложенная Ю. И. Левиным (см. *Левин Ю. И.* Об описании системы терминов родства.— Сов. этнография, 1970, № 4); Р — родитель, Д — дитя, Э — это, С — свойственник, м и ж — детерминанты пола. Старшинство обозначается чертой над соответствующим символом, «младшинство» чертой под символом.

* Терминология Г. Давыдова приведена по работе М. М. Добротворского.

Особо следует выделить в СТР айнов критерий пола говорящего. В соответствии с этим критерием См и Сж будут иметь разные термины (см. табл. 2, № 18). Подобное правило распространяется на ДжРЭ. В случае, когда Эж, младший женский сиблинг обозначается термином *mataki*, а если Эм — то *matapa*²⁸. По мнению Ф. Пена, этот же принцип номинации можно применить к младшему мужскому сиблингу (*aki*).

²⁸ Peng F. C. C., Geiser P. Op. cit., p. 90.

Терминология родства айнов района р. Сару

№ п. п.	Термин	Денотат
1	ekasi	РмРм, РмРж
2	huci	РжРж, РжРм
3	ona	Рм
4	upu	Рж
5	asa	ДмРР, Рм
6	unape	ДжРР
7	yupi	ДмРЭ
8	aki	ДмРЭ
9	saha	ДжРЭ
10	mataki (matapa)	ДжРЭж (ДжРЭм)
11	po	Дм
12	matnepo	Дж
13	karku	ДмДР, ДмДДмРР, ДмДДжРР
14	matkarku	ДжДР, ДжДДмРР, ДжДДжРР
15	mitpo	ДД
16	sanmitpo	ДДД
17	irwaki	ДмДмРР, ДжДмРР, ДмДжРР, ДжДжРР
18	hoku	См
	maci	Сж
19	kokowe	СмДж, СмДжР
20	kosmaci	СжДм, СжДмР

В качестве параллельного термину *aki* (ДмРЭ) должен рассматриваться реконструированный Ф. Пенном термин *apa*²⁹.

Далее, можно отметить, что отсутствие различий между патрилатеральными и матриллатеральными родственниками +2 поколения указывает на игнорирование для этого поколения критерия бифуркативности. То же характерно и для родственников +1 поколения.

Показатель возраста в айнской родственной терминологии передается словами *kiyanne* — «старший» и *roniŋne*, *po* — «младший». Суффикс *po* используется также для обозначения потомка, в частности если поколение рассматриваемого лица младше, чем поколение эго. В поколении эго или предшествующем ему суффикс *po* означает соответственно родственника, являющегося потомком восходящего по отношению к поколению эго³⁰. Кроме того, для разграничения по возрасту старших и младших сиблингов отца (матери) айнами применяются словосочетания *rogo asa*, *ron asa* и *rogo unape*, *ron unape*, что можно перевести как «большой дядя» и «маленький дядя» и соответственно «большая тетя» и «маленькая тетя»³¹. Таким образом, налицо явление, при котором терминологически разграничиваются категории родства, в частности сиблингов +1 поколения, по их относительному возрасту, прежде, очевидно, объединявшиеся одним наименованием. Аналогичные примеры отмечались исследователями во многих системах родства³².

Особого внимания заслуживает факт распространения термина *asa* (ДмРР)³³ также на родителя эго (Рм). Кроме Хоккайдо эта особенность была зафиксирована у сахалинских айнов³⁴. Обозначение Рм и ДмРР одним термином в данном случае может рассматриваться как пережиток, свойственный системам турано-ганованского типа. Для систем этого типа характерно четкое разграничение родственников по отцовской и ма-

²⁹ Ibid., p. 90—91.

³⁰ Ibid., p. 92.

³¹ Хаттори Сиро. Указ. раб., с. 43; Peng F. C. C., Geiser P. Op. cit., p. 94—96.

³² См.: Курилов Г. Н. О терминах родства и свойства тундренных юкагиров. — Сов. этнография, 1969, № 2, с. 93; Крюков М. В. Система родства китайцев. М.: Наука, 1972, с. 217, 218; Попов В. А. Ашантийцы в XIX в. М.: Наука, 1982, с. 100, и др.

³³ У Дж. Бэчелора этот термин записан как *acha* (Batchelor J. Op. cit., p. 6).

³⁴ См. Мураками Кёко. Указ. раб., с. 115.

теринской линией, что соответственно отражается в терминологии, где это в одном поколении называл одним термином не только своего отца, но и всех мужских сиблингов отца. Возможно, Рж ранее также объединялся, как и Рм и ДмРР, в одну категорию с ДжРР. Прямых указаний, однако, на это нет.

В качестве другой характерной особенности СТР айнов выступает терминологическое объединение предков и потомков (РР с ДД). Дж. Бэчелор приводил в качестве синонима для слова *mitro* (см. табл. 2, № 15) термин *shutpo*, происходящий от *shut* — «предок», «мать отца (матери)» и т. д.³⁵ *Shut* употребляется и в качестве составного элемента в терминах *ekashishut* (РмРм), *keushut* (ДмРР, «мужской предок» и др.). Аналогичное положение отмечено также у сахалинских и других групп айнов. Мурасаки Кёко по этому поводу замечала, что у айнов Сахалина термин *mih* (ДД) употребляется по отношению и к внукам, и к старым мужчинам и женщинам³⁶. Слияние альтернативных поколений (+2 и —2) эгоцентрической схемы в обществах, подобных айновскому, широко распространено, причем не только на Дальнем Востоке, но и в других регионах земного шара. Здесь можно указать, например, на взаимные термины, применяемые для обозначения родственников +2 и —2 поколений в ряде СТР этносов Сибири, в частности у коряков и чукчей. У разных локальных групп коряков, например у чавчувецов (оленных коряков), считается, что предок (отец отца эго) через определенное время возрождается в потомке; именно поэтому внуку эго дается имя деда эго.

Двоюродные братья и сестры в СТР айнов р. Сару обозначаются общим термином *irwaki*, он же используется и для сиблингов эго. Дж. Бэчелор переводит этот термин (в его словаре *iriwak*) как «кровное родство», «братья», а производный от него *iriwak-ne-guru* — «братья», «сестры», «родственники»³⁷. Сходное значение *irwaki* имеет и у других групп айнов. По аналогии с уже упоминавшимися *aki/apa* и *mataki/matara* Ф. Пен приводит к своей работе параллельный *irwaki* термин *irwara*, который употреблялся, по его словам, ранее для обозначения всех кузенов противоположного эго пола³⁸. В то же время *irwaki* сейчас относится только к кузенам одного с эго пола³⁹. *Irwaki* не «соблюдает» критерия полярности, т. е. не требует, как отмечал Д. Мёрдок, разных терминов для двух родственников, родство которых является объектом исследования⁴⁰. *Irwaki* также не требует отдельных терминов с привлечением форм *mat* для обозначения лиц женского пола. Сыновья и дочери *irwaki* обозначаются терминами, применяющимися к ДмДР и ДжДР.

Касаясь подсистемы свойства, можно отметить, что в айнской СТР она не отличается таким разнообразием терминов. В СТР айнов р. Сару, если не считать См и Сж, имеется всего лишь два термина для обозначения свойственников нисходящих поколений (см. схему и табл. 2, № 19, 20). Эти термины распространяются на родственников —1 и 0 поколений (в случае, если эго другого пола)⁴¹.

Система не имеет специальных терминов для родителей супругов. Выделение этой категории родственников в случае упоминания или обращения к ним производится с помощью описательных словосочетаний типа *tacihî onaha* (*uniuhu*) — «отец (мать) некоей жены», *hokuhi onaha* (*uniuhu*) — «отец (мать) некоего мужа» или сочетания айнских терминов с заимствованным из японского языка словом «сюто» (*siwto iyapo* — РмСм, *siwto hapo* — РжСм или, у Дж. Бэчелора, *shiuto michi* — РмСм; РмСж и т. д.)⁴².

³⁵ Batchelor J. Op. cit., p. 284, 457.

³⁶ Мурасаки Кёко. Указ. раб., с. 173.

³⁷ Batchelor J. Op. cit., p. 192.

³⁸ Peng F. C. C., Geiser P. Op. cit., p. 96—97.

³⁹ Ibid., p. 97.

⁴⁰ Murdock G. P. Social Structure. N. Y., 1949, p. 104.

⁴¹ Peng F. C. C., Geiser P. Op. cit., p. 98—99.

⁴² Ibid., p. 99; Batchelor J. Op. cit., p. 451.

Таким образом, основным принципом, на котором базируется типология СТР айнов, является разграничение прямой и боковых линий родства. Это позволяет характеризовать айнскую СТР как систему линейного типа. Терминологическое разграничение прямых и боковых линий также фиксирует родственников по полу и ряд других особенностей сближают СТР айнов и СТР некоторых народов Сибири. В частности СТР линейного типа широко распространена среди палеоазиатских народов северо-востока Сибири, социальная структура которых характеризовалась отсутствием родовой организации⁴³.

Следует особо отметить большое значение СТР айнов как этногенетического источника. М. В. Крюков, характеризуя в одной из своих давних работ родственную терминологию как материал для решения проблем этногенеза, отмечал, что если принципы группировки родственников изменяются по мере изменения обуславливающих их социальных факторов, то сами термины родства подвергаются трансформации ма. Поэтому родственная терминология различных систем может свидетельствовать о родстве этнических групп, причем общность происхождения генетическая близость этих групп проявляются прежде всего в совпадении лексической формы основных терминов родства⁴⁴. Действительно, в многих случаях термины родства относятся к древнейшему слою лексического фонда каждого языка (основного словарного фонда), и сравнение родственной терминологии этнических групп, при учете использования данных смежных наук и специфики исторического развития конкретного этноса, несомненно может способствовать этногенетическим исследованиям. В данном случае имеющийся материал позволяет сопоставить ряд терминов СТР айнов и СТР этносов, язык которых относится к алтайской языковой семье. Сопоставление терминологии тунгусо-маньчжурских, тюркских и монгольских народов, с одной стороны, и айнов — с другой (см. табл. 3) дает намного больший процент соответствий, чем сопоставление родственных терминов айнов и обитающих южнее этнических общностей. Так, число терминов СТР айнов, совпадающих по фонетике и значению с алтайскими, составляет примерно 1/3 часть выделенного выше основного списка терминов родства айнов. Родственными же термины австронезийских языков, сопоставимые с айнскими, исчисляются единицами (в основном термины звукоподражательного характера) или вообще отсутствуют. В первую очередь обращают на себя внимание айнско-тунгусо-маньчжурские параллели. Близость или тождественность по значению, а также сходство в звучании такого количества терминов айнских (особенно айнов Хоккайдо, Курильских островов и Камчатки) и тунгусо-маньчжурских (в частности, северных тунгусов-эвенов и эвенков) не могут быть объяснены поздними историческими контактами. Северотунгусские группы Восточной Сибири не имели контактов с айнами в историческое время, то же можно сказать о монголах и тюрках. При таком совпадении (особенно показателен пример с айнским термином *a-sa* — «моя [старшая] сестра», употребляемом с притяжательным префиксом, и тунгусо-маньчжурским термином *asi* < *asä* — «женщина»), логично, по мнению А. А. Бурькина, говорить о тунгусо-маньчжурских терминах родства как о древнейших заимствованиях из айнского в пратунгусо-маньчжурский язык, но не наоборот или, — что труднее доказуемо, — о древнейших родственных связях айнского языка с алтайскими⁴⁵.

Интерес представляют также соответствия айнских терминов терминам, распространенным в корейском языке (который отдельные исследователи относят к алтайской языковой семье) и ряде диалектов китайского языка. Корейский термин *aǰǎ* — ДмРР и др. Г. И. Рамсте

⁴³ Chlenov M. Geography of Kinship System of the Peoples of Siberia and the Soviet Far East. — In: Soviet Studies in Ethnography. Problems of the Contemporary World № 72. М., 1978, p. 168.

⁴⁴ Крюков М. В. Полинезийские системы родства как этногенетический источник. В кн.: Австралия и Океания. История, экономика, этнография. М.: Наука, 1978, с. 121

⁴⁵ Устное сообщение сотрудника Ин-та языкознания АН СССР А. А. Бурькина

№ п.п.	СТР айнов	Алтайские термины родства
1	аара (сах.) Рм 'ааса (сах.), аса (хокк.) Рм, ДмРР 'асаро (сах.) ДмРР асаро, асiро (хокк.) Рм, ДмРР, старый человек	акā, акi, аги (эвенк.) $\overline{\text{ДмРЭ}}$, $\overline{\text{ДмРР}}$ и т. д. ақа, ака (эвен.) и т. д. $\overline{\text{ДмРЭ}}$, $\overline{\text{ДмРР}}$ (в большин- стве говоров), Рм — в быстринском говоре ахи (солонск.) $\overline{\text{ДмРЭ}}$ ага, аха, ахи (негид.) $\overline{\text{ДмРЭ}}$, $\overline{\text{ДмРР}}$ и т. д. ака, āки (ороч.) и т. д. $\overline{\text{ДмРЭ}}$, $\overline{\text{ДмРР}}$ агу (маньчж.) $\overline{\text{ДмРЭ}}$ 'ā-hûp-wēp (чжурчженьск.) $\overline{\text{ДмРЭ}}$ аха (бурятск.) $\overline{\text{ДмРЭ}}$ ақа (древнетюркск.) $\overline{\text{ДмРЭ}}$
2	'ипи (сах.), ипи (хокк.) Рж 'ипиhi (сах.), ипиhi (хокк.) Рж 'ипагаге (сах.), ипагаге (хокк.) ДжРР ипипие (хокк.) Рж, РжСм, РжСж	уңэкэ (эвенк.) ДжРР, старшая по возрасту женщина
3	або (хокк.) Рж или Рм (в зависи- мости от говора), в широком смысле «роди- тель»	авага (эвенк.) ДмРР абага (эвен.) РмРм (в ряде говоров), $\overline{\text{ДмРР}}$ (в охотском говоре), ДжРСж (в быстринском говоре) абā (солонск.) Рм абууузиуа (удэгейск.) Рм, родители аба (бурятск.) Рм абай, абайхан (бурятск.) Рм (уменьшит.) ав (монгольск.) Рм авгай (монгольск.) и т. д. ДмРР абга (бурятск.) ДмРР абгай (бурятск.) и т. д. ДжРЭ, Сж $\overline{\text{ДмРЭ}}$ абађа (якутск.) $\overline{\text{ДмРР}}$, ДмРмРРм
4	а-са, а-сађа (хокк.) ** $\overline{\text{ДжРЭ}}$	асi (общетунгусск.) женщина аша (маньчж.) Сж $\overline{\text{ДмРЭ}}$ аса (орочск.) Сж, женщина асātкāн (эвенк.) и т. д. Дж (с притяж. афф.), девушка асатқан (эвен.) и т. д. девушка, девочка
5	aki, akihi (хскк.) $\overline{\text{ДмРЭ}}$ 'ahkapо (сах.) $\overline{\text{ДмРЭ}}$	аканiн, акуил (эвен.) $\overline{\text{ДмРЭ}}$, $\overline{\text{ДмРЭ}}$ и т. д. ахичил (негид.) и т. д. » акиначи (негид.) и т. д. » ақтiнiђа (ульч.) и т. д. »

* В таблице использована родственная терминология айнов Сахалина и Хоккайдо. Термины сахалинского диалекта айнского языка даны по Мурасаки Кёко (Указ. раб.), терминология СТР айнов Хоккайдо — по словарю Дж. Бэчелора (*Batchelor J. Op. cit.*) и работе Ф. Пена и П. Гейзера (*Peng F. C. C., Geisler P. Op. cit.*), тайские термины родства — по «Сравнительному словарю тунгусо-маньчжурских языков». Т. 1—II. Л.: Наука, 1975—1977.

** Термины заимствованы из фольклорных текстов, собранных Н. А. Невским (см. *Невский Н. А. Указ. жб.*, с. 74, 76, 80).

соотносил с айским *аша* — ДмРР, Рм и несколькими его синонимами: термины *абани*, *абачжи*, *аби*, *абом*, *абэ* — Рм и др.⁴⁷ могут быть поставлены с термином айской родственной системы *abo*. *Abo* находит соответствия и в диалектах китайского языка. Этот термин, означая как уже отмечалось, Рм или Рж (в зависимости от говоров айского языка), а в широком смысле — «родитель», сходен, например, с китайским *аба* — Рм; *абу* — Рж; *апо* — Рж, РжРм и т. д.⁴⁸

Таким образом, приведенные сопоставления выявляют достаточно четко прослеживаемую связь терминов родства айского населения жителей континентальных регионов востока и северо-востока Азии. Вполне возможно, что дальнейшее комплексное изучение айской родственной терминологии с привлечением данных этнографии, антропологии и археологии позволит по-новому осветить айскую проблему.

⁴⁶ Ramstedt G. J. Paralipomena of Korean Etymologies/Coll. and ed. by Song Kho. — Mémoires de la Société Finno-ougrienne. Helsinki, 1982, № 182, p. 22.

⁴⁷ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. I. Л.: Наука, 1974.

⁴⁸ См.: Крюков М. В. Система родства китайцев, с. 120, 316; Гуревич И. С., граф И. Т. Хрестоматия по истории китайского языка III—XV вв. М.: Наука, 1974, с. 47, 143.

Т. Э. Даттон

ЯЗЫК ХИРИ-МОТУ В ПАПУА — НОВОЙ ГВИНЕЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Введение

Язык, официально именуемый теперь хири-моту, ранее было принято называть полицейским моту. Это пиджин, который сформировался на базе языка моту, распространенного в радиусе 50 км к западу и востоку от г. Порт-Морсби. Хири-моту выполняет роль языка-посредника в значительной части южных районов нынешней Папуа — Новой Гвинеи, т. е. в той ее части, которая раньше называлась Папуа. Сегодня это один из двух неофициальных национальных языков страны.

До сих пор считалось, что хири-моту возник непосредственно из того же языка-посредника, функционировавшего во время ежегодных торговых экспедиций *хири*, совершавшихся членами племени моту в районе залива Папуа. Последние изыскания автора убеждают, однако, в том, что этот язык скорее всего произошел от специфической разновидности (или разновидностей) языка моту, употреблявшейся членами племени для общения с иностранцами, поселившимися на их территории. Хири-моту — это упрощенная форма языка моту. Со временем она превратилась в язык администрации Британской Новой Гвинеи (так тогда называлась территория Папуа) и ассоциировалась прежде всего с полицейским корпусом; отсюда и ее название — полицейский моту. Происхождению и ранним этапам развития этого языка и посвящена настоящая статья.

Лингвистическая ситуация

Когда в 1874 г. европейцы впервые стали селиться на территории, которая сейчас известна как район Порт-Морсби в Папуа — Новой Гвинее, там жили две совершенно различные и лингвистически неродственные общности: моту и коита. Моту говорили (и говорят) на языке, относящемся к большой семье австронезийских, или малайско-полинезийских

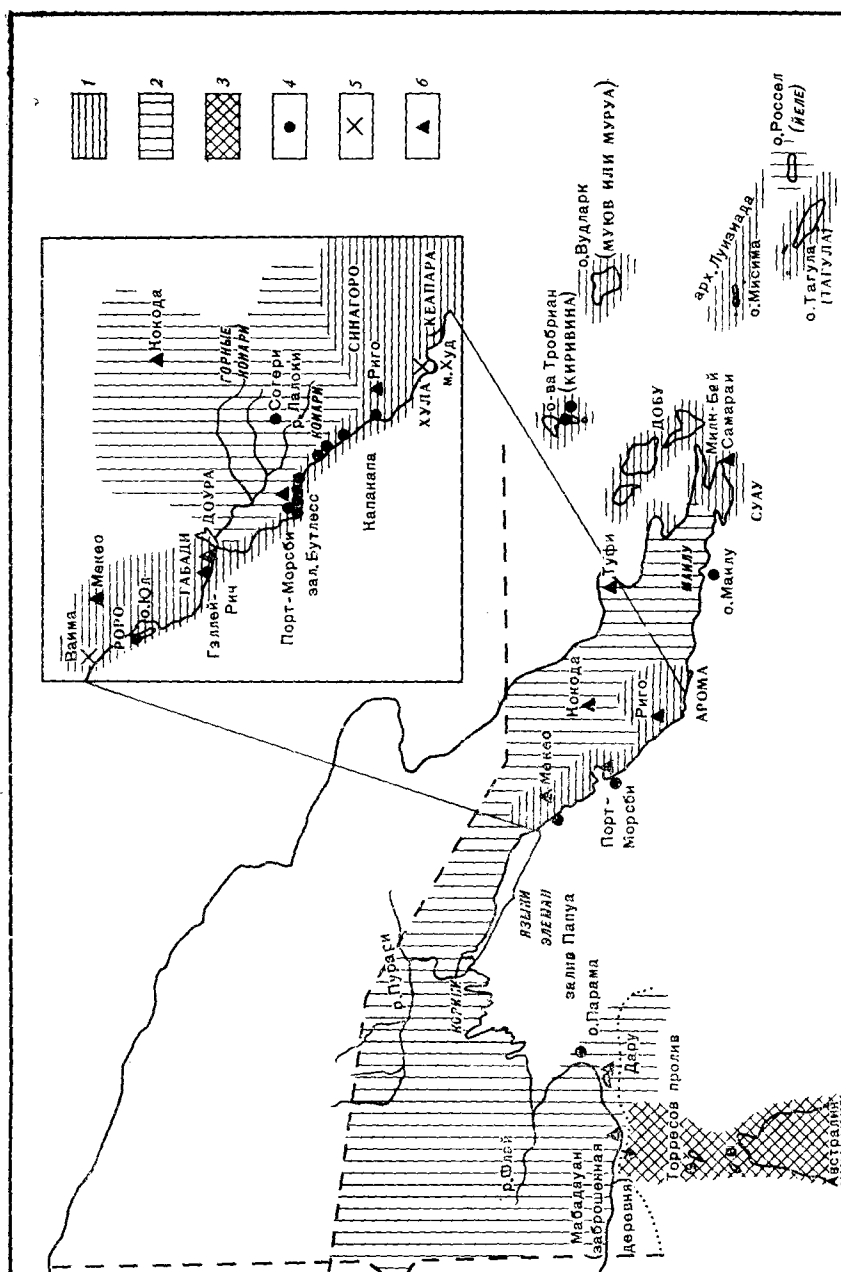
языков, распространенной по всей Индонезии и на островах тихоокеана¹. Конта же говорили, а многие говорят и сейчас, на папуасском языке, не родственном ни языку моту ни какому-либо другому австронезийскому языку. Это один из многих языков, которые с той или иной степенью вероятности могут быть сгруппированы в другие языковые семьи или единицы иного порядка и которые распространены почти повсюду (за исключением небольших австронезийскоязычных анклавов) в части Папуа, расположенной на самом острове Новая Гвинея (см. карту).

Ко времени первого контакта с европейцами моту населяли прибрежные деревни между Капакапа на востоке и Гэллей-Рич на западе и делились на две группы или два племени — западных и восточных моту, обитавших соответственно к западу или к востоку от залива Бутлесс. Более важную роль в развитии и самом возникновении полицейского моту сыграли, конечно, западные моту, так как именно они концентрировались на территории современного Порт-Морсби и его окрестностей, а потому именно они вступили в тесный контакт с первыми европейцами. Еще одна особенность отличала западных моту от их восточных соплеменников: уже к началу контактов с европейцами (и в течение какого-то времени до этого) западные моту были вовлечены в сложную систему торговых связей с родственными и неродственными им по языку группами, обитавшими к востоку и западу от их территории расселения, либо в глубинных районах острова. Ежегодные морские торговые экспедиции в заливе Папуа на расстояние до 300 км, называвшиеся *хири*, были не только самыми впечатляющими в рамках этих торговых связей, но и самыми важными с точки зрения количества и ценности товаров, перевозимых из одного места в другое, числа занятых в них людей, типов судов и пр.² Во время экспедиций моту посещали земли, населенные элама (общее название группы береговых народов, между мысом Поссеша на востоке и устьем р. Пурари на западе, которые говорят на восьми близкородственных языках семьи элама), а также корики, соседями элама на западе, жившими в дельте Пурари. Обе группы говорили на неавстронезийских языках, совершенно отличных от языка моту и весьма отдаленно родственных друг другу, если вообще такое родство можно установить.

Во время этих плаваний, как и ответных визитов торговых партнеров, моту общались с ними при помощи нескольких, по крайней мере двух, различных торговых языков, представлявших пиджинизированные формы неавстронезийских языков торговцев залива Папуа. Один из них — разновидность торгового языка *хири* (ТЯХ) у элама (ТЯХ-Э), основывавшийся главным образом на языках-компонентах субфила элама, и второй — разновидность ТЯХ у корики (ТЯХ-К), опиравшийся только на язык корики. Эти два языка имели много общего, хотя и не были взаимопонимаемы. Приводимые в табл. 1 примеры показывают коренное отличие этих языков от полицейского моту (или *хири*-моту — ХМ), с которым раньше их часто путали, основываясь на действительно существующем реальном типологическом сходстве. В начальный период контактов с европейцами помимо торгово-обменных связей западных моту, обеспечиваемых экспедициями *хири*, устанавливались аналогичные связи и с людьми, жившими непосредственно рядом с моту или сравнительно недалеко от них. Некоторые из этих групп говорили (и говорят) на австронезийских языках, близкородственных моту, другие же — на неавстронезийских языках. Последние, как мы уже отмечали, не сближаются ни с языком моту, ни с каким-либо другим австронезийским языком, а между собой находятся в отношениях весьма дальнего и про-

¹ Dyen I. The Austronesian Languages and Proto-Austronesian.— In: Current Trends in Linguistics/Ed. Sebeok T. A. V. 8. Linguistics in Oceania. The Hague, 1971, p. 5—54.

² Oram N. D. «Pots for Sago»: the *hiri* Trading Network.— In: The *Hiri* in History: Further Aspects of Long Distance Motu Trade in Central Papua/Ed. Dutton T. E. Canberra, 1982, p. 1—33.

Британская Новая Гвинея (Папуа)
1 — ареал австронезийских языков, 2 — ареал неавстронезийских языков, 3 — ареал неавстронезийских языков, 4 — ареал неавстронезийских языков, 5 — прочие деревья, 6 — административные посты, названия

олемаического родства, которое позволяет группировать их в семьи и единицы иного порядка.

Среди групп, вступавших в торговые связи с западными моту, были ближайшие их соседи — неавстронезийские коита (или коитабу, как их называли моту). Они населяли район примерно одинаковой протяженности с землей моту, но дальше от берега, ближе к долине р. Лалоки³. Однако уже к началу контактов с европейцами большинство коита жило в прибрежных деревнях либо образовывало свои кварталы в крупных поселениях моту. Остальные коита обитали на небольшом расстоянии от них на склонах прибрежных холмов, обращенных к морю. Согласно традиции, коита — хозяева земли, охотники и земледельцы (отметим, что в начальный период контактов с европейцами те коита, которые поселились среди моту, занимались подобно им морским промыслом, а моту возделывали землю на огородах, окружавших их деревни). Традиция утверждает также, что в недалеком прошлом коита спустились на побережье из близлежащих внутренних районов острова, и уже после них на этом побережье поселились и моту, которые, как и все австронезийские группы, считаются в Папуа пришельцами. Как бы то ни было, к началу контакта с европейцами коита и моту, обитавшие вокруг Порт-Морсби, были тесно связаны друг с другом в социальном отношении. Их объединяла система двустороннего обмена: коита поставляли моту продукты огородничества, лесных промыслов и дичь, а те получали от них гончарные изделия, рыбу, продукты морских промыслов, браслеты и т. п. Подобный симбиоз был выгоден обеим сторонам и во многом другом, например, в сфере защиты от врагов.

В глубинных районах острова, еще дальше, чем коита, жили близкородственные им по языку коиари и горные коиари. Однако их места обитания не благоприятствовали установлению непосредственного контакта между ними и западными моту. Хотя какая-то торговля между жителями глубинных и береговых районов все же осуществлялась, они практически не владели языком моту.

Кроме коита, моту торговали также с родственными им по языку соседями, обитавшими западнее и восточнее их. Они совершали специальные плавания *гаура* на запад в земли доура и габади (район Гэллей-Рич). Другие торговые экспедиции под названием *даива* отправлялись несколько дальше в том же направлении к роро, жившим на о. Юле и в районе Ваима⁴. И те и другие плавания не отнимали много времени и совершались для приобретения древесины, саго и овощей. На востоке моту установили особые связи с вулаа, обитавшими в Хула и союзных с ней деревнях вокруг мыса Худ-Пойнт, лежащего примерно на расстоянии 100 км от Порт-Морсби. От них моту не только получали столь важные для *хири* и других форм торговли браслеты (вулаа в свою очередь приобретали их у своих торговых партнеров на востоке), но и договаривались с ними о том, что в обмен на часть саго и других товаров, приобретенных во время *хири*, они должны рыбачить в районе Порт-Морсби для снабжения рыбой тех моту, которые не отправились вместе с торговцами-*хири*⁵.

Точно неизвестно, каким языком пользовались моту и их торговые партнеры в близлежащих районах, хотя на основании имеющихся данных можно полагать, что таким языком была упрощенная форма моту (в дальнейшем мы будем называть ее упрощенным моту — УМ). Об этом свидетельствует, в частности, следующий пример. Когда священник У. Дж. Лоуз из Лондонского миссионерского общества, первый европейский миссионер среди моту, поселился в 1874 г. в Порт-Морсби, он начал учить язык моту. Но вскоре его сын Фрэнк, игравший с деревенскими мальчишками и научившийся языку от них, сказал отцу, что тот

³ Dutton T. E. The Peopling of Central Papua: Some Preliminary Observations. Canberra. (Pacific Linguistics, B—9), 1969.

⁴ Oram N. D. Op. cit., p. 8.

⁵ Ibid., p. 19.

ТЯХ-К	ТЯХ-Э
Коа (пу) vareo? Кто (притяж. суф.) лодка.	А, neia enape vevara? Эй, кто притяж. лодка.
На vareo. Моя лодка.	Ага enape vevaga. Я притяж. лодка.
Ni vake (пу) пое коапа? Ты друг (притяж. суф.) имя кто.	Еме enape ратога rare маро па Ты притяж. друг имя есть ки
На vake (пу) пое Еламо. Мой друг (притяж. суф.) имя Эламо.	Ага enape ратога rare маро Ела Я притяж. друг имя есть Эла
Еламо uapekaia? Эламо стоять.	Еламо abuisi? Эламо стоять.
Moi, anepe rei pavaia. Мои приходить пища кушать.	Moi, amusi та siahu amuk Мои приходить вода горячая куша
Енапе ри miai апеа. Идти саго доставать приходить.	Amuagi pai avaiia amusi. Идти саго доставать приходить.

говорит не на «настоящем» моту, а на его упрощенном варианте, и к же употребляет при переводе на моту⁶.

Впоследствии Лоуз сам отметил, что та упрощенная разновидность языка, которой его научили, отличалась «большим количеством разворных оборотов» и «примерами пиджинизированного моту», которыми сами моту считали «грамматически неправильными», хотя и «санкционированными систематическим употреблением»⁷. Более того, моту употребляли УМ «для разговоров с иноплеменниками» и подчеркивали, «никогда не пользуются им между собой». Лоуз не оставил описания этой «речи для общения с иноплеменниками», но мы все же можем составить некоторое представление о ее характере и функционировании, изучая прежде всего самые ранние переводы, сделанные Лоузом на моту и сравнивая их с «настоящим» моту и прочими языковыми фрагментами, сохранившимися от того времени. Результаты такого сравнения моту в свою очередь послужить основанием для интерпретации замечаний Лоуза и других современных ему наблюдателей о самом языке и о том, как ему удавалось контактировать с папуасами района Порт-Морсби и его окрестностей. Суммируя все эти данные, можно утверждать следующее.

1. Как указывает само название «речь для общения с иноплеменниками», УМ не был отдельным от моту языком (в том смысле, что он был понятим носителями моту и не требовал специального изучения енами в качестве второго языка), а представлял разновидность языка моту, использовавшуюся для контактов с иноплеменниками. УМ в основном был близок по структуре к моту и тождествен ему по словарю, но отличался от него более простой (или, скорее, более формализованной) структурой глагольных и именных предложений.

2. Хотя явные указания и отсутствуют, эта разновидность моту, вероятно всего, не была стабильной и варьировала от носителя к носителю в зависимости от времени и обстоятельств. Видимо, различные носители приспособляли свою речь к различным точкам на воображаемой шкале, соединяющей УМ и их родной язык, в зависимости от обстоятельств в частности от того, насколько человек, к которому была обращена речь, был знаком с моту и владел их языком.

3. Происхождение УМ неясно и не может быть датировано на основании имеющихся данных. Вероятнее всего, однако, он развился в пр

⁶ Chatterton P. The Origin and Development of Police Motu.— Kivung, 1970, № p. 96; *Idem*. Opening Remarks by the Chairman.— In: Report: Study Conference on Police Motu, 24—25th May, 1971. Port Moresby, 1971, p. 5.

⁷ Lawes W. G. Grammar and Vocabulary of the Language Spoken by the Motu Trib New Guinea. 3d and enlarged ed. Sydney, 1896, p. 30.

торгового языка хири у элама (ТЯХ-Э) и корики (ТЯХ-К)

ХМ	Значение
Daika ena lagatoi? Кто притяж. лодка.	Чья это лодка?
Lau-egu lagatoi. Я-притяж. лодка.	Это моя лодка.
Oi-etu ramoga be daika? Ты-притяж. друг фокус кто.	Как имя твоего друга (или торгового партнера)?
Lau-egu ramoga be Elamo. Я-притяж. друг фокус Эламо.	Моего друга (или торгового партнера) зовут Эламо.
Elamo ia noho? Эламо он стоять	Эламо здесь?
Moi, oi mai aniani oi ania. Мои ты приходить пищу ты кушать.	Мои, иди поешь!
Oi lao rabia oi mailaia. Ты иди саго ты приносить.	Иди и принеси саго!

цессе контактов между моту и коита, по мере того как два этих племени сближались в рамках упомянутого выше симбиотического объединения. Возможно, на его становление оказали влияние другие пиджинизированные языки, в особенности ТЯХ-К и ТЯХ-Э, которые должны были быть знакомы моту, если, впрочем, они существовали в то время (последнее неизвестно). С определенностью можно утверждать лишь то, что к началу контакта с европейцами моту употребляли УМ как язык общения с иноплеменниками. После этого в течение более чем 20 лет о нем ничего не было известно; затем появился язык, обладающий многими признаками того идиома, который впоследствии стал называться полицейским моту. Хотя опять же лингвистических свидетельств тому нет; на основании других данных допустимо предположить, что оба языка связаны между собой и что полицейский моту является стадией развития УМ (возможно, в модифицированной форме), а не результатом какой-то иной линии языковой эволюции. Аргументация нашего предположения излагается в последующих разделах настоящей статьи.

От упрощенного к полицейскому моту

Когда весть о районе Порт-Морсби достигла британских колоний в Австралии, в заморское путешествие к этой terra incognita отправилась масса людей, словно притянутая каким-то неведомым магнитом. Первыми были миссионеры, за ними двинулись «естествоиспытатели», предприниматели, путешественники, авантюристы, торговцы и прочий люд, затем чиновники. Каждая из этих групп взаимодействовала с моту по-своему, каждая занимала свою позицию и вырабатывала собственные способы решения проблемы коммуникации, заключавшейся в том, что никто из них на момент приезда не владел языком моту.

Как и следовало ожидать, миссионеры принялись осваивать «настоящий» моту и использовать его для общения с коренным населением. Что же касается УМ, то он лишь в самом начале обслуживал некоторые потребности миссий, и этот факт не отразился на нем ни структурно, ни социально. Гораздо более важную роль в развитии УМ сыграли неофициальные «залетные визитеры», зачавшие в эти края вскоре после основания миссии и продолжавшие самочинно осваивать территорию в течение 16 лет, пока губернатору незадолго перед этим провозглашенной колонии Британская Новая Гвинея не удалось поставить их под свой контроль.

Точное число переселенцев такого рода, осевших в Порт-Морсби в течение этих 16 лет, неизвестно, но имеющиеся статистические данные

позволяют предположить, что их было немало. Можно также утверждать, что: 1) число переселенцев резко возросло в 1880-е годы; 2) принадлежали к самым разным народам и расам, среди них зафиксированы китайцы, «малайцы», выходцы с островов Океании, разнообразных метисы, мальтийцы, ланкийцы, один индеец, филиппинцы, франконово-ледонец, немцы, австриец, шведы, грек, американцы и значительное число англоавстралийцев; 3) самые ранние из этих «визитеров», как правило, появлялись в стране на короткое время, никогда не изучали, несколькими яркими исключениями, моту и соответственно не оказали на него почти никакого влияния; 4) наибольшее число переселенцев, оседавших в стране на значительные сроки, принадлежало к «цветным» прибывшим в колонию в 1880-х годах. Хотя они не оставили после себя никаких письменных документов, память о них все же сохранилась в письменных свидетельствах, а также благодаря их потомкам, которые влились в «метисную общину» сегодняшнего Порт-Морсби. Среди них выделяются две категории: «островитяне Южных морей» (т. е. преимущественно меланезийцы Новых Гебрид, ныне Вануату, и островов Луайоте) и «малайцы» (т. е., пользуясь современной терминологией, индонезийцы). Как правило, их точное этническое происхождение неизвестно, известны только крупные регионы, откуда происходили их предки. Предполагается, однако, что путь переселенцев в колонию лежал через острова Торрессова пролива, где множество рабочих сходного расового облика было занято ловлей трепангов и добычей жемчуга; 5) большинство переселенцев «женилось» на папуасках из Порт-Морсби и в той или иной степени владело (или считалось, что оно владело) какой-то разновидностью языка моту.

По всей вероятности, влияние этой категории жителей Порт-Морсби на внедрение и распространение какой-то формы УМ было весьма существенным. Это обусловлено следующими причинами.

Уже сам факт приезда основной массы этих людей в Порт-Морсби, чтобы работать и поселиться в нем, ставил их в ту или иную степень зависимости от языка моту. В результате они оказались в том же положении, что и миссионер из Лондонского миссионерского общества Лоуэ, в первые дни своего пребывания в Порт-Морсби: моту причисляли их к иноплеменникам и соответственно разговаривали с ними как с иноплеменниками. Поскольку сами моту в то время не обучались в миссии английскому, они не владели им и обращались к новым поселенцам на языке, предназначенном для общения с иноплеменниками, т. е. на УМ. Более того, коль скоро миссия обосновалась здесь раньше, а ее сотрудники изучали моту и использовали его в своей деятельности и при общении с коренным населением, «язык моту» ко времени появления переселенцев уже утвердился и был принят в качестве языка-посредника (*lingua franca*).

Так как этническое происхождение всех этих новых поселенцев было весьма пестрым (несмотря на то, что собирательно их называли либо островитянами Южных морей, либо малайцами), у них скорее всего не было общего языка для контактов друг с другом, если только они не могли как-то объясняться на «испорченном» английском (пиджин-инглиш), служившем языком-посредником на островах Торрессова пролива, откуда, как известно или как предполагается, они приехали в Папуа. Следует учесть также и то, что прибывали они все в разное время, селились либо в деревнях моту, либо поблизости от них, поэтому у них редко была возможность говорить «по-английски». Напротив, они должны были оказаться перед необходимостью изучить один из вариантов моту и пользоваться им в качестве языка-посредника. Иными словами, «английский» не обладал ни достаточным числом носителей, ни подходящими социальными условиями, чтобы серьезно конкурировать с моту, во всяком случае, до тех пор, пока не установилась прочная колониальная администрация и не возник город. Но к этому времени было уже слишком поздно поворачивать вспять утвердившуюся за предшествующий период тенденцию языкового развития.

Поскольку по крайней мере некоторые из поселенцев занимались торговлей и с этой целью посещали районы, жители которых говорили на различных языках, но владели в какой-то степени и моту (а английским не владели) еще до начала контакта с европейцами, моту превратился также в естественный язык-посредник между приезжими поселенцами и коренными жителями, не принадлежащими к племени моту. Данное обстоятельство в свою очередь укрепило значение этого языка и увеличило его шансы на выживание.

Короче, весь комплекс социо-лингвистических факторов, действовавших в районе Порт-Морсби в период, предшествовавший установлению контроля со стороны колониальной администрации, предопределил функционирование моту в той или иной его разновидности в качестве общепринятого языка-посредника. Причем здесь произошло не только количественное, но и глубокое качественное изменение, так как функции языка расширились, вернее, изменились: однонаправленные, или вертикальные функции (т. е. от моту к иноплеменникам и наоборот) сменились многонаправленными, или горизонтальными (иноплеменники к иноплеменникам, включая немотуязычных папуасов и наоборот).

К сожалению, отсутствие письменных памятников не позволяет нам установить, какая именно разновидность моту возникла в процессе этих контактов. Однако, во-первых, современные нам потомки этих поселенцев утверждают, что их предки говорили на «пиджин-моту», и, во-вторых, многие из этих поселенцев, как мы узнаем из следующего раздела статьи, начиная с 1884 г. устраивались на службу в колониальной администрации и впоследствии именно среди части населения, находившейся под их контролем, возник полицейский моту. С учетом этого представляется вполне допустимым предположить, что язык-посредник этой общины поселенцев был разновидностью УМ. Последняя, возможно, была похожа на ту, которой обучался Лоуз, хотя и не обязательно идентична ей, даже, вероятнее всего, не идентична, если учесть пестрое происхождение, разнообразное социальное положение и, видимо, далеко не одинаковые языковые способности поселенцев. В любом случае очевидно, что разнородная община поселенцев сыграла ключевую роль (гораздо более значительную, чем представлялось до сих пор) в превращении варианта УМ в основной язык-посредник района Порт-Морсби. Однако и другие важные перемены в социальной ситуации в Порт-Морсби и его окрестностях, вызванные превращением Порт-Морсби в административный центр, оказали влияние на развитие языка. Речь об этом пойдет в следующем разделе.

Раннее распространение полицейского моту: полицейский корпус Мак-Грегора, деревенские констебли и пенитенциарная система

Когда просуществовавший 4 года протекторат Британская Новая Гвинея был в 1888 г. преобразован в колонию под тем же названием, первым губернатором ее был назначен д-р Уильям Мак-Грегор, впоследствии получивший титул сэра. Он прибыл на Новую Гвинею в сентябре 1888 г., провозгласил создание колонии и тут же сформулировал две основные цели своей деятельности: узнать как можно больше о вверенной ему территории и создать с помощью тех ограниченных ресурсов, которые были в его распоряжении, приемлемую структуру управления.

В ту пору в колонии было три административных подразделения — Восточное, Центральное и Западное, чьи центры находились в Порт-Морсби и Самараи, а отдаленные посты — в Риге и на архипелаге Луи-ада, где в то время началась добыча золота. Порт-Морсби был объявлен городом еще в 1886 г., но внешне нисколько не напоминал городское поселение. Он состоял из небольшого количества построек из оцинкованного железа, расположенных двумя кварталами. Один из них — Западный Гренвиль находился на узком полуострове с восточной стороны от входа в бухту. Он был отделен от второго квартала — Восточного Грен-

вила, где располагались резиденция губернатора и здание миссии Лондонского миссионерского общества, незастроенным пространством берега вокруг бухты, по которому была проложена тропа. Европейцев среди жителей насчитывалось не более 12 человек, в их число входили служившие миссии и губернаторства, а также торговцы. Кроме того, в городе было сравнительно большое число «залетных визитеров», которые были охарактеризованы в предыдущем разделе статьи. Это разнородное общество жило в туземных деревнях или вокруг них, имело туземных «жених» и занималось либо предпринимательством на свой страх и риск, либо время от времени совмещало эту деятельность со службой в колониальной администрации в качестве проводников, переводчиков, неофициальных полицейских и охранников.

В те годы большая часть страны не была еще освоена и не контролировалась администрацией. Власть в колонии распространялась в основном только на те территории, которые уже раньше были включены в сферы влияния миссий или где уже в течение нескольких лет происходила какая-нибудь коммерческая деятельность. К ним относились, прежде всего, участок побережья между Порт-Морсби и Аромой и прилегающие Риго и Согери участки хинтерланда в Центральном подразделении, береговой район Киваи в Западном подразделении, а также восточная оконечность Новой Гвинеи вокруг залива Милн-Бей и архипелаг в Восточном подразделении.

Лингвистическая ситуация в то время складывалась следующим образом. Лондонское миссионерское общество изучало и распространяло «настоящий» моту в районе Порт-Морсби и за его пределами. УМ, к которому прибегали моту в период появления первых миссионеров, превратился, как можно полагать на основании изложенных выше данных, в основной контактный язык и общепринятый язык-посредник среди и некоренного, и коренного населения в Порт-Морсби и его окрестностях. Одновременно многие переселенцы продолжали, видимо, разговаривать на одном из вариантов «ломаного» английского, или пиджин-инглиш, усвоенного ими во время жизни и работы на островах Торрессова пролива или в северной части Квинсленда. В других частях колонии миссионеры, среди которых были пасторы и учителя из числа островитян Южных морей, а также европейцы, осваивали разнообразные местные языки, такие как суау, добу, маилу, хула-кеапара-арома, киваи. В Восточном и Западном подразделениях папуасские рабочие, возвращавшиеся домой из Квинсленда, а также старатели, торговцы, предприниматели и др. приносили с собой «ломаный» английский, или пиджин-инглиш. В район Киваи возвращались преимущественно рабочие рыбных промыслов в Торрессовом проливе, а в Восточное подразделение — те, которые работали на сахарных плантациях в Квинсленде. Строго говоря, эти же элементы вносили пиджин-инглиш и в Центральное подразделение, но там он не был столь широко распространен среди коренного населения, как в других районах страны.

С приездом Мак-Грегора положение коренного населения резко изменилось. Раньше администрация протектората стремилась всего лишь закрепиться там, где могла, избежать беспорядков и по возможности оградить коренное население от нежелательных внешних влияний и от самой себя. Она не была наделена законодательными функциями и не имела возможности гарантировать выполнение законов. С преобразованием протектората в колонию методы и сущность колониальной администрации стали иными, что повлияло на коренное население и соответственно на лингвистическую ситуацию. Воздействие этих перемен было столь велико, что когда в 1898 г. Мак-Грегор покинул Британскую Новую Гвинею, язык, ставший известным позднее как полицейский моту, превратился в основной, хотя и не единственный неофициальный язык колониальной администрации в самых разных районах страны. Этим была подготовлена почва для его дальнейшего распространения и на более отдаленные части колонии, которые постепенно подпадали под контроль властей.

Тремя китами, на которых держалась эта политика, были полицейский корпус, констебли в деревнях и тюрьма. Эти три института были тесно связаны, можно сказать, даже интегрированы и «переходили» один в другой примерно следующим образом: из тюрьм выходили кандидаты в полицейские и деревенские констебли, те же в свою очередь рекрутировали кандидатов друг для друга, а порой порождали в своей среде и потенциальных заключенных. Схематически можно представить себе все эти три института как части единой, крупной по тем временам, постоянно расширяющейся фабрики, в которой владелец, т. е. губернатор, периодически перемещает «рабочих» из одного цеха в другой и время от времени нанимает новую рабочую силу. В этом смысле они очень напоминали более привычное для нас плантационное хозяйство с наемными рабочими, распространенное в других колониях, и, отметим, породили примерно тот же эффект возникновения и распространения нового языка-посредника. Все же в течение некоторого времени система обеспечения «закона и порядка» обгоняла в своем развитии подлинную широкомасштабную организованную систему наемного труда в Британской Новой Гвинее, а потому ее действие начало сказываться раньше. Папуасы, правда, работали на разных принадлежавших иностранцам промыслах, главным образом в восточной и западной частях страны, и до установления «закона и порядка», но там они использовали в качестве языка-посредника «ломаный» английский, или пиджин-инглиш, еще до возникновения полицейского моту как такового. Следовательно, дело заключалось не только в том, что полицейский моту распространялся на ранее не освоенные колониальными властями территории. В ряде случаев он стал выступать в роли второго языка-посредника, конкурируя с установившимся более ранним лингва-франка. Но чтобы понять, как и почему он сохранился и превратился в основной язык-посредник Папуа, вернемся к трем институтам «закона и порядка».

Полицейский корпус Мак-Грегора

Когда Уильям Мак-Грегор прибыл учредить новую колонию Британская Новая Гвинея, одной из первоочередных задач стало создание полицейских формирований, на которые можно было бы опереться при установлении «закона и порядка» на все увеличивающейся территории. До этого администрация протектората вынуждена была прибегать к помощи командиров военно-морских судов и «неофициальных» полицейских отрядов, составленных из причудливой смеси приезжих и папуасов, никогда не обучавшихся выполнению собственно полицейских функций. Поэтому Мак-Грегор сразу же принялся за организацию официального формирования, которому он присвоил название Вооруженной туземной полиции. Но поскольку в Британской Новой Гвинее не было достаточно обученного персонала, который мог бы образовать ядро такого формирования, он обратился за помощью к губернатору Фиджи. В результате два фиджийца и 12 меланезийцев с Соломоновых островов, уроженцев о. Маламла, были завербованы для службы в Британской Новой Гвинее. При этом фиджийцы (сержант и капрал) завербовались на год, а остальные, простые полинезийские, — на три года. Все эти люди говорили на различных австронезийских языках, отдаленно родственных моту. Кроме того, полинезийские с Соломоновых островов, вероятно, владели в какой-то степени фиджийским, который они осваивали, работая от полугода до года на плантациях Фиджи или там же на службе у колониальной администрации. Наконец, все они, видимо, могли хоть как-то говорить по-английски — иначе их едва ли рекомендовали бы для несения службы в Британской Новой Гвинее под командованием англоязычных офицеров.

Вся эта группа прибыла в Британскую Новую Гвинею в 1890 г. и сразу же пополнилась папуасскими рекрутами, главным образом из района Киваи в Западном подразделении. К концу срока губернаторства Мак-Грегора, т. е. к 1898 г., полицейское формирование включало

110 папуасов — унтер-офицеров и рядовых полицейских, завербованных в разных районах страны.

История учреждения и развития полицейских формирований тесно связана с историей полицейского моту — языка, наименованием которого выражает их сопряженность. Наиболее существенные положения этой связи следующие.

Первые служащие, завербованные в полицейский корпус, рекрутировались за пределами Центрального подразделения, т. е. за пределами того района, где говорили и говорят до сих пор на «настоящем» моту. Поэтому они не владели этим языком, когда прибыли в Порт-Морсби. Соответственно им приходилось общаться друг с другом и со своими командирами на «английском», которым владели если не все, то большинство. Это, однако, был не обычный английский, а пиджин, который опять же должен был быть похож на пиджин-инглиш островов Тоговского пролива, к тому времени распространившийся на прилегающие районы Новой Гвинеи. Таким образом, в годы формирования полицейского корпуса полицейский моту, впоследствии ставший языком этого корпуса *par excellence*, еще не был в нем единственным языком общения, конкурируя с «ломаным» английским, или пиджин-инглиш. По сути дела в течение долгого времени в ходу были оба языка, так как полицейским приходилось по службе постоянно передвигаться из одного района страны в другой, из зоны распространения полицейского моту в зону распространения пиджин-инглиш. В районе Порт-Морсби, где «английский» был не в ходу, они говорили на «моту» и, наоборот, в Восточном и Западном подразделениях пользовались «английским». Однако люди говорили «по-английски» и в Порт-Морсби, когда встречались с людьми, способными изъясняться на нем, и все чаще употребляли в аналогичных ситуациях «моту» в Западном и Восточном подразделениях. Тем самым полиция проявила себя гораздо более гибким и хорошо приспособленным к местным социальным условиям органом, чем колониальные администраторы и чиновники за все время их управления страной. Но поскольку с полицейским корпусом ассоциируется только полицейский моту (что указывает и его наименование) и что представляет собой этот язык. Прежде чем ответить на такой вопрос, обратимся ко второму аспекту связи между языком и полицейскими формированиями.

То, что корпус формировался, квартировался и обучался в Порт-Морсби, где самым распространенным языком был моту, а «английский» почти не употреблялся, предопределило необходимость изучения каждым полицейским языка моту. В противном случае они не смогли бы эффективно выполнять свои обязанности в этом городе. Напомним, что ядро корпуса состояло из приезжих фиджийцев и меланезийцев Соломоновых островов, папуасские же служащие включались в него, пользуясь вырванным у Мак-Грегора, лишь «постепенно». Приехав на Новую Гвинею, они должны были быстро выделить круг людей, которых современные граждане Папуа — Новой Гвинеи обозначил бы словом *вантоков*⁸, т. е. земляков или жителей сходной в культурном отношении области. Такие люди они могли найти только среди переселенцев в районе Порт-Морсби. Последние, как мы знаем, уже обитали в городе ряд лет, говорили на «моту», жили во входящих в городскую черту деревнях, населенных моту и, вероятно, они же довольно быстро научили своих новых «земляков» ориентироваться в условиях Порт-Морсби, разбираться в хитрых сплетениях местной политики и внушили им мысль о необходимости языка «моту» для тех, кто хочет нормально жить в этом районе. Если даже это было не совсем так, то все равно приезжие фиджийцы и жители Соломоновых островов с неизбежностью должны были сами быстро прийти к такому выводу, поскольку сразу после прибытия на Новую Гвинею их послали служить в районы Риго и Мекео. Там они работали при чиновниках колониальной администрации и столкнулись с «прислужившейся», среди которой было много их «вантоков», владевших «моту»

⁸ На языке ток-писин «соотечественник» (ср. англ. one talk). — Прим. перев.

Сопоставление базовой лексики языка моту и некоторых языков, употребляемых на о. Фиджи и Соломоновых островах

Моту	Острова Фиджи		Соломоновы острова			Значение
	мбау	кандаву	лау	квара' аэ	квайо	
manu	manumanu	manumanu	manu	hai'no	no	птица
bebe	bēbē	bebe	bebe	beb	bebe	бабочка
mai	vako mai	lako mai	mai	mai'	mai	иди
mae	mate	mate	mae	mae	mae	умирать
mata	mata	mata	ma	ma	ma	глаз
lima	lima	lima	lima	lima	nima	пять
robo	vuka	vuka	lofo	loh	lofo	летать
ae	yava	laga	'ae	a'e	'ae	нога
lao, laka	lako	lako	lea	leka	leka	итти
ia	koya	kia	nia	nia	nia	он
-na	-na	-na	-na	-n(a)	?	его
ruma	vale	vale	luma	lum	luma	дом
lau	yau	yau	nau	naua	nau	я
mauri	bula	bula	mouri	maori	mauo	жизнь
ura	urau	urau	ura	deng	uragou	омар
sina	tina	tina	tē	tea'	tē	мать
-gu	-qu	-qu	-gu	-ku	?	мой
lada	yaca	ila	sata	sata	rata	имя
bode	voce	voce	fote	fote	fotē	весло
boroma	vuaka	vore	boso	?	bō	свинья
dala	sā levu	tala	tala	tal	tala	дорога
tasi	māsima	māsima	asi	asi	asi	соль, море
kone	nuku	nuku	one	one	one	песок, берег
tohu	dovu	tovu	ofu	uh	ofu	сах. тростник
laro	dalo	suli	alo	alo	alo	таро
tua	rua	tua	rua	rua	rua	два
i.haka	cava	yava	ta	tae	tā	что
i.haka	cei	yava	tei	tei	tai	кто
mu	-mu	-mu	-mu	-mu	?	твой

И наконец, оказавшись в полевых условиях, они опять же столкнулись с «моту». До этого еще им наверняка говорили, что «моту» — самый распространенный язык в Порт-Морсби и что тот, кто хочет общаться с местным населением, должен уметь изъясняться на нем. Возможно, они даже получили какие-то рекомендации относительно того, как изучать этот язык и насколько он легок. Впрочем, едва ли была нужда в такого рода рекомендациях, поскольку все они, как уже отмечалось, говорили на австронезийских языках, родственных моту. Они наверняка смогли быстро узнать ряд ключевых слов и структурных элементов, напоминающих их родные языки. В этом легко убедиться, ознакомившись с приводимой выше табл. 2, где сопоставляется базовая лексика моту и некоторых языков, употребляемых на Фиджи и Соломоновых островах (на них говорили или могли говорить изначальные служащие полицейского корпуса).

По тем же причинам эти первые служащие полиции воспринимали моту в той форме, какая использовалась чиновниками, «прислужой» и самозванными полицейскими (с последними служащие полиции регулярно общались, а некоторых из них они сменили). Это был какой-то вариант УМ.

Таким образом, учреждение полицейского корпуса стало новым и важным фактором в развитии и распространении именно этой формы языка. Оно знаменовало появление специфического социального института, в рамках которого совместно работали выходцы из разных частей страны, а первоначально и из других стран. В подобной ситуации, очень напоминавшей плантационное хозяйство, неизбежно должен был появиться общий язык как средство коммуникации. Вначале, как уже отмечалось, таким языком был «ломаный» английский, или пиджин-инглиш. Однако в Порт-Морсби он был слабо распространен, а «моту»,

напротив, уже утвердился в роли языка-посредника этого района. этому сфера употребления пиджин-инглиш в Центральном подразделении колонии, хотя он не исчез полностью до сих пор, была намного чи́е в других частях страны. Рекруты вначале проходили курс обучения в Порт-Морсби, а затем направлялись в различные опорные пункты колониальной администрации. Вместе с ними на эти районы распространялись и утвердившиеся языковые традиции. Как отметил Мак-Грегг в своем годовом отчете за 1892/1893 г., «30 или 40 служащих полиции ежегодно направляются в свои родные деревни»⁹. Это и был механизм постоянного расширения ареала полицейского моту и включения в него самых отдаленных в колонии территорий.

Но полицейский корпус не был единственным инструментом, при помощи которого власти устанавливали свое влияние и контроль над племенами. Не менее важную роль в этом отношении играли деревенские констебли, тюрьмы и другие исправительные учреждения.

Сеть деревенских констеблей

В отличие от других стран южной части Тихого океана, племена Британской Новой Гвинеи, по крайней мере к началу контактов с европейцами, почти не были знакомы со статусом вождя, который нес бы ответственность за свое племя или деревню. Были военные предводители и различные образы руководителей культов и ритуалов (выражаясь языком этнографа, «большие люди» — бигмены), но все они достигли высокого положения благодаря своим личным качествам. Эти люди не были почитаемыми, требующими безусловного подчинения. Поскольку кто-то должен был представлять деревню перед властями колонии, администрация обычно вынуждена была назначать своим представителем человека, облеченного никакой традиционной властью. Такие люди наделялись определенными правами и прерогативами и назывались, вне зависимости от того, были ли они одновременно традиционными лидерами или нет, деревенскими констеблями.

Эта система была законодательным образом учреждена Мак-Греггом в декабре 1892 г., хотя сама по себе практика назначения колониальными властями «туземных вождей» была не нова. Она применялась еще в дни протектората и, по словам самого Мак-Грегора, таких вождей было уже «около 20» в то время, когда он опубликовал свой законодательный акт. Согласно этому акту, констебли должны были подчиняться чиновнику европейского происхождения, ответственному за район проживания, всемерно способствовать ему в выполнении им своих обязанностей и воли администрации. Констебли обладали правом ареста, обязаны были поддерживать порядок во вверенных им деревнях. Они должны были доставлять нарушителей «Акта о туземных установлениях»¹⁰ к своему начальнику, который выполнял также обязанности районного судьи. Констебли назначались этими чиновниками и смещались ими в случае несоответствия должности. Они могли оставаться в исполнении своих обязанностей в течение неограниченного срока, по сути не отказываясь от них или пока этому не воспротивится местное население или руководящий районом чиновник европейского происхождения. Констеблям выдавалась соответствующая униформа, знаки достоинства, они получали за свою службу скромное вознаграждение ходившими товарами или деньгами. Естественно, что констебли должны были понимать, что такое «гавамани» (администрация), иметь общее представление о европейском образе жизни и мышлении и, наконец, быть в состоянии общаться с начальством. Всеми этими качествами обладало только одно правило, лишь те кандидаты в констебли, которые провели какое-то время

⁹ Annual Report of British New Guinea. Queensland Parliamentary Papers, 1893, p. XXVIII.

¹⁰ «Акт о туземных установлениях» — сборник законодательных норм, регуливавших отношения колониальной администрации с коренным населением Британской Новой Гвинеи. — *Прим. перев.*

ия в тюрьме или служили в вооруженной туземной полиции. В обоих этих местах они учились понимать, что такое дисциплина, власть и авторитет администрации, осваивали языки, при помощи которых можно было общаться с начальством, прежде всего полицейский моту и «английский». В результате по возвращении в свои родные места они оказывались подготовленными к ожидавшим их поручениям новой власти и престижу, зиждившемуся на знаниях, приобретенных вдали от дома и на близости к власти имущим.

Со временем число деревенских констеблей увеличилось. В годы, когда Мак-Грегор официально учредил эту должность их было «около 20», а в 1906—1907 гг., когда Мёррей стал заместителем губернатора, насчитывалось уже более 400. Они служили во всех семи дистриктах колонии.

Пенитенциарная система

Тюрьмы были третьим составным членом интегрированной системы учреждений, призванных к установлению законопорядка, которая обусловила распространение полицейского моту. Европейской администрации в Британской Новой Гвинее с самого начала потребовались какие-то пенитенциарные учреждения для изоляции людей, которые сочтены были опасными для колониального общества и для самих себя. Первая тюрьма, считавшаяся центральной, была открыта в Порт-Морсби в 1886 г., вторая — в Самаран в 1890 г. Поскольку, однако, число полицейских, приданных заместителю комиссара протектората, было невелико, число заключенных или тех, кто мог быть арестован на законном основании, также было небольшим, по существу сводилось всегда до минимума. Когда же в колонию прибыл Мак-Грегор, облеченный законодательными полномочиями и создавший полицейский корпус, стоящий на страже выполнения закона, число тюрем сразу увеличилось, и с тех пор тюрьма становится неременной принадлежностью каждого опорного пункта колониальной администрации. Но пенитенциарная система Мак-Грегора не была просто сетью карательных учреждений. Власти рассматривали тюрьмы скорее как «воспитательные» учреждения первой ступени, в которых заключенные впервые знакомились с белым человеком и его миром, а также привыкали с уважением относиться к начальству. Эти «воспитательные» цели достигались главным образом посредством общения к физическому труду, гуманным обращением и стимулирующей системой вознаграждений. Вся система больше напоминала «исправительно-трудовую колонию для несовершеннолетних преступников, нежели тюрьму», а отношение к заключенным немногим отличалось от «отношения к наемным рабочим-полинезийцам на хорошо организованной плантации»¹¹.

С самого начала языками тюрьмы были «английский» и «моту», хотя степень употребления и восприятия каждого из них зависела от трех обстоятельств: 1) расположение тюрьмы: «английский» был более в ходу в тюрьмах Западного и Восточного подразделений, во всяком случае, в первоначальный период, а в Центральном подразделении больше употреблялся «моту»; 2) персонал: надзиратели и охранники в Порт-Морсби владели обоими языками, в Западном же и Восточном подразделениях — только «английским»; 3) время: вначале в отчетах отмечается, что оба языка употребляются в тюрьмах, но что в Порт-Морсби вошло в правило обучать всех новых заключенных «моту»; для этого «во время работы и в камерах их помещали с заключенными, которые уже говорили на этом диалекте, так что они быстро его осваивали»¹². Вообще все заключенные, проводившие хотя бы несколько месяцев в тюрьме Порт-Морсби, могли «в той или иной степени разговаривать

¹¹ Annual Report of British New Guinea. Queensland Parliamentary Papers, 1894/1895, p. 28.

¹² Ibidem.

на моту»¹³. Правда, начиная с 1890-х годов стали обращать внимание на то, чтобы заключенные овладевали настоящим английским, но все «моту» продолжал оставаться для них основным языком общения. Их статистика, понятно, не вела учет заключенных, выучивших в тюрьме «моту» или «английский», число их все-таки было достаточно велико. Об этом свидетельствует число констеблей и полицейских, прошедших через заключение.

Период пребывания Мак-Грегора на посту губернатора ознаменован значительными административными и социальными реформами, влиявшими на лингвистическую ситуацию. Вначале Мак-Грегору, и его предшественникам, управлявшим протекторатом, приходилось полагаться на христианскую миссию и на «прислугу» в обеспечении законопорядка. Но после 1890 г. влияние колониальной администрации резко возросло и, оттеснив миссию на задний план, стали контролировать и лингвистическую ситуацию.

«Моту» превратился в основной, хотя и неофициальный язык колониальной администрации. Это был тот самый «моту», который впоследствии стал известен под названием полицейского моту (а еще познхири-моту). Термин этот, впрочем, закрепился не раньше начала XX в. Несмотря на то что язык этот обслуживал не только полицию, но и в той же мере был языком деревенских констеблей и тюрем. Очевидно, в течение многих лет у этого языка не было специфического названия, его именовали просто «моту», возможно, «ломаный моту» или «пиджин-моту», как обозначил его еще Лоуз и как было принято обозначать в то время в рамках англоязычной дескриптивной традиции. В официальных публикациях этот язык, конечно же, называли только «моту», пока в 1904 г. Бартон не отметил, что среди полицейских «моту деградировало и превратилось в какое-то подобие пиджин-моту»¹⁴. Мёррей же жаловался на то, что этот язык представляет «какой-то ублюдочный моту, едва понятный тем, кто владеет моту как родным»¹⁵.

В нашем распоряжении нет конкретных данных о языке того времени, которые позволили бы понять, что именно имели в виду эти два автора. Скорее всего они отразили тот факт, что этот «моту» утерять свой, пользуясь выражением Лоуза, «разговорный» характер (если справедлива вообще наша гипотеза о трансформации УМ в полицейский моту) и приобрел новые характеристики, отдалявшие его от «настоящего» моту и делавшие похожим на какой-то иностранный язык. Что это были за характеристики и когда именно они появились в языке, нам неизвестно. Можно, однако, полагать, что среди них были многие, если не все, и признаки, отличающих УМ, которому обучался Лоуз, от современного хири-моту (мы исходим при этом из того, что УМ был таким же компонентом организации полицейского корпуса). Например, могли произойти некоторые или даже все из перечисленных ниже языковых изменений: 1) внедрение «нового» глагола *noho* 'иметь' (его первоначальное значение 'быть здесь, находиться') в сочетании с притяжательной конструкцией; это ближе к современному употреблению в хири-моту, чем к конструкциям, принятым в УМ, которые, в свою очередь, были ближе «настоящему» моту, где притяжательная конструкция сочетается с модальными *mai* 'с' и *asi* 'без'; 2) внедрение обобщающего послелога *deken* 'к, с'; 3) генерализация наречия *dohore* 'позже' и превращение его в индикатор будущего времени; 4) генерализация наречия *vadaeni* 'дольше, это все' и превращение его в показатель совершенного вида; 5) изменение синтаксической структуры предложения в зависимости от различных союзов, таких, например, как *neganai* 'когда', *ela bona* 'и тех пор, пока...', *bena* 'если'.

Конечно, это были не все изменения, так как перечисленных едва ли было бы достаточно, чтобы сделать язык настолько отличающимся от

¹³ Ibidem.

¹⁴ Annual Report of British New Guinea. Commonwealth Parliamentary Papers, 1903/1904, p. 16.

¹⁵ Annual Report of Papua. Commonwealth Parliamentary Papers, 1906/1907, p. 1.

ного *мтм*, на котором, возможно, говорили бартон и его коллеги. Безусловно, в языке происходили и другие изменения, совершенно неизбежные, если вспомнить, что в полиции служило много людей из других районов, весьма отдаленных от Порт-Морсби, говоривших на языках, никак не родственных моту, отличающихся от него, да и друг от друга. Вероятнее всего, в то время язык варьировал в произношении, структуре и словаре от района к району в зависимости от местных языков, родных языков тех или иных носителей, подобно тому как это происходит и в наши дни, но в гораздо большей степени.

Следует подчеркнуть, что полицейский моту, являясь основным неофициальным языком колониального управления, все же не был единственным языком администрации. Официальным языком был английский, а «ломаный» английский, или пиджин-инглиш, в течение долгого времени использовался в качестве второго неофициального языка. Именно этот язык по причинам, которые были изложены выше, был первым языком первого официального полицейского формирования 1890 г., но он никогда не был признан в качестве самостоятельного языка. Напротив, как указывает термин «ломаный», он рассматривался просто в качестве исправленной формы английского, которую можно будет впоследствии «исправить». И Мак-Грегор, и позже Мёррей, пытались действовать в этом направлении.

Оба неофициальных языка — полицейский моту и «английский» — обязаны своим распространением расширяющемуся контакту с европейцами, но это в разное время ощущалось в разных формах. Первоначально «английский» был языком предпринимательской деятельности и внедрялся, преимущественно в Западном и Восточном подразделениях, приезжими, работавшими в рыболовстве, заготовке перламутровых раковин и горнодобывающей промышленности. Это происходило еще до установления контроля со стороны администрации и учреждения «законопорядка» при Мак-Грегоре. «Моту» был языком колониального управления. На нем говорили в Центральном подразделении, где находилась резиденция администрации, и оттуда он распространился на другие опорные пункты, которые власти основывали во вновь осваиваемых районах. Он был относительно поздним явлением и распространялся непосредственно только на районы, которые раньше не были освоены предпринимателями (не считая, конечно, тех частей Центрального подразделения, где он был в ходу и ранее благодаря торговле с моту и миссионерской деятельности). Туда его приносили возвращающиеся полицейские и заключенные. Затем он «столкнулся» с уже существовавшим до него «английским» и стал конкурировать с ним. С тех пор и до того момента, как вторая мировая война прервала естественный ход развития, история полицейского моту сводилась к постоянно усиливающейся конкуренции с «английским». После войны полицейский моту стал письменным языком и был признан в качестве единственного неофициального языка администрации в Папуа. Статус его постепенно повышался, пока в наши дни он не превратился в один из неофициальных национальных языков нового независимого государства Папуа — Новая Гвинея.

В 1970 г. прозвучал призыв переименовать язык, так как полицейские формирования уже не состояли исключительно из папуасов, да и вообще существенно изменились после второй мировой войны, когда произошло административное объединение бывшей территории Папуа и мандатной территории Новая Гвинея¹⁶. Новое название — хиримоту (вместо полицейского моту) основывалось на представлении (ошибочном, как мы попытались показать в настоящей статье) о том, что этот язык возник из

¹⁶ Территория Папуа (до 1906 г. колония Британская Новая Гвинея) располагалась в юго-восточной части острова и управлялась Австралией с 1906 г. до получения независимости в 1975 году. Северо-восточная часть острова до 1914 г. была немецкой колонией, а затем образовала мандатную территорию Новая Гвинея, с 1921 г. управлявшуюся Австралией по мандату Лиги Наций, в 1942—1944 гг. пережившую японскую оккупацию и с 1946 по 1949 г. находившуюся опять под опекой Австралии по поручению ООН. В 1949 г. обе территории были объединены под единой австралийской колониальной администрацией и получили название Папуа и Новая Гвинея.— *Прим. перев.*

торгового языка, использовавшегося моту при торговых экспедициях *хири*. Это название принято в качестве официального и используется во всех официальных публикациях, но не получило еще широкого распространения и признания среди самих папуасов.

В наши дни на этом языке говорят в большей части бывшей территории Папуа, кроме округа Милн-Бей (где в ходу конкурирующие с *хири* языки, внедренные миссиями) и отдаленных районов Западного округа Галф и Южного Нагорья. Согласно переписи 1971 г., число говорящих *хири-моту* оценено примерно в 150 тыс. человек; в настоящее время, как предполагается, оно увеличилось еще больше. Не все из них, однако, коренные жители, хотя большинство составляют граждане Папуа — Новой Гвинеи, жители или выходцы из шести округов (ранее провинций), составлявших в прошлом политико-административную единицу Папуа. Все они говорят на одном из двух существующих диалектов: центральном, или австронезийском, и нецентральном, или неавстронезийском. Первый из них употребляют преимущественно жители Центрального округа, пользующиеся в качестве родных австронезийскими языками, а второй диалект *хири-моту* — обитатели остальных районов Центрального округа и других округов, входящих в Папуа, где распространены в основном неавстронезийские языки, не похожие на *хири*. Этот второй диалект получил более широкое распространение и ряд исследователей считает, что его, или его отдельные говоры, следует признать самостоятельной нормой. Он отличается от центрального, или австронезийского диалекта целым рядом грамматических особенностей, в целом напоминающих их предковый язык — «настоящий» моту.

Перевел с английского
М. А. Член

В. А. Зибарев

ИЗ ИСТОРИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА НАРОДОВ СЕВЕРА

Дореволюционная наука не обошла вниманием народы Севера, однако многие проблемы их истории и культуры остались вне ее поля зрения. К их числу относятся и те, которыми занимается так называемая юридическая этнография.

Царское правительство, исходя из административно-фискальных интересов, признавало за народами Севера, как и за всеми народами Сибири, право судиться своим судом и по своим законам по всем делам, кроме крупных уголовных преступлений. Санкционированные государственной властью юридические обычаи народов Севера могут рассматриваться в качестве норм обычного права, присущего, как известно, народам, достигшим ступени формирования классовых или раннеклассовых отношений.

Хотя первые предписания о фиксации норм обычного права народов Сибири относятся ко времени правления Екатерины II¹, реальные меры были предприняты лишь в 20—30-е годы XIX в. в связи с введением «Устава об управлении инородцев» 1822 г., которым предусматривалась запись и систематизация этих норм для использования в судопроизводстве². В данном случае нас не будут интересовать мотивы, побудившие законодателей предпринять эту попытку, а также цели, которые ими преследовались. Отметим лишь, что она являлась частью общей реформы управления и суда народов Сибири, проводившейся царской администрацией.

В 1823 г. в Тобольске, Омске, Красноярске и Иркутске были созданы под председательством гражданских губернаторов временные комитеты, которые составили проекты сводов законов для народов Западной и Восточной Сибири³. Обсуждение их в различных инстанциях бюрократического аппарата затянулось до 40-х годов, чиновники исписали горы бумаг — в результате само намерение зафиксировать обычное право народов Сибири было оставлено, а записи его норм утеряны. Лишь в 1876 г. профессор Варшавского университета Д. Я. Самоквасов опубликовал часть этих записей, сохранившихся в копиях⁴.

Сделанные не подготовленными к подобной миссии чиновниками со слов представителей местной туземной администрации, они фиксируют далеко не лучшим и отнюдь не исчерпывающим образом нормы обыч-

¹ См. Андреев А. И. Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах.— Сов. этнография, 1947, № 1, с. 85.

² ПСЗ, 1830, т. XXXVIII, ст. 29126, гл. VIII, § 68—72.

³ См.: Проект изложения законов для бродячих и кочевых инородцев, в Тобольской губернии обитающих.— Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 1264, оп. 1, д. 269; Проект степных законов для инородцев, обитающих в Енисейской губернии; Проект законов для инородцев, обитающих в Иркутской губернии (ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 273).

⁴ Сборник обычного права сибирских инородцев/Изд. Самоквасова Д. Я. Варшава, 1876.

ного права народов Сибири, в том числе и некоторых народов Севера. Почти все записи подверглись обработке и известны в виде своих «степных законов». Тем не менее было бы опрометчиво пренебрегать ими, имея в виду хотя бы общую значимость обычного права как источника изучения истории бесписьменных в прошлом народов.

Публикуемая ниже «Записка о законах и обычаях Охотского уезда инородцев»⁵ не лишена изъянов, однако это не только первый, но, пожалуй, и единственный источник, дающий определенное представление о правонарушениях, судопроизводстве и юридических обычаях эвенков и отчасти коряков Охотского уезда первой четверти XIX столетия. Она составлена Охотским земским исправником по предписанию вышестоящих властей в связи с попыткой фиксации этих обычаев и непосредственно адресована начальнику Охотского приморского управления. В сопроводительном документе указывается, что содержащаяся в ней информация получена со слов «инородческих начальников», приезжавших в Охотск для внесения ясака⁶.

«Записка» являет собой первичную запись «законов и обычаев инородцев» в черновом варианте. Чистовик был послан Иркутскому губернскому управлению, а затем I Сибирскому комитету⁷. Поиски его пока не привели к успеху, но, по-видимому, существенного различия между ними нет. Об этом свидетельствует хранящаяся в фонде этого комитета выписка из данной «Записки», которая кратко передает ее основное содержание, начиная с раздела: «Власть родоначальников над подчиненными и степени наказания, производимого ими за разные преступления (кроме уголовных)»⁸.

Не все в содержании «Записки» непосредственно относится к «законам и обычаям». Изложению их предпосланы краткие сведения о составе населения уезда, его хозяйственных занятиях и верованиях. Но как раз это и свидетельствует об определенном конкретно-историческом подходе к описанию юридических обычаев, о понимании того, что они обусловлены исторически⁹.

В этнографической литературе не раз отмечалась возрастающая роль письменных источников при реконструкции элементов традиционной культуры¹⁰. К таким элементам, на наш взгляд, принадлежит обычное право народов Севера. Источники по нему крайне редки, многое в нем утрачено безвозвратно. Вполне очевидна поэтому значимость каждого документа, отражающего в той или иной мере его нормы.

«Записка» публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969 г.). Деление текста на абзацы изменению не подвергалось. Оригинал «Записки» хранится в фонде Охотского земского управления (ф. 1063) Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (г. Томск). В подготовке текста к публикации принимала участие Т. В. Кисельникова.

⁵ Так она названа в сопроводительной записке. Собственный заголовок ее: «Записка согласно Устава о инородцах 1-ой части § 68-го учиненная о законах и обычаях сих инородцев, состоящих в Охотском уезде».

⁶ Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ), ф. 1063, оп. 1, д. 2, л. 15. См. также: *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983.

⁷ См. Пояснительные примечания к своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. — Б. м., Б. г., с. 31.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 297, лл. 141, 142.

⁹ Аналогичный подход был применен, кстати говоря, и при составлении «Проекта изложения законов для бродячих и кочующих инородцев, в Тобольской губернии обитающих», первые 10 параграфов которого содержат общие о них сведения.

¹⁰ См. *Чистов К. В.* Из истории советской этнографии 30—80-х годов XX века. Сов. этнография, 1983, № 3, с. 13.

1 апреля 1823 г.

О наименованиях инородцев

Инородцы, находящиеся в ведении Охотского округа¹, разделяются на две части. I — заключает Охотский уезд², II — Ижигинское комиссарство³ (город заштатный), из коих в первой населяющие суть: якуты, тунгусы⁴ и малая часть коряков. Первые и последние с издревне живут постоянно в селениях, изобильных местными выгодами, не перемывая место пребывания своего ни в какое время, а тунгусы составляют два рода, то есть имеющие оленей называются оленными, а не имеющие оных — пешими. Первые из них ведут кочевую жизнь почти во все время года по разным отдаленным местам, удобным для промыслов и содержания скотоводства. Последние же живут преимущественно по рекам, где бывает хороший лов рыбы.

Вера, нравы и обычаи инородцев

Все вообще инородцы Охотского ведомства исповедуют христианский закон, а потому крещение, венчание, отпев умерших и прочее совершают при выезде в их селения епархиальных священников неупустительно. Но как они будучи народ мало просвещенный, то точное соблюдение ими христианских правил подвергается сомнению (...) * более с своими обыкновениями они верят шаманам. Сии шаманы по объяснению их могут почитаться более врачами, нежели жрецами. Они пользуют некоторые внешние, а иногда и внутренние болезни, и если случится, что больной получает облегчение от своей болезни, то приносят благодарение единому богу. Шаману же токмо платят за труды то, что он потребует именем якобы представлявшихся ему во время шаманства духов. Шаманы сии также во время [и] при начатии промыслов бывают инородцами приглашаемы, и заставляют их предугадывать о хорошем успехе в промыслах. Предсказания шамана нередко получаются и удаются. Но за всем тем все счастливые успехи приписывают власти всевышнего. А потому шаманы у них находятся не для веры, но для мнимой им от них пользы по древнему обычаю. Впрочем, инородцы легко-

¹ Охотский округ, точнее, Охотская округа — административно-территориальная единица, образована в 1822 г. вместо Охотского уезда. Управлялась Охотским частным земским исправником, который осуществлял административные и судебнопольцейские функции, подчинялся Охотскому приморскому управлению Иркутской губернии. В 1849 г. в связи с образованием Камчатской области Охотское приморское управление было упразднено, а Охотская округа отошла к Якутской области (ПСЗ, 1849, т. 24, ст. 23692).

² Охотский уезд как самостоятельная административная единица выделился в 1731 г. из Якутского уезда (см. История Сибири с древнейших времен до наших дней, т. 2. Л., 1968, с. 308). Упразднен в 1822 г. в связи с введением окружного деления. Восстановлен в 1902 г., когда вместо округов в губерниях и областях Сибири были снова образованы уезды. В данном случае имеется в виду территория бывшего Охотского уезда.

³ Ижигинское, т. е. Гижигинское, комиссарство — административно-территориальная единица, впервые образовано в 1775 г. в составе Якутской провинции Иркутской губернии. Упразднено в 1783 г. в связи с упразднением комиссарств. В 1783—1803 гг. — уезд Охотской области, с 1803 г. — комиссарство Камчатской области во главе с земским частным комиссаром. В 1822—1849 гг. — Гижигинская округа Охотского приморского управления, составляла отдельное Гижигинское управление в лице земского исправника и его помощника (ПСЗ, 1803, т. XXVII, ст. 20890; 1830, т. XXXVII, ст. 29125, § 409, 434).

⁴ Тунгусы — старое, дореволюционное название эвенков. Под тунгусами в данном случае имеются в виду также эвены. Эвенки и эвены составляли основное население Охотского уезда. В 1820 г. в нем значились 893 пеших и 853 оленных тунгуса, 181 якут, 59 коряков; в 1823 г. — 1808 тунгусов и коряков, 209 якутов (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1063, он. 1, д. 2, лл. 13, 14, 46).

* Слово написано неразборчиво, первые буквы читаются как «сбли...».

верны, просты и показывают нрав кроткий, но при малейшем неудовольствии в себе либо рассудок их помрачается и они в то время весьма легко предаются <...> **. Гедарственные законы весьма уважают и власти, над ними установленной, повинуются.

Обзаведение и скотоводство*

Якуты имеют якутские юрты, а коряки — русские рубленые избы, и все они — нужные усадьбы. Скотоводство их такое же, какое и у якутов Якутской области, т. е. конный и рогатый скот, но только в малом числе. Сей недостаток заменяется большим числом собак, которые употребляются на домашние работы и для почтовой и обывательской гоньбы. Тунгусы 1 рода, как народ, бродячий по разным местам рассеяны, когда стоят на одном месте — живут в лосиных палатках, или урасах⁵, а 2 [рода] т. е. пешие, — селениями, в юртах, на манер якутских. Скотоводство у первых — олени, у последних — ездовые собаки; они также исправляют в зимние времена по поручениям в натуре почтовую и обывательскую гоньбу на оленях и собаках.

Инородческие начальники

Родона начальники инородцев называются с издревле князьями и старшинами, которые сохраняют сии звания наследственно по праву происхождения их из поколений древних родона начальников. Впрочем, избираются в случае неимения в обществе людей, происходящих из родона начальнического поколения, или по совершенной же неспособности имеющих князцовское право, другие, из простых почетных инородцев, доброго поведения и знающие порядок в суждениях и разбирательствах, а большею частью зажиточные в избытках, которые у инородцев бывают в уважении⁶. Те и другие родона начальники в должностях своих утверждаются правительством⁷.

Власть родона начальников над подчиненными и степени наказания, производимого ими за разные преступления [кроме уголовных]

Как в давние времена, так и ныне, если инородец сделает преступление таковое, которое по правам принадлежит разбирательству родона начальников, то есть [состоявшее] в краже скота или вещей, в обиде другого словом и побоями, в непослушании родовому начальнику, в обращении пьянством и мотовством и по всем тем видам, кои случаются в общежитии и которые не заключают в себе уголовного преступления, как то: разбоя, зажигательства, смертного убийства и тому подобного, то виновник по первым преступлениям, когда обследуется до причин и обвинится, тогда в случае воровства — возвращается все отнятое или украденное им у товарища своего имение в полной мере, однако ж и без всякого излишка. Сверх того наказывается соразмерно вине его при собрании родовичей лозами. В других же преступлениях, также соразмерно вине его, штрафуются сажанием в колоду или просто словесным выговором⁸. Правила коними руководствуются родона начальники в судопроизводстве, есть, во-первых, собственное рассуждение их, во-вторых, порядок, оставленный от прежде бывших родона

** Слово написано неразборчиво. Предположительно читается как «мирению».

*** В документе этот раздел обведен чернилами и сверху автором надписан «нужно».

⁵ Ураса (юраса) — переносное, конической формы жилище, покрытое меховыми родовжными или берестяными покрывками.

⁶ Князцы, старшины — главы административных родов, созданных у народов Севера царской администрацией с целью управления и взимания ясака (см. подробнее *Такса-ми Ч. М., Туголуков В. А.* Административные волости, улусы и роды у народов Сибири (XVII — начало XIX в.). — В кн.: Социальная история народов Азии. М., 1975, с. 74—99). Институт этот являлся низшим, туземным звеном сибирской администрации. Иркутский гражданский губернатор Трескин, например, требовал, чтобы главы родов у народов Сибири вступали в свои должности по наследству и занимали их пожизненно. (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1059, оп. 2, д. 151, л. 2. — Положение об управлении и торговле инородцев, 1812 г.).

⁷ Имеются в виду губернские правительства — административные органы, созданные в начале XIX в. в ряде губерний; объединяли функции губернских управлений и казенных палат (ПСЗ, 1805, т. XXI, ст. 15675).

⁸ Аналогичные меры наказания отмечены и у других народов Севера. Исключение составляет заковывание в колоду, которое, по-видимому, заменяло содержание под стражей (см. Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881—1901 гг.). Томск, 1970, с. 14—16).

чальников, и, в-третьих, наставления и внушения по сей части земского начальства. Как уже выше упомянуто, что судопроизводство инородцев с давнего времени в таком же порядке находится, в каком и ныне существует, то и главнейшая власть родонаачальников состоит в следующем:

1. Садить виновного в колоду и в содержании оного в сем положении несколько токмо дней.

2. Сечь лозами.

3. Отдать по общему с родовичами словесному приговору в зарабатывание несостоятельного к платежу долга или ясака или же украденного имущества.

4. Заплатить обиженному в бесчестии денег или вещей, если виновный будет к тому приговорен, и

5. Сделать словесный выговор виновному.

Более сих предметов власть родонаачальников на подчиненных своих не простирается, и преступник больших, нежели изложенных выше сего наказаний достойный, передается суждениям по узаконениям. Меры и наказания, предоставленные родонаачальникам, суть следующие:

а) Когда ясачный инородец, по лености своей вдавись [в] праздность и бродяжничество, сделается тунеядцем и на счет общества своего тягостным и совершенно таким, что, имея силы и возможности на платеж следующего с него ясака и на общественные повинности, ко времени взноса оных будет не в состоянии должного заплатить, то таковой содержится по приказанию родонаачальников в общественном собрании под стражею в колоде и единственно для примера прочим, а потом отдается он по приговору общества и по утверждению родонаачальника на зарабатывание тому, кто его взять согласится, преимущественно же тем, кто имеет достаточное состояние, и взявший несостоятельного платит за него должную принадлежность куда следует.

б) Как главным преступлением у инородцев почитается кража скота и имущества, то за такую кражу по взятии виновного или оговоренного под стражу, производят родонаачальники при собрании словесное разбирательство, основанное на свидетельских показаниях, сомнениях и приметах по коим хорошо умеют обнаруживать преступления родовичей своих и до такой степени, что сам виновник без дальнейшего разбирательства сознается в преступлении, и тогда изболчившийся в краже скота или вещей по общественному словесному приговору платит хозяину в натуре или деньгами, без всякого излишка, а потом наказывается лозами весьма легко и единственно более для примера прочим и собственного его стыда, нежели для отомщения обиды ближнего. Если же виновный бедного состояния и к платежу покраденного несостоятельный, то он наказывается гораздо более состоятельного, а взамен того избавляется от платежа истцу. Впрочем, хотя и следовало бы вместо покраденного возвращать хозяину вдвое или втрое, но таковое обыкновение у здешних инородцев не существует, может быть, потому, что приверженные к краже люди большею частью бывают недостаточного состояния и, следовательно, виновные либо не могли бы исполнять общественного приговора, либо исполнением оного подвергались бы совершенному разорению.

в) За малые преступления, как то: ссоры между собою, за неплатеж долгов и тому подобное — инородческие родонаачальники стараются большею частью склонять тяжущихся к примирению, и в случае несогласия тяжущихся предоставляется просителю и ответчику избрать из равных своих собратий посредников, 2 или 3 человека, для суждения, которые решают также примирением, удовлетворяя, однако ж, обиженного по возможности виновного денежною платою или чем-либо другим. Суд при посредниках почитается у инородцев древнейшим законом.

г) Количество наказания лозами виновного за каждое порознь преступление у них не ограничивается. Тот, который прежде замечен был в худых поступках, наказывается более, нежели впадший в первоначальное преступление, а особливо, ежели сей последний наперед сего был в обществе своем добропорядочным человеком. Вообще же родонаачальники никакого излишнего наказания и угнетения или строгого розыскания подчиненным своим не чинят, да и чинить оное почитают себя не вправе, чтобы сие в последствии времени не открылось, даже и в таких случаях, если кто-либо в чем-нибудь подаст на себя подозрение, а свидетелей или ясных и точных доказательств к уличению его не окажется, то такое темное дело предается ими воле божией.

Оставя образ правления, более относящийся до оседлых инородцев, теперь можно сказать и о кочующих тунгусах. Они не имеют постоянной жизни, следовательно, «тесных общественных между собою сношений, то и разбирательствами занимаются весьма редко или же в год однажды. По сей же причине, когда случается между родо-

вичами — что-либо подлежащее к разбирательству и суждению, то они больше, стью даже и в маловажных случаях, как то: в личных спорах, в неплатеже долгов, малых воровствах и в прочем встречают затруднения и недоумения, то по съезду в порт¹⁰ или в урочище для платежа в казну государственного ясака и тогда при друг на друга жалобы земскому исправнику, а в городе в больших делах — исправнику Охотского Приморского управления и предоставляют их разбирательству и шению. Но начальники и исправники избирают из посторонних уважаемых и более зумных несколько родоначальников, коими при присутствии начальника и исправ по основательном исследовании всего дела, оно тут же бывает решено и чрез то к дому чинится должное удовольствие, а в буйственных и бесчинных поступках изоб ченные преступники без дальнего производства наказываются ложами соразмерно ны или делается строгий выговор тем, кои менее виновны.

О бра

Брак у инородцев почитается так же, как и у русских, укреплением домашн благосостояния. Венчаются русскими священниками в стойбищах их, но весьма ред в церкви при городе. При сговорении невесты в замужество наблюдают, чтобы бы мужской и женский пол от 12 до 20 лет. За невесту платят по древнему обыкнове калым оленями или вещами, по общему условию обеих сторон, т. е. жениха и невес и по заплате всего калыма или также по особенным договорам некоторой части на, ста поступает в дом жениха, который еще до брака пользуется с нею правом оног, когда случится в их стойбищах быть священнику, в то время по обряду христианско обвенчаются. Между же совершением настоящего брака, если не заплатится со сторо жениха в срок всего калыма или произойдут между женихом и невестою несогласе тогда отец невесты приносит жалобу родоначальнику его, и в случае правильной прос бы — отбирается от него невеста, а взятый от него задаток ему возвращается, и род тели или родственники невесты не вменяют себе сие в бесчестие, что дочь или роде веняния их пребывала в оном браке. Если же из вышеописанных двух причин случ сь первая, т. е. неплатеж калыма после совершения уже настоящего брака, то недода ный калым, в случае несостоятельности обязанного платить, взимается из имения е родственников, или же сам зарабатывает. Хотя инородцы все вообще почитают бр священным союзом, но по обыкновению их допускают себе брать наложницу при жи ни жены, которую они так же покупают за калым под предлогом работницы или, к они называют, стряпки. Сие более происходит у тех, у коих нет детей от законной з ны или по старости оной. При сем случае законные их жены не показывают ревнос ию таковые работницы или наложницы берутся в дом с согласия самих их¹¹.

Наследств

Те из инородцев, кои зажиточны скотом или другим имением, располагают имен ем своим каждый в особенности; непозволительно также у них владеть чужим имущ ством. Они назначают имение свое, остаться имеющее после смерти их, родным деть, ближайшим родственникам, а в случае неимения оных — жене своей, и кому как часть имения будет назначена, тот оным и распоряжается. Завещание таковое дел ется словесно при свидетелях, если оные случатся, а в противном случае и без оны Если после смерти инородца не останется родных детей, то в таком случае предоста ляется право владения имением его жене и ближайшим родственникам, а как иноро цы вообще все, богатые и бедные, платят за жен своих калым, то если вдова молодая, не имеющая детей, выйдет за другого мужа, то она лишается [права] владения скотом прежнего мужа, если токмо есть сего последнего родственники, а калым, прежде пок койным ее мужем заплаченный, хотя не весь, но по крайней мере половина, взыска вается с того, кто на вдове женился. Впрочем, вдова платье и свойственные ей уборы переносит к другому мужу.

⁹ Родовичи — члены административных родов.

¹⁰ Имеется в виду Охотский порт — резиденция начальника Охотского приморско го управления и Охотского частного земского исправника.

¹¹ Вторую жену брали тогда, когда первая жена в силу возраста или большого объема домашней работы не справлялась со своими обязанностями, когда в семье не было детей или были только дочери, т. е. когда отсутствовали прямые наследники. Вторичный брак при наличии первой жены заключался также в случае большой разни цы в возрасте между супругами, что особенно было характерно при левиратных браках. Разумеется, что иметь несколько жен мог только состоятельный глава семьи.

Якуты и коряки, как живущие постоянно, в летнее время заготавливают сена для кота, а потом, когда из моря выходит в реки рыба, — запасают оную сушением и астью солением и для собак сберегают кости. С половины же сентября месяца рыбу эту, прорезав на концах хвоста, вешают вместо погребов в [так] называемых сайбах, менуя рыбу сию свежую, и весь промысел оканчивается к октябрю месяцу. Тунгусы оленные и пешие также запасают рыбу, только первые гораздо меньше прочих инородцев. Из якутов, коряков и пеших тунгусов малая часть, а оленные все — сверх промысла диких зверей, употребляющихся в пищу — оленей, зайцев и тому подобных, в зимние времена стараются так же с усердием упромышливать дорогих зверей, т. е. лисиц, соболей и тому подобное не токмо для уплаты в казну государственного ясака, но и для собственной своей пользы, зная то, что при хорошем промысле сих зверей могут они улучшить и свое состояние домашними вещами или дорогою одеждою. Тунгусы оленные ездят по пространству Охотской округи целыми стойбищами, а более посемейно, и в котором урочище заметят они следы каких-либо зверей, тут они, остановясь жительством, упромышливают оных. Но все вообще охотские инородцы получают весьма малый прибыль по случаю уменьшения зверей против прежних лет, и иногда полный ясак в казну зверьми не поступает. У ловцов сих на промыслах всегда бывает согласие. Например: если после отыскавшего прежде удобное для лова место придут другие инородцы, т. е. другого родоначальника родники¹², то между ними никакой распри и спору о месте и о промыслах не происходит, а промышляют они вообще всякий своим заведением миролюбиво. Полагают, что для промысла зверей нужно счастье, а без оного и самый искуснейший промышленник ничего не упромышляет.

Потому-то у них не в обычае иметь особенные границы или урочища, изобильные как зверями, так и рыбою. Но однако ж, когда в одном урочище занимаются промыслом несколько семейств и случится потеря в добычах, то изобличившийся в том вор, если по требованию хозяина не возвратит украденного из чужого промысла в урочище, то они по свидании своем с родовыми начальниками приносят о том жалобу, и тогда возвращается хозяину покраденная вещь натурою или другим чем по [равной] цене и, сверх того, виновник наказывается, как о том в пункте о наказаниях написано. Если ж на промысловых урочищах подстреленный не весьма тяжело зверь ружьем или луком уйдет и промышленник, который прежде всего ловил, не найдет в скорости, а попадется оной другому промышленнику, но хотя он и объявит тому, который прежде его стрелял, но они по обыкновению своему не токмо не отбирают себе, но и никакой части не требуют, а предоставляют в собственность находчика. Если случится при промыслах им убить медведя, то раздел происходит следующим образом: шкуру отдадут не тому, кто медведя прежде застрелил, а почтеннейшему из сородцев¹³, а мясо — по частям всем промышлявшим и непромышлявшим, причем соблюдаются довольно странные обычаи: по приготовлении мяса в пищу никто не смеет оного употреблять прежде, пока не произнесут извинения, состоящего в следующих словах, что де, не мы тебя убили, но русские или якуты, для того, что, по мнению их, звери сии без такового оправдания им, тунгусам, могут мстить.

ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1063, оп. 1, д. 2, лл. 17—29. Черновик. Рукопись.

¹² Родники — то же, что и родовичи.

¹³ Сородцы — то же, что родовичи и родники.

Н. А. Соболевская

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ В СЕЛАХ ПРИАМУРЬЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

Русское население приамурских сел специально не изучалось этнографами. Имеются лишь скудные сведения об истории заселения и социально-экономическом развитии приамурских поселений на рубеже XIX—XX вв. в работах общего характера, опубликованных преимущественно в начале XX в.¹

Советские исследователи также уделяли внимание в основном проблемам социально-экономического развития дальневосточного крестьянства. Специфика народного быта по-прежнему остается малоизученной. В настоящей статье впервые будет рассмотрен один из существенных элементов материальной культуры — сельское жилище Приамурья начала XX в. При этом будут учтены этнические и природно-географические факторы, влиявшие на уровень развития материальной культуры русского населения Приамурья в дооктябрьский период².

Источником для написания данной работы явились прежде всего материалы полевых наблюдений, собранные во время экспедиций Хабаровского краевого краеведческого музея в 1978 и 1980 гг. в амурских селах Пашково, Башурово, Радде (Облученский район ЕАО) и Верхнетамбовское и Нижнетамбовское Комсомольского района Хабаровского края.

Обмеры, чертежи, зарисовки и фотосъемка отдельных крестьянских построек Приамурья начала XX в. были произведены совместно со студентами архитектурного факультета Хабаровского политехнического института. Полевые материалы собирались с использованием методиче-

¹ Венюков М. И. Состав населения Амурского края. — Изв. Русск. геогр. о-ва, СПб., 1871; Закревский В. А. Земское хозяйство в Амурской и Приморской областях. СПб., 1911; Лопатин И. А. Кустарно-ремесленные промыслы на Нижнем Амуре. Хабаровск, 1916; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области, т. 1—4. Саратов, 1912; т. 5—6. Владивосток, 1914, 1917. Труды Амурской экспедиции. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. СПб., 1912—1913, вып. II, т. 1—2; Приамурье: Факты, цифры, наблюдения. М., 1909; Труды Амурской экспедиции. СПб., 1911—1913, вып. 1—17.

² Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984; Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1976; Борзунов В. Ф. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве Дальнего Востока. — В кн.: III научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Владивосток, 1962, вып. II; Котляров Э. Л. К вопросу о социально-экономическом положении Амурской деревни накануне 1917 года. — В кн.: Вопросы всеобщей истории. Хабаровск, 1972; Осипов Ю. Н. Об особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Дальнего Востока. — В кн.: История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973, вып. 1; Сычевский Е. П. К вопросу о социальной структуре амурского крестьянства накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — В сб.: Вопросы истории и социологии Дальнего Востока. Благовещенск, 1972; Шагин Э. М. Некоторые вопросы аграрной революции в советской историографии Сибири и Дальнего Востока. — В кн.: Историографический сборник. Саратов, 1977, вып. 6, и т. д.

ских пособий, разработанных сотрудниками Института этнографии АН СССР³.

Этнический состав населения Приамурья отражает сложный исторический процесс заселения берегов Амура в XVII—XX вв. Освоение этого района русскими началось еще с конца 40-х годов XVII в. Отрядами землепроходцев под предводительством В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, О. Степанова и др. в XVII в. по Амуру и его северным притокам были основаны первые русские остроги и зимовья⁴.

С развитием в России капиталистического способа производства, с середины XIX в., после окончательного включения Приамурья и Приморья в состав России, усилилось заселение и освоение Амура русскими переселенцами. Темпы заселения были неравномерны. Интенсивная колонизация Дальнего Востока началась с 80—90-х годов XIX в. До 1893 г. большая часть крестьян устремлялась в Южно-Уссурийский округ Приморской области. Всего с 1883 по 1892 г. в Южно-Уссурийский край прибыло 19 490 человек⁵.

С 1897 по 1903 г. в Приморскую область прибыло 60 034 человека, а население Дальнего Востока увеличилось с 0,9 млн. до 1,6 млн. человек (на 77,8%). Более половины составляли сельские жители.

В 1906—1917 гг., т. е. в период столыпинской реформы, темпы переселенческого движения из Европейской России на Дальний Восток еще более возросли, причем право переселяться получили малоимущие и неимущие слои крестьянства Украины и Белоруссии. Всего за этот период на Дальний Восток прибыло 259 470 человек, в том числе 167 547 человек в Приморскую область⁶.

В колонизации Амура участвовали казаки из Забайкалья, Кубанской области и области Войска Донского, из которых формировалось с 50-х годов XIX в. Амурское казачье войско. К 1914 г. русско-украинское население Дальнего Востока составляло около 800 тыс. человек (82% всего населения этой территории).

Население двух рассматриваемых районов Приамурья — Среднего и Нижнего Амура — по своему этническому и социальному составу различно, но объединяла его принадлежность к «старожилам».

Станицу Радде (1857 г.), поселки Пашковский (1857 г.) и Башуровский (1874 г.), входившие в прошлом в Амурскую область, основали забайкальские казаки-переселенцы с р. Горбицы. Казаки этих амурских сел служили в амурском пешем полубатальоне, штаб которого размещался в станице Екатерино-Никольской. В этническом отношении забайкальские казаки представляли особую группу русских, образованную от смешанных браков русского старожильского населения Забайкалья с эвенками и бурятами (так называемые «гураны»)⁷.

Амурское казачество было привилегированным сословием, в котором царское правительство видело свою опору на Дальнем Востоке.

Современные села Радде, Башурово и Пашково находятся в среднем течении Амура, на его левом берегу, в Буреинской горной области. Климат здесь мягче, чем в северных районах края, растительный и животный мир богаче, почвы сравнительно плодородны, в силу чего этот район был вполне благоприятен для развития сельского хозяйства.

Крестьяне-переселенцы из Тамбовской губернии России основали села Верхнетамбовское (1860 г.) и Нижнетамбовское (1861 г.). В начале XX в. в эти селения подселились крестьяне с Украины и из Белоруссии. В 1915 г. в Нижнетамбовском — «весьма богатом волостном селе» — насчитывалось 322 жителя. По сведениям современников, «мно-

³ См.: Инструкция по заполнению бланков по жилищи и хозяйственным постройкам. — В кн.: Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середины XIX в. М.: Наука, 1981.

⁴ Александров В. А. Указ. раб., с. 25—26.

⁵ Кабузан В. М. Указ. раб., с. 95—96.

⁶ Борзунов В. Ф. Указ. раб., с. 20, 193.

⁷ См. Волости и населенные места Амурской области. — В кн.: Статистика Российской империи. СПб., 1893, т. XXVII, вып. 2, с. 27; Голубцов Н. Амурский календарь на 1902 г. Благовещенск, 1902, с. 27.

гие жители имели солидные состояния, даже капиталы...». С. Верхнетамбовское «имело торговое и промысловое значение весьма малое. Оба села находятся на правом берегу Нижнего Амура. Для рельефа этого района характерно чередование низменностей и невысоких хребтов Сихотэ-Алиня. Климат значительно более суровый, с холодной зимой и весной, коротким сухим летом. Земледелие здесь малопродуктивно.

В хозяйстве местного населения большое развитие получило рыболовство, связанное с сезонным ходом кеты и горбуши. Появились и связанные с жизнью главным занятием промыслы: бондарный, лодочный. Кроме того, крестьяне занимались извозом, поставляли дрова на пароходы.

В целом, в Приамурье господствуют муссоны, с характерными резкими колебаниями температуры, летними и осенними паводками; почвы в значительной части избыточно увлажненные, с тонким пахотным слоем. Все это было непривычно для русских переселенцев и затрудняло развитие земледелия в этих районах Дальнего Востока. Природные условия повлияли на направление развития и тип хозяйства сельского населения Амура, что в свою очередь сказалось на застройке селений и устройстве жилищ.

Все обследованные селения (Радде, Башурово, Пашково, Верхнетамбовское) по классификации Е. Э. Бломквист относятся к приречному типу, характерному для северной полосы Европейской России и Восточной Сибири⁸.

Селения, протянувшиеся вдоль береговой линии Амура, имеют линейный или дуговой типы планировки. Всюду, кроме Башурово, застройка начиналась от берега, вдоль которого шла самая первая (сейчас самая старая) улица, обычно называвшаяся Набережной. Только с. Башурово строилось на расстоянии 850 м от амурского берега, у впадающей в Амур небольшой речки Волчьей.

Вот как описывает очевидец амурскую казачью станицу.

«Казачи живут в станицах, местами по крутому, местами по ровному берегу Амура; маленькие необшитые деревянные дома станиц, имеющие не более 2—3 окон, выстроены все по единому образцу в одну линию. Вид станиц чрезвычайно однообразный и не производит впечатления зажиточности и домовитости обитателей. В центре станицы или на ее окраине стоит на возвышенном месте небольшая церковь, а невдалеке от нее группа более крупных домов для священника, сотенного командира, правления и училища»⁹. Позднее, по мере заселения, появились улицы, параллельные Набережной, их пересекли спускающиеся к Амуру переулки и новые улицы, образовались кварталы.

Амурские поселения по сравнению с селами Южно-Уссурийского края, Зейско-Буреинской низменности небольшие¹⁰. В 1893 г. в Пашковском было 200 жителей, в Башурово — 139, Радде — 422, в 1915 г. — в Верхнетамбовском — 210 жителей, в Нижнетамбовском 322. В 1910 г. в п. Пашковском насчитывалось 60 домов, 147 нежилых построек, в п. Башуровском — 30 домов, 95 нежилых построек, в ст. Радде — 107 домов, 277 нежилых построек¹¹, в с. Верхнетамбовском — 42 дома, 62 нежилых постройки, в с. Нижнетамбовском — 23 жилых, 42 нежилых постройки¹².

⁸ Лопатин И. А. Кустарно-ремесленные промыслы на Нижнем Амуре. Хабаровск, 1916, с. 35—37.

⁹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн. Восточнославянский этнографический сборник. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ), т. XXXI. М., 1956, с. 30.

¹⁰ Волости и населенные места Амурской области, т. XXVII, вып. 2, с. 26.

¹¹ Населенные и жилые места Приморского района. Перепись населения 1—20 июня 1915 г., табл. I. Владивосток, 1915.

¹² Труды Амурской экспедиции. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. СПб., вып. II, т. I, ч. I (Поселенные таблицы), с. 158—163.

¹³ Анкета 1910 г. к материалам по обследованию сельского населения Приморской области. Владивосток, 1912, табл. на с. 14.

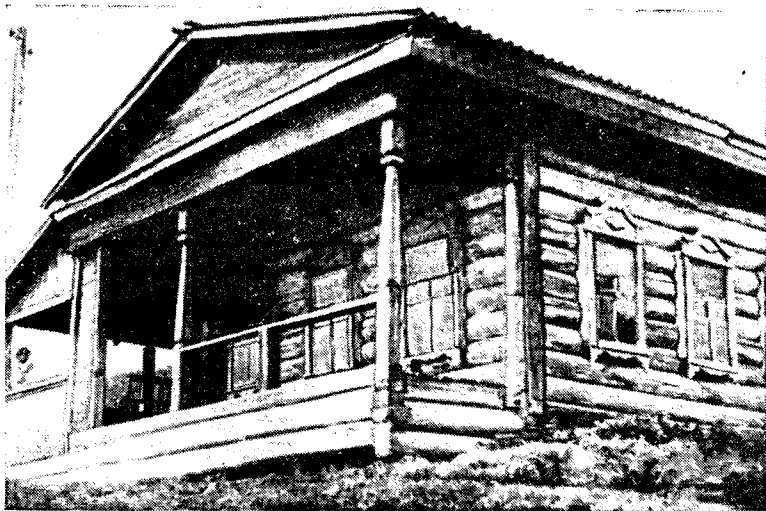

Рис. 1. Дом И. Макарова, село Радде Еврейской Автономной Области (далее ЕАО)

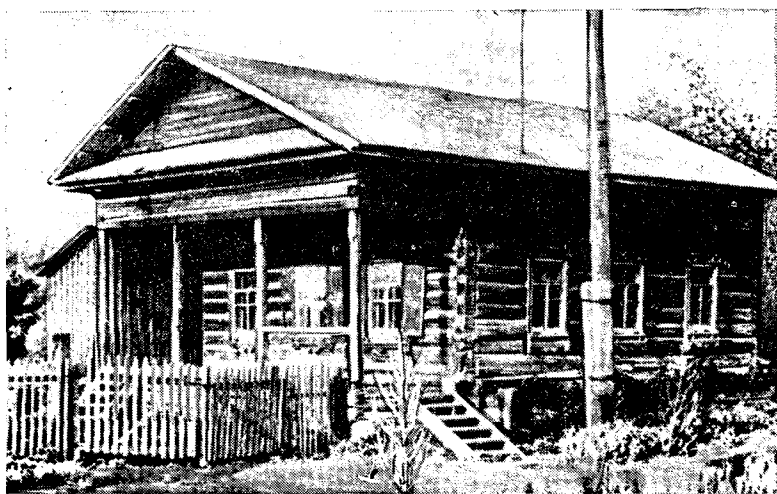

Рис. 2. Дом Русина, село Пашково ЕАО

Сохранилось незначительное число жилых построек конца XIX — начала XX в., хозяйственных же не осталось вовсе. Обследование построенных в начале XX в. жилищ проводилось выборочно, с учетом ранее собранных сведений по истории их возведения. Так, в с. Верхнетамбовском из 7 построек обследованы 4, а в Нижнетамбовском — все 12. Составлены описи 7 жилых построек в Радде, 9 — в Башурово, 3 — в Пашкуво.

Селения казаков расположены около хребта Малый Хинган, богатого ценными лесными породами, в том числе корейским кедром, имеющим красивую крепкую древесину. Для строительства использовались лиственница и кедр, которые в других местностях шли только на отдельные части сруба: влагостойкая лиственница — на нижние венцы, кедр — для отделочных работ.

В строительстве дома участвовали вся семья и родственники. Первый венец сруба клали на камни, уложенные по всему периметру. Значительная часть жилых построек во всех трех селах имеет именно такой фундамент, приспособленный к переувлажненной почве, на которой быстро сгнивали нижние венцы сруба. Невдалеке от казачьих селений,

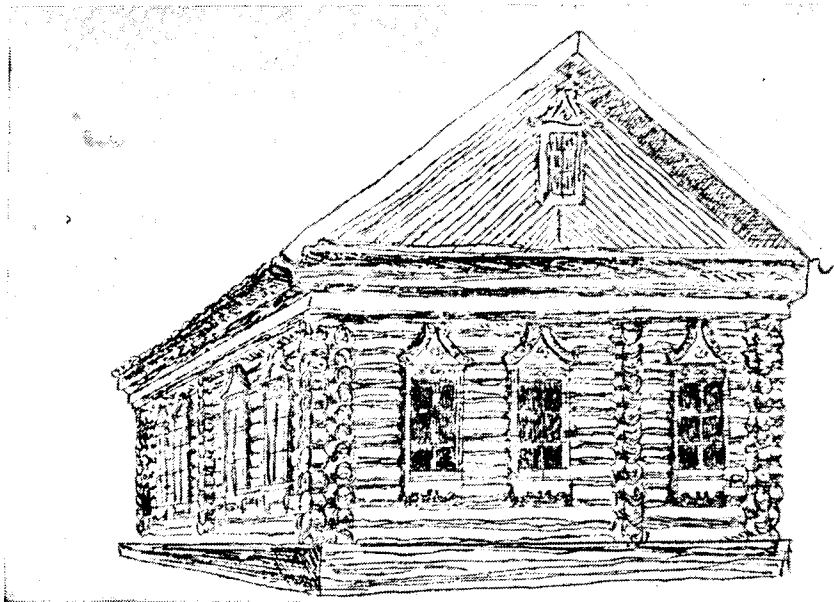

Рис. 3. Дом-шестистенок в селе Нижнетамбовское

по словам старожил, находились каменоломни, откуда брали строительный материал.

В Пашково встречаются фундаменты из лиственничных столбов вкопанных по углам сруба. Подобные фундаменты ставили в северной русской полосе европейской части страны, в Сибири, на Алтае. Одинарные полы из толстых кедровых плах настилали на уровне второго-третьего венца. Жилища имеют низкий подклет и погреб.

Соединяли бревна сруба «в угол», реже «в лапу». Толщина бревен — 25—35 см. Матицы из сдвоенных брусьев укладывали обычно параллельно входу. Сверху на матице крепили потолочник из полубревен или плах кедра, снизу иногда потолок подшивался тесом. Со стороны крыши потолочины обмазывали глиной и насыпали на них слой опилок толщиной 20—25 см.

Крыши домов двускатные, стропильные на связях. В начале XX в. крыши покрывались тесом или дранью, у бедной части населения — пластами березовой коры. Окна косячатые, со ставнями и без них, по два-три окна на фасадной стороне и два-три выходящих на галерею. Размеры домов небольшие. В основном это избы четырехстенки и пятистенки. К дому со стороны двора пристроены холодные сени, часть из которых занимала кладовая.

Для облика казачьих домов характерна — «терраса»; ее каркас сформирован «выпуском» по торцу сруба нижних и верхних венцов, между которыми врубались три опорных столба. Нижняя часть террасы зашивалась фигурными досками, скрепленными перилами. Зажиточные казаки имели застекленные террасы.

В жилище можно было попасть через два входа: один с улицы в боковую террасу, которая соединялась с сенями, как бы продолжая ее, но уже с заднего фасада. Другой вход — со двора через сени непосредственно в избу.

Внутренняя планировка жилища была севернорусского типа. В прошлом, как удалось выяснить в ходе опроса, русские печи стояли сразу от входа и были обращены устьем к окнам противоположной от входа стены. Между кирпичной печью и стеной было запечье, куда складывались ухваты, лопаты для хлеба, кочерги. Закрывалось запечье шторкой. Перед печью в полу находился люк, ведущий в подполье.

Интерьер изб был очень прост: у печи на стене висела полка — «судник», рядом мог стоять керамический чан с водой. Мебель была

модельная: деревянный стол, лавки вдоль стен; деревянные кровати и сундуки с хранившейся в них одеждой в пятистенке находились в горнице. В потолке, налево от входа, в некоторых домах сохранились еще крюки с кольцами-креплениями для детских зыбок. Внутри избы пазы между бревнами промазывали глиной, стены белили.

Сохранившийся наружный декор домов небогат. Тесовый карниз обычно не имел резьбы. Пропильной резьбой украшали лишь наличники окон.

Богато и своеобразно орнаментировались высокие (40—50 см) кокошники наличников. Лобань оформлялась сверху волютами или прямолинейным карнизом. На кокошниках домов в Пашкове и Радде встречаются карнизы «коньком», переходящие в горизонтальные полочки. Мотивы орнамента на кокошниках геометрические и растительные: ромбы, треугольники, розетки, цветы, стебли, завитки. Боковые доски наличников резьбы не имеют, на подоконной доске кое-где встречается скобообразный узор.

Дома во всех трех селах ставили параллельно улице по передней линии усадьбы; слева или справа от них находился сарай или стайка — однокамерная хозяйственная постройка для скота. Стайка строилась так: в пазы основных опорных столбов набирались по горизонтали бревна, двускатную крышу крыли тесом.

В глубине двора ставили амбар и летнюю кухню — постройку, появившуюся в этом районе в начале XX в. и характерную для усадеб южнорусских и украинских переселенцев. Амбары срубные, севернорусского типа, с «защитными» стенками и навесом с фасадной стороны. Такой амбар представляет собой клеть под двускатной крышей. Повалы на продольных стенках поддерживают навес над входом. Подобные амбары с «защитными» стенками встречаются в Восточной Сибири¹⁴.

Дом и хозяйственные постройки стояли на огороженной усадьбе с открытым двором. Площадь усадьбы иногда разделялась на «чистый» и скотный дворы, что было распространено у старожильского населения Сибири. Скотный двор располагался сзади «чистого» или в его боковой части. Размеры усадьбы зажиточного казака доходили от $\frac{3}{4}$ до 1 десятины (около 1 га). К берегу реки выносились баньки-каменки, иногда огороды. К усадьбам примыкали поскотины, обнесенные изгородью, не дававшей скоту уйти в поля или в тайгу¹⁵.

В жилых и хозяйственных постройках сел Пашково, Башурово и Радде можно выделить прежде всего комплекс севернорусских культурных традиций, характерных и для Восточной Сибири (это срубное жилище с подклетом, фундамент из камней и деревянных столбов, характерный тип внутренней планировки дома и комплекс хозяйственных строений). Южнорусские и украинские строительные традиции отмечаются в отделке некоторых домов, в расположении фасадов параллельно улице, в наличии летней кухни.

Своеобразная архитектурная конструкция — терраса была привнесена в этот район, вероятно, казаками-переселенцами из области Вой-

Рис. 4. Наличник в доме Т. А. Козловой в селе Башурово ЕАО

¹⁴ Ащепков Н. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1953, с. 101—103.

¹⁵ Волости и населенные места Амурской области, с. 42.

ска Донского и Кубанской области, для жилищ которых она была характерна¹⁶.

Таким образом, особенности архитектуры сельских жилых построек и застройки усадьбы обследованных казачьих селений по Среднему Амуру сформировались на основе разнообразных традиций, принятых забайкальскими, донскими и кубанскими казаками, а позже — переселенцами из украинских губерний. Предварительное обследование других казачьих сел выше по Амуру показывает наличие уже отмеченных характерных конструктивных особенностей жилищ, их варианты, также появление новых, пока еще слабо изученных.

Селения по нижнему Амуру (Нижне- и Верхнетамбовское) были основаны через несколько лет после казачьих сел. Первыми жилищами, по сообщениям информаторов, здесь были землянки крестьян-переселенцев из Тамбовской губернии, но уже в первый год заселения крестьяне стали возводить и постоянные жилые постройки¹⁷.

Материалом для строительства в этом районе служили лиственница и ель — наиболее типичные древесные породы Нижнего Амура. В материалах по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области отмечалось, что в первой промысловой зоне (от устья Амура до с. Вятского) «процент деревянных домов достигает благодаря обилию леса — 100%, высок также процент деревянных крыш — 77%. Дома большие: средняя площадь постройки до 17 кв. сажен» (около 30,4 м²)¹⁸.

Лес для постройки рубили зимой, бревна сначала собирали во временный сруб. Через некоторое время приступали к строительству дома. При строительстве помогали родственники, иногда нанимали односельчан. Строительный лес был несколько хуже, чем в казачьих селах (диаметр бревен 20—25 см). Сруб возводили высотой в 13—16 венцов.

Техника строительства применялась та же, что и в казачьих селениях, — в «чашу», в «чистый угол» («лапу»). Однако бедные крестьяне строившие избы из плохого леса, складывали сруб «в охряпку».

Фундаментом служили столбы из лиственницы под углами дома, что характерно для севернорусского строительства. Весьма своеобразно было устройство фундамента в виде клеток из двух-трех рядов бревен (длиной около 0,6 м), которые назывались «городки». Сам этот термин довольно архаичен. Срубные «городки» использовались в период освоения Сибири при строительстве крепостей. На Нижнем Амуре такой прием стал применяться, по-видимому, в связи с промерзанием грунта.

Для утепления жилища делали земляную завалинку. Пол стелили из плах кедра или кедрового теса. Жилища в Верхне- и Нижнетамбовском ставили на более высоком подклете из двух — пяти венцов, в котором устраивали подполье.

Матицы (две — четыре) в избах укладывали как перпендикулярно, так и параллельно входу (определенной закономерности пока не выявлено). Потолочные перекрытия в Нижнетамбовском делали из плах полубревен, плотно пригнанных друг к другу, снизу подшивали тесом. Потолок со стороны крыши замазывали глиной слоем в 10 см и засыпали землей. В Верхнетамбовском поверх матиц укладывали горбыль или накатник, замазывали глиной, а затем засыпали сухими листьями и землей (слоем в 20 см).

Крыши домов в Нижне- и Верхнетамбовском двускатные, реже четырехскатные, стропильной конструкции на «связях» — переводах. Концы связей выступают за пределы стен и защищены досками, образуя карниз. В начале XX в. крыши в этих селах покрывали тесом из кедра или ели различными способами: «в разбежку», «в притык», «в замок».

¹⁶ Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма середины XIX — начала XX в. М.: Наука, 1970, с. 22.

¹⁷ Архив отдела истории Хабаровского краеведческого музея. Полевой дневник экспедиции 1980 г., № 1, л. 20—21.

¹⁸ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области, т. I с. 70.

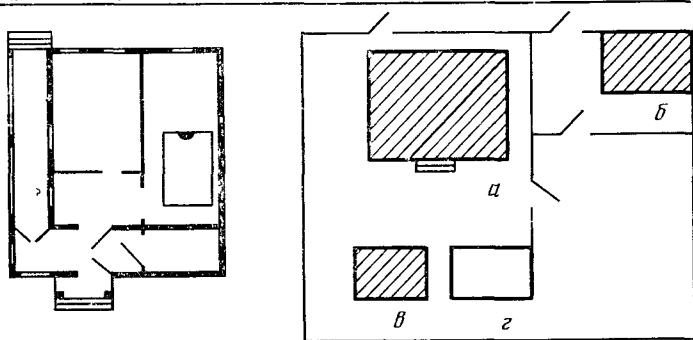

Рис. 5. Планы дома и усадьбы Т. А. Козловой: а — дом, б — стайка, в — летняя кухня, г — амбар

Крыши домов зажиточных сельчан были из волнистого оцинкованного железа (оно завозилось в Приамурье из Америки).

Жилые дома в обследованных селах имеют несколько планировочных вариантов. Самые простые — четырехстенки с пристроенными сенями. Есть и более сложная планировка: пятистенки связь (изба + сени + изба) и изба с прирубом.

Усложнение и увеличение площади жилищ на Нижнем Амуре можно связать прежде всего с экономическим фактором: рыбные промыслы способствовали росту бюджета семьи, что давало возможность расширить жилище. Обычно прируб ставили сыновья, так как молодая семья продолжала вести общее с родителями хозяйство.

Вход в жилые постройки как в Верхне-, так и в Нижнетамбовском вел со двора, через пристроенные холодные сени с кладовой. Сени из пиленых досок пристраивались как с широкой стороны дома, так и с торца (в зависимости от расположения дома), иногда занимали только часть стены. Перед входом обычно делали крыльцо с двумя-тремя ступенями без навеса. В домах с более высоким подклетом крыльцо делали на столбах, обшивали досками.

Определение типа внутренней планировки проводилось на основе информации, полученной от жителей обследованных домов. В прошлом в нижеамурских селах русские печи были в каждом доме, в начале XX в. появились голландки. Русские печи до настоящего времени сохранились лишь в с. Верхнетамбовском, во всех других селениях они были в последние десятилетия заменены отопительными печами с плитой.

По данным опроса, в обследованных домах в начале XX в. было несколько типов внутренней планировки: 1) северно- и среднерусский: русская печь была расположена справа от входной двери и обращена устьем к противоположной от входа стене (иногда кирпичную печь ставили не вплотную к стене, оставляя запечье в 20—25 см для складывания ухватов, лопат); 2) восточный южновеликорусский: русская печь расположена у фасадной стороны и обращена устьем к входу; 3) западно-русский вариант: русская печь расположена у стены с входной дверью и обращена устьем к входу.

Убранство хозяйственной и жилой частей избы изучено еще недостаточно. Выяснено лишь, что мебель была передвижная местного кустарного производства: деревянные лавки, стол у окна, стулья, «диван». «Диваном» на Амуре старожилы называют деревянную лавку с резной спинкой и подлокотниками. Он мог находиться в избе или в сенях. Шкаф и полки для посуды — в кухне; кровати, сундуки для одежды — в горнице. Внутри помещения бревна обтесывали, пазы между ними замазывали глиной, затем стены белили.

Итак, в обследованных жилищах, несмотря на довольно стойкую южнорусскую традицию, сохранявшуюся жителями — тамбовскими переселенцами, в начале XX в. значительное развитие получил северно- и

среднерусский тип внутренней планировки. Объяснить это явление можно приспособлением жилища к более суровому климату, чем на родине переселенцев. Имело значение и подселение в эти места ссыльно-поселенцев с о. Сахалин (вероятно, среди них были выходцы из северных и сибирских областей).

Наружный декор крестьянских домов прост, но и здесь есть элементы своеобразия. Пропильной резьбой украшались причелины, карнизы, наличники. Мотивы орнамента в основном традиционные восточнославянские: геометрические, растительные и зооморфные. Края причелин и карнизов оформляли треугольниками и полукружьями. Концы причелин завершались резьбой, имитировавшей кисти, перед которыми помещали обычно солярный знак; на одном доме нам встретился древний дальневосточный семантический знак — «ян» и «инь». Знак этот в домовой резьбе Приамурья появился в начале XX в., когда здесь работали артели китайских плотников-сезонников.

Кокошники наличников — наиболее орнаментированная часть деревянных конструкций дома в нижеамурских селах. По форме карнизы кокошников делятся на два основных типа: прямолинейные и двускатные с «плечиками».

Прямолинейный карниз часто имеет несколько рядов подзоров с геометрическим узором. В надкарнизной резьбе на кокошнике наличника дома Руднева, построенного в с. Пермском в начале XX в., а затем перевезенного в Нижнетамбовское, просматривается необычный зооморфный мотив — головка и крылья летучей мыши — образ, заимствованный из дальневосточной орнаментики.

Подоконные доски в основном ровные, но встречаются и с пропиленным криволинейным симметричным изгибом, который заканчивается «кистями».

Наиболее характерным декоративным элементом кокошников с двускатным карнизом являются волютообразные завитки нескольких вариантов. На некоторых наличниках встречается сочетание пропильной и глухой резьбы. Так, в Нижнетамбовском на доме, построенном братьями Зимиными в начале XX в., хозяин, умелый плотник, узор выполнил следующим образом: солярные розетки на лобани «выбраны» стамеской, а надкарнизные парные изображения рыб вырезаны способом выпиловки.

Таким образом, в орнаментике домовой резьбы в селах Нижне- и Верхнетамбовском наблюдается смешение общеславянских и дальневосточных декоративных традиций. Такую специфику можно объяснить относительной территориальной близостью и наличием этнокультурных контактов с населением пограничных зарубежных территорий Дальнего Востока.

В прошлом усадьба нижеамурских крестьян огораживалась со стороны улицы бревенчатым или тесовым забором. Попасть в ее двор можно было через калитку рядом с тесовыми воротами, покрытыми двускатной крышей. Дома располагались как по переднему краю усадьбы, так и в глубине ее и были ориентированы на Амур по-разному — и узкой широкой стороной.

Постройки располагались на усадьбе свободно, но и здесь можно отметить определенный порядок в их размещении. Вся довольно просторная усадьба у амурских крестьян-старожилов делилась на передний («чистый») и задний (скотный) двор, которые отделялись легкой заборкой — редким пряслом. Ширина усадеб вдоль улицы составляла 30–40 саженей (60–80 м), в глубину простиралась на 50–80 саженей (100–160 м).

Помещения для скота — стойки, конюшни, повети, денники — находились обычно позади «чистого» двора. От скотного двора огорожены ограниченные жердяными изгородями, тянулись далее к тайге. Для усадеб нижеамурских сел характерен вынос хозяйственных построек к берегу Амура. К речке через улицу выносились амбары, бани-каменки, также постройки, связанные с рыбным промыслом: *рыбники, ледник*

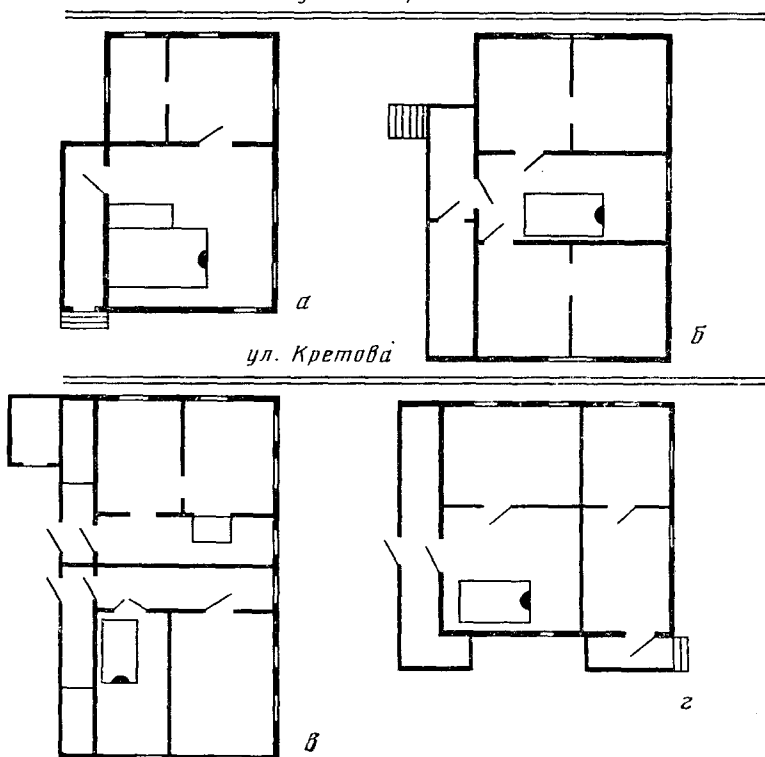

Рис. 6. Планы домов: а — пятистенок в селе Верхнетамбовское, Комсомольский р-н, б — шестистенок-связь в селе Верхнетамбовское, в — пятистенок с прирубом в селе Нижнетамбовское, Комсомольский р-н, г — пятистенок, село Нижнетамбовское, Комсомольский р-н

бондарки, коптильни. По воспоминаниям старожилы с. Нижнетамбовского К. Т. Зимина (1911 г. р.), рыбник представлял собой однокамерную постройку из теса с двускатной крышей, с земляным полом. В рыбнике находились стол для разделки рыбы, *сельница* (короб для соли на столе), бочки ¹⁹.

Ледник, по воспоминанию И. А. Зимина, мог быть вынесен на берег Амура или находился в пределах огороженной части усадьбы, недалеко от дома. Он был двухэтажным: нижний подземный сруб (3×3 м²) возводился в вырытом котловане. Его потолок из накатника, засыпанный слоем земли, служил полом для верхней части — четырехстенка с двускатной крышей из теса. В нижнюю камеру можно было попасть через люк по лестнице. Внизу хранилась в бочках соленая, а порой и свежая рыба.

К берегу реки выносились и бондарки — бондарные мастерские, представлявшие собой однокамерную постройку с навесом. В бондарке хранились инструменты, находился верстак, под навесом была сложена клепка для бочек ²⁰. Рядом с усадьбами часто встречаются колодцы с воротом под двускатной крышей. В селах Верхне- и Нижнетамбовском одним колодцем пользовались несколько хозяев.

В усадьбах и на заимках зажиточных амурских старожилов отмечались все основные типы рассмотренных построек, в усадьбе крестьянина-бедняка и новосела-переселенца начала XX в. помимо жилого дома

¹⁹ Архив отдела истории Хабаровского краеведческого музея. Полевой дневник экспедиции 1980 г., № 1, л. 15.

²⁰ Там же, л. 15—16.

имелись одна-две хозяйственные постройки (амбар, стайка), а иных не было совсем²¹.

Характерная особенность нижеамурского хозяйства — наличие боловных угодий, основанных на общественном пользовании. Рыболов угодья — это *тони*, места, где устанавливались ставные орудия лова рыбы и прибрежные участки — *рыбалки*, на которых строили пристройки: рыбник, копильню, иногда бондарню, склады для временного хранения рыбы. Число построек и их состояние зависело от степени зажиточности хозяина.

Копильня — наиболее капитальная постройка, состоящая всегда из более или менее прочного бревенчатого сруба с тесовой крышей, квадратная по форме, вышиной 5—6 саженей (10—12 м), с небольшой дверью. Пол углублен в землю на 1½—2 аршина (1,45—1,50 м), в нем-то и раскладывались дрова (корье, ветки кедровника и др.). Для прохода дыма почти под крышей в боковых стенах делали отверстия. Рыбу вешали на жердях, укрепленных на некотором расстоянии от постройки.

Большинство хозяйственных построек начала XX в. до нашего времени не сохранилось. Изменилось направление развития хозяйства: рыбный, бондарный и дровяной промыслы перестали существовать как составная экономика нижеамурских сел. Вместе с ними ушли из быта и сезонные жилые помещения на рыбалках — дощатые бараки и бревенчатые избы²².

Анализируя застройку нижеамурских крестьянских усадеб начала XX в., необходимо отметить, что огороженная усадьба со свободным расположением построек южнорусского типа здесь претерпевает некоторые изменения. На ней появляются такие постройки севернорусского типа, как *завозни* или *повети* (крытые пристройки для саней и телег), ледники, рыбники, широко распространенные и в других местностях Сибири²³, а также хозяйственные постройки на заимках, связанные с характерным для Сибири и Дальнего Востока видом землепользования.

Эти изменения в застройке усадеб связаны с географическим этнографическим и социально-экономическим факторами: влиянием сурового климата, заселением Нижнего Амура несколькими этническими группами русских и украинских переселенцев, ссыльно-поселенцами, также особенностями развития крестьянского хозяйства промысловом нижеамурского района, ростом его товарности в начале XX в.

В результате анализа полевых материалов, в известной мере характеризующих жилище и усадьбу амурских сел Нижне- и Верхнетамбовское (крестьянский комплекс) и поселений Пашково, Башурово, Радде (казачий комплекс) начала XX в., можно выделить ряд признаков, общих для этих двух комплексов жилища Приамурья и лесной полосы нашей страны, включая Сибирь. Сходны приемы строительной техники срубного жилища с подклетом, с фундаментом из столбов, камней, с деревянным полом из плах или теса, с потолком из полубревен и плах, с значительной высотой засыпки. Огороженная усадьба, обычно разделенная на «чистый» и скотный двор, типична для обширной территории лесной зоны Западной и Восточной Сибири.

Некоторые черты, связанные со спецификой ведения хозяйства в новых условиях расселения, определили ряд особенностей, характерных для обследованных приамурских сел. Наглядно проявляется смешение северного и южнорусских (украинских) элементов (пока еще трудно го-

²¹ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области, т. III с. 64.

²² Рыбные промыслы Дальнего Востока. СПб., 1900, т. I, с. 70—71.

²³ Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения западных областей (во второй половине XIX—начале XX в.). Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. — ТИЭ, т. LVII. М., 1960, с. 34; Бломквист Е. Э. Указ. раб., с. 198; Липинская В. А. Типы застройки усадеб русского населения Западной Сибири. — Сов. этнография, 1975, № 5, с. 34—35; Этнография русского крестьянства Сибири XVII—середины XIX в., с. 112—115.

ворить о доминировании определенных черт): в типах внутренней планировки жилищ, в наличии как перпендикулярной, так и параллельной постановки домов по отношению к улице, в бытовании одновременно двускатных и четырехскатных крыш, наличии в наружной и внутренней отделке обмазки и побелки стен: в одновременном бытовании хозяйственных построек северно- и южнорусского происхождения — амбара с защитными стенками, ледника, завозни и стайки, летней кухни.

Жилище амурского казачества строилось по простому плану — четырехстенок с сенями; локальной особенностью его было наличие «террасы», а в конструкции наличников отмечается высокая лобань.

Для нижнеамурского крестьянского комплекса характерна более развитая планировка жилища (пятистенок, связь, дом с прирубом), наличие построек, связанных с рыбными промыслами, — рыбников, ледников, бондарок, коптилен, рыбных складов, построек на заимках; появление в домовый пропильной резьбе наряду с традиционными славянскими мотивами орнамента отдельных элементов декора дальневосточных пограничных территорий.

В заключение нужно подчеркнуть необходимость дальнейшего исследования жилых и хозяйственных построек Приамурья начала XX в. и материальной культуры русского населения этого региона. Это даст возможность точнее определить этническую и социально-экономическую характеристики русских переселенцев второй половины XIX — начала XX в. на дальневосточной земле, а также проследить их адаптацию к местным условиям.

К. К. Логинов

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ «ЗАОНЕЖАНЕ» ЛОКАЛЬНОЙ ГРУППОЙ РУССКИХ?

Изучение традиционно-бытовой культуры на уровне этнических, этнографических и локальных групп этносов — одна из актуальных проблем советской этнографии и рассматривается ею как самостоятельная задача¹. Перспективным регионом для работы по данной тематике является Русский Север, в частности потому, что основное традиционное подразделение его населения по административно-географическому признаку на каргополов, пудожан, повенчан, петрозаводчан и т. д. уже не соответствует уровню современной науки. Данная статья посвящена одной из групп северно-русского населения, обитавшей частично в Петрозаводском, частично в Повенецком уездах бывшей Олонецкой губернии.

Под Заонежьем в этнографической литературе понимается небольшой район, расположенный в центральной части современной Карелии. Это собственно Заонежский полуостров, глубоко вдающийся с севера в Онежское озеро, с прилегающими островами. На данной территории проживают две группы русских, которые выделяются местным населением, — заонежане и уничане (с. Уница). Численность заонежан в начале XX в. не превышала 30 тыс. человек².

Заонежье с трех сторон окружено водой, а на севере его отделяет от материка неширокая, но в прошлом труднопроходимая в летний период полоса болот. Соседями заонежан исстари являются с севера и запада карелы, с востока и северо-запада русские.

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 48, 49.

² Романов К. К. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении. — В кн.: Крестьянское искусство СССР. Т. 1. Л.: Академия, 1927, с. 12.

Первые этнографические сведения о заонежанах были соо-
П. Н. Рыбниковым во время его пребывания в Олонецкой губернии
опубликованы им в 1864 г.³ С тех пор накопился значительный мате-
рассеянный в различных специальных публикациях⁴ и местной пер-
ческой печати; были также собраны богатые коллекции предметов
заонежан, хранящиеся в музеях Ленинграда⁵ и Карелии⁶. Отдел
пробелы в изучении традиционной культуры заонежан в известной
заполняют полевые этнографические сборы автора 1980 и 1982—1984
во время которых были обследованы все крупные и большинство малых
поселений Заонежского полуострова. В настоящее время можно не то-
ко обобщить имеющиеся материалы, но и выделить специфические черты
культуры Заонежья, а кроме того, поставить вопрос: следует ли вы-
делять «заонежан» как локальную группу русских? Является ли гру-
заонежан субэтносом русского этноса?

Вопрос этот не столь прост, так как традиционная культура на-
селения Заонежья представляет собой сложную систему напластований, с
жившихся исторически в процессе формирования современного на-
селения, кроме того, мы видим в ней не менее сложное сочетание обще-
особенного — общего для всего северно-русского населения, для бо-
льшинства русских групп, живших длительное время в контакте с фин-
угорским населением, и особенного, присущего русским группам По-
лонежья, или собственно заонежских особенностей.

Основу хозяйства населения изучаемого района в конце XIX — на-
ле XX в. составляли земледелие, рыболовство, скотоводство, различные
промыслы и ремесла и в незначительной степени охота. Материальной
культуре Заонежья помимо традиций, характерных для всего Русского
Севера, были присущи и явления регионального порядка, локализова-
вшиеся в пределах территории современной Карелии. К последним мож-
но отнести онежские лодки (*сойму* и *кижанку*); *волоку* — волокушу, при-
способленную для перевозки одного пассажира по бездорожью; *олонец-
кую люльку* — конские носилки того же назначения; местный тип русски-
печи (распространенный только по побережью Онежского озера); *блин-
ный столик* — подставку-скамеечку для блинной доски; зипун глухо-
покроя; неводы — *онежский* и *чап*; *олонецкую пасть* — ловушку на бор-
вую дичь и др. Все эти элементы отмечались как у русских, так и у карел.

В материальной культуре заонежан можно вместе с тем выделить
целую группу элементов, связанных с культурными традициями, «пере-
несенными» в Заонежье в период его колонизации славянами из Псков-
ско-Новгородских земель и Южного Приладожья⁸. К ним следует, по-ви-
димому, отнести особый тип двузубой сохи и серпа, сани-*пошевени*, сани
кресла, емкости для зерна — *маленку* и *лубянку*, бесполиковый (нов-
городский) покрой женских рубах, традицию ношения в быту исключитель-
но кожаной обуви; большой ассортимент выпечных изделий (четыре ра-
новидности ржаного хлеба, тринадцать разновидностей пирогов с начи-
кой, одиннадцать разновидностей блинов); традицию делать сруб из
квадратным со строго выдержанными размерами (6,39×6,39 м), ч

³ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах. — Памятная книга О-
лонецкой губернии на 1864 г. Ч. II. Петрозаводск, 1864, с. 3—39.

⁴ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М.: На-
ка, 1962. См. также: Майнов В. В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877, с. 120—
142; Романов К. К. Жилой дом в Заонежье. — В кн.: Крестьянское искусство СССР
с. 21—40 и др.

⁵ Государственный музей этнографии народов СССР, колл. 386, 585, 604, 777,
10 405 и др.; Музей антропологии и этнографии, колл. 504, 6847 и др.

⁶ Карельский государственный краеведческий музей, колл. 359, 435, 3142, 4277
и др.; государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник
«Кижь», колл. 1—22 и др.; Музей изобразительных искусств Карельской АССР, колл.
1404—1406 и др.; Медвежьегорский районный музей, колл. 504, 539, 791, 959 и др.

⁷ Архив Института этнографии АН СССР (Ленинградская часть), ф. K1, оп. 2,
д. 1232, 1270; Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 50, д. 669.

⁸ Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья. — В кн.: Северно-русские го-
воры. Вып. 3. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 206—213; *его же*. Русские говоры в бассейне
реки Оять. — В кн.: Очерки по лексике северно-русских говоров. Вологда, 1975, с. 188—
191.

было характерно для жилых построек древнего Новгорода⁹, а также пережиточно сохранившийся способ подсчета зерна при засеивании поля — в *копейках*¹⁰. Реминисценцией, возможно, более древних традиций была *одеяльница* — несшитая поясная одежда, одеваемая заонежанками дома во время сильных холодов. Подобный тип одежды, предшествующий сарафану, в северо- и среднерусских областях практически исчез, и о его бытовании в прошлом, по мнению Б. А. Куфтина¹¹, свидетельствовал только термин *понева* или *понева*¹². В Заонежье же эта одежда сохранилась, правда в качестве домашней, редко употребляемой.

Особый круг явлений материальной культуры заонежан конца XIX — начала XX в. составляли элементы, заимствованные из города. К ним можно отнести широко бытовавшие фаянсовую посуду, кофемолки, кофейники, мебель городского образца (для обстановки горниц и светелок), в домах зажиточных крестьян — выделение специальной комнаты исключительно для приема гостей, широкое использование городских мотивов при украшении наличников домов, бытование в деревне кабриолетов, тарантасов (и даже велосипедов у детей местных купцов); замену традиционной широкой верхней одежды, еще слабо дифференцированной на мужскую и женскую, облегающей. Причина столь сильного городского влияния на традиционную культуру заонежан — ориентация подавляющего числа отходников на работу в столице при сохранении неразрывных связей с родным домом. Не только ремесленники, но и купцы из заонежан, владевшие собственностью в Петербурге, имели на родине семью (жену, детей и других родственников, ведущих хозяйство) и непременно, хотя бы под старость, возвращались домой¹³.

Ряд элементов материальной культуры заонежан восходит к культуре дославянского населения Заонежского полуострова. До прихода славян этот район был населен группами финно-угров, говорившими на прибалтийско-финских языках. Среди них были древние вепсы (значительное количество местных дославянских топонимов произошло от вепских наименований¹⁴) и лопари (саамы). О пребывании последних в Заонежье напоминает ряд гидронимов в районе с. Шуньга¹⁵, а также названия деревень Лопская и Лопская Матка на территории Толвуйского сельсовета и само древнее его наименование — погост Лопский — Георгиевский¹⁶. Возможно, на полуостров еще до прихода восточных славян проникли и потомки древней корелы, первая волна колонизации которой достигла этого района в XIII в.¹⁷ Поселения со смешанным славяно-финноязычным населением зафиксированы здесь письменными источниками еще в XV в.¹⁸ Однако в результате контактов дославянское население было ассимилировано и вошло в состав заонежан. Прибалтийско-финский же субстрат до настоящего времени сказывается помимо топонимики в особенностях местного диалекта¹⁹, а также в антропологическом типе заонежан²⁰.

⁹ Ганцкая О. А. Строительная техника русских крестьян. — В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967, с. 168.

¹⁰ Одна *копейка* равнялась двум *маленкам*, или 9 пудам ржи.

¹¹ Куфтин Б. А. Материальная культура Мещеры. М., 1926, с. 79, 80.

¹² В Заонежье *понева* называлась длинная не по росту одежда.

¹³ Романов К. К. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении, с. 20—21.

¹⁴ Мамонтова Н. Н. О вепском субстрате в топонимике Заонежья. — В кн.: Проблемы изучения музыкального фольклора русских и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. Петрозаводск, 1974, с. 37—38.

¹⁵ Лескинён В. О некоторых саамских гидронимах Карелии. — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 4. Л.: Наука, 1967, с. 64.

¹⁶ Толвуйский приход Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии. — Олонецкие губернские ведомости, 1891, № 79.

¹⁷ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, с. 39.

¹⁸ Витов М. В. Указ. раб., с. 69, 168—169.

¹⁹ Например, в перетягивании ударения на первый слог слова по финно-угорскому типу. См. Мещерский Н. А. К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР. — Уч. зап. Карел. пед. ин-та. Т. XIII. Петрозаводск, 1962, с. 112—130.

²⁰ Витов М. В. Антропологические данные как источник по колонизации Русского Севера. — История СССР, 1953, № 6, с. 95, карты 3, 4.

К древним прибалтийско-финским заимствованиям элементов материальной культуры Заонежья (помимо общераспространенных на Севере таких, как *пистега* — манок на рябчика, *нодья* — охотничий костер, *ховой лавас* — помост для охоты на медведя) можно отнести устро́й в русской печи над загнетком приспособления в виде крюка для подвешивания котла; лопатку с крестообразной прорезью для доставания рыбы из ла или чугуна; формы заонежского топора и древних прялок-коп (аналогичных карельским); рукавицы для зимней тяги невода, при вязании которых в шерстяную нить добавлялся конский волос; мужские прохляповые носки *без пятаки*, т. е. в форме конуса; полихромные (с введенными желтых, синих и зеленых нитей) вышивки по бокам шейного выреза: оплечьях старинных женских рубах. Полихромные вышивки в первой половине XIX в. отмечались у карел²¹ и вепсов²².

Заимствование того или иного предмета материальной культуры всегда сопровождалось и заимствованием его названия. Например, в области рыболовства: *гарва*, *гарба*, *калега*, *кердяга* — типы сетей, *керегод* — невод, *масельга* — перемет, *курта* — ловушка из сети, устанавливавшаяся «закол»; в области охоты: *шога* — шалаш для охоты на глухарей с чучелами, *киндюга* — охотничья дубина; в области земледелия: *кубач* — омуток, *тукач* — связка соломы, *няртега* — мера емкости зерна, *няртайи* и *нярты* — приспособления для сушки снопов, *веранда* — сучки, сложенные кучу на пожоге; в пище: *мугач* — тушенные в горшке мальки-сеголетки, *кокач* — пирог с горохом, *кабуша* — род сырника и др.

Заимствованиями от соседей-карел были, по-видимому, единичные встречающиеся в Заонежье, но широко распространенные у карел также элементы материальной культуры, как трапезиевидная форма потолка курных изб, прялка «сегозерского» типа, традиция варить (а не жарить) в растопленном масле пироги (по окончании жатвы или для встречи зятя).

Отдельные элементы материальной культуры заонежан и производственные термины не имели всеобщего распространения в Заонежье, а локализовались внутри трех зон, территориально совпадающих с административными границами волостей (существовавших до 1890 г.), а также с границами распространения местных говоров. Так, в северной зоне бытовали такие способы сушки хлеба, как *груды* и *няртайи*, в восточной — *няры* (сооружения из поставленных по кругу жердей), в южной — *бараны* и *кучки*; на севере полуострова медвежьих ловушки — *шемицы*, в восточной и южной частях — оригинальные их разновидности — медвежьи *крязи*. В северной зоне лодка-долбленка называлась *челн*, в восточной — *ругача*, в южной — *ушкойка*; подстилка на сани (препятствовавшая проседанию сена) в северной и южной частях полуострова — *постельник*, в восточной — *сарга*. Кроме того, многие типы охотничьих ловушек, например западня — *запрудня*, медвежий *ямный лавас*, волчий *садок*, *заонежская пасть*, бытовали на территории отдельных приходов, хотя никакими особыми препятствиями для заимствования их соседями не было. Возможно существование выделенных нами зон и отдельных районов бытования того или иного элемента связано с историей формирования местного населения и его культуры.

В материальной культуре заонежан в конце XIX — начале XX в. имелся ряд элементов, за пределами Заонежья не отмечавшихся. К ним можно отнести особенности устройства жилища: кошел на фронтонах домов под более длинным свесом крыши; фальшивый свес, симметричный короткому; традицию прорубать в каждой стене жилого помещения (кроме стен, выходящих на север) обязательно три окна; тип наличника и прялки, называемый «заонежским»; форму воротников женской плечевой одежды — *сак* (раскроенных по диагональной, а не по продольно-

²¹ См.: Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. — Труды Института этнографии АН СССР, 1951, т. XI, с. 20, рис. 1; Косменко А. П. Карельское народное искусство. Петрозаводск, 1977, рис. 43.

²² Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука, 1980, с. 53.

нити, как у соседнего русского населения); эллипсоидную форму верхней части женских повойников (отличную от лавролистной, бытовавшей у поморов, или овоидной, бытовавшей у пудожан); вышивание подолов женских рубах узкой полосой по нижнему краю (а не по всему их полю); полное отсутствие вышивок на оплечьях (новомодных для начала XX в. рубах); а также сани-лабои, упомянутые выше одеяльница и охотничьи ловушки — заонежская пасть, медвежий ямный лапас, медвежий кряжи. Выделенный же в свое время Н. П. Гринковой «заонежский» тип кокошника²³ должен быть признан каргопольским, так как отличается от него только шириной вышивки в налобной части и конфигурацией наушников. Кроме того, не могут считаться чисто «заонежскими» полихромные вышивки на старинных женских рубахах, так как аналогичная расцветка вышивок отмечалась и за пределами Заонежья, например в Пудожском уезде²⁴.

Происхождение элементов последней группы можно связывать, по-видимому: а) с консервацией некоторых древних славянских традиций в условиях относительной изолированности Заонежья и периферийности района обитания заонежан; б) с консервацией отдельных древних прибалтийско-финских традиций; в) с локальным варьированием культуры и возникновением местных школ в приемах домостроительства, вышивки, раскроя тканей и т. п.

Группа заонежан среди населения Карелии выделялась и определенным этническим своеобразием. Об этом в какой-то степени говорит уже сам экзоэтноним «заонежане», поскольку применялся он не ко всему населению Заонежья. Так, не считали себя заонежанами и не считались таковыми у окрестного (как русского, так и карельского) населения жители деревень вокруг сел. Уница, расположенного в северо-западной части Заонежского полуострова. Свое отличие от соседей признавали также и сами представители группы заонежан. Информаторы пожилого возраста в качестве этнодифференцирующих признаков называли особенности местного диалекта и традиционной культуры, в частности материальной (например, обязательные три окна в жилых помещениях, заонежский тип наличника, ношение в быту исключительно кожаной обуви, заонежский тип прялки и др.). В качестве этноконсолидирующих признаков, сплачивающих заонежан в единую группу, назывались общность диалекта, единое самоназвание (совпадающее с экзоэтнонимом), компактность проживания. В XIX в. (а вероятно, и в начале XX в.) существовало представление об общности их происхождения от древних ювгородцев²⁵. Самосознание заонежан как групповое и этническое, а не только географическое поддерживалось также и тем, что проживали они в маргинальной зоне, по соседству с карелами. И все же выделение данной группы в качестве субэтноса представляется нам проблематичным. Скорее всего заонежане подобно поморам представляли лишь локальную группу северных русских.

²³ Гринкова Н. П. К изучению олонекских диалектов. — Труды Комис. по изучению истории Академии наук СССР. Т. IV. М. — Л., 1947, с. 292.

²⁴ Пудожский районный музей, колл. 190—1, 460—1.

²⁵ Чистов К. В. Народная поэтика И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, с. 207.

А. С. Соколов

РОССИЙСКАЯ ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ В АМЕРИКУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

История Соединенных Штатов и, в частности, быстрые темпы их экономического развития в последней трети XIX в. неразрывно связаны с процессом интенсивной многонациональной иммиграции, сыгравшей также значительную роль в формировании этнического состава страны и становлении американской нации.

В 80-е годы прошлого столетия в потоке общеевропейской миграции в Новый Свет заметно выделялась струя российских переселенцев. В это время основной контингент иммигрантов давали страны Северной Западной и Центральной Европы. «С 1880 года начинается (в США А. С.) невероятно быстрый рост так называемой новой иммиграции: восточной и южной Европы, из Австрии, Италии и России», — замечает В. И. Ленин¹. Значительно более высокий процент, чем раньше, составляли в новой волне пришельцев на американский континент и выходцы из России². Однако эта страница истории русско-американских связей отражающая довольно широкий спектр общественно-экономической и социально-этнической жизни обеих стран конца XIX в., остается практически незаполненной в советской историографии. Между тем растущее внимание американских обществоведов к проблеме иммиграции в историю США «настоятельно требует дальнейшей ее марксистско-ленинской разработки, противостоящей антинаучным концепциям», — подчеркивает еще в середине 1960-х годов А. Н. Шлепаков³. Кроме того, научная разработка такого сложного социально-экономического явления, как массовая трансатлантическая миграция из дореволюционной России, по историческому аспекту способствовала бы более точному осмыслению многих сложных процессов и в современном капиталистическом мире, вооружив нас ценным пропагандистским и контрпропагандистским материалом⁴.

К изучению трудовой эмиграции русские исследователи обратились в начале нашего столетия, привлеченные назревшей потребностью описать и разделить ее истинные масштабы и причины, так как резко увеличившийся в эти годы отток переселенцев за пределы страны, продолжая непрерывно нарастать вплоть до первой мировой войны, начал серьезно затрагивать экономические и финансовые интересы царской России. Уже в 1898 г. орган Министерства иностранных дел «Сборник консульских донесений» регулярно публикует на своих страницах отчеты и донесения русских дипломатов о численности, динамике роста и направлении миграции из России за рубеж. К работам этого рода, рассматривающим миграционные течения за океан с рубежа XIX—XX вв., относятся исследования К. Г. Воблого, С. К. Патканова, Ю. Д. Филипова, А. И. Щербатского, Н. А. Бородин⁵. В послереволюционное время вышли небольшие по объему книги В. В. Оболенского [Осинского] и Г. Б. Смолянского, с точкой отсчета в которых также является начало нашего столетия, а переселенческое движение в Америку анализируется в контексте всей трудовой российской и международной эмиграции⁶. Упоминания о трудов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 90.

² Уже в 1880 г. перепись, проведенная в Соединенных Штатах, зафиксировала 219 829 славян, в том числе 35 722 русских (Вильчур М. Е. Русские в Америке. Нью-Йорк, 1918, с. 59; см. также: Щербатский А. И. Русская эмиграция в Соединенные Штаты. Пг., 1915, с. 3). Нужно отметить, впрочем, что среди этих русских значительную часть составляли обрусевшие немцы-колонисты (меннониты), с распространением на них воинской повинности выселившиеся в 1870-х годах из России (Balch, E. G. Our Slavic Fellow Citizens. N. Y., 1910, p. 213, 278. См. также: Куропятник Г. П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи. 1867—1881. М., 1981, с. 91—92.).

³ Шлепаков А. Н. Американская историография о роли иммиграции в истории США. — Новая и новейшая история, 1966, № 3, с. 156; см. также: Афанасьев А. Л. Польны в чужих полях. М., 1984, с. 274—275; Болховитинов Н. Н. Россия и США: архивные документы и исторические исследования. М., 1984, с. 83—84.

⁴ См.: Афанасьев А. Л. Указ. раб., с. 275.

⁵ Воблый К. Г. Заатлантическая эмиграция, ее причины и следствия. Варшава, 1904; Патканов С. К. Итоги статистики иммиграции в Соединенные Штаты Северной Америки из России за десятилетие 1900—1909 гг. СПб., 1911; Филипов Ю. Д. Эмиграция. СПб., 1906; Щербатский А. И. Русская эмиграция в Соединенные Штаты. Пг., 1915; Бородин Н. А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Пг., 1915.

⁶ Оболенский [Осинский] В. В. Международные и межконтинентальные миграции: довоенной России и СССР. М., 1928; Смолянский Г. Б. Мировая эмиграция и иммиграция. М., 1926. Здесь же следует упомянуть вышедшую в 1918 г. в США на русском языке указанную книгу М. Е. Вильчура, в которой говорится о политической и трудовой эмиграции из России в Америку во второй половине XIX — начале XX в., однако, как пишет автор в предисловии, малочисленность источников и литературы ограничили возможности его исследования.

миграции из России в США имеются в работах советских историков, посвященных вопросам формирования и этнического развития американской нации⁷. Украинскую эмиграцию в США и Канаду в конце XIX — начале XX в. исследовал А. Н. Шлепаков⁸. Некоторые аспекты указанной темы затронуты в статье Н. Л. Тудоряну⁹.

Анализ американской историографии не входит в задачи настоящей статьи¹⁰. Отметим лишь вкратце, что в сравнительно немногочисленной литературе, касающейся тех или иных сторон российской иммиграции в США последней четверти XIX века, американские исследователи зачастую либо вовсе игнорируют вклад, внесенный российскими переселенцами в развитие американской экономики и культуры, либо отводят ему третьестепенную роль¹¹.

Цель статьи, таким образом, заключается в том, чтобы, опираясь на материалы из фондов центральных государственных архивов СССР, привлекая имеющуюся литературу и статистические издания, российскую прессу и публикации официальных дипломатических документов, деловую и личную переписку, определить (не претендуя, разумеется, на исчерпывающую всесторонность исследования) численность, масштабы, национальный состав, характер и причины российской трудовой миграции за океан в последней четверти XIX в.; выяснить ее влияние на социально-экономическую жизнь России и США; проанализировать условия труда, юридический статус, социальное и материальное положение иммигрантов, показать мотивы, обусловившие возвращение многих из них в Россию.

Начало миграционного движения можно отнести еще к 1870-м годам, однако число эмигрантов было тогда весьма невелико¹². Но уже в следующее десятилетие (1881—1890 гг.) миграция из царской России только в США увеличилась в 5 раз по сравнению с предыдущим, достигнув приблизительно 213 тыс. человек¹³. Прибывавших в это время в США выходцев из России можно разделить на две категории. Одни из них, будучи участниками революционного движения 1870—1880-х годов, в эпоху начавшейся самодержавной реакции перебрались за океан по политическим мотивам, стремясь оказаться за пределами досягаемости царской охраны¹⁴. Другие, не выдержав тяжелых материальных условий, национальных или религиозных притеснений, прослышав о возможности получить в Америке бесплатно участок земли и высокий заработок, надеялись в далекой стране облегчить судьбу и найти свою долю¹⁵.

В отличие от революционной трудовая миграция была гораздо многочисленней, год от года (за небольшим исключением) увеличиваясь в рассматриваемый период. Однако подсчитать, даже относительно точно, число переселенцев непосредственно из России, направлявшихся в это время за океан,— довольно трудная задача. Объясняется это прежде

⁷ См., напр.: Баграмов Л. А. Иммигранты в США. М., 1957; Шлепаков А. Н. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М., 1966; Богдан Ш. А. Иммигрантское население США, 1865—1900 гг. Л., 1976; Национальные процессы в США. М., 1973.

⁸ Шлепаков А. М. Українська трудова еміграція в США і Канаді (кінець XIX — початок XX ст.). Київ, 1960.

⁹ Тудоряну Н. Л. Миграции населения из России в период империализма (1890—1914 гг.). — Проблемы исторической географии России. Вып. 1. М., 1982, с. 205—208.

¹⁰ См. об этом, например: Шлепаков А. Н. Американская историография о роли иммиграции в истории США. — Новая и новейшая история, 1966, № 3, с. 148—156.

¹¹ Американскую библиографию вопроса см.: Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups/Ed. Stephan Thernstrom. Cambridge (Mass.) — London, 1980, p. 184, 209, 597, 894, 1009.

¹² Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1960, s. 56—57; см. также: Куропятник Г. П. Указ. раб., с. 84.

¹³ Historical Statistics of the United States, p. 56—57; Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups, p. 480; см. также: Патканов С. К. Указ. раб., с. 57.

¹⁴ О российской революционной эмиграции в США в последние десятилетия (XIX в. см.: Соколов А. С. Америка и русская революционно-народническая эмиграция 1880—1890-х годов. — Вестн. Ленинградского ун-та (Сер.: история, язык, литература), 1984, № 20, вып. 4, с. 25—30.

¹⁵ См., например: Вронский Б. Славяне Америки борются за мир. — Славяне, 1948 № 6, с. 32.

Переселенческое движение из России в США за 1885—1895 годы *

Годы	Общее число эмигрантов в США (из всех стран)	Число эмигрантов в США из России (без Финляндии)
1895	276 136	31 755
1894	344 467	35 697
1893	502 917	37 177
1892	623 084	79 294
1891	560 349	42 145
1890	455 302	33 147
1889	444 427	31 889
1888	546 889	31 256
1887	490 109	28 944
1886	334 203	17 309
1885	395 346	16 603
Итого	4 943 799	385 213

* Составлена в Вашингтоне в 1895 г. Русской дипломатической миссией на основе опубликованных федеральных отчетов. См.: Архив внешней политики России МИД СССР (далее — АВПР), ф. Канцелярия, 1895 г., оп. 470, д. 114, л. 74 (форма документа воспроизводится без изменений).

всего отсутствием в России на протяжении XIX в. (вплоть до 1905 г.) какого-либо эмиграционного законодательства и систематического учета такого немаловажного фактора в общественно-экономической жизни страны, как массовая трудовая эмиграция¹⁶. Причем статистика этого рода отсутствует как на уровне Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, так и местных губернских статистических комитетов, созданных еще в 1830-е годы. Наряду с инертностью самого важного бюрократического аппарата, одна из причин этого явления заключалась также в том, что основная масса эмигрантов ввиду сложной дорогостоящей процедуры оформления официальных документов попадала страну без санкции на то правительственных учреждений, тайно переходя западную сухопутную границу и подвергаясь при этом нещадной эксплуатации и поборам со стороны наживавшихся на этом проводников и спекулянтов-вербовщиков¹⁷. Американская же иммиграционная служба относилась к русским, долгое время не учитывая действительной национальной принадлежности, всех прибывавших в страну переселенцев Российской империи, причисляя сюда же — не говоря уже об украинцах и белорусах — выходцев из Польши и Финляндии¹⁸.

О темпах роста и тенденциях развития переселенческого движения дают представление цифры, приведенные в табл. 1, 2.

Из Финляндии за период с 1885 по 1895 г. эмиграция в США была сравнительно незначительной — 31 445 человек¹⁹. Что касается польской эмиграции в США, то за 1881—1898 гг. из Польши, по данным американской статистики, прибыло за океан 148 526 переселенцев. Анализируя эти данные под углом зрения российской эмиграции, нужно учитывать то обстоятельство, что в рассматриваемый период польские земли входили

¹⁶ Патканов С. К. Указ. раб., с. 1, 62; см. также: Вейнер А. Русская иммиграция в Северо-Американские Соединенные Штаты. — Сборник консульских донесений. 1890. Вып. 5. СПб., 1898, с. 414—415; Тизенко П. Эмиграционный вопрос в России. 1820—1910. Либава, 1909, с. 16; Яновский С. Я. Русское законодательство и эмиграция. Журн. министерства юстиции, 1909, № 4, с. 86 и др.; Оболенский [Осинский] В. Указ. раб., с. 6—8.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 18, д. 614, л. 7 — «Материалы к вопросу об упорядочении эмиграционного движения из России»; ф. 95, оп. 18, д. 616, л. 13, 23 об.; д. 61, л. 5—5 об.; Филипов Ю. Д. Эмиграция. СПб., 1906, с. 83; Орлов А. К вопросу об упорядочении нашей эмиграции. — Вестн. финансов. промышленности и торговли, 1901, т. 1, № 8, с. 331; Яновский С. Я. Указ. раб., с. 99.

¹⁸ См., например об этом: Chyz Y. J., Rouček J. S. The Russians in the United States. — The Slavonic and East European Review, 1939, v. XVII, № 51, p. 638. Witke We Who Built America. N. Y., 1945, p. 427.

¹⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1895 г., оп. 470, д. 114, л. 74. О ежегодных размерах финской эмиграции в США за 1891—1897 гг. см. также: Сборник консульских донесений. 1898. Вып. 5. СПб., 1898, с. 416; Патканов С. К. Указ. раб., с. 63—64.

Динамика российской иммиграции в США за 1881—1900 годы *

Годы	Общее число эмигрантов в США (из всех стран)	Число эмигрантов в США из России, включая Прибалтику и Финляндию (без поляков)
1881	669 431	5 041
1882	788 992	16 918
1883	603 322	9 909
1884	518 592	12 689
1885	395 346	17 158
1886	334 203	17 800
1887	490 109	30 766
1888	546 889	33 487
1889	444 427	33 916
1890	455 302	35 598
1891	560 319	47 426
1892	579 663	81 511
1893	439 730	42 310
1894	285 631	39 278
1895	258 536	35 907
1896	343 267	51 445
1897	230 832	25 816
1898	229 299	29 828
1899	311 715	60 982
1900	448 572	90 787

* Цифры приведены в американских официальных источниках: Historical Statistics of the United States . . . , p. 56, 57; Abstracts of Reports of the Immigration Commission, v. 1—2. — Senate Documents № 747, v. 7—8, 61-st Congress, 3-rd Session. Wash., 1911.

в состав Германии, Австро-Венгрии и России, тогда как цифры американской статистики отражают размеры всей польской эмиграции²⁰.

Перепись американского населения, проведенная в США в 1900 г., позволяет судить о том, какую роль в заокеанской миграции последних десятилетий XIX в. играли отдельные районы России. Наряду с губерниями Европейской России (в особенности ее юго-западным краем) основными поставщиками внешней миграции в рассматриваемое время были также западные и северо-западные, окраинные губернии, и до 1900 г. эмиграция из Центральной России была приблизительно в 4 раза менее интенсивной, чем из Привислинского края (или из так называемого Царства Польского), и в 5 раз слабее, чем из Финляндских губерний²¹.

Как показывают цифры американской статистики, с начала 1880-х годов и вплоть до 1893 г. переселенческое движение за океан неуклонно возрастало. «Северо-Американские Соединенные Штаты издали в 1882 году закон, значительно ограничивающий иммиграцию и затрудняющий доступ в Штаты лицам, которые вследствие бедности и незнания каких-либо ремесел могли бы нуждаться в общественном призрении,— сообщалось в Отчете МИД России за 1890 г.— Несмотря, однако, на эти ограничительные меры, число эмигрантов русских подданных, переселяющихся в Северо-Американские Штаты, не только не уменьшилось, но ежегодно возрастает в значительной степени, — отмечалось далее в отчете.— Так, из Бремена отбыло туда в 1886 году 3 800 русских эмигрантов, в 1887 г.— 6 500, в 1888 г.— 6 900, в 1889 г.— 9 700, а в первые семь месяцев 1890 г.— 9 100 чел., а из Гамбурга за первые 9 месяцев 1890 года

²⁰ О числе выехавших из России в США поляков можно отчасти судить по работе Варшавского статистического комитета, приводящего цифры по Сувалкской губернии, одной из десяти губерний Царства Польского (Труды Варшавского статистического комитета. Вып. 5. Варшава, 1891, с. 124—129, 137). О численности польской эмиграции из России см. также: Тр. Варшавского статистического комитета. Вып. 22 (т. 1), 39 (т. 14), Варшава, 1906, 1910; Патканов С. К. Указ. раб., с. 75, сл. «Центром польской жизни в Северной Америке является Чикаго, где издается несколько польских газет и существует польское патриотическое общество», — писал Варшавский корреспондент газеты „Новое время” в номере от 19.IV.1893 г. Об этом см. также: ЦГАОР СССР, ф. 102 (Департамент полиции), 3 дел-во, 1893 г., оп. 91, д. 4, ч. 1, л. 3.

²¹ См.: Патканов С. К. Указ. раб., с. 13.

выехало, по назначению в Соединенные Штаты, 32 000 русских под-
ных...»²²

Главными и зачастую, взаимозависимыми причинами, побуждавшими массы людей покидать родные, обжитые места и отправляться в далекие и чужую страну, являлись малоземелье и связанная с ним нищета, социальный и религиозный гнет царизма, консервативная политика правительства относительно переселений внутри России, ради своих «классов и видов» всячески ограничивавшего и тормозившего решение этого насущного вопроса. Рост населения Сибири, несмотря на пришедший элемент идет крайне медленно, отмечала, например, в 1893 г. Иркутская газета «Восточное обозрение». «На всей необъятной сибирской территории Урала до Великого океана и от китайской границы до Ледовитого моря в 1890 г. насчитывалось всего 4 782 652 жителя»²³.

Хронические неурожаи и как следствие их — массовые голодовки и болезни систематически прокатывались по России, охватывая зачастую многие губернии. «Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще», — писал в 1901 г. В. И. Ленин²⁴. Один из таких неурожаев 1891—1892 годов поразил Среднее Поволжье и большинство центральных черноземных губерний. «За страшным 1891 годом следовал 1892-ой, не менее страшный для иных губерний средней черноземной полосы (Воронежской, Орловской, Тульской), для степных губерний (Херсонской, Области Войска Донского), для северо-западных, и по всей России голодовка продолжается и в 1893-м ... Падеж скота — повсюду ... Неразрывно с холерой косят население тиф, дифтерит и др. болезни», — сообщал в обозрении «Что делается на родине» сборник, изданный в Женеве группой «старых народовольцев»²⁵. Именно на эти страшные годы приходится пик эмигрантской волны. «Нет сомнения, — подчеркивал В. И. Ленин, — что только крайняя нищета заставляет людей покидать родину...»²⁶.

Быстрое промышленное развитие США, переживавших на рубеже 1870—1880-х годов полосу экономического подъема, большой спрос на рабочие руки и высокая заработная плата, наличие в 1880-е годы еще свободных земель на западе страны — все это притягивало многих переселенцев, вынужденных искать лучшей доли на чужбине. «Капитализм создал особый вид переселения народов, — отмечал В. И. Ленин, анализируя движущие силы миграционных процессов в условиях капитализма. — Быстро развивающиеся в промышленном отношении страны, вводящие больше машин, вытесняя отсталые страны с мирового рынка, поднимают заработную плату выше среднего и привлекают наемных рабочих из отста-

²² АВГР, ф. Отчеты МИД, 1890 г., л. 84 об. — 85. Об иммиграционных законах принятых Соединенными Штатами в 1882 и 1885 гг. см. также: Юридический вестник 1891, т. 8, № 5—6, с. 276; Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups, p. 490.

²³ Восточное обозрение, 1893, № 51, с. 4. О переселенческой проблеме в рассматриваемый период см. также: *Ленский Б. П.* Крестьянские переселения. — Дело, 1881, № 12 1882, № 12 (Внутреннее обозрение), с. 68—71; *Гурвич И. А.* Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888; *Исаев А. А.* Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891 с. 165 сл.; *Кауфман А. А.* Полвека переселенческой политики. — Самоуправление, 1900, № 8, с. 5—10; *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; *Брусникин Е. М.* Переселенческая политика царизма в конце XIX в. — Вopr. истории, 1965, № 1; *Тихонов Б. В.* Переселенческая политика царского правительства в 1892—1897 гг. — История СССР, 1977, № 1; *его же.* Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978; *Якименко Н. А.* Аграрные миграции в России (1861—1917 гг.). — Вopr. истории, 1983, № 3, с. 26; *Сидельников С. А.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980, с. 23—25. Следует однако подчеркнуть, что несмотря на многочисленные трудности и препоны, в рассматриваемый период миграция земледельческого населения на окраины страны по своим масштабам значительно превосходила внешнюю, в частности заокеанскую миграцию (См., например: *Брук С. И., Кабузан В. М.* Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.). — Сов. этнография, 1982, № 4, с. 20).

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 431.

²⁵ Материалы для истории русского социально-революционного движения. Вып. 1. Женева, 1893, с. 122—124; см. также: *Скворцов А. И.* Экономические этюды. Экономические причины голодовок в России и меры к их устранению. СПб., 1894, с. 2—4.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 89.

тых стран...»²⁷. Вот почему в рассматриваемый период основной поток российской эмиграции, как отмечалось еще в исследовании К. Г. Воблого, устремлялся в далекую Америку. По данным статистики Соединенных Штатов, с 1881 по 1900 г. из России (включая Финляндию) сюда прибыл 859 391 человек²⁸, причем большую часть иммигрантов составляли мужчины, которым легче было перенести трудности дальнего пути и устройства на новом месте. Кроме того, многие покидали родные места с надеждой через некоторое время вернуться домой и с помощью заработанных денег поднять на ноги семью и свое пошатнувшееся хозяйство²⁹.

В указанные десятилетия XIX в. первое по численности место в составе заокеанской миграции принадлежало переселенцам еврейской национальности, за ними шли поляки, литовцы³⁰, финны, немцы-колонисты из Южной России и Поволжья, украинцы — частью из Российской империи, а в основном — из Закарпатья, Галиции и Буковины, находившихся в рассматриваемое время под властью Австро-Венгрии³¹. Собственно русские в этом потоке до середины 1890-х годов составляли относительно небольшой процент³².

Реакция в общественно-политической жизни России, начавшаяся после событий 1 марта 1881 г., затронула и национальную политику самодержавия, которая в рассматриваемый период «характеризовалась решительной русификацией и угнетением нерусских национальностей»³³. Особым притеснением царской администрации, поддержанной ближайшим окружением Александра III, подвергались лица еврейской национальности, поставленные законами Российской империи в самое бесправное положение³⁴. «С начала 80-х годов прошлого столетия... в Америку направились массами евреи, составлявшие с тех пор преобладающий элемент русской эмиграции», — писал в 1915 г. заместитель председателя «Общества сближения между Россией и Америкой» Н. А. Бородин³⁵.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 89.

²⁸ См.: Патканов С. К. Указ. раб., с. 4, 5. В указ. статье А. Орлова за эти же годы приводятся несколько иные, более низкие цифры.

²⁹ Последняя причина не относится к переселенцам еврейской национальности, которые, как правило, уезжали за океан с целью навсегда обосноваться в новой стране (см., например, Маневич И. А. Эмиграция евреев. М., 1916, с. 11, 12; Оболенский [Осинский] В. В. Указ. раб., с. 25, 26).

³⁰ По имеющимся оценкам, взятым из архивных материалов к 1893 г. в Соединенных Штатах проживало около 200 000 литовцев (ЦГАОР СССР, ф. 5799, оп. 1, д. 164, л. 72). Под этим этнонимом подразумевались и переселенцы латышской национальности (Патканов С. К. Указ. раб., с. 19). Следует заметить, что изданный в 1913 г. в Америке справочник для российских иммигрантов, говоря о численности литовцев и латышей, проживающих в США, дает другие, значительно меньшие цифры (Русско-американский справочник. Нью-Йорк, 1913, с. 127). Наиболее прогрессивные представители литовской иммиграции поддерживали связи с русскими революционерами, находившимися в Америке, оказывая им содействие в борьбе с царизмом (см.: ЦГАОР СССР, ф. 5799, оп. 1, д. 70 — письма председателя Союза американских литовцев и редактора газеты «Vienybe Lietuviniuk» (Plymouth) А. И. Милукаса Л. Б. Гольденбергу о поддержке агитационной деятельности русских политэмигрантов в США).

³¹ Об этом см., например: Франко И. Эмиграция галицких крестьян. — Соч. в 10-ти т. М., 1959, т. 10, с. 453; Шлепаков А. М. Українська трудова еміграція в США і Канаді (кінець XIX — початок XX ст.); Александров В. Миссионерская поездка в северо-западную Канаду. — Православный благовестник, 1900, т. 3, № 19, 20; Матросов Е. Н. Заокеанская Русь. — Исторический вестник, 1897, № 2, с. 480 и сл.; Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups, p. 200, 997.

³² Вестник финансов, промышленности и торговли, 1914, т. 1, № 8, с. 332; см. также: Оларовский А. Е. Отчет российского генерального консула в Нью-Йорке о торговом, финансовом и экономическом положении Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб., 1894, с. 10.

³³ Зайончковский Н. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970, с. 117.

³⁴ Там же, с. 131; см. также: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, с. 413—419.

³⁵ Бородин Н. А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Пг., 1915, с. 296; об этом см. также: На чужбине. Вып. 11. Женева, 1916, с. 14; ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 18, д. 616, л. 13; Берзина М. Я. Этнический состав населения США. Краткий историко-статистический обзор. — В кн.: Национальные процессы в США. М., 1973, с. 41.

Со второй половины 1880-х годов на отток еврейского населения особенности из западных и юго-западных губерний Российской империи помимо религиозно-политических причин все большее влияние начали оказывать экономические условия жизни. («Скученность евреев в городе и местечках черты [оседлости — А. С.] в последнее время еще значительно усилившаяся»), конкуренция, огромное превышение предложения над спросом, а очень часто и полное отсутствие заработков, — вот в главном образом, побуждает теперь массы бедного еврейского народа покидать насиженные места и уходить в далекие заатлантические страны», — писал в 1890 г. в книге очерков о жизни еврейских иммигрантов в Америке Г. М. Прайс³⁶. Надеясь таким путем избавиться от нежелательного и неимущего «инородческого» населения, царизм не чинил серьезных препятствий переселенцам этой категории. Так, в 1891—1892 году Комитет министров царского правительства рассмотрел и принял решение санкционировать — с рядом условий — организацию и действия в России отделения Еврейского колонизационного общества барона М. Гейша, которое бралось осуществить за свой счет переселение русских евреев в Аргентину³⁷. Однако в рассматриваемые десятилетия основная масса эмигрантов предпочитала перебираться за океан, не связывая себя договорными условиями с Обществом, направляясь на свой страх и риск в Соединенные Штаты. Правда, с 1890 г. в течение нескольких лет часть русских евреев при содействии вышеуказанного Колонизационного общества переселялась и в Аргентину. Однако встреченные ими здесь многочисленные трудности вскоре приостановили эмиграцию в эту страну³⁸. «Мне известно из вполне достоверного источника, что в течение десяти лет около 200 000 русских евреев приняты были нашею страной», — сообщал в феврале 1891 г. в инструктивном письме посланнику Соединенных Штатов в Петербурге Чарльзу Эмори Смитсу государственный секретарь США Джеймс Блейн³⁹.

Подавляющее большинство переселенцев еврейской национальности (до 9/10 всех иммигрантов) оседало в Нью-Йорке, и лишь сравнительно небольшая часть их отправлялась в другие города и местности Америки в надежде приискать там работу и пропитание⁴⁰. Тяготение этой категории переселенцев к большим городам во многом обуславливалось тем обстоятельством, что по роду своего ремесла (портные, парикмахеры, конторщики, фармацевты, часовых дел мастера, наборщики, мелкие торговцы, люди свободных профессий и т. п.) только здесь, в условиях боль-

³⁶ Прайс Г. М. Русские евреи в Америке. 1881—1891 гг. СПб., 1893, с. 1; Маневич И. А. Эмиграция евреев. М., 1916, с. 20; Оболенский [Осинский] В. В. Указ. раб., с. 45.

³⁷ См. об этом, например: ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, 1892 г., д. 4917, л. 426; д. 4919, л. 46—78 — «Вопрос относительно эмиграции русских евреев в Америку, рассмотренный на заседании Комитета министров 21 апреля и 5 мая 1892 года»; Яновский С. Я. Русское законодательство и эмиграция. — Журн. министерства юстиции, 1909, № 4, с. 106.

³⁸ См. об этом: Лапин Е. Настоящее и будущее еврейской колонизации в Аргентине. СПб., 1894; Константиновский Я. Мое пребывание в Аргентине. Одесса, 1893; Басанин М. Еврейские колонии в Аргентине. — Исторический вестник, 1898, т. 72, № 4 с. 192; Русская мысль, 1894, № 10, с. 58; Письмо из Буэнос-Айреса. Выводы из истории еврейской колонизации в Аргентине. — Восход, 1899, № 2. Что касается еврейской эмиграции в Палестину, то в рассматриваемое время она была весьма незначительна по сравнению с американским направлением (см., например: Паттерсон Д. Ж. С еврейским отрядом в Галлиполи/Под ред. и с предисл. К. И. Чуковского. Пг., 1917, с. 90, 91 БСЭ, 1-е изд., 1932 г., т. 24, с. 47, 54).

³⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1891 г., оп. 470, д. 40, л. 3. Ту же цифру в 200 000 чел. приводит в своей работе, посвященной проблемам еврейской эмиграции в США Г. М. Прайс (Прайс Г. М. Указ. раб., с. 4, 5, 44); Энциклопедический словарь Гранат М., 1911, т. 19, с. 465; см. об этом же: Матросов Е. Н. Заокеанская Русь. — Исторический вестник, 1897, № 1, с. 147; Афанасьев А. Л. Полюны в чужих полях. М., 1984, с. 267; Tarsaidze A. Czars and Presidents. N. Y., 1958, p. 319.

⁴⁰ Прайс Г. М. Указ. раб., с. 18, 19. Об этом см. также донесение первого секретаря русского посольства в Вашингтоне Г. А. де Воллана в Министерство иностранных дел России: Эмиграция в Северо-Американские Соединенные Штаты. — Сборник консульских донесений. Вып. 1, СПб., 1902, с. 26; The Aliens. A History of Ethnic Minorities in America/Ed. Dinnerstein L. N. Y., 1970, p. 229.

шого города, они могли надеяться найти применение своим навыкам и заработать на жизнь.

Напротив, прибывавшие в Америку из России литовцы, поляки, белорусы, украинцы и собственно русские, принадлежавшие на родине, как правило, к крестьянскому сословию, тяготели к земле (в особенности те, кто перебирался сюда не на временные заработки, а на постоянное жительство) и в дальнейшем старались оседать, по возможности, в сельской местности штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Массачусетс, Иллинойс, Мичиган, Северная Дакота и некоторых других⁴¹. Вначале же, не зная иных занятий кроме земледельческого труда, большинство из них, чтобы как-то прожить первое время и скопить денег на дальнейшую дорогу, вынуждены были, израсходовав на переезд через океан все свои немногочисленные средства, сразу же, ступив на берег, наниматься в чернорабочие или принискивать любой временный заработок, берясь за самую тяжелую и низкооплачиваемую работу.

Издержки на переезд в Америку составляли весьма значительную сумму. Сюда как минимум входили: приобретение билета на трансатлантический пароход, цена которого, например, на линии Гамбург — Нью-Йорк была в среднем более 80 руб. в одну сторону; оплата сухопутной дороги через Россию и Европу до порта отправления, а также расходы на приобретение заграничного паспорта или же плата за содействие нелегальному переходу через русскую границу⁴². «Когда русский впервые прибывает в Америку, он практически нищ... Почти без гроша, его первая задача — отыскать работу. Как правило, его предназначение — тяжелый труд на фабрике или в шахте...», — констатировал американский исследователь русской иммиграции в США Дж. Дейвис⁴³. «В Соединенных Штатах иммигранты из Восточной и Южной Европы занимают наихудшие оплачиваемые места», — писал об этом в 1916 г. В. И. Ленин⁴⁴. Очутившись в безвыходном положении, политически и социально бесправные, без знания языка, эти переселенцы становились объектом самой беспощадной эксплуатации и дискриминации со стороны американских предпринимателей⁴⁵. «Как раз для империализма такая эксплуатация труда хуже оплачиваемых рабочих из отсталых стран особенно характерна. Как раз на ней основан, в известной степени, паразитизм империалистских, богатых стран, подкупающих и часть своих рабочих более высокой платой при безмерной и бесстыдной эксплуатации труда „дешевых“ иностранных рабочих ... ибо эксплуататоры „цивилизованных“ стран всегда пользуются тем, что ввозимые иностранные рабочие бесправны», — подчеркивал В. И. Ленин⁴⁶.

Те иммигранты, у кого еще оставались деньги либо имелись ранее прибывшие сюда родственники, не задерживаясь в Нью-Йорке, служившем входными воротами из Европы в Соединенные Штаты, отправлялись в заранее намеченные места, где нанимались или на местные промышленные предприятия, на работы в рудники, или шли к фермерам батраками. Мечтая о своей хотя бы небольшой ферме, либо поставив себе цель заработать денег и вернуться на родину, они также должны были трудиться, не разгибая спины, на фабриках и шахтах по 10 часов (а часто и сверхурочно) в день, а в поле — от зари до зари, отказывая себе, дабы эконо-

⁴¹ См., например: Патканов С. К. Указ. раб., с. 38, 39; Воблый К. Г. Указ. раб., с. 57; Chuz Y. J., Rouček J. S. Op. cit., p. 650.

⁴² Об этом см., например: ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 18, д. 616, л. 23, 23 об.; Владыченко П. За счастьем и правдой (Очерки и наблюдения русского путешественника). — Русское богатство, 1904, № 5, с. 77; Константиновский Я. Указ. раб., с. 4; Курчевский Б. О русской эмиграции в Америку. Либава, 1914, с. 41; Леонард Н. В Чикаго на выставку! Путеводитель по Нью-Йорку, Чикаго и Всемирной Колумбовой выставке. СПб., 1893, с. 5—8, 17; Вильчур М. Е. В американском горниле. Приключения и митарства русского иммигранта. Нью-Йорк, 1914, с. 89, 90.

⁴³ Davis J. The Russian Immigrant. N. Y., 1922, p. 10, 11.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 404. См. об этом также: ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 18, д. 614, л. 27—27 об. — «Материалы к вопросу об упорядочении эмиграционного движения из России».

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 725, л. 2—3 об. — «О бедственном положении в Америке русских эмигрантов»; Курчевский Б. Указ. раб., с. 44, 45.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 371.

мать лишний доллар, в самом необходимом⁴⁷. Американская действительность, однако, обращала зачастую их мечты в недостижимый мир.

Об условиях, в которых оказывались эти люди, очутившиеся — чаще всего без каких-либо материальных средств — в чужой и непривычной для них социальной среде, поднявшейся на более высокую ступень экономического развития, с большой художественной силой и выразительностью рассказал в повести «Без языка», впервые опубликованной в 1895 г. в журнале «Русское богатство», В. Г. Короленко, побывавший в Америке в 1893 г.⁴⁸ Оторвавшимся от патриархального быта прежней жизни, многим из них, подобно герою повести украинскому крестьянину Матвею Лозинскому, путем личного горького опыта приходилось избегать от розовых иллюзий и надежд найти за океаном страну с могучими реками и кисельными берегами, постепенно и с трудом приспосабливаясь к бездушным законам капиталистического общества. Те же, кто так и не смог адаптироваться в новой обстановке, вынуждены были рано или поздно возвращаться восвояси⁴⁹. Находясь в США и наблюдая здешнюю жизнь выходцев из России, В. Г. Короленко отмечал, что большинство из них с тоской вспоминают родину и «редкий не мечтает о возможности возвращения. Среди интеллигентных людей — то же самое. Трудно примкнуть к этому страшному потоку, и в нашем брате остается всегда что-то свое, неудовлетворенное, не находящее отклика»⁵⁰.

Однако несмотря на подобные ностальгические настроения, встреч растущее недовольство и противодействие со стороны американцев враждебно относившихся к «новой» иммиграции, выходцы из царской России, гонимые безысходной нуждой, гнетом национальной, экономической и религиозной политики самодержавия, в поисках хлеба и лучшей доли по-прежнему, теперь уже проторенной дорогой, направлялись в завлеченные столь заманчивыми издали чужие края. Во второй половине 1890-х годов контингент переселенцев в США пополнился также за счет русской религиозно-сектантской эмиграции, но рассмотрение этих вопросов выходит за рамки данной статьи.

⁴⁷ Русский вестник, 1890, № 11, с. 262.

⁴⁸ С прототипом главного персонажа повести писателя познакомил находившийся вместе с ним на Всемирной выставке в Чикаго русский эмигрант-народник Е. Е. Лазарев (ЦГАОР СССР, ф. 5824 (Е. Е. Лазарев), оп. 2, д. 45, л. 6—7, 15—16, 26; Лазарев Е. Е. Моя жизнь. Воспоминания. Прага, 1935, с. 20. См. также: Короленко В. Г. Избранные письма: в 3-х т. М., 1932, т. 1, с. 110).

⁴⁹ См., например, переписку Министерства внутренних дел России с Департаментом государственной экономии Государственного совета о выделении указанному министерству денежных средств на пособие возвращающимся в Россию неимущим крестьянам, ранее эмигрировавшим в Америку: ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. XI, 1892 г., д. 213; 1893 г., д. 130 — «О кредите на пособие возвращающимся из Америки переселенцам». См. также: ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, 1897 г., д. 379 — «О переселении из Северной Америки в Восточную Сибирь 1000 семейств славян»; ф. 560, оп. 27, 1897 г., д. 96 — «О переселении славян из Северной Америки в Приморскую область». По понятным причинам в архивных фондах отложилось весьма немного личных писем этой категории иммигрантов. Поэтому мы, к сожалению, не имеем возможности проиллюстрировать здесь условия и обстоятельства переселенческой жизни в заокеанской стране словами непосредственных участников событий.

⁵⁰ Короленко В. Г. Указ. раб., с. 124. Об американских встречах В. Г. Короленко с российскими эмигрантами см. также: *его же*. Русские на Чикагском перекрестке. — Полн. собр. соч., т. 18. Харьков, 1923, с. 92; *его же*. Дневник, б. м., 1926, т. 2.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЛЕМЕН И ПОДОБНЫХ ИМ СОЦИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Термин «племя» обычно связывается в этнографической литературе с термином «первобытный». Ссылаясь на статью Л. Медника, опубликованную в журнале «Current Anthropology» в 1960 г., М. Годелье¹ отмечает, что, говоря о первобытности, подразумевают две группы характерных признаков, выявляющихся при сравнении с западными обществами. Так, бесписьменность, нецивилизованность, отсталость в развитии, отсутствие индустриализации, урбанизации и экономической специализации или же более слабая выраженность ряда черт по сравнению с западными обществами (меньшая цивилизованность, низкий технический уровень, традиционные простые орудия, малые размеры) предполагают понимание первобытных обществ как «стоящих ниже». С другой стороны, выделяется группа социальных и культурных признаков, отсутствующих в цивилизованных обществах. Первобытные общества — это общества, социальные отношения в которых основаны главным образом на родстве и где религия пронизывает всю жизнь. Им свойственно также объединение усилий для достижения общих целей и взаимопомощь.

В той мере, в какой термин «племя» ассоциируется с первобытностью, можно сказать, переформулировав мысль Годелье, что он относится к одной из стадий формирования общества в эволюционном процессе развития технологии, знаний и способности управлять силами природы, способов передачи этих знаний, понимания отношений людей друг к другу и к природе и размеров общественных групп. Однако термин «племя» связан не только с идеей первобытности. Его употребляют и в применении к тем обществам, в основе организации которых лежат главным образом моральные обязательства между родственниками, действительные или мнимые. Родственные группы пользуются особыми правами на те или иные территории, природные богатства или производительные силы, причем права эти обосновываются не силой принуждения, а представлением о связях между человеком и природой, воспроизводящим связи между людьми.

Из указанной двойственности понятия племени следует важный вывод. Представляется возможным показать аналитически и исторически, что мировоззрение, основанное на идее союза и взаимодействия между людьми и между человеком и природой (в противовес идеям конкуренции и принуждения), не обязательно должно связываться с идеей первобытности. И племя, таким образом, может перерасти свое первоначально первобытное состояние, сохранив свои социальные границы и свою самобытность.

Сторонники взгляда на племя как исключительно первобытное явление в основном относят племенные общины к категории отсталых крестьян или же видят в них родственные окружающим цивилизациям, но неполноценные группы. Так, например, Гхурье² склонен считать членов племени в Индии отсталыми индусами. Лакра, так же как и Минц и Мозер³, напротив, высказывают мнение, что индуизация не решает племенных проблем, не снимает существующих трудностей и даже, наоборот, усугубляет их: племена оказываются в положении маргинальных групп, которые уже теряют характерные для племен черты, но не являются и кастами.

Понимание процессов трансформации племенных общностей в Индии невозможно без краткого обзора взглядов на развитие крестьянства, а также концепций, связанных с преобразованием племен в касты. В 1948 г. Кребер⁴ отмечал, что «крестьяне — это бесспорно сельские жители, но,

¹ Perspective in Marxist Anthropology, 1977.

² The Shedule Tribes, 1969.

³ Gautam M. K. Aspects of Tribal Life in South Asia, 1978.

⁴ Anthropology, 1948.

поскольку они связаны с торговыми городами, их можно рассматривать как классовый компонент всего населения, в том числе населения городов, а иногда и столичных центров. Они составляют субобщество с субкультурой». По определению Редфилда, «крестьянин — это сельский житель, в издавна установившемся образе жизни которого важную роль играет город»⁵. И Кребер и Редфилд выделяют культурный аспект отчуждения крестьян с внешним миром. В то же время Эрик Вульф считает, что жизнь крестьянства в основном определяется административными политическими связями сельских жителей с государством⁶. Но Годел критикуя Вульфа с марксистских позиций, указывает, что последний пренебрегает таким критерием, как «способ производства», который в узком смысле означает «некое способное к самовоспроизводству сочетание производительных сил и специфических общественных отношений производства, определяющих структуру и форму процесса производства, а также обращение материальных благ в рамках исторически детерминированного общества». Не углубляясь в спор о «способе производства», в целях настоящего исследования скажем только, что крестьянство может быть описано как в аспекте его культурных отношений с городом, так и с точки зрения его административных и политических отношений с государством.

Если крестьяне являются «субобществом с субкультурой», то принадлежит ли основная масса племенных общин Индии к этой категории? Ведь даже в периферийных районах проживания племен уже возникли города, куда переселилась некоторая часть членов племенных общин. Не прилагают ли племена сознательные усилия к тому, чтобы обеспечить соответствие своей системы ценностей ценностным ориентациям горожан? Исследования показывают усиление социальной мобильности в племенных общинах. По сжато определению Гаутама, «силы современности также поставили себе на службу этот процесс, выдвинули понятия эффективности, показали сомнительность ценности пережиточных явлений; в то же время эти силы способствовали оживлению традиций. Во всех случаях, когда современный образ жизни предоставляет племенам средства для выражения своей солидарности, они их принимают и интегрируют в свою культуру»⁷. Ламберт показывает, что такие явления, как самоидентификация с племенем и партикуляризм, находят отражение в типе поведения в заводских условиях⁸. Приспосабливаясь к новым условиям, члены племен рассматривают фабричную организацию как продолжение социальной структуры своего племени. Сукумар Банерджи сообщает, например, что нормы, принятые на производстве, не были глубоко восприняты угольщиками-шахтерами из племени санталов⁹. В 1969 г. образованные санталы и санталы-горняки вынесли решение о применении сантальского обычного права и о содействии развитию искусства и музыки санталов.

Как мы видели, покинув племена, их члены по роду занятий не всегда переходят в категорию крестьянства. Все имеющиеся противоречивые определения последней категории согласуются в том, что крестьянство занято в основном в сельскохозяйственном секторе. Для охотников и собирателей древности земледелие было единственно возможным шагом к овладению более передовой технологией. Ныне же представители таких племен охотников-собирателей, как, например, ченчу, малапандарам или кадары, могут работать по найму на плантациях, причем указанные занятия сочетаются у этих племен с традиционным собирательским хозяйством. Человек из племени бирхор, обычно занимающийся изготовлением веревок, может жить за счет продажи торговому агенту из города изделий из дерева. Племенная община начинает вести многоотраслевое хо-

⁵ The Primitive World and its Transformation, 1953.

⁶ Peasants, 1966.

⁷ Ibidem.

⁸ Workers, Factories and Social Changes, 1963.

⁹ Impact of Industrialisation on the Tribal Population.— In: ASI Monograph, 1981 No 52.

жизнь ради сохранения своей самобытности. Такая община перестает быть «первобытной», а становится «послепервобытным» племенем¹⁰.

Мы можем обозначить классовое общество, внутри которого крестьянство составляет эксплуатируемый класс, подчиненный экономически, политически и культурно классу, не участвующему более в непосредственном производстве, как общество по преимуществу крестьянское. Однако в этом случае многие племенные общины не вошли бы в категорию крестьян. Налицо неумолимый процесс перекачки ресурсов, которыми по традиции распоряжались общины, но происходит это путем политического административного вмешательства государства, а не через посредство рыночного механизма. Осознавая истинные движущие силы указанного процесса, племенные общины тем не менее не видят в государстве той вседесущей силы, которая решает все. Многие племена Северо-Восточной Индии и центральной полосы обитания племен по-своему понимают отношение общин к природным богатствам. Избегая конфликта с государством, они тем не менее стараются следовать своим собственным моральным традициям в этом вопросе. У общин, уже лишенных доступа к природным богатствам даже в рамках преобладающей у них системы неформальных отношений, бытуют мифы о земных царствах, на которые они могут опереться¹¹. Эта черта служит отличительным признаком именно «послепервобытного» общества, но не крестьянства.

Если нельзя считать доказанным тезис о переходе племени в крестьянство, то тем более это относится и к вопросу о преобразовании племен в касты. Существуют две основные модели включения племен в систему каст. Одна из них — это описанная Н. К. Босе модель поглощения племен по индуистскому способу¹². Босе утверждает, что в кастовой системе производственная деятельность каждой из каст защищена от конкуренции со стороны других каст; поэтому, хотя племенная община при включении в индусское общество может рассчитывать лишь на очень низкий статус, кастовая система оказывается привлекательной для многих. Кроме того, институт санья служит своего рода предохранительным клапаном, дающим выход чувствам горечи, накапливающимся в повседневной жизни людей вследствие унижения, связанного с их низким статусом. Модель Босе критиковалась с разных точек зрения. Следует особо отметить, что большинство членов подвергшихся индуизации племен либо стали земледельцами, либо оказались безземельными работниками, и что кастовая система практически не обеспечивает защиты от конкуренции людям этого рода занятий.

Другая модель, довольно долго имевшая хождение, известна под названием «санскритизация». Сринивас отметил проявляющуюся среди племенных общин нижнего ранга тенденцию перенимать стиль жизни доминирующих в регионе каст, которые в свою очередь стремятся достичь соответствия своего образа жизни общеиндийским каноническим нормам¹³. В результате этого процесса перенимания ниже стоящие касты поднимались на более высокие ступени ранговой лестницы. Следует отметить, что санскритизация в описанном Сринивасом смысле — это явление колониального периода. Ранее же племенные вожди и близко расположенные к ним круги обычно воспринимали нормы жизни высших каст для расширения или укрепления союза с местной элитой. Это была стратегия горизонтального расширения социальной базы элиты¹⁴; одновременно покоренный народ мог быть инкорпорирован в нижние ранги кастовой системы. Но в течение колониального периода санскритизация как вид вертикальной мобильности стала возможной и неизбежной.

¹⁰ Roy Burman B. K. Post Primitives of Chota Nagpur.— In: Race and Society. UNESCO, 1979.

¹¹ Roy Burman B. K. Challenges and Response in Tribal India.— In: Social Movement, v. II, 1980.

¹² Hindu Method of Tribal Absorbition.— In: Science and Culture, 1941, v. 7.

¹³ Religion and Society among the Coorgs of South India, 1952.

¹⁴ Roy Burman B. K. Social Change in North East India.— In: Dimensions of Social Change, 1974.

ной по двум причинам. Первое: после кодификации индусских законов основанных на нормах, установленных брахманскими пандитами и утверждаемых священными источниками, санскритизация получила силу закона. Второе: распространение светских ценностей, с одной стороны, и дух национально-освободительной борьбы — с другой, подрывали сопротивление «высших» каст «дерзости» низших, стремившихся жить, как они. В наши дни, напротив, движения, обратные санскритизации, стали практической реальностью среди членов племен во многих частях Индии.

В настоящее время санскритизация как процесс утратила свою главную значимость. Однако имеются свидетельства того, что многие племена продолжают перенимать индусский образ жизни. Ф. Г. Бейли отмечает в связи с этим, что улучшение экономического положения кастов позволяет им не столько отстаивать свой статус принадлежности какой-либо группе каст, — это для них не так важно, — сколько обеспечивать соответствие своей жизни нормам хорошего поведения в истории¹⁵. Буэс предпринял попытку истолкования этого явления применительно к санталам¹⁶. По его словам, они «не претендуют на какой-либо кастовый статус, поскольку предпочитают усваивать индуистскую систему в качестве модели, допускающей реинтерпретацию... Санталы не бы дублируют индуистское общество с тем, чтобы не быть поглощенными; индуизм рассматривается в качестве набора референтных вех, которые они воспроизводят по-своему в рамках своего собственного общества». Анализ тенденций развития общества санталов подтверждает наличие процесса, названного Гаутамом сантализацией. По его словам, это означает «свободу от кастовой системы и независимый этнический статус».

Анализ показывает необходимость изучения основного содержания таких понятий, как «этническая группа», а также аналогичных ей обозначений. Этнической группой можно считать любую воспроизводящуюся от поколения к поколению группу людей, обладающих общими ценностями, ведущих единый образ жизни, с собственным исключительным прочим символом принадлежности и самосознанием. Совершенно очевидно, что при таком определении этническая группа пересекается с племенной общностью, но не все этнические группы являются племенами. Обычно племенная община связана исторически или имеет особые права по отношению к производственным ресурсам, в то время как этническая группа может такими правами не обладать. К тому же племенные общины — сравнительно замкнутые объединения, а этнические группы могут быть и не столь замкнутыми.

Параллельно с этническими группами следует рассмотреть также существенные образования, как нации и национальности (народности). С понятием нации связан вопрос о символе национальной принадлежности, о владении ресурсами и о внутренне присущей нации тенденции к организации государственной власти, которая в конечном счете предполагает способность к применению принуждения. Для национальности также характерно вычленение символа принадлежности, наличие исторических прав на определенные ресурсы, но без тенденции к организации собственной государственной власти. Существенное различие между нацией и национальностью, с одной стороны, и этнической группой — с другой, состоит в том, что принадлежность к двум первым может определяться по желанию, а принадлежность к последней обычно приобретаетс от рождения. Кроме того, единство членов этнической группы обеспечивается в основном чувством моральной связи, а не посредством принуждения. Отсюда следует, что этничность связана с осознанием родственности между членами этнического образования, а также выявлением на первый план моральных связей между ними. Нация-община

¹⁵ Caste and Economic Frontier.

¹⁶ Acculturation and/or Dialects: Aspects of Tribal Life in South Asian India.—In Ethnologica. Berne, 1978.

ство в отличие от нации-государства может обнаруживать многие черты этничности и давать начало различным типам социального воздействия на племенные образования, входящие в орбиту национального движения.

Ныне с расширением реальных взаимных связей, с развитием государственных институтов, проникающих почти во все районы страны, а также с распространением товарного хозяйства, развитием местного производства перед племенными общинами встают новые проблемы, требующие соответствующих действий. Они сознают бесполезность разрозненных выступлений в защиту своих интересов и почти инстинктивно стремятся к сплочению. В Северо-Восточной Индии особенно отчетливо проявляются попытки реинтерпретировать, воспроизводить и развивать традиционные элементы культуры, создавая более крупные и сплоченные общности. Этот процесс расширения сферы самосознания может быть назван инфра-национализмом в случае, когда его движущей силой выступает традиционная элита, приспособляющая функционирование традиционной коммуникационной сети к современным нуждам. Однако существует этап, на котором движущие силы и направление такого расширения могут определяться образованной элитой по современному типу формальных ассоциаций. Последний процесс можно назвать прото-национализмом¹⁷. Примерами прото-национального движения являются движение Джаркханд в Чхаттангпуре или движение за образование «Адивасистана» в Гуджарате. И инфра- и прото-национальные движения направлены на расширение сферы этнического самосознания, но при этом различия между ними далеко выходят за такие рамки, как характер элиты и средства коммуникации.

Участников инфра-национального движения интересует в первую очередь защита не только права на контроль над своими природными богатствами, но и на сохранение традиционной системы пользования ими. Эти движения представлены прежде всего моральными общностями, реагирующими на функционирование нации-государства с моральной, а не с политической позиции.

Прото-национальные единства, напротив, не только стремятся к сохранению своей традиционной природной базы, но и требуют своей доли в государственных ресурсах. Кроме того, не стремясь к политической независимости, они рассчитывают на участие в управлении государством. Прото-национальные единства — это скорее синтез классовых и сословных группировок в рамках нации-государства, представляющего собой часть глобальной системы, основанной на принципах максимизации прибыли и характеризующейся все возрастающим углублением социального неравенства.

¹⁷ Roy Burman B. K. Perspective in North-East India, 1965.

Е. В. Говор

**Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ
(забытые страницы)**

Воспоминания современников о нашем выдающемся соотечественнике имеют двоякую ценность: с одной стороны, они нередко освещают малоизученные страницы жизни Н. Н. Миклухо-Маклая, углубляя представления о его многогранной личности, а с другой — показывают, как он воспринимался современниками, характеризуют его окружение. Широко известны опубликованные на русском языке воспоминания В. П. Перелешина, П. Н. Назимова (в изложении А. Б. Асланбегова), А. А. Раковича, Дж. Гальтона, Г. Моно, К. Д. Носилова, А. Пресса, Д. Н. Анучина, менее известны — П. А. Кропоткина, И. В. Маляревского и др. Однако русская печать и до сих пор таит множество ценных сведений о путешественнике. Интенсивный поиск показал, что, несмотря на кажущуюся ее изученность, учтено и введено в научный оборот еще далеко не все. Ряд опубликованных воспоминаний и записок современников Миклухо-Маклая остается либо забытым, либо никогда не упоминается исследователями его жизни и деятельности.

Одна из таких публикаций связана с малоизученным периодом жизни ученого, когда в конце 1874 г. Миклухо-Маклай поселился во дворце магараджи Джохорского перед путешествием по Малаккскому полуострову. 3 декабря он делает запись в дневнике: «Я обедал один, был доволен одиночеством, как вдруг нагрянули неожиданно четыре англичанина, приехавшие в гости к махарадье. Только к половине двенадцатого ночи они уgomонились, а то болтали, пели, свистали etc., etc. Положительно меня все более и более утомляют „die ordentlichen Mitglieder des Menschenpacks“»¹. Оказалось, что воспоминания одного из этих англичан вскоре были напечатаны в английском детском журнале, а в 1876 г. переведены в России². В дневнике Миклухо-Маклая с 4 по 8 декабря 1874 г. нет записей, воспоминания же англичанина проливают свет на жизнь во дворце в эти дни. Он, например, описывает такой эпизод: русский ученый «хотел исследовать голову одного молодого малайца, которого он видел работающим в дворцовом саду; но несчастный мальчик не имел понятия о науках и думал, что Миклухо-Маклай колдун и сглазит его» и убежал в большом испуге³. Возможно, здесь речь идет о юноше Чанди, портрет которого в дневнике Миклухо-Маклая помечен 4 декабря.

В воспоминаниях можно найти детальное описание дворца, сада, характеристику магараджи Абубакира, распорядок дворцовой жизни. Сообщается и о дальнейшей деятельности Миклухо-Маклая, о котор-

¹ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2. М.—Л., 1950, с. 121.

² Четыре дня во дворце. Станция Миклухи-Маклая (Из записок англичанина Пер. Сахаровой А. Г.—Семья и школа, 1876, кн. 1, № 4—5, с. 447—455. Найти английский источник нам пока не удалось из-за отсутствия английской детской периодики за 1875—1876 гг. в наших библиотеках.

³ Там же, с. 455.

автор узнал уже будучи в Англии, в частности о проекте биологической станции. Здесь же напечатано сообщение из английских газет о втором путешествии Миклухо-Маклая по Малаккскому полуострову — приводится точная дата его появления в Галенских рудниках в Потани (28 августа 1875 г.), отмечается, что он был в добром здравье.

Еще большую ценность представляют воспоминания Эдуарда Романовича Циммермана, известного русского путешественника, побывавшего в 1881—1882 гг. в Австралии и Океании. Его увлекательные репортажи публиковались в 1882—1884 гг. в «Отечественных записках», а затем в «Русской мысли»⁴. Интересные сведения сообщает он и о Миклухо-Маклае.

Еще на пути в Австралию Циммермана поразила большая популярность его имени как среди ученых, так и среди людей, далеких от науки. В декабре 1881 г. Циммерман прибыл в Сидней и отправился на пароходе на биологическую станцию в Уотсон-Бей, где в это время жил ученый. Описание окрестностей станции и пути, который не раз приходилось проделывать и Миклухо-Маклаю, словно переносит нас на столетие назад, дает возможность живо представить это место таким, каким видели его современники Миклухо-Маклая. «Место, отведенное здешним правительством под станцию,— рассказывает Циммерман, — не лишено своеобразной пустынной прелести: каменистый грунт едва покрыт тонким слоем зеленеющего дерна; подойдя к краю скалистого берега, вы видите... пролив, соединяющий воды океана с Порт-Джексоном... В недалеком расстоянии от станции, ближе к выходу в океан, на мысе возвышается маяк, а там далеко, до самого горизонта катятся морские волны, буруном разбиваясь об отвесные скалы. Среди этой величавой обстановки и помещается скромное убежище ученого исследователя»⁵.

Сойдя с парохода, Циммерман застал на пристани самого Миклухо-Маклая. Было ли у того обыкновение встречать заходивший в Уотсон-Бей дважды в сутки пароход, или у них была предварительная договоренность, можно только гадать. Однако тон описания этой встречи передает искреннюю радость Миклухо-Маклая, возможно, просто стосковавшегося по общению с соотечественниками. Циммерман рассказывает: «Он тотчас же повел меня на основанную им станцию. Поднявшись по скалистому берегу, ...мы вышли на возвышенную площадку, где на каменистой почве одиноко стоит новый, небольшой коттедж с верандой со всех четырех сторон»⁶. Биологическая станция, по воспоминаниям Циммермана, состояла из трех небольших отделений, каждое из которых делилось на рабочую комнату-лабораторию и спальню. Миклухо-Маклай занимал треть дома, два других отделения пока пустовали. Таким образом, станция предназначалась не для шести, как пишут иногда, а для трех исследователей, но имела шесть комнат.

Анализ рассказа Циммермана о значении зоологических станций и их истории позволяет предположить, что перед нами почти дословная запись беседы с Миклухо-Маклаем. Сведения, сообщаемые им, наиболее близки к основным положениям статьи Миклухо-Маклая «О проекте организации зоологической станции в Сиднее», напечатанной в 1878 г. в «Трудах» Линнеевского общества на английском языке⁷. Однако Циммерман ни разу не воспроизводит дословно эту статью, да и вряд ли он был знаком с ней, не будучи специалистом в данной области. Почти в каждой фразе здесь слышится голос самого Миклухо-Маклая: «Вследствие широкого развития естественных наук за последние десятилетия,— читаем мы,— недостаточными оказались музеи и тому подобные склады разных коллекций для строгого изучения природы»⁸. Отме-

⁴ Циммерман Э. Путешествие по Австралии и Океании.— Отеч. зап., 1882, № 8, 9, 12; 1883, № 7—9; Рус. мысль, 1884, № 6—8.

⁵ Отеч. зап., 1883, № 9, отд. 1, с. 221.

⁶ Там же, с. 220.

⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 3, ч. 2. М.— Л., 1952, с. 337—343.

⁸ Отеч. зап., 1883, № 9, отд. 1, с. 220.

чая необходимость изучения живых организмов в их среде, Циммерман далее прямо ссылается на слова Миклухо-Маклая: «Зоологическая станция и должна служить... мастерскою или лабораторией для естественно-научных изучений в самом обширном смысле слова»⁹. Изложение финансовой стороны вопроса создания станции, переданное Циммерманом, несомненно, со слов Миклухо-Маклая, совпадает с данными Ф. Гринопа¹⁰ и расходится со сведениями, приводимыми другими авторами.

Обращаясь к исследованиям путешественника на Новой Гвинее Циммерман одним из первых отмечает в деятельности Миклухо-Маклая прежде всего то, что он «снискал себе уважение дикарей, почитавших его чуть ли не сверхъестественным существом»¹¹. Особый интерес для этнографов могут представить высказывания Миклухо-Маклая об отпадении собственности у папуасов, приводимые Циммерманом. Как известно, в трудах Миклухо-Маклая встречаются описания отдельных конкретных фактов, имеются упоминания об общинной собственности на землю, но отсутствует обобщающая характеристика всей системы этих отношений в целом. Поэтому большую ценность представляет следующая четкая, простая формулировка в статье Циммермана с указанием на то, что он приводит слова самого Миклухо-Маклая: «...у племен, среди которого он жил, господствуют общинные начала: земля составляет собственность племени, живущего в деревне, и разверстывается на участки по семьям. Глава каждого семейства раздает участки младшим членам его, сообразуясь с их потребностями. Таким образом, каждый пользуется землею лишь до тех пор, пока он ее возделывает»¹². Вероятно, под семьями здесь понимаются вемуны. Подобную систему земельной собственности у папуасов описывает и Н. А. Бутинов на основе современных данных¹³. Тем интереснее отметить и в этой области приоритет Миклухо-Маклая, который задолго до других ученых раскрыл сложный характер собственности на землю в первобытной папуасской общине. То, что Циммерман из всей беседы с Миклухо-Маклаем заострил внимание именно на вопросах земельной собственности и общины не случайно. В то время эти вопросы стояли в центре внимания и в русской жизни, что нашло свое проявление, например, в этнографических работах М. Ковалевского.

Циммерман кратко знакомит русского читателя и с политической стороной деятельности Миклухо-Маклая. Прежде всего он отмечает интерес к исследованиям путешественника со стороны англичан, желавших при колонизации Новой Гвинеи воспользоваться тем доверием и уважением, которое питали папуасы к Миклухо-Маклаю. Сообщает Циммерман, правда, без каких-либо подробностей, и о «тепло написанном заявлении»¹⁴, с которым Миклухо-Маклай обратился к английскому правительству в надежде предотвратить губительные для островитян последствия столкновения с европейской цивилизацией, и отмечает тщетность подобных действий. К этой теме он возвращается в своих путевых очерках не раз, приводя факты об истреблении коренных жителей Австралии, Тасмании и Океании, в том числе рассказывает подробно об охоте на «черных дроздов» — проблеме, которой как раз в эти месяцы уделял большое внимание Миклухо-Маклай.

Определенный интерес для историков могут представить воспоминания Всеволода Федоровича Руднева, командира легендарного крейсера «Варяг». В юности, во время своего первого кругосветного плавания на

⁹ Там же.

¹⁰ *Greenop F. S. Who Travels Alone. Sydney, 1944, p. 183, 185.*

¹¹ *Отеч. зап.*, 1883, № 9, отд. 1, с. 222.

¹² Там же, с. 223.

¹³ *Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968, с. 97—113. О вемунах см. также статьи Н. А. Бутинова «Вемуны в деревне Бонгу» и Д. Д. Тумаркина «Хозяйство папуасов бонгу» в сб. «На берегу Маклая». (М., 1975).*

¹⁴ *Отеч. зап.*, 1883, № 9, отд. 1, с. 223. Вероятно, имеется в виду письмо Н. Н. Миклухо-Маклая начальнику австралийской морской станции от 8 апреля 1881 г. (Собр. соч. Т. 4. М.—Л., 1953, с. 192—194).

рейсере «Африка», он вел дневник, который потом лег в основу его книги¹⁵. Как известно, «Африка» входила в состав русской тихоокеанской эскадры, на одном из кораблей которой — «Вестнике» — Миклухо-Маклай в феврале 1882 г. покинул Австралию. Поскольку Руднев и Миклухо-Маклай находились на разных кораблях, воспоминания мало то добавляют к нашим скудным сведениям об этой поездке Миклухо-Маклая. Но тем не менее в книге есть ценные сведения, относящиеся ко всей эскадре, например точные даты перехода кораблей из порта в порт.

Наиболее интересен подробный рассказ Руднева о кампании клеветы австралийских газет с приведением полного текста ряда сообщений. Именно эти ежедневные газетные нападки ускорили выход эскадры из Чельбурна. Так, в газете «The Age» с сенсационными разоблачениями выступил некий Генрих Брайант, состоявший якобы на секретной службе у командира эскадры А. Б. Асланбегова. Газета приводела тексты шифрованной депеши из русского морского министерства и ответ Асланбегова, где речь шла о разведывательной деятельности и, что уже совсем невероятно, о последующем захвате австралийских портов, указывались даже размеры контрибуции с каждого города. Сообщение о прибытии «барона Маклая» на корабль¹⁶, фигурировавшее в газетах в одном ряду с прочими сфабрикованными донесениями о деятельности Асланбегова, приобретало явно одиозный характер. О том, что и другая мельбурнская газета, «Argus», связывала пребывание Миклухо-Маклая в Австралии с крейсерской русской эскадры в Тихом океане, сообщал и Циммерман. «Не имеет ли Россия видов на Новую Гвинею», — писала она¹⁷. Однако вскоре выяснилось, что Г. Брайант был отъявленным проходимцем и мошенником, и австралийским газетам пришлось признать вздорность его измышлений¹⁸.

В 1883 г. Н. Н. Миклухо-Маклай на корвете «Скобелев» посетил Новую Гвинею и некоторые другие острова Океании. Об этом плавании сохранились дневниковые записи самого ученого. Кроме того, Б. А. Вальской опубликованы рапорты и письма командующего тихоокеанской эскадрой Н. В. Копытова и командира корвета «Скобелев» В. В. Благодарова¹⁹. Оказалось, что еще один участник экспедиции, молодой офицер Иван Павлович Азбелев, оставил интересные воспоминания о ней. Удалось обнаружить два варианта воспоминаний²⁰, причем обе эти публикации представляют совершенно различные тексты, нисколько не дублируя друг друга. Воспоминания в «Московских ведомостях» характеризуют все путешествие, но более подробно первую его часть — от Сингапура до Берега Маклая. Ценность и достоверность их не вызывает сомнений. Воспоминания же, опубликованные в «Роднике», были рассчитаны на детей старшего возраста, и это наложило на них свой отпечаток; на первый взгляд, они даже кажутся излишне беллетризованными. Однако тщательный анализ текста, сопоставление его с другими

¹⁵ Руднев В. Ф. Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880—1883 годах. СПб., 1909 [обл. 1912], 169 с.

¹⁶ Там же, с. 113.

¹⁷ Отеч. зап., 1883, № 9, отд. 1, с. 223.

¹⁸ Fitzhardinge V. Russian Naval Visitors to Australia, 1862—1888.— Journal of the Royal Australian Historical Society, 1966, vol. 52, pt 2, p. 148—152. Подробнее этот эпизод рассмотрен в докладе А. Я. Массова на VII Маклаевских чтениях (Ленинград, 1985).

¹⁹ Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г.— В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 13. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 2. М.: Наука, 1972, с. 7—40; *ее же*. Плавание Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете «Скобелев» в 1883 г.— В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 24. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 5. М.: Наука, 1982, с. 65—94.

²⁰ Азбелев И. У дикарей (Из дальнего плавания).— Родник, 1891, № 11, с. 479—505. Тот же текст вышел отдельной брошюрой: Азбелев И. У дикарей (Из воспоминаний бывшего русского моряка). СПб., 1899, 44 с. (2-е изд. СПб., 1904, 43 с.). Другой текст воспоминаний был опубликован под псевдонимом: Лев П. У папуасов (Из воспоминаний моряка о Н. Н. Миклухо-Маклае).— Моск. ведомости, 1893, 6 сент., № 245; 7 сент., № 246.

известными источниками приводят к выводу, что это повествование Азбелева состоит как бы из двух потоков. Первый, вполне достоверный,— это его личные впечатления от плавания, контактов с туземцами, и, что важнее всего, деятельности Миклухо-Маклая. Записи охватывают 6 дней с 16 по 21 марта 1883 г. Однако этого автору или редактору журнала показалось недостаточно, и текст был дополнен разнообразными компилятивными сведениями о Новой Гвинее, о жизни папуасов разных частях острова. Ныне эти данные, конечно, утратили свое значение. Страницы же, посвященные непосредственным впечатлениям Азбелева, и сейчас читаются с большим интересом, дополняя известные сведения об этом плавании рядом новых фактов, делая его более зримым, поскольку сам Миклухо-Маклай часто описывает события очень подробно, не говоря уже об официальных рапортах Копытова и Благодарева.

Обратимся сначала к публикации в «Московских ведомостях». Замечания позволяют представить плавание «Скобелева» к Новой Гвинее в восприятии рядового участника экспедиции. Азбелев пишет: «Длительной стоянке в Сингапуре в ожидании распоряжений и об упорном хождении среди команд слухах о предполагаемом плавании на «Дне острова». Далее он сообщает, что в феврале была получена телеграмма из Петербурга с приказанием «Скобелеву» немедленно идти в Сидней, взять там Миклухо-Маклая, а затем с ним отправиться на Новую Гвинеею и другие острова²¹. Однако из донесений Копытова известно, что вместо «Скобелева» в Австралию предполагалось послать другое судно. Учитывая сообщение Азбелева, можно предположить, что пока велись официальные переговоры Копытова с морским министерством, команда находилась в полном неведении об изменении маршрута и питалась лишь слухами. Подробно описана Азбелевым стоянка в Батавии: неожиданное появление на борту Миклухо-Маклая, рассказывает он о пребывании в Макассаре, где Миклухо-Маклай посетил губернатора и раджу.

Но вот, наконец, корвет вошел в залив Астролябия. Азбелев вспоминает: «Н. Н. Маклай во всем белом стоит на мостике, в неизменной белой пробковой каске на голове и ни на минуту не сводит своих голубых лихорадочно горящих глаз с утопающей в зелени линии берега. Мы „молодые Робинзоны“, ...теснимся вокруг него, надоедая ему своими расспросами»²². Первая встреча с папуасами в дневнике Миклухо-Маклая описана немногословно: «...в половине шестого вечера бросили якорь в порте Константина. Я съехал на берег, на мысок Обсервации, и, увидев там несколько старых знакомых из Гумбу, сказал им, что я буду завтра утром в Бонгу и что для корвета нужна провизия — свиньи, таро, бананы и т. п. Боясь лихорадки, я не рискнул в тот же вечер отправиться в другие деревни и вернулся на корвет»²³. И вот сколько дополнительных подробностей сообщает об этой встрече Азбелев: после томительного ожидания моряки «увидели торчащую из-за куста черную голову, которая постепенно высовывалась все больше и больше — и наконец появился весь дикарь и сел на корточки рядом с кустом; скорее к нему подполз здругой и тоже сел рядом. Смотрят они на нас и не шелохнутся. Миклухо-Маклай попросил шлюпку и поехал прямо на них. Дикари исчезли, но Николай Николаевич несколько раз громко назвал себя по имени. Опять осторожно высунулась фигура дикаря; дикарь несколько секунд как будто колебался, но потом вдруг громко крикнул: „Маррай! Маррай!“ — и побежал к воде навстречу Маклаю. За ним выскочил из-за кустов второй, третий, четвертый, и их набралось человек до двадцати. Все побежали к Маклаю и встретили его шлюпку вброд. Отлогость берега не позволяла шлюпке подойти вплоть, и дикари, подхватив Миклухо-Маклая на руки, вынесли его на берег. Видно было, что дикари рады видеть своего старого знакомого; они смеялись, громко

²¹ Моск. ведомости, 1893, 6 сент.

²² Там же.

²³ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2, с. 583.

«Московских ведомостях» эта встреча описана еще детальнее, причем Азбелев добавляет со слов Миклухо-Маклая: когда папуасы перенесли то на землю, они заметили, что Маклай, «вероятно, ел много свиней, так как стал значительно тяжелее прежнего»²⁵.

Следующий день, 18 марта, Миклухо-Маклай и моряки «Скобелева» ровели на берегу. Как вспоминает Азбелев, первые слова, которыми их встретили папуасы, были: «Тамо русс биллен, табак!»²⁶ и отмечает, что они знали общее название нашего народа, ряд русских слов. Азбелев рисует картину запустения на месте бывшего дома Миклухо-Маклая, сообщает любопытные подробности о посещении Бонгу, поведении папуасов при раздаче подарков, устройстве и утвари хижин.

19 марта корвет направился в порт Алексея для описи архипелага Довольных людей. У острова Били-Били на корвет взяли несколько островитян в качестве переводчиков, в том числе Каина — давнего приятеля Миклухо-Маклая. До сих пор об этом эпизоде нам было известно только из его дневника и из письма Копытова к жене. К тому же, как выяснили участники 6-го рейса на «Дмитрии Менделееве», предание об этом сохранилось у жителей Били-Били и поныне²⁷. Миклухо-Маклай записывает в дневнике: «Очутившись на палубе, туземцы были очень смущены и перепуганы шумом машины и множеством матросов. Они сейчас же стали просить меня отпустить их домой... Когда корвет двинулся, я почти насильно должен был удержать Каина»²⁸. Как известно, Гассану удалось бежать.

Очевидцем тех же событий был и Азбелев. Его описание содержит много дополнительных штрихов, в частности он рассказывает о меновой торговле между островитянами и моряками, проходившей в то время, пока Миклухо-Маклай ездил за Каином. Вместе с тем воспоминания очень эмоциональны, написаны с каким-то истинно русским состраданием к оказавшимся в неволе туземцам: «На корвете осталось только двое: Каин, его спутник Марамай, которого, кстати сказать, матросы сейчас же прозвали Еремеем, и еще один очень красивый и не в пример прочим очень хорошо сложенный дикарь... Каин... был уже пожилой человек, с очень умными и проницательными глазами. Грустно смотрел он в сторону острова Били-Били и просил Миклухо-Маклая отпустить их всех, уверяя, что дома теперь горько убиваются их жены и дети. Дикари пригорюнились. Их уже не веселили наши подарки, они начали смотреть на все совершенно равнодушно, видно было, что их занимала только одна мысль — освободиться от неволи, и красавцу-дикарю это удалось»²⁹. Из воспоминаний Азбелева мы узнаем, что побег Гассана произошел, когда корвет отошел от острова уже на 7 верст и тот превратился в черную точку на горизонте.

Азбелев рассказывает и о таком неизвестном факте, как попытка использовать Каина в качестве проводника при поиске прохода между островами архипелага Довольных людей. В порте Алексея Каину и Марамая удалось бежать на туземном каноэ. Азбелев в это время вместе с Миклухо-Маклаем и другими офицерами подходил на паровом катере к корвету. Беглецов догнать им не удалось. «Миклухо-Маклай был очень огорчен таким недоверием к нам дикарей», — пишет Азбелев³⁰. После этого Маклай взял одного из туземцев с проходившей мимо пироги на корвет в надежде, что это заставит Каина и Марамая вернуться. На корвете пленник «благодаря бродягушии матросов чувствовал себя совершенно спокойно, принимая все, что ему только давали»³¹, — отмечает Миклухо-Маклай. В восприятии же Азбелева эти события

²⁴ Родник, 1891, № 11, с. 482.

²⁵ Моск. ведомости, 1893, 6 сент.

²⁶ Родник, 1891, № 11, с. 482.

²⁷ Бутинов Н. А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975, с. 109.

²⁸ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2, с. 589.

²⁹ Родник, 1891, № 11, с. 500.

³⁰ Там же, с. 503.

³¹ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2, с. 590.

драматичнее: «Надо было видеть испуг несчастного дикаря, когда Маклай схватил его за руку и потащил на катер: его болезненно искривилось, он затрясся и испустил нечеловеческий крик. Я до сих пор помню его потерянное, испуганное лицо. Все время пребывания на корвете дикарь казался ошеломленным и лицо его не выражало ничего кроме равнодушия... Ему делали подарки, украшали камнями, бусами, а шутники матросы даже раскрасили ему лицо и масляной краской, но несчастный все время сидел, как истукан»³².

Заканчивая свои воспоминания, Азбелев отмечает, что в Маклай команда с сожалением рассталась с Миклухо-Маклаем, «которого офицеры и даже матросы успели искренне полюбить»³³.

Наибольшее количество воспоминаний современников, несомненно связано с приездом Миклухо-Маклая на родину. Остановимся на некоторых из них, относящихся к последним годам жизни путешественника.

Например, они позволяют установить факт личного знакомства Миклухо-Маклая с Ильей Ильичом Мечниковым. Имя его несколько раз упоминается в письмах Миклухо-Маклая из Мессины в 1869 г., когда он просил родных выслать ему деньги в Одессу на имя профессора Мечникова, который незадолго до Миклухо-Маклая также работал в Мессине³⁴. Кроме того, письма Мечникова показывают, что он в те годы интересовался экспедицией Миклухо-Маклая на Канарские острова³⁵. Тогда, в Одессе, их встреча, вероятно, не состоялась, так как Мечников вскоре уехал в Петербург.

Но о встрече ученых через много лет мы узнаем из воспоминаний ученика Мечникова Я. Ю. Бардаха³⁶. «Я по какому-то делу зашел в квартиру к Илье Ильичу, — пишет Бардах, — и застал у него известного путешественника Миклухо-Маклая... Он рассказывал ...о нравах и обычаях дикарей. Илья Ильич обнаруживал большой интерес, интересовался главным образом антропологическими данными и при этом показывал такие сведения, что поверг Миклухо-Маклая в полнейшее изумление: „Да откуда Вы все это знаете? Я не предполагал, что Вы такой глубокий знаток“, — говорил он, на его выразительной физиономии отражалось то изумление, то уважение, то радость». И далее Бардах приводит слова Миклухо-Маклая, обращенные к Мечникову: «Я рад, что мои труды будут читаться и найдут справедливую оценку в лице такого знатока, как Вы»³⁷. Хотя Бардах и не датирует эту встречу, но сопоставляя переезды ученых, можно утверждать, что произошла она в апреле 1886 г. в Одессе, где Мечников в это время занимался организацией бактериологической станции.

В июне 1886 г. Миклухо-Маклай приехал в Петербург, выдвигая проект русской колонии в Тихом океане, который широко освещался в печати, а 8 октября в Академии наук открылась выставка его этнографических коллекций. В связи с этим интересно отметить большую статью Д. А. Коропчевского «Несколько слов об этнологической коллекции г. Миклухо-Маклая»³⁸. Дмитрий Александрович Коропчевский — выдающийся русский этнограф, известен также как популяризатор науки. Статья была вызвана, по словам автора, тем «сравнительным равнодушием, с каким у нас встречают труды г. Миклухо-Маклая»³⁹. С горечью он говорит о «бессмысленном глумлении», насмешках на ученых в русской печати, не желающей видеть, что Миклухо-Маклай принес на алтарь науки самую большую жертву — свою жизнь⁴⁰. Г.

³² Родник, 1891, № 11, с. 503—504.

³³ Моск. ведомости, 1893, 7 сент.

³⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 4, с. 20, 23, 24.

³⁵ Мечников И. И. Письма (1863—1916). М., 1974, с. 49.

³⁶ Бардах Я. Ю. Воспоминания об И. И. Мечникове. — Врачебное дело, 1915, № 15—17, стб. 1195—1201.

³⁷ Там же, стб. 1200.

³⁸ Дело, 1886, № 6, с. 68—78. Номер вышел из печати в конце октября.

³⁹ Там же, с. 69.

⁴⁰ Там же, с. 68—69.

шению Коропчевского, труды Миклухо-Маклая «застали неподготовленными и наш ученый мир и нашу публику», потому что этнография в России не получила еще «права гражданства», кафедра ее не замещена ни в одном университете⁴¹. И Коропчевский считал своим долгом дать описание этнографической коллекции Миклухо-Маклая, представленной на выставке. Оно строится автором как экскурсы в различные стороны быта и общественной жизни папуасов, содержит многочисленные подробности о назначении предметов, их изготовлении и т. д. Это позволяет утверждать, что Коропчевский присутствовал при пояснениях Миклухо-Маклая на выставке, а то, с какой страстью он стал на защиту доброго имени ученого, дает возможность предположить, что они были близко знакомы. Комментарии Коропчевского явились по существу первым описанием коллекции Миклухо-Маклая, сделанным русским этнографом-профессионалом, это сохраняет их ценность для истории науки и в наше время. Материалы этой статьи были использованы автором и при подготовке его научно-популярной книги «Меланезийцы», вышедшей в 1889 г.

Иной характер носят воспоминания, принадлежащие перу известного журналиста Абрама Евгеньевича Кауфмана. Они появились лишь через 25 лет после смерти Миклухо-Маклая⁴². Кауфман с 1884 по 1888 г. работал помощником редактора «Новостей и биржевой газеты», на страницах которой неоднократно фигурировало имя путешественника. Кауфман был близко знаком с рядом лиц, участвовавших в газете и знавших Миклухо-Маклая, например с профессором В. И. Модестовым, писателем В. О. Михневичем. Думается, что будь эти воспоминания написаны по горячим следам, мы узнали бы много нового о газетных баталиях вокруг имени Миклухо-Маклая. Кауфман же такой целью не задавался, упоминает об этом глухо, и статья его — это очерк встреч и бесед с Миклухо-Маклаем на темы, представляющие интерес для широкого читателя. Однако многие его замечания не лишены ценности, дополняют и подтверждают воспоминания современников.

«Это было в 1887 году, — вспоминает Кауфман. — В редакцию одной петербургской газеты, где я тогда работал, явился невысокого роста посетитель с небольшою черной бородою и с бледным лицом. „Я — Миклухо-Маклай!“ — отрекомендовался мне посетитель... И надо было видеть, как оживилось лицо его, каким фосфорическим блеском загорелись его глаза, когда он заговорил об исследованных им землях, о папуасах, почти открытых им ученому миру, о своих планах и дальнейших научных работах, задуманных им»⁴³. И далее Кауфман отмечает: «В рассказах Миклухо-Маклая не было и тени самохвальства и желания порисоваться, когда он передавал самые, казалось, невероятные вещи о своих далеких странствиях». Вспоминает Кауфман и о том негодовании, с каким «обыкновенно спокойный и уравновешенный Миклухо-Маклай передавал о посягательствах голландцев и немцев» на Новую Гвинею»⁴⁴.

Характерен серьезный ответ Миклухо-Маклая на шутовское замечание писателя В. О. Михневича, что папуасы в одно прекрасное утро могут съесть его: «Люди под всеми широтами, — сказал Миклухо-Маклай, — всегда остаются людьми. Надо только уметь подходить к ним, уметь внушать к себе доверие, считаться с их мировоззрением, обычаями и нравами»⁴⁵. Эти слова перекликаются со строками письма Льва Толстого Миклухо-Маклаю. Много говорит Кауфман и о том скептическом отношении, с которым встречали на родине планы Миклухо-Маклая, о забвении его имени в последующие годы.

⁴¹ Там же, с. 69.

⁴² Кауфман А. Е. «Человек с Луны». Воспоминания о Н. Н. Миклухо-Маклае. — Природа и люди, 1913, № 22, с. 337—340.

⁴³ Там же, с. 337.

⁴⁴ Там же, с. 338.

⁴⁵ Там же, с. 337.

Ощутить трагизм последних лет жизни Миклухо-Маклая помо- и воспоминания Владимира Александровича Поссе. Его старший брат Константин — был другом Миклухо-Маклая с гимназических лет последних дней. Разница в возрасте между братьями составляла 17 Владимир, общественный деятель, публицист, врач, был знаком со всеми выдающимися людьми своего времени. В книге воспоминаний «Пережитое и продуманное», вышедшей в 1933 г. в Ленинграде, он посвятил своему старшему брату Константину Александровичу — известному математику, профессору Петербургского университета. Владимир рисует его и как хорошего музыканта, рассказывая о увлечении театром, о его политических взглядах.

Среди товарищей брата, Владимира больше всего интересен Миклухо-Маклай. «Я его в детстве часто видел, но лицо его помню смутно,— пишет он.— Лучше запомнились многочисленные рассказы брата о его причудливых выходках, о его тяготении к опасным путешествиям, жизни среди дикарей...»⁴⁶. К сожалению, воспоминания Владимира не добавляют ничего существенного к фактическим сведениям о Миклухо-Маклае, и тем не менее они очень точно передают всю глубину и трагизм непонимания, которое окружало Миклухо-Маклая в последние годы его жизни и, очевидно, проявлялось и со стороны близких друзей, бывших в курсе его дел и чаяний. Так, Владимир пишет о отношении Константина Александровича к Миклухо-Маклаю: «Брат бил его, но считал, что он растрчивает свою энергию и свои недюжинные способности в никчемных авантюрах. Брат посмеивался над намерениями Миклухи включить в Российскую империю Новую Гвинею и другие тихоокеанские острова, населенные папуасами»⁴⁷. Или в другом месте: «Пытался брат привести в порядок оставшиеся после Миклухи научные работы, но, как он мне говорил, ничего цельного и научного в оставшихся рукописях не удалось найти»⁴⁸.

Итак, русская печать позволяет нам глубже заглянуть в различные периоды жизни ученого. Конечно, эти материалы не равноценны, они собраны в разное время и с разной целью, кое-что в них субъективно, может быть, не всегда достоверно, но тем не менее, если мы хотим составить подлинное представление о Миклухо-Маклае, их надо рассматривать как источник, к которому не раз будут обращаться исследователи жизни и деятельности путешественника. В связи с этим, думаю, назрела необходимость подготовки сборника воспоминаний современников о Миклухо-Маклае. Такое издание будет интересно как ученым, историкам, так и самым широким кругам читателей.

⁴⁶ Поссе В. А. Пережитое и продуманное. Л., 1933, с. 18.

⁴⁷ Там же, с. 18.

⁴⁸ Там же.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ доктора исторических наук БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА КАЛОЕВА [К 70-летию со дня рождения]

Выставка осетинского быта и культуры. — Советская этнография (далее СЭ), 1950, № 3, с. 196—199.

Моздокские осетины (Историко-этнографическое исследование). Автореф. канд. дис. М., 1951. 21 с.

Комментарий, участие в составлении, послесловие (в соавт. с. Абаевым В. И.) кн.: Нарты. Эпос осетинского народа. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Рец. на кн.: К. Хетагуров. Собрание сочинений в трех томах. М.: Изд-во АН СССР, 1951. — СЭ, 1952, № 3, с. 239—241.

Моздокские осетины. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее КСИЭ), 1952, вып. 16, с. 75—83.

Землевладение и землепользование у моздокских осетин. — СЭ, 1952, № 1, с. 179—183.

Из истории земельных отношений у агулов в XIX — начале XX века. — КСИЭ, 1954, вып. XX, с. 44—51.

Поселения и жилища агулов. — КСИЭ, 1955, вып. XXIII, с. 34—46.

История записи и публикации нартского эпоса. — В кн.: Нартский эпос. Материалы совещания 19—20 октября 1956 г. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1957, с. 175—213.

Совещание по нартскому эпосу народов Кавказа. — СЭ, 1957, № 3, с. 171—174.

Рец. на кн.: М. С. Туганов. Осетинские народные танцы, Цхинвали, 1957. — СЭ, 1958, № 5, с. 164—166.

Поездка в Чечено-Ингушскую АССР. — СЭ, 1958, № 4, с. 128—133.

Мотив амазонок в осетинском нартском эпосе. — КСИЭ, 1959, вып. 32, с. 45—51.

Историко-этнографический очерк садонских рудников и быта рабочих (до начала XX в.). — Изв. Северо-Осетинского НИИ (далее — Изв. СОНИИ), 1959, т. XXI, вып. 1, с. 91—109.

В кн.: Народы Кавказа, I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Изд-во АН СССР, 1960, статьи: Осетины (с. 297—344, в соавт. с. Такоевой Н. Ф.); Ингуши (с. 375—390); Чеченцы (с. 345—374).

Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей. — СЭ, 1961, № 1, с. 41—53.

Агулы (историко-этнографический очерк). — Кавказский этнографический сборник (далее КЭС). III (Труды Ин-та этнографии АН СССР — далее ТИЭ, т. LXXIX). М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 69—109.

В. Ф. Миллер как кавказовед-этнограф (К 50-летию со дня смерти). — СЭ, 1963, № 6, с. 97—112.

В. Ф. Миллер — кавказовед. Исследование и материалы. Орджоникидзе, Сев.-Осет. кн. изд-во, 1963. 198 с.

Обряд посвящения коня у осетин. М., 1964, 11 с. [Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, далее МКАЭН] (опубл. также на англ. яз.).

В. Ф. Миллер как этнограф осетинского народа. — Изв. СОНИИ, 1964, т. XXIV, вып. 1, с. 23—33.

Глава «Общественное хозяйство колхоза и производственный быт колхозников». — В кн.: Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.—Л.: Наука, 1964, с. 59—82.

М. М. Ковалевский (К 50-летию со дня смерти). — СЭ, 1966, № 6, с. 30—42
Из истории Моздока и моздокских осетин — Изв. СОНИИ, 1966, т. XXV, с. 253.

Осетины (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1977. 243 с. изд. испр. и доп. — М.: Наука, 1971. 357 с.).

Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин. — В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967, с. 98—124.

Научная сессия, посвященная проблеме происхождения осетинского народа. — СЭ, 1967, № 2, с. 163—167.

Составление, вводная статья и примечания к кн.: Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.). Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. 319 с.

Программа сбора материалов по земледелию и скотоводству для Кавказского историко-этнографического атласа. М., 1968. 36 с.

Скифо-сармато-алано-осетинские параллели. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 308—316.

В. К. Гарданов (К 60-летию со дня рождения). — СЭ, 1968, № 5, с. 134—136.

Осетины. Проблема этногенеза и этнографическая характеристика. Автореф. дис. М., 1969. 47 с.

Некоторые этнографические параллели к осетинскому нартскому эпосу. — В кн.: Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969, с. 162—187.

К 60-летию Л. И. Лаврова. — СЭ, 1969, № 5, с. 141—142 (в соавт. с Сергеевой Г. А. и Трофимовой А. Г.).

Рец. на кн.: Г. Х. Мамбетов. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX — 60-е годы XX века). Нальчик, 1971. — СЭ, 1972, № 6, с. 174—176.

Осетино-балкарские этнографические параллели. — СЭ, 1972, № 3, с. 20—31.

Материальная культура и прикладное искусство осетин. Книга-альбом. М.: Наука, 1973. 146 с.

Земледелие у горских народов Северного Кавказа (некоторые итоги работы над Кавказским историко-этнографическим атласом). — СЭ, 1973, № 3, с. 28—43.

Этнические традиции в земледелии народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. 16 с. [Доклад на IX МКАЭН].

Погребальные и поминальные обряды осетин как источник для этногенеза. — В кн.: Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг. Душанбе, 1976, с. 31—32.

Этнографические данные о связях этногенеза осетин со Средней Азией. — В кн.: Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси: Мецниереба, 1977, с. 146—156.

Ethnic Traditions in Agriculture in the Northern Caucasus. — In: The Nomadic Alternative. The Hague — Paris, 1978, p. 351—359.

Комментарии, словарь, участие в составлении кн.: Сказания о нартах. Осетинский эпос. М.: Сов. Россия, 1978, 508 с.

М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 200 с.

Моздокские осетины. Хозяйство и хозяйственный быт. — КЭС, VII (ТИЭ, т. 108). М.: Наука, 1980, с. 62—83.

Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981, 246 с.

Этнокультурные традиции в современном сельском хозяйстве горцев Северного Кавказа. — Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире» Элиста, 1981, с. 96—97.

Осетинская мифология. — В кн.: Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Изд-во Сов. энциклопедия, 1982, т. 2, с. 265—266.

Этногенез и этническая история осетин в трудах В. И. Абаева. — В кн.: Поэтика жанра. Межвузовский сборник статей (Сев.-Осет. ун-т им. К. Л. Хетагурова). Орджоникидзе, 1983, с. 59—74.

Происхождение некоторых осетинских фамилий по народным преданиям. — В кн.: Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР, 1979. М.: Наука, 1983, с. 207—214.

Происхождение некоторых осетино-вайнахских фамилий (по народным преданиям). — В кн.: Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР 1980—1981. М.: Наука, 1984, с. 214—220.

Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XX в.— КЭС, VIII (ТИЭ, 112). М.: Наука, 1984, с. 72—105.

Поездка к венгерским ясам. — СЭ, 1984, № 6, с. 98—107.

Снова в стране венгерских ясов (алан).— Фидиуаг, Цхинвали, 1985, № 8, с. 84—92 а осет. яз.).

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ
доктора исторических наук
МИХАИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА РАБИНОВИЧА
[к 70-летию со дня рождения] *

Курганы в Поворовке. — В кн.: Сборник студенческих научных работ МГУ, вып. XI. История. М., 1939, с. 85—99.

Немецкий двор в Новгороде. — В кн.: Средневековье в эпизодах и лицах. М., 1940, с. 133—142.

Комиссия по истории г. Москвы. — Историк-марксист, 1940, № 11, с. 147—150 (в соавт. с Миллером П. Н.).

В кн.: История русского военного искусства, т. 1. М.: Госполитиздат, 1943, статьи: Новгородское войско XI—XV вв. (с. 49—93); Военное дело в Московской Руси в XIII—XV вв. (с. 94—123).

Музыкальные инструменты в войске древней Руси и народные музыкальные инструменты.— Советская этнография (далее — СЭ), 1946, № 4, с. 142—160.

Институт этнографии в дни Великой Отечественной войны. — СЭ, 1946, № 1, с. 226—235.

Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв.— Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА), № 7, М., 1947, с. 55—76.

Из истории русского оружия IX—XV вв. — Труды Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ), т. I. М., 1947, с. 65—97.

Военная сигнализация и связь по данным археологии и этнографии. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее — КСИЭ), вып. II. М., 1947, с. 74—78.

К вопросу о начале Москвы (Археологические исследования в устье Яузы).— Вестник АН СССР, 1947, № 4, с. 60—65.

Новгородское войско (автореф. канд. дис.).— Доклады и сообщения Историч. фак-та МГУ, вып. 6. М., 1947, с. 53—58.

Археологические раскопки в Москве.— Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР (далее — КСИИМК), вып. XXI, 1947, с. 148—158.

О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой. — Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. V. 1948, № 4, с. 370—375.

В кн.: МИА, № 12. М.—Л., 1949, статьи: Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы (с. 5—43); Московская керамика (с. 57—105); П. Н. Миллер и археология Москвы (с. 302—307).

Рец. на кн.: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948. — СЭ, 1949, № 3, с. 217—224.

Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв.— КСИИМК, вып. XXX. М., 1949, с. 54—61.

Великий посад Москвы. — Вестник АН СССР, 1950, № 9, с. 113—120.

Археологическая разведка в Полоцкой земле. — КСИИМК, вып. XXXIII. М.—Л., 1950, с. 81—88, с карт.

Осадная техника на Руси в X—XV вв. — Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. VIII, 1951, № 1, с. 61—75.

Археологические исследования Московского посада. — Вопросы истории, 1951, № 5, с. 65—71.

Дом и усадьба в древней Москве. — СЭ, 1952, № 3, с. 50—75.

* Полный список работ М. Г. Рабиновича превышает 260 названий.

Древняя Москва (подп.: М. Григорьев). — В кн.: По следам древних культур Древняя Русь. М., 1953, с. 321—359 (переведена на польск. яз. — Варшава, 1957).
Феодалный город. Ремесло. Торговля. — В кн.: Очерки истории СССР. XIII вв. М., 1953, с. 124—153.

В кн.: Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953, разделы: Феодалное землевладение и хозяйство (с. 25—38); Феодалный город. Ремесло. Торговля. XIV—XV вв. (с. 69—104).

Археологическая карта Москвы. — БСЭ. Изд. II, т. 28.

Материалы по истории Великого посада Москвы. — В кн.: Памятники археологии Москвы и Подмосковья (Тр. Музея истории и реконструкции г. Москвы, вып. V) 1954, с. 57—94.

В кн.: Очерки истории СССР (конец XV — начало XVII в.). М., 1955, разделы: Производительные силы в добывающей и обрабатывающей промышленности (с. 61, 237—249); Феодалный город XV—XVII вв. (с. 80—86, 261—269).

Из истории быта городского населения Руси в XI—XVII вв. (по материалам археологических раскопок в Москве в 1946—1951 гг.) — СЭ, 1955, № 4, с. 33—55.

О начальной истории Московского Кремля. — Вопросы истории, 1956, № 1, с. 125—130.

А. М. Васнецов — археолог. — В кн.: Аполлинарий Васнецов (Тр. Музея истории и реконструкции г. Москвы, вып. VII). М., 1957, с. 43—50.

Золотое украшение из Тушкова городка. — КСИИМК, вып. 68. М., 1957, с. 45—46.

Рец. на кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. — СЭ, 1957, № 4, с. 149—157.

О начальном периоде истории Москвы. — Советская археология (далее — СА), 1958, № 3, с. 61—64.

Рец. на кн.: М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва. — История СССР, 1959, № 1, с. 212—215.

Крепость и город Тушков. — Сб. Советская археология, вып. XXIX—XXX. М., 1959, с. 263—286.

Отв. ред. кн.: Р. Ю. Бершадский. Горизонты истории. М.: Детгиз, 1959. 156 с.

Отв. ред. кн.: Р. Ю. Бершадский. Две повести о тайнах истории. М.: Сов. писатель, 1959. 150 с.

К вопросу о времени сложения былин (вооружение богатырей). — СЭ, 1960, № 1, с. 30—43 (в соавт. с Липец Р. С.).

О социальном составе новгородского войска. — Науч. доклады высшей школы. Историю науки, 1960, № 3, с. 87—96.

Археологические материалы в экспозиции краеведческих музеев. М., 1961, 160 с. илл.

Москва в XV—XVI вв. — Детская энциклопедия, т. VII. М., 1961.

Из жизни древней Москвы: М.: Моск. рабочий, 1961. 200 с. с илл. (в соавт. с Липец Р. С.).

Об этническом составе первоначального населения Москвы. — СЭ, 1962, № 1, с. 59—71.

Рец. на кн.: А. Л. Монгайт. Рязанская земля. — СЭ, 1962, № 5, с. 160—163.

К истории укреплений Московского Кремля. — Историко-археологический сборник А. В. Арциховскому. М.: Изд-во МГУ, 1962, с. 326—338.

Археологические работы в Московском Кремле. — СА, 1963, № 1, с. 253—272 (в соавт. с Ворониным Н. Н.).

Материальная культура и быт населения Москвы в XI—XVI вв. (автореф. доклада). М., 1963. 26 с.

Судьбы вещей. М.: Детгиз, 1963. 191 с. с илл.; изд. II, дополн. — М., 1974. 222 с. изд. III — М., 1984. 222 с.

Историко-этнографический атлас «Русские» (принципы и методы составления). В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 445—460.

Некоторые проблемы этнографического изучения русского феодального города (Доклад на VII Междунар. конгрессе антропологич. и этнографич. наук). М., 1964. 1 с. То же на франц. яз.

В журн. СЭ, 1964, № 4, статьи: Этнография города и промышленного поселения (с. 118—125, в соавт. с Крупянской В. Ю.). Историко-этнографические атласы (с. 117, в соавт. с Бруком С. И.).

О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI—XVI вв. М.: Наука, 1964. 354 с. с илл.

Редактирование (совместно с Померанцевой Э. В. и Станюкович Т. В.) очерка «Русские» в кн.: Народы Европейской части СССР, I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.: Наука, 1964, с. 119—571. Автор разделов: Исторические судьбы народов Восточной Европы (с. 41—58, в соавт. с Чебоксаровым Н. Н.); Образование древнерусской народности (с. 99—118); Очерк этнической истории русских до середины XIX в. (с. 119—143).

Первое в Москве. М.: Дет. лит., 1965. 219 с.

Отв. ред. кн.: Г. Блок. Московляне. II изд. М.: Дет. лит., 1965. 318 с. III изд., М., 1975. 318 с. (Автор послесловия, примечаний, генеалогической таблицы).

Москва в далеком прошлом. М.: Наука, 1966. 248 с. с илл. (в соавт. с Латышевой Г. П.).

Кто был Даниил Заточник по рождению.— Русская литература, 1966, № 1, с. 197—199.

К истории русской фортификации (укрепления Перемышля Московского). — В кн.: Культура древней Руси. Посвящается Н. Н. Воронину. М.: Наука, 1966, с. 209—214.

Археология, этнография и художественная литература.— Новый мир, 1966, № 4, с. 267—272.

Рец. на кн.: С. А. Токарев.— История русской этнографии.— СЭ, 1966, № 6, с. 131—135.

О возрасте и первоначальной территории Москвы. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967, с. 21—32.

Редактирование (совм.) труда: Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Середина XIX — начало XX века). М.: Наука, 1967. 359 с., 71 карта.

В кн.: Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М.: Наука, 1968, статьи: Введение (с. 5—56, в соавт. с Козловым В. И., Марк К. Ю., Чебоксаровым Н. Н.); Очерк этнической истории восточнославянских народов с середины XIX в. (с. 60—75).

Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen Regionaler Geschichtlich-Ethnographischer Atlanten in der USSR. Der VIII internationale Kongress der Anthropologen und Ethnographen (Tokyo, September, 1968). М.: Наука, 1968. 14 с. (в соавт. с Бруком С. И., Гуслистым К. Г., Гардановым В. К., Жданко Т. А., Терентьевой Л. Н.).

Из истории городских поселений восточных славян. Доклад на VI Междунар. съезде славистов. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968, с. 130—148.

Боевые кличи — «ураны». — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 299—307.

Некоторые итоги археологического изучения Москвы. Доклад на I Междунар. конгрессе славянской археологии. — В кн.: Труды I Междунар. конгресса славянской археологии, т. IV. Вроцлав, 1968 (на русск. и франц. языках), с. 390—406.

Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг. — Кр. сообщ. Ин-та археологии, вып. 113, 1968, с. 102—107.

Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX в. (программа В. Н. Тенишева). — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии (далее ОИРЭФиА), вып. IV (ТИЭ, т. 94). М., 1968, с. 62—78.

Древний ландшафт и жилище (о двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье). — СЭ, 1969, № 2, с. 15—23 с карт.

Русские. — Советская Историческая Энциклопедия, т. 12, 1969, с. 331—335 (в соавт. с Масловой Г. С.).

Работа над региональным историко-этнографическим атласом Украины, Белоруссии та Молдавии.— Народна творчість та етнографія, 1969, № 4, с. 10—14 (в соавт. с Гуслистым К. Г.).

В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. I. М.: Изд-во МГУ, 1970, очерки: Поселения (с. 231—253); Жилище (с. 254—276).

Редактирование (совм.) труда: Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма. М.: Наука, 1970. 205 с.

Вступительное слово к симпозиуму «Методика составления этнографических атласов». — В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (далее — Труды VII МКАЭН), т. VIII. М., 1970, с. 511—519 (в соавт. с Бруком С. И.).

О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI—XVI вв. М.: Наука, 1964. 354 с. с илл.

Редактирование (совместно с Померанцевой Э. В. и Станюкович Т. В.) очерка «Русские» в кн.: Народы Европейской части СССР, I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.: Наука, 1964, с. 119—571. Автор разделов: Исторические судьбы народов Восточной Европы (с. 41—58, в соавт. с Чебоксаровым Н. Н.); Образование древнерусской народности (с. 99—118); Очерк этнической истории русских до середины XIX в. (с. 119—143).

Первое в Москве. М.: Дет. лит., 1965. 219 с.

Отв. ред. кн.: Г. Блок. Московляне. II изд. М.: Дет. лит., 1965. 318 с. III изд., М., 1975. 318 с. (Автор послесловия, примечаний, генеалогической таблицы).

Москва в далеком прошлом. М.: Наука, 1966. 248 с. с илл. (в соавт. с Латышевой Г. П.).

Кто был Даниил Заточник по рождению.— Русская литература, 1966, № 1, с. 197—199.

К истории русской фортификации (укрепления Перемышля Московского). — В кн.: Культура древней Руси. Посвящается Н. Н. Воронину. М.: Наука, 1966, с. 209—214.

Археология, этнография и художественная литература.— Новый мир, 1966, № 4, с. 267—272.

Рец. на кн.: С. А. Токарев.— История русской этнографии.— СЭ, 1966, № 6, с. 131—135.

О возрасте и первоначальной территории Москвы. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967, с. 21—32.

Редактирование (совм.) труда: Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Середина XIX — начало XX века). М.: Наука, 1967. 359 с., 71 карта.

В кн.: Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М.: Наука, 1968, статьи: Введение (с. 5—56, в соавт. с Козловым В. И., Марк К. Ю., Чебоксаровым Н. Н.); Очерк этнической истории восточнославянских народов с середины XIX в. (с. 60—75).

Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen Regionaler Geschichtlich-Ethnographischer Atlanten in der USSR. Der VIII internationale Kongress der Anthropologen und Ethnologen (Tokyo, September, 1968). М.: Наука, 1968. 14 с. (в соавт. с Бруком С. И., Гуслистым К. Г., Гардановым В. К., Жданко Т. А., Терентьевой Л. Н.).

Из истории городских поселений восточных славян. Доклад на VI Междунар. съезде славистов. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968, с. 130—148.

Боевые кличи — «ураны». — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 299—307.

Некоторые итоги археологического изучения Москвы. Доклад на I Междунар. конгрессе славянской археологии. — В кн.: Труды I Междунар. конгресса славянской археологии, т. IV. Вроцлав, 1968 (на русск. и франц. языках), с. 390—406.

Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг. — Кр. сообщ. Ин-та археологии, вып. 113, 1968, с. 102—107.

Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX в. (программа В. Н. Тенишева). — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии (далее ОИРЭФиА), вып. IV (ТИЭ, т. 94). М., 1968, с. 62—78.

Древний ландшафт и жилище (о двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье). — СЭ, 1969, № 2, с. 15—23 с карт.

Русские. — Советская Историческая Энциклопедия, т. 12, 1969, с. 331—335 (в соавт. с Масловой Г. С.).

Робота над регіональним історико-етнографічним атласом України, Білорусії та Молдавії.— Народна творчість та етнографія, 1969, № 4, с. 10—14 (в соавт. с Гуслистым К. Г.).

В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. I. М.: Изд-во МГУ, 1970, очерки: Поселения (с. 231—253); Жилище (с. 254—276).

Редактирование (совм.) труда: Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма. М.: Наука, 1970. 205 с.

Вступительное слово к симпозиуму «Методика составления этнографических атласов». — В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (далее — Труды VII МКАЭН), т. VIII. М., 1970, с. 511—519 (в соавт. с Бруком С. И.).

Отв. ред. (совм. с Ворониным Н. Н.) кн.: Древности Московского Кремля. М.: Наука, 1971. 292 с.

Культурный слой центральных районов Москвы. — В кн.: Древности Московского Кремля. М.: Наука, 1971, с. 9—116.

Две кольчуги. Повесть. М.: Дет. лит., 1971. 64 с.

Ответы на программу Русского географического общества как источник для изучения города. — ОИРЭФиА, вып. V (ТИЭ, т. 95). М.: Наука, 1971, с. 36—61.

В кн.: Труды VII МКАЭН, т. XI. М., 1971, статьи: *Certains problemes de l'étude Ethnographique de la ville feodale russe* (с. 362—368); Вступительное слово к симпозиуму «Этнография города и промышленного поселка» (с. 767—774, в соавт. с Крупянской В. Ю.).

Древнерусские знамена (X—XV вв.) по изображениям на миниатюрах. — В кн.: Новое в археологии. Сборник, посвященный 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972 с. 170—181.

Die traditionelle Speise der Russen bis zum Ende des 19 Jh.—*Ethnologia Europaea* v. V, 1971, S. 170—184.

Отв. ред. (совм. с Лебединской Г. В.) кн.: Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. Сборник памяти М. М. Герасимова. М.: Наука, 1973. 190 с. Автор статей: Михаил Михайлович Герасимов (с. 5—8, в соавт. с Лебединской Г. В.); М. М. Герасимов и история Москвы (работы по восстановлению облика древних жителей Московского края и русских царей), с. 16—37 (в соавт. с Векслером А. Г., Шеляпиной Н. С.).

Материальная культура Северо-Восточной Руси (XIII—XV вв.). — Вопросы истории, 1973, № 9, с. 105—119.

Керамика. — БСЭ, изд. II, т. 20, с. 534—541 (в соавт. с Филипповым А. В.); изд. III, т. 12, с. 141—143; МСЭ, т. 4, с. 697—699.

Москва и Московский край в прошлом. М.: Моск. рабочий, 1973. 232 с. с илл. (в соавт. с Латышевой Г. П.).

Московский Кремль как археологический памятник. — В кн.: Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры, вып. 6. М., 1974, с. 91—100 (в соавт. с Шеляпиной Н. С.).

К истории скоморошских игр на Руси. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 53—56.

Отв. ред. кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975, 303 с. Автор статьи «Русское жилище XIII—XVII вв.» (с. 156—244).

Из опыта историко-этнографического картографирования. — В кн.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 13—21.

Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. — СЭ, 1975, № 4, с. 7—17 (в соавт. с Токаревым С. А.).

Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 30—38.

Рец. на кн.: *Н. И. Гаген-Торн. Л. Я. Штернберг.* — Новый мир, 1976, № 6, с. 285—286.

Поселения. — В кн.: Очерки русской культуры XVI в., ч. I. М., 1977, с. 156—181.

Облик Москвы в XIII—XVI вв. — Вопросы истории, 1977, № 11, с. 130—143.

Отв. ред. кн.: *Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М.: Наука, 1977. 358 с.

Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978, 328 с. с илл. (переведена на польск. яз. — Варшава, 1985).

Свадьба в русском городе в XVI в. — В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л.: Наука, 1978, с. 7—32 (переведена на англ. яз.).

Русская городская семья в начале XVIII в. (по переписной книге Устюжны Железнопольской 1713 г.) — СЭ, 1978, № 5, с. 96—108 (переведена на англ. яз. — Нью-Йорк, 1982).

Отв. ред. кн.: *Т. В. Станюкович.* Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978. 200 с.

Отв. ред. кн.: *Б. С. Орешкин.* Меч-кладенец. М.: Дет. лит., 1978. 158 с. (автор послесловия).

Город и традиционная народная культура. — СЭ, 1980, № 4, с. 12—24.

Археологические памятники. — В кн.: Москва. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1980, с. 113—117 (с 3 картосхемами, составл. совм. с Векслером А. Г.).

О происхождении и развитии восточнославянских городов (Москва и города Московского княжества). — В кн.: *Rapports du III Congres international d'Archeologie Slave*. Т. 2. Bratislava, 1980, с. 359—372.

Отв. ред. кн.: Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М.: Наука, 1980. 189 с.

Отв. ред. (совм. с Шмелевой М. Н.) кн.: *Г. В. Жирнова*. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980. 149 с.

Отв. ред. кн.: *Л. Х. Феоктистова*. К истории земледелия у эстонцев. М.: Наука, 1980. 147 с.

К этнографическому изучению города.— СЭ, 1981, № 3, с. 23—34 (в соавт. с Шмелевой М. Н.).

Бытовой аспект семейной драмы Грозного. — СЭ, 1981, № 6, с. 137—140.

Русские письменные источники эпохи феодализма как материал для изучения этнографии города.— ОИРЭФИА, вып. IX (ТИЭ, т. 110). М.: Наука, 1982, с. 5—22.

Не сразу Москва строилась. М.: Моск. рабочий, 1982. 207 с.

К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения).— СЭ, 1983, № 3, с. 19—24.

Город и этнические процессы (Из опыта этнографического изучения восточнославянских городов). — СЭ, 1984, № 2, с. 3—14 (в соавт. с Шмелевой М. Н.).

Рец.: Новгородская археологическая экспедиция. Итоги первого пятидесятилетия.— Вопросы истории, 1984, № 12, с. 127—130.

Город и поэт (к этнографическому источниковедению). — СЭ, 1985, с. 116—129.

Stadt und traditionelle Volkskultur. — In: *Der Wandel der Dorfer und Städte und die gegenseitige Beeinflussung der Zeit nach dem ersten Weltkrieg*. Helsinki, 1985, S. 27—38.

Отв. ред. кн.: Историко-этнографический атлас Прибалтики. Земледелие. Вильнюс: Мокслас, 1985, 139 с., 59 карт.

Отв. ред. кн.: Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М.: Наука, 1986, 272 с. автор глав «Древнерусская одежда» (с. 40—62) и «Одежда русских в XIII—XVII вв.» (с. 63—111).

Средневековый русский город в былинах. — СЭ, 1986, № 1, с. 116—124.

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «ГЕРОИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭПОС И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КAVKAZa»

Симпозиум состоялся 25—26 сентября 1985 г. в Грозном. Он был организован Научным советом по фольклору АН СССР, Ордена «Знак Почета» Институтом истории, социологии и филологии при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР и Министерством культуры ЧИАССР. Помимо ученых из северокавказских автономных республик и областей, а также Грузии, Армении и Азербайджана в нем приняли участие фольклористы Москвы, Ленинграда, Литвы, Латвии и Молдавии. Кроме проблем, связанных с изучением эпоса кавказских народов, на нем обсуждались и коренные теоретические проблемы современного эпосоведения. Было заслушано и обсуждено 14 докладов и свыше 30 сообщений.

Проведение симпозиума именно в Грозном не было случайным. Он был приурочен к 60-летию Чечено-Ингушского Института истории, социологии и филологии и явился своего рода творческим отчетом фольклористов и представителей смежных научных дисциплин республики, которые провели значительную работу по изучению национального фольклора, особенно *илли* — историко-героических песен чеченцев и ингушей.

Симпозиум вызвал большой интерес местной общественности. Важное значение ему придавали республиканские партийные и советские органы. Открыла симпозиум секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС З. А. Яндиева. Она подчеркнула важность изучения эпической традиции народов нашей страны, имеющей много общих черт, что свидетельствует о давних этнокультурных взаимосвязях. Проведение симпозиума в Грозном она оценила не только как признание вклада ученых республики в советскую фольклористику, но и как стимул для дальнейших исследований в этой области.

Первым был заслушан доклад У. Б. Далгат (Москва) «Проблемы историзма историко-героического эпоса», в котором подчеркивалось, что историзм в эпосе на разных этапах развития общества и в разных жанрах имеет различный характер. Необходимо выяснить, как он конкретно проявляется на каждом этапе, проследить внутрижанровую стратиграфию, совершенствовать методологические принципы исследования.

Историзму эпоса, особенностям его развития и типологии был посвящен также доклад Б. Н. Путилова (Ленинград) «Проблемы героико-исторического эпоса народов Кавказа в общем контексте современного эпосоведения». Общий закон типологической последовательности, — говорил докладчик, — это развитие от мифологического к реально-историческому изображению действительности. Но типологическая преемственность означает не только развитие традиции, но в еще большей степени ее отрицание, что проявляется в тематике, стилистике, языке. Это приводит к многообразию конкретных форм историко-героических песен, которые не укладываются (да и не следует их укладывать) в теоретические схемы; важно лишь учитывать общий закон развития эпоса и механизм передачи традиции.

Периодизация и типология эпоса, особенности его историзма на разных этапах развития — коренные проблемы эпосоведения, и естественно, что их затрагивали в той или иной степени почти все выступавшие. Героико-исторический эпос абхазов в типологическом освещении был рассмотрен С. А. Зубой (Сухуми).

Значительное внимание было уделено периодизации эпоса. В. К. Соколова (Москва) в докладе «Исторические песни — этап развития народного эпоса» охарактеризовала основные особенности образов и сюжетосложения восточнославянских исторических песен и выявила их принципиальное отличие от предшествующего историко-героического эпоса — былин. А. М. Аджиев (Махачкала), говоря о героико-историче

общность северокавказской эпической традиции, наметил три этапа в ее развитии: героический эпос, героико-исторические песни, собственно исторические песни (конец XVIII — начало XIX в.). Об исторических песнях как более позднем этапе эпического творчества народов Дагестана и их особенностях говорила также Ф. О. Абакарова (Махачкала). Б. Х. Бгажноков (Нальчик) на примере сопоставления нескольких адыгских эпических произведений с реальными событиями отметил различие характеров и типов персонажей в архаическом и историко-героическом эпосе. Л. А. Астафьева (Москва) показала, как изображался патриотический подвиг в былинах, созданных до монголо-татарского нашествия и во время него. Выказывалась и противоположная точка зрения о соотношении исторических песен и героического эпоса. Так, С. Г. Морару (Кишинев) утверждал, что развитие эпической традиции шло от простых форм — конкретного изображения событий — к более сложным — героическому эпосу. Эта концепция не встретила поддержки у большинства выступавших; ее несостоятельность убедительно обосновал в своем докладе Б. Н. Путилов.

Приводились и отдельные примеры соотношения разных типов эпических произведений с историческими фактами. Например, В. Н. Сокуров (Нальчик), сопоставив кабардинские эпические песни с русскими письменными источниками, показал, насколько точно они отражают исторические факты XVII в. М. Р. Халилова (Махачкала) рассказала об особенностях песен и преданий народов Дагестана о Набир-хане, Х. М. Халилов (Махачкала) — об историческом и легендарном в преданиях о Тимуре у осетин, чеченцев, ингушей, лезгин и др.

Поднимались и другие проблемы, связанные с изучением эпоса. А. К. Егизарян (Ереван) выделил нравственные категории, определяющие в первую очередь облик эпического героя; Ф. Халилов (Баку) говорил о мотиве чудесного рождения как элементе эпоса; В. Н. Меремкулов (Черкесск) — об общем и особенном в нартском эпосе абхазо-адыгов; М. А. Сулаев (Грозный) — о нравственном идеале в «Илиаде» и «Одиссее»; И. А. Дахкильгов (Грозный) — о связях эпоса с преданиями и легендами.

Большая часть докладов и сообщений ученых из Грозного была посвящена *илли*, которые рассматривались в разных аспектах. Весьма положительно следует оценить опыт комплексного изучения одного сюжета или фольклористами, этнографами, историками, лингвистами и другими специалистами Чечено-Ингушского института, результаты которого опубликованы в двух сборниках статей (Грозный, 1983, 1984 гг.). На симпозиуме о них был сделан доклад Я. З. Ахмадовым и И. Б. Мунаевым (руководитель работы) «Опыт комплексного изучения героико-исторических или». В докладе «Общее и особенное в героико-историческом эпосе вайнахов» И. Б. Мунаев охарактеризовал или как особый жанр. Далее докладчик выявил, каким образом общее выражается в конкретном поэтическом творчестве чеченцев и ингушей. А. Х. Танкиев рассматривал соотношение эстетического идеала или вайнахов с условиями жизни народа. В. Б. Виноградов говорил об отражении в или вайнахско-адыгских, в том числе вайнахско-кабардинских отношений. М. Х. Шовкалова остановилась на некоторых художественных особенностях или и их идейно-нравственном содержании. З. А. Мадаева указала на значение или как этнографического источника. Эта мысль также получила развитие в сообщении Д. Ю. Чакхиева и Х. М. Мамаева, показавших, что описание оружия в или сопоставимо с этнографическим и археологическим материалом XVIII—XIX вв. и может служить для датировки песен. А. Д. Тимаев, основываясь на результатах экспедиций последних лет, охарактеризовал особенности *узмов* — особых лирических песен, отразивших жизнь народа в историческом развитии, и их связи с *илли*. А. А. Сумбулатов на примере чеченских или выявил в них субъективизм исполнителя в оценке героев, языке и пр. А. И. Халидов говорил о важности изучения языка фольклора, которое по отношению к кавказскому материалу только начинается, и о необходимости выработки принципов такого исследования на основе поэтико-лингвистического подхода с учетом лингвопсихологических и этнографических факторов.

И. В. Шталь (Москва) в своем докладе проанализировала сведения, сообщаемые античными историками о пигмеях, и сопоставила их с эпосом, мифами и преданиями северокавказских народов о карликах (ацана, испы). Она установила, что ареал этих произведений (область расселения абхазов) совпадает с местами, куда помещали пигмеев древние греки. Докладчица детально остановилась на мифе о пигмеях и журавлях, который возводит к солнечному мифу. О месте мифа в эпосе и других жанрах

говоряли также: И. Ш. Тагулашвили (Кутанси) о некоторых древних преданиях в грузинском эпосе (символика цвета), М. И. Мижаяев (Черкесск) об осетинской, а С. Жукас (Вильнюс) — о литовской мифологии; и др. Некоторые из выступавших пытались возвести к мифам некоторые мотивы и образы в произведениях нашего фольклора и даже советской литературы, что вызвало справедливое замечание У. Б. Далгат о недопустимости чрезмерного увлечения мифологией.

В выступлениях отмечалось, что почти совсем не исследуются музыкальные особенности историко-героических песен. Их мелодическим особенностям на симпозиуме было посвящено только два выступления — А. М. Аджиева (Махачкала) и Т. А. Евовой (Нальчик).

Очень актуально прозвучал доклад А. Л. Налепина (Москва) «Эпическое наследие как идеологическая проблема (Критика буржуазных концепций и толкования эпоса народов СССР)». На конкретных примерах докладчик показал, как в зарубежной науке порою фальсифицируется эпос наших народов, неверно трактуется его происхождение и межэтнические связи, повторяются устаревшие концепции (например, аристократического происхождения эпоса). Выступающие в прениях, подчеркивая значение доклада, говорили о необходимости усиления борьбы с враждебными нам концепциями в зарубежной науке. Нужно выходить на международную арену, шире формировать о наших достижениях, противопоставлять измышлениям буржуазной науки фундаментальные исследования по сложным проблемам фольклористики и этнографии.

Существенный вопрос о значении и качестве переводов эпоса народов СССР на русский язык был поднят в сообщениях Ш. Алекперовой (Баку) — о переводе Кер-Оглы, а также З. Х. Халидовой (Грозный), которая продемонстрировала, какие неточности, искажающие порою смысл, имеются в русских переводах вайнахских песен. Она подчеркнула, что переводчик должен знать не только язык, но и быт, обычаи народа.

На симпозиуме затрагивались также вопросы связи фольклора и литературы (С. М. Хайбуллаев — Махачкала, Э. Минкалов — Грозный и др.). О принципах издания 12-томного свода абхазского фольклора говорил Х. Ш. Салака (Сухуми). Я. Б. Дарбиниеце (Рига) рассказала о принципах издания латышских песен и о дальнейшем изучении.

При подведении итогов было подчеркнуто, что симпозиум оказался весьма продуктивным и явился важным шагом в координировании работ в области изучения эпоса кавказских народов.

В. К. Соколов

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОГРАФИЯ ПЕТЕРБУРГА — ЛЕНИНГРАДА»

5—7 марта 1985 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР состоялась вторая конференция, посвященная этнографическому изучению Петербурга-Ленинграда¹; она вызвала столь большой интерес ленинградской научной общественности, что зал заседаний института даже не смог вместить всех желающих. Конференцию открыл заместитель директора ИЭ АН СССР Р. Ф. Итс (Ленинград). На конференции было прочитано 23 доклада, проведена одна экскурсия.

Первое заседание было посвящено городскому фольклору. А. М. Конечный (Ленинград) рассказал об истории петербургского райка — «потешной панорамы» — одной из популярных форм народных увеселений во время масленичных и пасхальных празднеств. Особое внимание было уделено выявлению функции райка в системе площадного зрелищного искусства. «Потешная панорама» выступала в роли устной народной газеты, использовалась для рекламы представлений площадных театров. Доклад сопровождался показом слайдов с картинок, которые демонстрировались в райке. А. М. Конечный, автор экспозиции выставки «Петербургские народные гулянья

¹ Информацию о первой конференции см.: Сов. этнография, 1984, № 5.

«Извещения» в музее истории Ленинграда», провел по ней экскурсию для участников конференции, которые получили возможность посмотреть раек в действии. А. Ф. Некрылова (Ленинград) говорила о таком специфическом жанре фольклора, как приговоры торговцев-разносчиков. В. С. Бахтин (Ленинград) на материале собственных полевых наблюдений и записей в Ленинграде и области продемонстрировал известную сохранность народно-поэтической традиции и на современном этапе. Живой иллюстрацией к его докладу послужило выступление ленинградского рабочего А. И. Каргальского, исполнившего былину о Садко. А. И. Каргальский, родом с Дона, из семьи сказителей, в условиях Ленинграда сумел сберечь семейную традицию.

Отражению этнографических реалий в художественном творчестве и проблеме использования литературных произведений в качестве этнографического источника были посвящены доклады В. П. Владимирцева (Иркутск) — «Произведения Ф. М. Достоевского как источник для этнографического изучения Петербурга», Е. И. Филипповой (Москва) — «Старый Петербург в изображении Ф. П. Решетникова» и А. Д. Дридзо (Ленинград) — «Петербургский быт по воспоминаниям М. В. Добужинского». Доклад М. Г. Рабиновича (Москва) носил историографический характер — он был посвящен И. Г. Георги, первому исследователю Петербурга, донесшему до нас много этнографических наблюдений городского быта.

И. П. Уварова (Москва) рассказала о роли этнографических изысканий в театральной жизни Петербурга рубежа XIX—XX вв., С. Г. Федоров (Ленинград) — о народных театрах и народных домах Петербурга в тот же период. Мебельному производству в Петербурге XVIII в. (деятельности мебельщиков — петровских пенсионеров) было посвящено выступление Н. Ю. Гусевой (Ленинград). Тема доклада В. В. Брызгалова и А. Н. Давыдова (Архангельск) звучала так: «Сравнительная характеристика топонимической стратиграфии Петербурга и Архангельска». Сообщение В. Л. Ружже (Ленинград) было посвящено проблемам современного градостроительства; она говорила главным образом о социальных функциях жилища.

Этническая тема на этой конференции занимала, к сожалению, значительно меньшее место, чем на предыдущих. Н. В. Юхнёва (Ленинград) выступила с докладом «Этническая проблематика в изучении городов России». Картографируя разные типы этнических структур городского населения, она показала важность этнической проблематики, особенно при изучении городов западных губерний России. Остальные доклады с этнической тематикой были посвящены современности. М. А. Членов (Москва) на конкретных примерах ленинградских семей продемонстрировал возможности изучения этнической истории населения больших городов с помощью социогенеалогического анализа. М. Э. Коган (Ленинград) показала влияние этнического состава семей на национальные ориентации татар, армян и эстонцев Ленинграда. О. Б. Божков и В. Б. Голофаст (Ленинград) рассказали об опыте сравнительного исследования образа жизни семьи в Ленинграде, Риге и Душанбе.

Много говорилось на конференции об охране памятников архитектуры. Со всей остротой был поставлен вопрос о необходимости при капитальном ремонте сохранять не только фасады, но и интерьеры, не только памятники архитектуры, но и обычные жилые дома. Большинство выступавших на эти темы были люди, сами непосредственно по долгу службы или по велению сердца занимающиеся либо охраной памятников либо их реставрацией. Г. М. Арский (Ленинград) говорил об инженерной стороне реставрации, Р. А. Сомина, С. Семенов (Ленинград) — об интерьерах, Е. Б. Макарова (Ленинград) — об охране Лугового парка в Петродворце. П. Н. Никонов (Ленинград) поднял вопрос о необходимости организовать хранение архитектурно-строительной документации, без чего невозможны охрана памятников и реставрационные работы. Доклады Ю. К. Бакея и А. В. Позднухова (Ленинград) о комплексе смоленских кладбищ и Б. М. Кирикова (Ленинград) о петербургских дворах сопровождался показом интересных слайдов.

На последнем заседании с заключительным словом выступил чл.-кор. АН СССР К. В. Чистов, высоко оценивший прошедшую конференцию.

Н. В. Юхнева

² Информацию А. М. Конечного об этой выставке см.: Сов. этнография, 1985, № 6.

23—24 мая 1985 г. в Москве в Институте востоковедения АН СССР состоялась очередная, XVI конференция по изучению Австралии и Океании¹. В работе конференции участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Ростова, Новосибирска, Курска, Владивостока и других городов нашей страны, представители разных наук: экономисты, политологи, историки, этнографы, литературоведы.

К. В. М а л а х о в с к и й (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва), руководивший работой конференции, во вступительном слове подчеркнул возрастающее значение этого огромного региона в мировой экономике и международной политике, а также growing интерес нашей страны к истории и культуре народов, населяющих данный регион. В Океании, находившейся до недавнего времени под колониальным гнетом, в настоящее время существует девять политически независимых государств: Папуа Новая Гвинея, Соломоновы острова, Вануату, Фиджи, Западное Самоа, Тонга, Тувалу, Кирибати, Науру. Каждое из них имеет свои достижения и переживает свои трудности. Островные народы Океании ведут активную борьбу за независимость. Важные и интересные экономические, социальные, этнические, культурные процессы происходят в Австралии, Новой Зеландии, на Гавайских островах. Изучение этих процессов — актуальная задача советских австраловедов и океанистов.

Проблемы истории, экономики и политики в Тихоокеанском регионе осветили в своих докладах М. М. Солодкин (Всесоюзный заочный финансово-экономический ин-т, Москва) — «Австраловедение и некоторые проблемы теории и истории капитализма»; Н. С. Скоробогатых (МГУ) — «Структура австралийского общества на рубеже XIX—XX вв.»; А. В. Чуйко (Научно-исследовательский конъюнктурный институт Министерства внешней торговли СССР, Москва) — «Новейшие сдвиги в экономике Австралии»; А. Ю. Сучков (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Экономические связи Австралии и Южной Кореи»; Л. Ф. Стефанчук (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Обострение экономических трудностей в Новой Зеландии»; А. Ю. Рудницкий (Дипломатическая академия МИД СССР, Москва) — «Движение „новых левых“ в Австралии»; С. Л. Кулиджанов (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «Вооруженные силы Австралии и военные приготовления империализма». На конференции, однако, не были в должной мере проанализированы проблемы экономики и политики молодых государств Океании.

О давнем интересе в нашей стране к природе, истории, литературе Австралии говорили в своих докладах А. С. Петриковская (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) — «К истории русско-австралийских литературных связей: австралийская литература в дореволюционной России»; Е. В. Говор (Москва) — «Донесения русских консулов в Австралии как исторический источник»; А. Я. Массов (Кораблестроительный ин-т, Ленинград) — «К вопросу об изучении русско-австралийских связей XIX в.»

Проблемам австралийской и новозеландской литературы посвятили свои доклады О. В. Зернецкая (Ин-т литературы АН УССР, Киев) — «Современные модификации австралийского романа-саги (Колин Маккалоу «Поющие в терновнике»); Н. Г. Наниташвили (Ин-т информации по общественным наукам АН СССР, Тбилиси) — «К вопросу о месте рассказа „То лето“ в творчестве Фрэнка Сарджесона»; В. И. Котлярова (Ин-т инженеров железнодорожного транспорта, Ростов) — «Автобиографическая проза Джона Малгана»; И. В. Головня (Педагогический ин-т иностранных языков, Москва) — «Г. Г. Ричардсон и ее трилогия „Превратности судьбы Джона Маони“»; А. А. Шевалдин (Воронежский ун-т) — «Вэнс Палмер как литературный критик». К сожалению, как и на предыдущей конференции, не было докладов о нарождающейся литературе аборигенов Австралии и коренных океанийцев: папуасов, меланезийцев, полинезийцев, микронезийцев.

Е. Ю. Емельянова (Новосибирский пединститут) в докладе «Сибирские письма Алана Маршалла» рассказала об оживленной переписке австралийского писателя, председателя Общества «Австралия — СССР», награжденного орденом Дружбы народов, с новосибирским клубом любителей иностранной литературы. Члены клуба (пре-

¹ Программа конференции и тезисы представленных докладов были опубликованы в кн.: Программа XVI научной конференции по изучению Австралии и Океании. М.: Наука, 1985; Шестнадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании (тезисы докладов). М.: Наука, 1985. В настоящем сообщении упоминаются только те доклады, которые были прочитаны авторами.

преподаватели вузов и школ) отметили в 1977 г. юбилей Алана Маршалла и написали ему об этом. Маршалл ответил на письмо и продолжал писать в Новосибирск вплоть до своей кончины в 1984 г. В архиве клуба около 40 его писем, свидетельствующих о его личном интересе к нашей стране. Члены клуба состоят в переписке и с другими австралийскими писателями.

На конференции был заслушан ряд докладов по этнографической тематике. И. И. Раззакова (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в докладе «Коренные жители Австралии и проблема эксплуатации недр» коснулась проблем современного положения коренного населения Австралии. Она охарактеризовала отношение аборигенов к горнорудным компаниям, добывающим полезные ископаемые на территориях, жонки принадлежащих аборигенам, а также новый образ жизни аборигенов, складывающийся под воздействием денежных компенсаций, получаемых от горнорудных компаний, и различных правительственных субсидий. Было упомянуто, в частности, соглашение о добыче золота в Леоноре (Западная Австралия), заключенное в 1984 г. между горнорудным консорциумом и аборигенами.

О. Ю. Артемова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Коллективизм и социальная неоднородность у аборигенов Австралии» показала, что в традиционном обществе австралийских аборигенов не было абсолютного равенства, там имелись различия в статусах. Докладчик подчеркнула, что это неравенство не имело экономической основы, среди аборигенов не было имущественной дифференциации. В основе неравенства лежали такие факторы, как половозрастное разделение труда: взрослые мужчины обладали более высоким статусом, чем женщины и дети. Среди взрослых мужчин почетное положение занимали лица, достигшие особых успехов в том или ином виде занятий, выделяющиеся своими волевыми качествами, храбростью и т. п. Традиционное общество аборигенов было охарактеризовано в докладе как общество социально-экономического равенства и престижно-авторитетной дифференциации.

Е. А. Киселева (Курский медицинский ин-т) в докладе «Элементы музыкальной культуры аборигенов Австралии» выделила две основные группы музыкальных произведений аборигенов: 1) созданные для удовлетворения эмоциональных потребностей; 2) связанные с религиозно-обрядовой деятельностью. Докладчик проанализировала содержание песен австралийцев, подробно рассмотрела их музыкальные инструменты. Были продемонстрированы две карты, на которых показано распространение традиционных музыкальных инструментов на территории Австралии и выделено несколько «музыкальных областей».

М. С. Бутникова (Музей истории религии и атеизма, Ленинград) выступила с докладом «О видах магии у меланезийцев». Отметив большое значение магии в жизни меланезийцев не только в прошлом, но и в наши дни, она остановилась на обрядах производственной, лечебной, вредоносной, военной и других разновидностей магии. В докладе были подвергнуты критике попытки некоторых буржуазных исследователей истолковать для магии право на существование в будущем. В целом мировоззрение меланезийцев было охарактеризовано как наивно-материалистическое: в своей практической деятельности они больше полагались на жизненный опыт и накопленные положительными знаниями, чем на магические обряды. В еще большей мере это можно сказать о меланезийцах наших дней, освобождающихся от социально-экономической и духовной отсталости, свойственной им в прошлом.

Н. П. Челинцева (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва) в докладе «Освободительное движение во французских владениях в Океании проанализировала, в каких сложных условиях протекает, в частности, на Новой Каледонии процесс борьбы коренных жителей за независимость. Франция, исходя из своих экономических и военно-стратегических интересов, пытается сохранить свои владения в Океании». Однако в последнее время она вынуждена проводить некоторые социально-экономические реформы; в 1984 г. на Новой Каледонии введен новый политический статус, дающий этой стране более широкую автономию; на 1989 г. назначен референдум по вопросу о независимости. Наличие на Новой Каледонии значительной прослойки европейского населения оказывает большое влияние на процесс ее деколонизации. Этнические противоречия, в основе которых лежат различия в социально-экономическом уровне меланезийцев и европейцев, создают здесь сложную обстановку.

Е. С. Соболева (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) выступила с докладом «Биогеография острова Тимор: итоги и перспективы». Она показала, что природа острова, этносы и их языки до недавнего времени были сравнительно слабо изучены. В последние годы заметно возрос интерес к этому острову и его жителям. Это видно, в ча-

стности, из библиографии, составленной К. Шерлоком (1980 г.), которая учитывала ряд с публикациями также некоторые рукописные материалы. Начиная с 1960-х на Восточном Тиморе активно работают археологи, этнографы, лингвисты из Польши, Англии, Франции, США. Проявляют интерес к своей культуре и сами тиморцы, особенно после создания в Куланге университета Нуса Сендана. Но из более чем 20 лингвистических групп тиморцев к настоящему времени изучены лишь около 10. Почти совершенно не исследованы жители горных районов.

К. Ю. Мешков (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Сакральные пещеры древней Японии и острова Пасхи» обратил внимание на любопытный факт: тут и там пещера называется одним и тем же словом «ана». Отметив еще ряд аналогий в частности высказав мнение, что в обоих регионах пещеры связаны с женским началом, противопоставленным мужскому, докладчик подчеркнул необходимость широкого изучения японо-полинезийских историко-культурных связей.

Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) прочитал доклад «Н. Н. Миклухо-Маклай в Австралии». Австралийский период в жизни и деятельности русского ученого длился (с перерывами) более 5 лет. В эти годы он готовил к печати собрание своих сочинений, занимался изысканиями в области зоологии, сравнительной анатомии, изучал человеческий мозг (расовая анатомия). Много сил и времени он уделял борьбе за человеческие права океанийцев, выступал против злоупотреблений со стороны белых колонизаторов, отстаивал независимое существование папуа. На Берега Маклая, добиваясь установления протектората (русского, международного) на этом берегу и, наконец, основания русского поселения на Берегу Маклая.

Подводя итоги работы конференции, председательствующий К. В. Малаховский отметил, что она прошла успешно: расширился контингент участников, были затронуты новые проблемы, по большинству докладов разгорелись оживленные дискуссии. За 16 (с 1970 г.) ежегодных встреч накоплен большой материал, выпущено в свет 15 сборников докладов, переработанных в статьи. Одной из ближайших задач советских австраловедов и океанистов является разработка конкретных рекомендаций по расширению и укреплению экономических, научных, культурных связей нашей страны со странами данного региона.

М. С. Бутинов

ИСКУССТВО ГЖЕЛИ

В июле — августе 1985 г. в Государственном Русском музее экспонировалась выставка «Искусство Гжели». Она продолжила серию выставок-монографий, посвященных уникальным народным художественным промыслам¹. Цель их — собрать, по возможности, весь имеющийся в музеях материал и показать художественную эволюцию промысла, формирование и развитие местных традиций, причем показать их не только зрителю, но и мастерам самого промысла, подчас не вполне знающим его историю, закладываемые в опыте прошлого возможности для современного творчества.

На выставке было представлено более 600 произведений из собраний Государственного Русского музея, Государственного Эрмитажа, Государственного Музея этнографии народов СССР, Производственного объединения «Гжель», а также работы, созданные мастерами и художниками промысла специально для выставки. Экспозиция располагалась в трех больших залах и садовом вестибюле Михайловского дворца.

Гжель — старинный центр керамического производства в Подмоскovie. Когда здесь начали заниматься гончарством, точно не известно. Но одна из 30 деревень, давшая название всему гончарному району, впервые упоминается в 1328 г.² Подлинных же изделий гжельского производства старше последней трети XVIII в. не сохранилось.

Выставка «Искусство Гжели» отразила три периода в развитии этого центра народной керамики. Первый из них связан с производством майолики в 1770—1790-е годы. В экспозиции ему было отведено значительное место.

¹ Жостовский расписной поднос. Каталог выставки/Автор вступительной статьи Коромыслов Б. И. М.: Изобразительное искусство, 1976; Холмогорская резьба по кости конца XVII—XX веков. Каталог выставки/Сост. и ред. Тарановская Н. В. Л.: Гос. Русский музей, 1984. Искусство Гжели XVIII—XX веков. Буклет/Сост. Григорьева Н. (Л.), 1985.

² См. Салтыков А. Б. Избранные труды. М.: Сов. художник, 1962, с. 199.

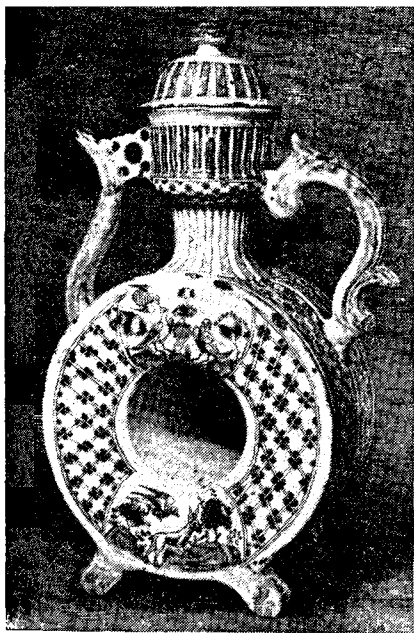

Рис. 1. Квасник XVIII в. Майолика. Гос. Русский музей (Г — 1190)

Рис. 2. Кувшин 1833 г. Полуфаянс. (ГРМ, Г — 1137)

Известно, что на первом русском керамическом заводе А. Гребенщикова в Москве работало немало крестьян из Гжельской волости. Отработав договорный срок, они возвращались в свои деревни, где «сами учинялись мастерами и других изобучали»³. В небольших домашних мастерских они делали модную в то время майоликовую посуду — кумганы, квасники, кувшины, кружки, тарелки, блюда, миски. Изделия из цветной глины с толстым пористым черепком покрывались непрозрачной белой эмалью, по которой «по сырому» делали многоцветную роспись эмалевыми же красками. Такая техника требовала высокого мастерства: поправить изображение, нанесенное быстро впитывающейся в фон краской, было невозможно.

Гжельцы создали самобытный стиль майоликовых изделий. Его отличают подчеркнутую округлые пластичные формы кувшинов и кумганов, четкие контуры дисковидных утолщенных квасников на четырех ножках-лапах с характерным кольцевым отверстием в середине, своеобразные сюжетной и орнаментальной росписи всего в пять красок изысканных оттенков. В декоре посуды отразились и непосредственные жизненные впечатления мастеров — в изображении жанровых сценок, разнообразных зверей и птиц, особенно важных петухов, пейзажей и архитектуры, и темы, заимствованные из лубочных картинок и гравюр. Кроме росписи на плечиках многих квасников размещались небольшие фигурки: музыканты в костюмах XVIII в., женщины с детьми, целующиеся парочки, сценки застолья. Многие в этих скульптурах берет начало в традициях народной глиняной игрушки — обобщенная пластика, меткость типажа, соразмерность ладоням рук, лепивших эти фигурки.

Каждое изделие гжельской майолики уникально. Особый интерес представляют предметы, в декоре которых имеются даты и надписи. Так, на кувшине 1781 г. из собрания Русского музея указано имя мастера — Ивана Никифоровича Срослая; на кваснике 1799 г. сделана надпись, рекомендующая «отдать сей кушын Корнею Федосееву», которому он, вероятно, предназначался в подарок.

На выставке экспонировались не только подлинные произведения гжельской майолики, но и фотографии лубочных картинок и народные вышивки, сюжеты которых перекликаются с росписью гжельских изделий.

Второй этап истории промысла связан с изображением гжельцами на рубеже XVIII и XIX вв. нового переходного материала — полуфаянса, уникального в истории мировой керамики. Полуфаянсовые изделия имели черепок светло-серого цвета и покрывались бесцветной прозрачной глазурью. Роспись на них выполнялась как подгла-

³ Там же, с. 206.

Рис. 3. Кувшин с кружкой. 1945 г. Фарфор. (ГРМ, Г — 3617, Г — 3619)

Рис. 4. Чайник. 1969 г. (ГРМ, Г — 29)

зурная, так и надглазурная. Но если формы посуды были унаследованы от майолики (традиционные кувшины, квасники, миски и рукомы), то роспись стала иной — синя на белом фоне. В ней все большее место занимал растительный и геометрический орнамент, выполненный кобальтом живописным мазком в сочетании со штриховым рисунком.

Полуфаянсовых гжельских изделий сохранилось еще меньше, чем майоликовых. На выставке экспонировалось всего несколько предметов. Среди них также были дарованные экземпляры, а надпись на кваснике из собрания Русского музея сообщала его авторе и месте создания: «Сей кувшин кого люблю того и дарю. Завод Ивана Кузнецова марта 1820 году писал мастер деревни Кузнецова».

Производство полуфаянса сменилось производством тонкого фаянса и фарфора, которое развивалось уже в сфере промышленности.

Как народный художественный промысел Гжель возродилась лишь после Великой Отечественной войны. И не случайно именно полуфаянс лег в основу возрождения местного искусства. Произошло это в 1945—1949 гг., когда известный исследователь русской керамики и теоретик прикладного искусства А. Б. Салтыков и художник Н. И. Бессарабова наладили в Гжели производство фарфора с подглазурной росписью кобальтом. В работе над традиционными и обновленными формами изделий, над сюжетными и орнаментальными живописными композициями, декоративной скульптурой рождался и формировался стиль сине-белой Гжели, завоевавшей сегодня популярность не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Советская Гжель прошла в своем художественном развитии несколько стадий — от первых опытов возрождения мастерства, поисков новых форм и характера росписи в 1940—1950-е годы, через создание декоративной скульптуры и скульптурных сосудов в 1950—1960-е годы до современного широкого и разнообразного ассортимента изделий и направлений творческих поисков мастеров в недрах общего сложившегося стиля гжельского фарфора. Так, на традициях старого полуфаянса возникла его самобытная ветвь в новом современном творчестве.

Советская Гжель была наиболее полно отражена на выставке. Особенности ее развития в разные десятилетия выявлялись на примере творчества художников, ярко выразивших свое время. Монографический показ авторских произведений сопровождался краткими биографическими сведениями и фотографиями ведущих мастеров и художников промысла разных поколений. Здесь и потомственные мастера, представители местных династий, в их числе Т. С. Дунашова, более 50 лет жизни отдавшая промыслу; приезжие скульпторы и художники-профессионалы, проникшиеся духом традиционного мастерства и посвятившие себя его развитию. Среди них — Л. П. Азарова, З. В. Окулова. В 1978 г. всем трем и Н. И. Бессарабовой была присуждена Государственная премия РСФСР имени И. Е. Репина.

Выставка показала, что сегодня в Гжели работает много талантливой молодежи. Под руководством старших она овладевает мастерством, трудится как над массовыми, так и над малосерийными и уникальными изделиями. Среди них есть и утилитарные, и декоративные предметы. Одни авторы нашли себя в пластике сосудов, в поиске новых вариантов традиционных форм квасников и кумганов; другие — в малой скульптуре, сохраняющей присущие гжельским фигуркам меткость образных характеристик и добрый юмор; третьи — в сюжетной или орнаментальной росписи. Сегодня делаются попытки возрождения майолики как традиционного направления в искусстве Гжели.

В одном из залов выставки можно было познакомиться с процессом производства современных гжельских изделий: от отливки сосудов и их деталей в гипсовых формах, росписи полуфабрикатов до готовой обожженной глазурованной посуды. Молодые художницы за специально оборудованным столом показывали зрителям типичные для гжельского искусства приемы сюжетной и орнаментальной росписи. Их работа вызвала живой интерес у посетителей, приобщала к постижению самого процесса живописи по фарфору.

Сегодня перед современными народными промыслами остро стоит проблема размежевания с сувенирной промышленностью⁴, подъема художественного уровня всех изделий, творческого развития местных традиций. Многое на этом пути зависит от верного соотношения в плане предприятия уникальных и серийных изделий, от бережного сохранения и совершенствования приемов ручного мастерства. Для этого необходим прочный заслон от того, что ведет к офабричиванию промыслов, что вынуждает гнаться за выполнением «плана-вала» в ущерб подлинному искусству.

Выставка в Русском музее наглядно показала большие потенциальные возможности развития искусства Гжели. Дело за созданием необходимых условий для их превращения в жизнь.

И. Я. Богуславская

⁴ Чумаченко Н. Не растерять бы жемчужин.— Советская культура, 1985. 6 июля.

ТРЕТИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ЮНЫХ ЭТНОГРАФОВ

С 1 по 12 июля 1985 г. во Всероссийском ордена «Знак почета» пионерском лагере ЦК ВЛКСМ «Орленок» (возле Туапсе) в рамках Всероссийского праздника самодеятельного художественного творчества учащихся общеобразовательных школ «Ради жизни на земле», организованного Министерством просвещения РСФСР и ЦК ВЛКСМ, проходил Третий Всероссийский фестиваль юных этнографов¹. В нем приняло участие около 200 школьников 5—10 классов из 72 областей, краев и автономных республик РСФСР. Было прочитано 77 докладов, отразивших работу школьников в области этнографии.

Из детских коллективов, занимающихся изучением этнографии и пропагандой этнографических знаний при школах, домах пионеров и детских туристско-экскурсионных станциях на местах были отобраны те, в которых наиболее интересно ведется экспедиционная и музейная работа (создание школьниками этнографических музеев или этнографических экспозиций в школьных краеведческих музеях) и где школьники полнее знакомятся с художественными традициями в области народного искусства.

Помимо юных этнографов в «Орленок» приехали юные фольклористы и исследователи традиционной хореографии, занимавшиеся на фестивале в трех секциях: музыкального фольклора, народной хореографии, обрядов и устно-поэтического творчества.

В секции этнографии заслушивались доклады о результатах собирательской и исследовательской работы школьников, сопровождавшиеся показом привезенных из экспедиций этнографических материалов, фотографий и слайдов, изготовленных юными этнографами моделей предметов традиционной материальной культуры, а также демон-

¹ Первый фестиваль состоялся в Орджоникидзе в 1976 г. (См.: Джарылгасинова Р. Ш., Рождественская С. Б. Первый Всероссийский фестиваль юных этнографов.— Сов. этнография, 1977, № 1, с. 140—146), второй — в «Орленке» в 1982 г.

страцией процессов воспроизведения предметов народного искусства (вышивки, жева, вязания и т. п.). Доклады, посвященные комплексному изучению культуры отдельных народов, дополнялись исполнением народных танцев и песен.

В основу большинства докладов был положен местный материал, что помогло ребятам полнее и ярче отразить в своих выступлениях характерные особенности культуры и быта народов РСФСР.

Ряд докладов был посвящен работе школьников по изучению культуры и быта населения не только своей области, края, республики, но и отдаленных районов. Так, например, кружковцы Московского Дворца пионеров представили два доклада о результатах своей работы по изучению материальной культуры коренного населения Чувашской АССР, юные этнографы детской туристско-экскурсионной станции Ленинградского народного искусства Рязанской, Ивановской, Владимирской и Вологодской областей.

В течение недели школьники слушали сообщения своих сверстников, получив возможность наглядно сравнить традиционную культуру различных народов, а также отдельных региональных групп русских. Например, доклад Е. Прокушенковой (Заргарск) был посвящен культуре и быту русского населения Приангарья, доклад Е. Пакуковой и Р. Молтяниновой (Волгоградская обл.) — русским Поволжья. В отдельных докладах школьники осветили культуру и быт башкир (Ф. Сатвалов, осетин (Л. Газаева, Э. Дзанаев, Н. Скорописова), удмуртов (И. Кочнев), чувашей (А. Рахманкулова) и др.

Большое внимание уделялось традиционной культуре русских. Так, О. Апария (Тульская обл.) рассказала о верованиях древних славян, Т. Доренская (Ставропольский край) — о быте станиц Новомарьевской Ставропольского края, О. Алексеева (Улан-Удэ) — о жизни семейного села, а Т. Казак (Мурманск) продемонстрировала традиционный народный костюм.

Анализируя тематику выступлений ребят, можно заметить, что в целом при весьма широком спектре интересов их внимание сосредоточено на актуальных сегодня в этнографии темах: традициях народной культуры, народном искусстве и др.

Особый интерес представляли доклады, в которых нашло свое отражение детское видение мира. Как правило, они были посвящены сверстникам, школьной среде, например «Школьный быт в годы Великой Отечественной войны» Н. Налимовой (Осташков, Калининская обл.). Преимущества юного возраста исследователей проявились и при обращении к такой теме, как народные игры. О них рассказали В. Пчельников и Т. Григорьева (Лесной городок, Московская обл.), а также К. Битаров (Орджоникидзе).

Выступления школьников показали, что они не ограничиваются простым изучением этнографического материала, а стремятся использовать полученные знания в повседневной жизни. Это относится прежде всего к декоративно-прикладному искусству. Многие юные этнографы овладевают отдельными его видами, развивая лучшие традиции народных мастеров. Так, например, доклад Н. Иосипчук (Ленинградская обл.) «Быт, фольклор и старинное кружево земли Киришской» был проиллюстрирован кружевами собственного плетения и показом процесса кружевоплетения. И. Абдулаева (г. Дагестанские Огни), говоря о народных ремеслах в Южном Дагестане, продемонстрировала изделия собственной вязки.

Часть докладов была посвящена различным сферам бытовой культуры. Так, традиции в области национального питания рассматривались в докладе Н. Болдыревой (Элиста) «Калмыцкая пища». Народной одежде посвятили доклады Н. Чайцева (Орловская обл.), И. Кирющенко (Брянская обл.), М. Алексахина (Москва), а деревянному зодчеству русских мастеров — А. Кокорин (Пенза) и Т. Колтунова (Омск). О декоре жилища рассказали И. Щубняков (Куйбышев) и В. Блохин (Брянская обл.).

В некоторых выступлениях ребята пытались дать целостную картину образа жизни народа, исследовать исторические корни тех или иных явлений. Этого в какой-то мере удалось достичь этнографам Злынковской средней школы (Брянская обл.), доклады которых об архитектурном декоре жилища г. Злынки, традиционном костюме Новозыбковского района в конце XIX в. и партизанских частушках, бытовавших в Новозыбковском районе в годы Великой Отечественной войны, органически сочетались с коллективным исполнением частушек и элементов традиционных танцев. Доклад этнографов Рязанского Дворца пионеров, дополненный выступлением танцевально-песенного коллектива «Росинка», познакомил аудиторию с результатами многолетней работы кружка народной вышивки и кружевоплетения.

С. Натыкан и Е. Сидоренко (Амурская обл.) рассказали о традициях народного края, их прикладном искусстве, играх и танцах.

Серьезные, зрелые работы вынесли на суд собравшихся А. Копасова (Комсомольск-на-Амуре) и В. Замша (Краснодарский край). Первая говорила об отражении народного костюма коренных жителей Приамурья их верований и миропонимания, второй — об изучении исторического развития жилища, одежды, пищи и утвари в семье Ивановской Краснодарского края.

Анализ докладов позволяет говорить об удачном сочетании этнографической работы с туризмом во многих школах и внешкольных детских учреждениях. Так, например, А. Смирновский рассказал о работе этнографического кружка при Ленинградской детской туристско-экскурсионной станции. Члены этого кружка совершили 13 пеших походов и создали на станции музей народного искусства, экспонаты которого используют для своих докладов, при чтении лекций в подшефном интернате и беседах со школьниками.

Собранный в школьных музеях материал активно привлекался школьниками при чтении докладов. Так, И. Хутова (Кабардино-Балкарская АССР), используя материалы школьного музея, разносторонне показала традиционный быт кабардинцев и карцев.

Доклады школьников, разные по характеру выбранных тем, по структуре изложения материала, в целом отразили глубокий интерес их авторов к народной культуре нашей многонациональной страны.

Как правило, доклады дополняли тщательно оформленные, снабженные рисунками этнографиями альбомы.

Заместитель министра просвещения РСФСР Л. К. Балаяна, выступая по окончании фестиваля, отметила большое значение этнографических знаний как важного фактора в системе воспитания подрастающего поколения.

Трудно переоценить роль этнографических занятий школьников в их духовном развитии: дети учатся работать с книгами по истории, литературе и географии, с музейными экспонатами; в экспедициях они знакомятся с жизнью народов СССР, овладевают художественными традициями. Главное же — такие занятия способствуют развитию чувства патриотизма и интернационализма, глубокого уважения ко всем народам СССР.

Третий фестиваль юных этнографов в очередной раз показал, как наша наука способствует формированию лучших черт советского человека у подрастающего поколения.

С. Б. Рождественская, В. В. Руднев

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 12 июля по 4 августа 1984 г. силами преподавателей и студентов Архангельского ордена «Знак Почета» государственного педагогического института имени М. В. Ломоносова (АГПИ) проводились этнографические полевые исследования в деревнях Визовье и дельте р. Северной Двины (руководитель — А. Н. Давыдов). В экспедиции участвовали научные сотрудники Архангельского музея деревянного зодчества (АМДЗ) Л. А. Симакова и А. Г. Кремлёв.

Работа велась в Уемском (д. Хорьково), Вознесенском (с. Вознесенье, деревни Волочок, Нижнее Рыболово, Одино) и Ласгольском (деревни Ластола, Вагино, Вагинский Наволок, Конецдворье, Онишово, Наумцево, Питяево, Чубола, Чубольский Наволок) сельсоветах Приморского рай-

она Архангельской области. Было опрошено более 60 местных жителей, снято 4 фотопленки (2 черно-белые и 2 цветные).

В результате полевых исследований (фотофиксация, зарисовка, запись устной информации) был собран материал, позволяющий более четко охарактеризовать специфику хозяйственно-культурного комплекса населения островов дельты р. Северной Двины. Поселения дельты развивались как активный элемент системы пригородных деревень вокруг Архангельска, но островное положение и близость к Белому морю обусловили развитие поморских черт в их хозяйстве.

В ходе работ были выявлены особенности домашнего скотоводства и земледелия на островах дельты Северной Двины, опи-

саны приемы и орудия морского и речного рыболовства. Полученная информация проливает новый свет на характеристику хозяйства населения дельты р. Северной Двины, традиционно относимого в литературе к поморам¹.

Описание усадеб, типов жилища и хозяйственных построек позволило выделить их специфические черты, появившиеся в результате активного влияния городского деревянного зодчества Архангельска на сельское жилище пригородных деревень дельты Северной Двины, а также пригородных поселений, расположенных на берегу Северной Двины выше города (д. Хорьково).

Был описан праздничный календарь островных жителей дельты Северной Двины, выявлена очередность гуляний и характер престольных праздников в прошлом. Отмечено, что в зимний период престольных гуляний в деревнях дельты не было. На весенние и летние гуляния, куда обычно приплывали и приходили крестьяне окрестных деревень, обязательно приезжали и горожане, особенно выходцы из этих деревень.

Записаны рассказы местных жителей о свадьбе, крещении, похоронах. В комплексе семейной обрядности крестьян дельты

Северной Двины также заметно и тельное влияние городского культуры.

Наряду со сбором устной информации производился поиск и сбор экспонатов АМДЗ. Наиболее ценным пополнением коллекции музея стал комплекс вещей д. Наумцево. Здесь были приобретены сапоги с одним отвалом и железным сошлом, праздничные бахилы, рюжи и мережи речной и морской ловли. В дельте Северной Двины земледелие было развито, но из-за небольшого количества земли пригодных для земледелия, а также из-за сурового климата. Население дельты было сориентировано на другие, не земледельческие промыслы, связанные с рыбой и с близостью большого губернского города (Архангельск). Поэтому находки сельскохозяйственного земледелия здесь сравнительно редки. В одном из домов были приобретены сапоги из красной покупной кожи, сшитые по типу городских сапог XIX в. Это и яркий пример воздействия городской культуры на традиционный вид поморской обуви (обычный цвет бахил из нерпы или моржовой кожи у поморов черный). В ходе экспедиции был выявлен и собран ряд предметов городского быта — мебель, посуда.

Собранные экспонаты будут храниться в Архангельском государственном музее деревянного зодчества.

А. Н. Давыдов
А. Г. Кремлев

¹ Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.

* * *

В июле 1985 г. в Пестовском районе Новгородской области работала экспедиция Мышкинского народного музея Ярославской области. Ее участники побывали в 26 селениях, большая часть которых расположена по р. Мёглинке и ее притокам.

Цель экспедиции — ознакомление с образцами бытующих в Пестовском районе прялок и сбор наиболее типичных из них для музейной коллекции «Прялки Нечерноземья».

За время работы было осмотрено более 70 прялок и опрошено 43 старожила. В ходе экспедиции выяснилось, что в обследуемых селениях в течение последних 100 лет бытуют четыре типа прялок.

Наиболее древний и традиционный тип — *коренуха*. Сделана она из целого куска дерева с корневой частью. Элементов, крепящихся по-столярному, не имеет. По характеру исполнения копылка (тяжелого, массивного) она близка к каргопольским прялкам, но ножка у нее значительно длиннее, а лопасть гораздо меньше и по

своим пропорциям близка к лопастям прялок Шекснинского и Междуреченского районов Вологодской области.

Коренуха — исконный местный тип прялки. Старожилы говорили, что прежде встречались и расписные прялки такого типа. Но участникам экспедиции такие образцы не встретились. Все осмотренные экземпляры были очень архаичны, лишены росписи и резьбы. Делали их повсеместно, но не позднее конца XIX в.

Второй тип распространенных здесь прялок — *точёнки*. Эти прялки поздние, привозные. Их делали на токарных станках в городе Боровичи. Особенно ценились точёнки с зеркальцами. Маленькое, круглое, оно врезалось в стоечку прялки по лопасти. Такая прялка считалась богатой и престижной. Она была мечтой девушек, входила в состав приданого, на «посиделках» привлекала внимание парней к ее владелице. Кстати, целая группа старинных припевок посвящена именно этой теме. Значению прялки в жизни молодежи

Прялка-точёнка маловыразительна. Гладкий неширокий копылок, стоечка-балисинка, выточенная на токарном станке, чуть расширяющаяся вверх, а на самом верху плавно округляющаяся лопасть — вот и все. Ни резьбы, ни росписи. Но чистота гордской токарной и столярной работы и украшающее прялку зеркальце немало способствовали популярности точёнок.

Был и третий тип прялок — *соломенки*. Изготавливались они столярным способом. У соломенок широкий удобный копылок, легкая сужающаяся вверх стоечка, лопастка тех же пропорций и того же силуэта, что и у коренух, но гораздо тоньше и легче. И стоечка и лопастка щедро инкрустированы соломкой природного золотистого цвета и окрашенной в красный, синий, зеленый, фиолетовый цвета. Из соломки (чаще всего небольшой длины, от 3 до 5 см) на них выложены геометрические орнаменты либо простые рисунки вроде лучистого солнышка или цветка. Встречаются и выложенные слова-посвящения (обычно с внешней, обращенной к людям стороны стоечки).

Подражая точёнкам, мастера, делавшие соломенки, иногда врезали в верх стоечки зеркальце.

Соломенки делали в деревнях Акинково, Сомово и на хуторе Пузыри нынешнего Тарасовского сельсовета Пестовского района. В предреволюционные годы такие прялки изготавливались в большом количестве. Делали их и в 20-е годы. В обследованных нами местах соломенки — наиболее часто встречающиеся прялки.

Четвертый тип прялок Пестовского района может быть выделен в известной мере условно. Это самодельные прялки, изготовленные в 1920—1930 годы, когда промысел соломенок и точёнок прекратился. Самодельные прялки грубоваты, тяжеловесны, сделаны неаккуратно, зачастую неумело. По пропорциям и силуэту они близки к соломенкам, но уступают им по чистоте отделки.

За время работы участники экспедиции собрали для Мышкинского народного музея 22 прялки разных типов, бытовавших в обследованном районе.

В. А. Гречухин

* * *

Фольклорная экспедиция кафедры русской литературы Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Горьковского Областного научного центра народного творчества и культурпросветработы летом 1984 г. родожила работу в правобережной части области¹. С 29 июня по 12 июля 1984 г. 3 студента и аспирантка Т. И. Белоус под руководством К. Е. Кореповой вели запись в 13 населенных пунктах Перевозского района (в селах Ичалки, Сунеево, Телекшево, Корсаково, Мармыжи, Большие Кемары, Поляна, Выжлей и деревнях Козловка, Смородиха, Балахна, Заключая, Красная Горка), а также выходили в селения смежных районов: Бутурлинского (с. Большая Якшень, д. Малая Якшенька) и Шатковского (с. Большие Печеры, д. Малые Печеры).

Поскольку в Перевозский район горьковские фольклористы выезжали повторно, перед участниками экспедиции 1984 г. стояла задача дополнить представление о местной фольклорной традиции, записав произведения тех жанров, которые были представлены недостаточно полно или совсем не были представлены в материалах предыдущей экспедиции. Главное внимание

было обращено на обрядовый фольклор (календарный и семейный), былички, этнографический материал, связанный с древнейшими представлениями (приметы, поверья и т. п.), и детский фольклор. Обрядовый фольклор собирался по программам-вопросникам, предполагающим в дальнейшем его картографирование.

Цели экспедиции определили состав информантов. Записи были сделаны от 150 человек, преимущественно людей пожилых: 111 информантов — старше 60 лет, 12 в возрасте 50—60 лет, 5 — 40—50 лет, 2 — 20—30, 20 детей.

Всего записано 1558 произведений разных жанров: 26 описаний свадебного обряда, 17 свадебных песен, 30 причитаний, 20 приговоров, 238 описаний календарных обрядов, 91 рассказ о гаданиях, 76 календарно-обрядовых песен и приговоров (в основном колядки с припевом «таусень» и масленичные приговоры). Записаны рассказы о проводах в армию, похоронный обряд, несколько похоронных причитаний.

В материалах экспедиции 182 произведения несказочной прозы. Среди них 96 быличек о домовом, русалках-«колововках», лешем, черте, ходячих покойниках-«летунах», людях-оборотнях, 33 предания, в основном топонимических с исторической тематикой: о названиях, связанных с битвой

¹ См. «Советская этнография», 1984, № 4, с. 143—145.

русских и татар на р. Пьяне; с казанским походом Ивана Грозного, несколько преданий о кладях, о бывших владельцах селений, есть рассказы-воспоминания о местных революционных событиях, о Великой Отечественной войне.

Записано более 130 произведений детского фольклора: 10 колыбельных песен, 9 потешек, 17 закличек, 23 считалки и жеребьевки, 12 игровых приговоров, 18 дразнилок, а также детские загадки различных видов и анекдоты; описаны детские игры, детские тетради-альбомы.

В материалах экспедиции 363 частушки, 175 песен. Историческая песня представлена одним сюжетом («Собирался Александра свою армию смотреть...»), традиционная баллада — сюжетом «Казак жену губил». Сделаны описания песенного репертуара различных возрастных групп.

Многие из обследованных сел — в прошлом торговые центры. Ичалки, база экспедиции, — бывшее волостное село. Здесь значительно меньше, чем в обследованных фольклористами в предыдущие годы южных районах области, сохраняется фольклорная архаика. В репертуаре даже пожилых исполнителей преобладают песни литературного происхождения, жестокие романсы, позднейшие баллады. Как и по всему югу области, встречаются украинские народные песни.

Собирался также материал по нескольким программам полесских этнолингвистических экспедиций, руководимых Н. И. Толстым.

Работа в правобережной части области была продолжена в июне 1985 г.: группа в составе К. Е. Кореповой (ГГУ), Н. Д. Бардюг (Горьковская консерватория), Е. М.

Чивикиной (ОНМЦ), Р. И. Афанаса (кинооператор), Н. Мошкова (фотограф), корреспондентов областной и районной прессы, выехала в с. Шутилово Первомайского района, где наблюдали обряд «похороны Костромы» в его живом бытовании.

В июле 1985 г. фольклорная экспедиция ГГУ и ОНМЦ приступила к работе в Печорском районе. С 2 по 16 июля группа в составе 10 студентов ГГУ, сотрудника ОНМЦ Е. М. Чивикиной под руководством К. Е. Кореповой вела запись в Богородском районе (в селениях Алешковского, Афанасьевского, Ключищенского, Оранского и Хвощевского сельсоветов). Участников экспедиции интересовал прежде всего традиционный фольклор, поэтому информантами были преимущественно пожилые люди (из 96 информантов 68 — люди старше 50 лет).

Всего записано 929 произведений, среди них 14 сказок, 30 быличек, 41 предание о первоначальном заселении земель славянами, взаимоотношении русских и мордвы, казанском походе Ивана Грозного, разном движении, деятельности Петра I), 100 песен, 419 частушек, 65 произведений детского фольклора. В материалах экспедиции 24 описания свадебного обряда, 48 свадебных песен, 16 причитаний, 11 приговоров, 78 описаний календарных обрядов, 28 календарно-обрядовых песен и приговоров, 43 рассказа о гаданиях. Описан песенный репертуар людей разных возрастных групп.

Материалы экспедиций переданы в фольклорный архив кафедры русской литературы ГГУ, магнитофонные записи — в фонограмм-архив ОНМЦ.

К. Е. Корепова

* * *

Вологодский областной краеведческий музей (ВОКМ) совместно с сектором этнографии восточнославянских народов Института этнографии АН СССР (Ленинградская часть) провел две экспедиции.

С 15 по 30 сентября 1983 г. в Грязовецком районе Вологодской области работала экспедиция в составе Н. А. Веселовой (ВОКМ), А. Е. Финченко (ИЭ). Был обследован ряд населенных пунктов в Анохинском, Миньковском, Обнорском, Плосковском, Ростилковском и Фроловском сельсоветах.

Экспедиция преследовала две цели: приобретение этнографических коллекций для создающегося в Вологде Архитектурно-этнографического музея Вологодской области

и сбор информации по традиционной материальной и духовной культуре.

Методической основой полевого исследования послужили тематические анкеты «Поселение и жилище», «Хозяйство», «Пастбищное», «Свадебный обряд», составленные Т. А. Бернштам.

За время работы было опрошено 47 информаторов, от которых получены сведения об обрядовой и повседневной утвари, основным занятиям населения в конце XIX — начале XX в., народном календаре, семейной обрядности, демонологии.

При сборе материала большое внимание уделялось выявлению существовавших в конце XIX — начале XX в. местных центров росписи деревянных изделий, изготовления

линяной посуды, сельскохозяйственных рудий.

Приобретена коллекция вещей из 86 предметов. Среди них одежда, образцы качества, земледельческие орудия, домашняя утварь, пастушеские музыкальные инструменты. Особый интерес представляют рялки второй половины XIX — начала XX в. грязовецкого типа с резьбой и росписью, не имеющие аналогов в фондах Вологодского областного краеведческого музея. Впервые его фонды пополнились несколькими пастушескими барабанами, и сейчас широко бытующими среди населения.

С 6 по 30 июня 1984 г. полевая работа велась в Верховажском (А. Е. Финченко, Н. А. Веселова) и Вожегодском районах. На территории Вожегодского района в со-

ставе экспедиции работали также И. Б. Сорокина и Т. Г. Петрова (ВОКМ).

В ходе экспедиции приобретено 90 предметов, характеризующих различные стороны материальной и духовной культуры населения исследуемых районов. Впервые в фонды ВОКМ поступили традиционные в прошлом для Вожеги шерстяные домотканые полосатые сарафаны и малоизвестные пастушеские музыкальные инструменты — колотушки.

Особый интерес среди собранной информации представляют сведения о свадебной обрядности, а также о магико-религиозных приемах, применявшихся при розыске пропавшей скотины.

Все собранные материалы будут переданы в архив ВОКМ.

Н. А. Веселова

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

В. Е. Гусев

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны в записях К. Г. Свитовой. М.: Советский композитор, 1985. Паэзія барацьбы. Рэдактары К. П. Кабашнікаў, А. С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1985 (на белорусском и русском яз.). Илић Н. П., Златановић М. Народне песме Јужне Србије о Ослободилачком рату и револуцији. Лесковац, 1985 (на сербскохорватском яз.).

Изучение народного творчества периода второй мировой войны имеет уже достаточно полную историю и дало значительные результаты. В СССР и в других социалистических странах опубликованы ценные материалы в области всех фольклорных жанров, изданы антологии и многочисленные исследования, обобщающие труды¹.

Сорокалетие со дня победы над фашизмом ознаменовано в науке новыми работами этнографов и фольклористов. Ряд статей появился в научной периодике 1984–1985 гг. («Български фолклор», «Народна творчѣстѣ та етнографѣя», «Народно стварѣлаштѣво», «Советская этнография», «Филологические науки», «Slovenský národopis» и др.). В Минске состоялась научная конференция, где были зачитаны доклады по фольклористике и этнографии². Издано несколько новых сборников народного творчества периода второй мировой войны.

Заметным событием в советской фольклористике явилось издание первой музыкальной антологии русского песенного фольклора Великой Отечественной войны в записях московского музыковеда К. Г. Свитовой. Значительную часть сборника составили материалы комплексных экспедиций Института этнографии АН СССР, Всесоюзного Дома народного творчества и Московской государственной консерватории в Сталинградскую (ныне Волгоградскую) область РСФСР под руководством научного сотрудника Института этнографии В. Ю. Крупянской (1947–1948 гг.). Эта часть рецензируемого сборника существенно дополняет соответствующие публикации в книге, составленной В. Ю. Крупянской и С. И. Минц³. В сборник К. Г. Свитовой вошли также песни, записанные ею в экспедиции Московской консерватории под руководством К. В. Квитки в Калужскую область (1949 г.), а также записи разных лет в Брянской и Московской областях. Все записи, за исключением четырех, публикуются впервые (свыше 60).

В сборнике представлены разные виды песенного фольклора. Здесь и песни, созданные безвестными авторами, и фольклоризованные варианты стихов советских поэтов и песен советских композиторов, и переосмысленные традиционные крестьянские казачьи и солдатские песни, и переработанные варианты песен гражданской войны Наряду с фронтовыми, которые занимают большую часть сборника, в нем опубликованы и характерные партизанские песни («В темной роше глухой», «Мы шли на дел ночью темной», «Что ты смотришь, родимый товарищ»), и песни о легендарной Тане (Зое Космодемьянской), и о героях подполья, песни полонянок, угнанных фашистами («Любимый мой, пора моя настала», «Что случилось с моею судьбою»), и о матерях провожающих сыновей на фронт, и о девушках, ожидающих своих любимых... Сборник привлечет внимание не только музыковедов, но и фольклористов-филологов, поскольку все тексты, публикуемые параллельно с нотной транскрипцией, приводятся полностью (нотная публикация воспроизводит первую строфу), и в распоряжении исследователя оказываются новые варианты текстов, известных по другим сборникам, а также не публиковавшиеся ранее тексты, не вошедшие, в частности, в названную академическую антологию В. Ю. Крупянской и С. И. Минц.

¹ Обзор литературы см. в ст.: Гусев В. Е. Народное творчество в годы второй мировой войны и задачи его исследования. — Сов. этнография, 1980, № 4, с. 3–11.

² Вялікая Айчынная вайна ў фальклоры і мастацтве Беларусі (мастацтвазнаўства, этнаграфія, фалькларыстыка). Тэзісы дакладаў канферэнцыі, прысвечана 40-годдзю Перамогі. Красавік 1985 г., гор. Мінск. Мінск: Навука і тэхніка, 1985.

³ Крупянская В. Ю., Минц С. И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XIX, М., 1953.

жанровая классификация песен Великой Отечественной военной представляет для исследователей большую трудность. Характерно, что составители книги «Материалы по истории песни Великой Отечественной войны», в предисловии выделяют героические и лирические песни, а в самом корпусе антологии отказались от группировки текстов по жанрам. В коллективной академической монографии «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (М.—Л., 1964) авторы главы, посвященной песням, подразделяют их на маршевые (походные), лирические, сатирические, лиро-эпические (баллады). Дополнительные трудности для жанровой классификации песен создает учет их ритмико-мелодического и интонационного разнообразия, несовпадение в ряде случаев поэтического и музыкального стилей. В предисловии к рецензируемому сборнику К. Г. Свитова пишет: «Здесь встречаются: песни с традиционным крестьянским стилем, многоголосные, широко распетые; близкие по своей структуре городским рабочим песням; родственные массовым песням современных композиторов и поэтов» (с. 4). Наряду с этим встречается и исполнение новых текстов на известные напевы, причем на одну и ту же мелодию могли петься различные по содержанию тексты. В связи с этим К. Г. Свитова отмечает, что существуют песни, «исполняющиеся на одну мелодию, но совершенно различные по жанру» (с. 5). Все это, видимо, побудило ее отказаться от жанрового принципа группировки материала, равно как и от обычного в филологических сборниках деления на песни фронтовые, партизанские, песни тыла и т. п. Рецензируемый сборник состоит из двух разделов: «Песни рожденные в годы войны» и «Песни прошлых лет с измененными текстами» (причем первый раздел, в свою очередь, подразделяется на: 1. Песни-призывы. Победные песни; 2. Песни о фронтовых и партизанских буднях. Песни о подвигах героев; 3. Песни-письма с фронта и на фронт).

Примечания к песням ограничиваются реальным комментарием (указываются время и место записи, а также исполнители, в необходимых случаях — поэтический или музыкальный образец песни). К сожалению, отсутствуют отсылки к другим вариантам публикуемых текстов и указание на место и единицу хранения записи. В некоторых примечаниях отсутствует или неточно приводится литературный источник текста. Уточним, что песня «Между Москвой и Ленинградом», переработка песни «Отец мой был природный пахарь», восходит к «Песне грека» Д. Веневитинова; песни «Под ракитой зеленой» и «Черный ворон» — к стихотворению Н. Веревкина; песни «Поздно вечером стояла у ворот» и «Я жила тогда у самой у реки» — к стихотворению «Молода еще девица я была» Е. Гребенки; «Плещут холодные волны» — песня не гражданской, а русско-японской войны (автор — Я. Репнинский). В предисловии к сборнику К. Г. Свитова скромно замечает, что она не стремилась к исследованию своих записей, а ставила задачу опубликовать песни в том виде, как они исполнялись во время войны и в первые послевоенные годы, издать сборник, «материал которого представляет известную историческую ценность» (с. 6). Будем надеяться, что этот материал найдет своего исследователя-музыковеда, и появится специальная работа, подобная той, которую на белорусском материале создала Л. С. Мухаринская⁴.

Белорусские фольклористы переиздали к 40-летию победы над фашизмом материалы, вошедшие в книгу «Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны» (Минск, 1961). Однако новая книга — «Паэзія барацьбы» — в целом заметно отличается от предшествующей. Состав раздела «Песни» изменен, расширен и обновлен, среди новых текстов — 30 не опубликованных ранее записей экспедиций Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, а также 15 текстов, опубликованных ранее в сборнике «Песні савецкага часу» (Минск, 1970). Включение экспедиционных материалов позволило составителям значительно увеличить количество нотных публикаций (в первой книге их было лишь 2, в рецензируемой — около 30). Вместе с тем некоторые песенные тексты, опубликованные в 1961 г., в новое издание не включены. Пополнен новыми текстами и раздел частушек.

Существенно расширен раздел народной прозы, особенно полно представлен жанр «жмюрата» (воспоминаний участников войны и партизанского движения, а также воспоминания людей, переживших ужасы фашистской оккупации). В этом отношении образцом и источником для составителей послужила известная книга белорусских писателей А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника «Я из огненной деревни»⁵. Некоторая часть сказок, легенд, преданий и воспоминаний публикуется по записям, хранящимся в архиве Института искусствоведения, этнографии и фольклора, и по уже изданным в журнале «Полымя» и в сборнике «Казкі і легенды роднага краю» (Минск, 1960). Разделы сатирических произведений, а также пословиц и поговорок в основном воспроизводят содержание соответствующих разделов книги «Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны». Заметным пробелом является отсутствие в примечаниях к текстам отсылок к вариантам.

В целом книга «Паэзія барацьбы» относится к типу антологического издания. Она включает все основные виды музыкально-поэтического народного творчества (в широком смысле слова) периода Великой Отечественной войны и представляет их в характерных для каждого вида образцах. Свообразие книги состоит в том, что она включает не только фольклорные произведения, но и индивидуальные (стихи непрофессиональных поэтов, участников армейской и партизанской художественной самодеятельности, материалы из фронтовой и подпольной печати, рукописных журналов и боевых листов). Поэтому часть материалов почерпнута из источников, где текст подвергся

⁴ Мухаринская Л. С. Белорусская народная партизанская песня 1941—1945. Минск, 1968.

⁵ Адамовіч А., Брыль Я., Колеснік У. Я з вогненнай вёскі... Мінск, 1975.

большой или меньшей редактуре. фольклорист-исследователь воспользуется материалами книги избирательно, для широкого же круга читателей она представит несомненно историко-культурный интерес.

Рецензируемая книга открывается двумя вступительными статьями. К. П. Кников и А. С. Федосик обстоятельно характеризуют особенности создания и бытия народного творчества в годы войны, жанровый его состав, художественное своеобразие отдельных его видов, его связи с героическими и трагическими событиями времени. В статье П. П. Альхимович анализируются мелодические и метрические особенности некоторых песенных вариантов.

Авторы статей, уделяя должное внимание преемственности белорусских народных фольклорных традиций, отмечают, что в песенном репертуаре населения Белоруссии в годы войны значительное место заняли фольклоризовавшиеся произведения русских поэтов и композиторов, русские и украинские песни (в разделах «Песни Частушки» тексты публикуются не только на белорусском, но и на русском языке), раскрывают интернациональный характер нового народного творчества: «Белорусская народная поэзия Великой Отечественной войны неразрывно связана с творчеством других народов нашей страны, а также имеет много общих черт с поэзией зарубежных славянских народов, которые вели борьбу с фашистскими захватчиками» (с. 25).

Интернационализация народного творчества в годы второй мировой войны способствовал сам характер антифашистской борьбы, единство целей всех сражавшихся против фашизма народов, их братство по оружию. Немалую роль в этом процессе сыграло и то обстоятельство, что партизанские отряды, сражавшиеся на территории Белоруссии, имели многонациональный состав. Авторы специальной монографии пишут: «В партизанской войне против немецко-фашистских оккупантов в нашей республике наряду с коренным населением — белорусами (71,9%) участвовали русские (19,2%), украинцы (3,89%), литовцы, латыши, грузины, казахи, армяне, узбеки, азербайджанцы, молдаване, евреи, сыны и дочери более 70 национальностей Советского Союза»⁶. Отметим, что в партизанских отрядах на территории Белоруссии были также и представители народов некоторых зарубежных стран.

В связи с этим большое значение приобретают сравнительно-типологические исследования фольклора разных народов, боровшихся против фашизма. Закономерен интерес, какой проявляют советские исследователи к соответствующим публикациям в других социалистических странах. В частности, внимания заслуживают многочисленные издания, систематически выходящие в свет в Югославии на языках народов этой страны.

Одной из новых книг, приуроченных к 40-летию победы над фашизмом, является сборник «Народные песни южной Сербии об освободительной войне и революции». Южная Сербия — лишь один из регионов Югославии, где развернулась всенародная вооруженная борьба против фашистских захватчиков. Народные песни местного населения, отразившие эту борьбу, издавались уже неоднократно. Они вошли в сборники «Сербские народные партизанские песни» Т. Вукановича (1966), «Чернотравские лесковачские народные песни освободительной войны и революции» Димитријевића (1967), «Народные песни Ябланицы» Д. Туровича (1968), «Народные песни освободительной войны из южной Сербии» М. Миловановича (1974)⁷.

Песни рецензируемого сборника записал ветеран войны историк Н. П. Илчич, а подготовил их к изданию и написал вступительную статью М. Златанович, составитель одной из лучших югославских антологий⁸, и автор специальных исследований о фольклоре Южной Сербии. Сборник содержит лирические, сатирические и эпические песни, которые объединены составителем в разные тематические группы, озаглавленные выразительными стихами из наиболее известных песен. Здесь — и призывы к антифашистскому восстанию, и восхищение подвигами борцов, и сострадание «светлым жертвам» — гибели патриотов и горю матерей, потерявших своих сыновей, и проклятия врагам — «черным воронам» и предателям — «четникам»... В песнях нашли отражение и крупные события военных лет, и отдельные эпизоды партизанского движения, боевое сотрудничество с Советской армией и ее победы под Москвой и Сталинградом (с. 65, 158). В сборник включена одна из самых популярных песен освободительной войны:

От Балкана до Русије
Црвени се барјак вије.
На барјаку златно слово,
То је име Лениново.

От Балкан до России
Развевается красное знамя.
На знамени — золотое слово,
Это — имя Ленина (с. 21).

Помещен в нем и цикл песен о главнокомандующем Народно-освободительной армией Югославии — маршале Тито, песни, в которых запечатлены образы и имена народных героев-коммунистов, партизан и партизанок, командиров отрядов (среди них — Р. Павлович, организатор восстания в Южной Сербии, командир 2-го южн

⁶ Хацкевич А. Ф., Крючок Р. Р. Становление партизанского движения в Белоруссии и дружба народов СССР. Минск, 1980, с. 21.

⁷ Вукановић Т. Српске народне партизанске песме. Врање, 1966; Димитријевић Црноотравске и лесковачке народне песме ослободилачког рата и револуције. Београд, 1967; Туровић Д. Народне партизанске песме Јабланице. Лесковац, 1968; Миловановић М. Народне песме ослободилачког рата Јужне Србије. Београд, 1974.

⁸ Сија звезда. Народна песме ослободилачке борбе и социјалистичке изградње. Приредио М. Златановић. Ниш, 1974.

39 гг.). Сборник доносит до читателей боевой дух борцов против фашизма, их волю к победе, свободолюбивые идеалы, мечту о новой, социалистической Югославии.

Во вступительной статье М. Златановича сообщаются сведения о собирании антифашистских песен на территории южной Сербии, о песенном репертуаре военных лет (в частности — и о распространении советских песен на русском языке), о том, что партизаны этого региона пели песни не только местные, но и созданные в других краях Югославии, особенно — в соседней Македонии (заметим, что содержание сборника свидетельствует о популярности в Сербии многих песен, записанных в Югославии повсеместно). М. Златанович интересно обсуждает проблему судеб традиционных эпических песен в годы войны, высоко оценивает новые эпические песни-хроники, исполнявшиеся устными, продолжающими создавать их и поныне (в сборник включено несколько образцов таких песен). Впрочем, вопрос о новых эпических песнях-хрониках остается фольклористике дискуссионным. В кратком послесловии собирателя песен Н. Илича дается историческая справка о вооруженной борьбе 1941—1945 гг. в южной Сербии. Сборник содержит комментарий к песням, библиографию основных работ на сербско-хорватском языке, посвященных народным песням военных лет, и резюме на французском, английском и русском языках.

Книги, изданные в 1985 г., свидетельствуют о том, что материалы о народном творчестве в годы второй мировой войны не исчерпаны до конца. В архивах хранятся записи песен и устных рассказов, воспоминания бывших фронтовиков и партизан, деятелей движения сопротивления и другие материалы, еще не введенные в научный оборот и не ставшие достоянием общественности. Обращение к этим источникам может расширить наши знания о духовной культуре народных масс в условиях борьбы против фашизма.

В. Е. Гусев

Н. Г. Волкова

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

В 1973 г. этнографами Батумского НИИ им. Н. А. Бердзенишвили АН ГССР был подготовлен и выпущен в свет сборник статей¹, который стал первым выпуском тематической серии «Культура и быт Юго-Западной Грузии». Последующие выпуски серии выходили достаточно регулярно² (в чем несомненная заслуга ответственного редактора всех сборников А. И. Робакидзе), и в 1983 г. специалисты смогли познакомиться уже с 10-м (своего рода юбилейным) выпуском серии. Широкая научная аудитория, возможно, недостаточно знакома с этой серией. Статьи в выпусках написаны на грузинском языке, русские же резюме, имеющиеся к тому же не ко всем статьям, все-таки не всегда адекватно отражают содержание работы и не могут полностью раскрыть богатый и разнообразный материал, содержащийся в 10 выпусках рецензируемой серии. Вероятно, это обстоятельство в известной мере послужило причиной выхода в свет на русском языке сборника «Очерки этнографии Аджарии» (Тбилиси, 1982, далее — ОЭА). Структура этого сборника и тематика его статей не отличаются от выпусков серии «Культура и быт Юго-Западной Грузии», что и дает право рассматривать ОЭА в составе рецензируемой серии. Безусловно, ОЭА познакомили всех интересующихся с основными исследовательскими темами, разрабатываемыми в отделе этнографии Батумского НИИ. Однако это издание никак не исчерпало всей проблематики серии «Культура и быт Юго-Западной Грузии». Между тем мне представляется, что данная серия — значительное явление в грузинской этнографии. Налицо большой труд научного коллектива, поставившего себе целью планомерное и систематическое изучение культуры и быта населения Юго-Западной Грузии и достигшего в этом немалых успехов. Всего за прошедшие годы в серии опубликовано 77 статей по этнографической тематике, часть которых послужила базой для дальнейших исследований этнографов Батумского НИИ³.

¹ Вопросы культуры и быта Юго-Западной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 132 с., илл. (на груз. яз.).

² Культура и быт Юго-Западной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, II — 1974; III — 1975; IV — 1976; V — 1977; VI — 1978; VII — 1979; VIII — 1980; IX — 1981; X — 1983 (все на груз. яз.).

³ См., например: Мгеладзе В. А. Деревня Верхней Аджарии. Батуми, 1973; Бекая М. А. Старые и новые свадебные традиции Аджарии. Батуми, 1974; Сб. Устное-поэтическое творчество Юго-Западной Грузии/Отв. ред. Чиковани М. Я. Вып. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1974 (все на груз. яз.). (В последнем сборнике помещена интересная в этнографическом отношении статья З. О. Тандилава «„Лазароба“ и „Квакацеби“ в Аджарии», посвященная обычаям и обрядам вызывания дождя). Из фундаментальных публикаций последних лет следует назвать прежде всего монографию Шамладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

Несколько слов об изучаемом регионе. Юго-западная часть Грузии — это Аджария (Ачара) — одна из ее историко-этнографических областей. Аджарские селения полагались как на побережье Черного моря, так и в горах, где в десятках уездов (Горджоми, Хуло, Махачели, Кинтриш и др.) образовывали отдельные общины. К концу второй половины XVI в. Аджария стала объектом жестокой агрессии Османской империи, что, однако, не привело к ассимиляции этой части грузинского этноса. Аджарцы сохранили этническое самосознание, родной язык, древние традиции, постоянные культурные контакты с остальным населением Грузии. В 1877 г. Аджария вошла в состав Грузии. Таковы некоторые историко-культурные факты, которые следует учитывать при исследовании бытовой культуры аджарцев.

Итак, 10 выпусков серии объединены общей целью — охарактеризовать культуру населения юго-западных районов Грузии. Эта задача в каждом случае решается по-разному, ибо статьи серии различны по своим задачам, методам, обеспечены различной источниковой базой: здесь представлены как статьи, содержащие конкретный описательный материал, так и проблемные, затрагивающие порой дискуссионные вопросы современной этнографической науки. Выпуски серии не тематические, в каждом из них можно найти работы самой различной направленности. И хотя основные исследовательские темы остаются неизменными, тем не менее отродно отметить, что в сборнике к сборнику с годами углубляется характер исследований, высветляются новые грани изучаемого явления, создаются новые обобщающие работы. Возможно, каждый сборник, а может быть, и некоторые статьи в отдельности заслуживали подробного анализа, что, однако, совершенно невыполнимо в рамках настоящего обзора. Поэтому попытаюсь охарактеризовать работы серии, объединив их в несколько общих исследовательских проблем, являющихся, как было сказано, традиционными для выпусков данной серии. Первая — статьи общетеоретического характера, остальные шесть — тематические. Это — исследования традиционного хозяйства, материальной культуры, общественного и семейного быта, современности, инонациональных процессов в Аджарии, работы историографического характера. Предложенное, может быть, несколько схематическое выделение проблем все-таки дает представление о направленности серии, которая охватывает, таким образом, большинство традиционных для этнографии тем. Конечно, при таком делении существует опасность формального отношения к какой-либо проблеме. Например, в статье «Формы поселения в Аджарии в прошлом» (А. И. Робакидзе) исследуются также вопросы хозяйства и патристических сооружений (А. И. Робакидзе) исследуются также вопросы хозяйства и патристических сооружений (Н. Е. Урушадзе) охарактеризованы некоторые традиционные верования аджарцев, а также отдельные памятники материальной культуры и предметы декоративно-прикладного искусства; в работе «Очаг в аджарских жилых и хозяйственных сооружениях» (В. М. Чиковани) анализируются и обряды, обычаи, представления в связи с традиционным очагом и т. п.

К общетеоретическим относится прежде всего статья А. И. Робакидзе и В. М. Шамиладзе «К вопросу о классификации элементов культуры в историко-этнографическом атласе и ее отношение к хозяйственно-культурной типологии» (X) ⁴.

Вопросам классификации и типологии культуры в современной этнографической науке вообще уделяется большое внимание, о чем свидетельствует ряд интересных публикаций последних лет ⁵. Такой интерес вполне понятен и закономерен. Во-первых, он связан с теоретической разработкой общих вопросов культуры; во-вторых, с некоторыми конкретными исследовательскими задачами, как, например, созданием историко-этнографических атласов, цель которых показать общее и особенное (т. е. этническую специфику) в культуре этносов. Постановка такой задачи делает необходимой классификацию элементов культуры и выявление ее типологических форм. Тем самым конкретная на первый взгляд задача создания историко-этнографического атласа и культуры одного народа вырастает до общетеоретической проблемы. Поэтому обращение к грузинским этнографам к типологии культуры вполне своевременно. Основной типологии определенных элементов культуры А. И. Робакидзе и В. М. Шамиладзе признают комплекс признаков. Эта верная по существу гипотеза уже высказывалась ими а также некоторыми другими учеными ранее ⁶. В данной работе она исследуется на материалах жилища и скотоводства. Не менее важно и другое положение, высказанное А. И. Робакидзе и В. М. Шамиладзе в этой же статье — выделение основных типологически образующих признаков и вторичных, дополнительных. В жилище к основным признакам авторы относят планировку, конструкцию, этажность, строительный материал, систему перекрытий. Другие, например местоположение очага, особенности оборонительных сооружений составляют дополнительные признаки.

Проблеме классификации и типологии культуры в рецензируемой серии посвящена еще одна статья — «К вопросу о классификации жилищ в Аджарии» (Д. Х. Микадзе — ОЭА). Основанная на материалах лишь одной историко-этнографической области Грузии, эта работа тем не менее имеет гораздо более широкое значение для понимания вопросов типологии. В каждой из четырех вертикально расположенных приречных географических зон Аджарии автор выделяет несколько форм жилища — *пацха сахи джаргвали сахи*, аджарский дом, лазский дом, *ода сахли* (с. 44). В целом принима-

⁴ В скобках здесь и далее обозначены номера выпусков.

⁵ См.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979; Типы в культуре. М.: Наука, 1979.

⁶ Кобычев В. П., Робакидзе А. И. Основы типологии и картографирования жилищ народов Кавказа (Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу). Сов. этнография, 1967, № 2, с. 33.

предлагаемую в статье классификацию, нельзя не отметить ее некоторую нечеткость: выделяемые формы жилища автор терминологически обозначает различно — форма (зона 1, 3, 4 — с. 40, 41, 44) и тип (зона 2 — с. 41). Это означает не только терминологическую путаницу, но прежде всего нечеткое представление о форме и типе, т. е. категориях разного таксономического уровня — более общей (тип) и более частной (форма).

На общекавказских и общегрузинских материалах построены статьи В. М. Шамиладзе по скотоводству — альпийскому (I), равнинному (VI), «малому» кочевничеству в Грузии (V), номадизму на Кавказе (VII). Исследование последней темы, предпринятое В. М. Шамиладзе на кавказских материалах, несомненно, имеет не узко региональное, а общетеоретическое значение. Возникновение номадизма на Кавказе автор связывает с внешними факторами, и прежде всего с миграциями кочевых племен, начавшимися в I тыс. до н. э. и продолжавшимися до позднего средневековья. Однако классические формы кочевого скотоводства на Кавказе в новых природных и исторических условиях существенно трансформировались и в XIX в., как считает В. М. Шамиладзе, не сохранились.

Конкретным вопросам грузинской бытовой культуры посвящены остальные статьи серии. Следует подчеркнуть, что основу этих исследований, как, впрочем, и отмеченных выше, составили полевые материалы, собранные в течение многих лет в экспедициях грузинскими этнографами. Фиксация таких материалов — народного опыта, многообразных традиций, их критическое осмысление и введение в научный оборот составляет в настоящее время одну из важных и первоочередных задач советской этнографической науки. В современную эпоху под влиянием интенсивных социально-экономических процессов традиционно-бытовая культура этноса активно изменяется, многие же ее формы исчезают. Такое положение особенно характерно для материальной сферы культуры — хозяйства, жилища, одежды. Тем интереснее статьи серии, посвященные традиционно-бытовой культуре грузинского народа. Скотоводство аджарцев, гурийцев, мегрелов, рачинцев, сванов охарактеризовано в статьях В. М. Шамиладзе (II—IV, VIII, ОЭА), Н. А. Кахидзе (I), Б. В. Гамкрелидзе (I), пахотные орудия Юго-Западной Грузии — в статье Н. Ш. Чиджавадзе (IV), пчеловодство аджарцев — в работе А. Давитадзе (I). Большое внимание в серии уделено народным ремеслам — проблеме, в последнее время приобретающей большое практическое значение. Поэтому восемь статей Н. А. Кахидзе (II—V, VIII—X, ОЭА), планомерно исследующего различные виды грузинских традиционных ремесел — кузнечество, деревообработку, гончарство, ткачество, оружейное дело, традиции золотойшейного искусства в районах Юго-Западной и Южной Грузии (Аджарии, Гурии, Самцхе-Джавахети), актуальны и сегодня.

Из статей Н. А. Кахидзе особо хочется отметить опубликованное в VIII выпуске исследование «Обработка камня в Юго-Западной Грузии по древнегрузинским источникам»: основанное на сведениях письменных памятников X—XIII вв. — «Житие Серапиона Зарзмели» Басила Зарзмели, фамильной хроники Абусеридзе Тбели и др. (последнему в X выпуске посвящена специальная статья З. О. Тандилава).

Тематически к исследованиям Н. А. Кахидзе близки работы Дж. С. Варшаломидзе по декоративно-прикладному искусству аджарцев и гурийцев (II—IX, ОЭА). Автор достаточно обстоятельно характеризует технические приемы, особенности изучаемых им памятников резьбы по дереву, символику традиционного орнамента.

Символика аджарского орнамента, представленного на различных традиционных памятниках и бытовых предметах в виде соляных знаков, рассмотрена также, как отмечалось, в статье Н. Е. Урушадзе (IV). Анализируемый в этой работе материал дает автору возможность выявить в местном орнаменте как локальные, так и общие черты, связывающие его с орнаментами других этнографических групп грузинского этноса — хевсур, тушин, рачинцев, сванов.

Значительная группа статей, исследующих материальную культуру. Их авторы А. И. Робакидзе, В. М. Чиковани, Г. М. Ванилиши, И. Н. Самсониа детально характеризуют поселение, жилище, хозяйственные постройки, традиционные очаги, одежду трех этнографических групп грузин — аджарцев, гурийцев, лазов. Значение поставленных в некоторых из этих статей проблем выходит за рамки узко региональных. Так, в статье А. И. Робакидзе «Формы поселения в Аджарии в прошлом» (ОЭА) ставится ряд общих вопросов, связанных с типологией культуры. В Верхней Аджарии автор в качестве типа поселения выделяет патронимический поселок, т. е. социально-экономическую категорию. Форма же поселения зависела от характера расселения: в горных районах Аджарии это гребневой, в равнинно-предгорных — гнездовой (местами улочный).

Одним из важнейших элементов кавказского жилища в прошлом, как известно, был очаг, значение которого в хозяйственной и духовной жизни традиционных обществ Кавказа было огромно. Очаг выполнял не только хозяйственные функции. С очагом были связаны многие важнейшие семейные обычаи и обряды, народные воззрения и представления. Поэтому единственная в рецензируемой серии статья «Очаг в аджарских жилых и хозяйственных сооружениях» (В. М. Чиковани, IV), несомненно, расширяет наши представления не только об аджарском жилище, но и вообще о многих сторонах традиционного быта аджарцев. Автор детально характеризует разновидности очага — *кера* (открытый очаг), *бухари* (пристенный очаг-камин), выявляет многообразные связи очага с жилыми и хозяйственными постройками, анализирует его функции и роль в хозяйственной и духовной жизни аджарской семьи.

Жилые и хозяйственные постройки охарактеризованы на аджарских (упомянутые статьи Д. Х. Микеладзе и Б. В. Гамкрелидзе) и лазских (Г. М. Ванилиши, VI) мате-

риалах. В пределах СССР лазы — это совсем небольшая по численности локальная группа грузин, главным образом жители одного селения в Аджарии — Сарпи. На этнографических материалах, собранных в этом селении Г. М. Ванилиши (по происхождению лаза), и сделано описание лазского жилища, которое автор определяет как: калыный (колхидский) вариант общегрузинского.

При изучении общественного и семейного быта главное внимание исследователи уделяли патронимии (А. И. Робакидзе, II, ОЭА; Н. В. Мгеладзе, X). На аджарских материалах эта социальная организация впервые рассмотрена А. И. Робакидзе. Многочисленные обследования горных селений показали, что в прошлом это были поселения общинного типа — *теми*, располагавшиеся на определенной территории. Каждое тем включало несколько патронимических поселков, которые в Аджарии, по сведениям А. И. Робакидзе, носили названия *модмоба* (букв. «родство»), *ногро* (объединение родственных семей), *тесли* (букв. «семья»), *будоба* (от груз. буде — «гнездо»), *дзири* (от груз. дзири — «корень»), *мамоба* (от груз. мама — «отец») и др. Автор проследил в аджарских материалах процесс образования патронимии первого порядка, которая возникала в результате сегментации большой семьи. Со временем численность этой патронимии приводила к появлению большой семьи, которая в свою очередь распадалась на патронимии второго порядка (ОЭА, с. 25—26). Интересный аналог приводит автором. Наиболее близка, по мнению А. И. Робакидзе, к аджарской патронимии хевсурская. Много общих черт первая обнаруживает с мтиульской (с. 2). Здесь, однако, имеются и существенные различия, на которые указывают сами названия патронимий: мтиульская *комоба* (от груз. комли — «двор», «дым») и аджарская *мамоба* (букв. «отцовство»). А. И. Робакидзе отмечает большую стойкость патронимической организации в Аджарии, которая сохранялась даже в условиях интенсивной миграции населения с гор.

Некоторые материалы по аджарской патронимии (патронимической собственности) содержит статья Б. В. Гамкредидзе (I), в которой исследуется соотношение форм личной и общественной собственности у членов этой социальной организации. Н. В. Мгеладзе анализирует по этнографическим материалам Горджомского ущелья (Горная Аджария) патронимическое объединение *ногро* (X), включавшее, по мнению автора, семьи братьев — родных и двоюродных, что обозначалось термином *гвидзли модз* (букв. «единокровное братство») и троюродных — *гарета модзме* (букв. «внешнее братство»).

Изучение общественного быта аджарцев в серии не ограничено лишь патронимией. В ряде статей рассмотрены также другие сюжеты. Это, например, традиционные кориды, устраиваемые во время весеннего праздника *кашатоба*, когда в плуг запрягал быка и проводили первую борозду (В. М. Шамиладзе, I); значение в жизни аджарской общины сельской площади, аналогичной сванской *сви*, осетинскому *ныхас*, дагестанскому *гудекан* (Н. В. Мгеладзе, ОЭА), некоторые материалы по обычному праву аджарцев (Л. Бочоришвили «Краткий отчет этнографической экспедиции 1974 в Аджарии», IV).

Проблема семьи, семейных отношений, семейной обрядности — одна из наиболее разрабатываемых грузинскими этнографами. В рецензируемой серии характеризует семейный быт аджарцев и лазов. Это статья «Старые и новые брачные традиции в Аджарии» (автор М. А. Бекая, ОЭА); пять статей Т. А. Ачугба: «Из истории семейного быта в Аджарии» (ОЭА), «Из истории семейного быта Верхней Аджарии» (VI) «Структура семьи Верхней Аджарии» (VIII), «Из истории семейного управления Верхней Аджарии» (IX), «Нормы народного семейного права в Аджарии» (X); стат. Г. М. Ванилиши «Из истории семейного быта лазов» (VII).

Исследования М. А. Бекая и Т. А. Ачугба, дополняя друг друга, в основном дают представление о формах и структуре аджарской семьи, организации труда внутри семьи, характере семейных отношений, имущественных и брачных нормах, свадебном цикле. Приведенные в названных статьях материалы показывают, насколько тесно переплетались в формах семьи, в семейном быту аджарцев стабильно сохранявшиеся старые и сравнительно новые традиции, а также и новации. Как пример стойко сохранившихся традиций Т. А. Ачугба рассматривает большую семью — *эртианобис саи* (букв. «единый дом»). Горной Аджарии, порядку управления в ней и организации труда; М. А. Бекая — весь брачно-свадебный цикл. Основные черты большой семьи лази охарактеризованы в статье Г. М. Ванилиши. Во главе семьи стоял *папули* (*бабули*) дед, старик, старший, обладавший всей полнотой власти. Он имел особую спальню комнату *папулиши ода*, свое место у камина *бухари* и у открытого очага *кера*. Женская часть семьи возглавляла старшая женщина *охорджа* (лазск. *охори* — «дом» и *дж* — «дерево»; соответствует общегрузинск. *диасахлиси*, с. 17). Интересен небольшой свод терминов родства на картвельском, лазском и мегрельском языках, приводит автором в конце статьи.

Исследования М. А. Бекая, Т. А. Ачугба и Г. М. Ванилиши семейного быта аджарцев и лазов, как, впрочем, и других сфер их бытовой культуры, важны и интересны не только как конкретные описания этих явлений и данных этнографических групп, грузин и в плане выявления общегрузинского и локального в их традиционной культуре. Такой локальной особенностью следует считать, например, традицию кузенных (от кузенных) браков, принятых в Аджарии наряду с древней общегрузинской традицией брачной экзогамии.

Этнографическое изучение современности занимает в серии достаточно большое место. Специально этой проблеме посвящено несколько статей: М. М. Тавадзе по временному быту рабочих Батумского нефтеперерабатывающего завода (VIII—ОЭА), Л. Н. Каландаришвили по культуре колхозного крестьянства (II, IV—VI, V

Статьи М. М. Тавадзе находятся на стыке социологии и этнографии. Автор в своих исследованиях оперирует материалами социологических анкет, статистикой, что делает более убедительными ее выводы. Вопросы, разрабатываемые М. М. Тавадзе, следует признать, нечасто попадают в поле зрения кавказоведов. Тем более необходимо отметить такое начинание, учитывая и те сложности, которые встают перед исследователем городского населения, в том числе рабочих. М. М. Тавадзе рассмотрела национальный, социальный, профессиональный состав рабочих, национально-смешанные браки и некоторые аспекты быта рабочих. Наиболее этнографична из названных статей этого автора публикация в VIII выпуске — «Национально-смешанные браки рабочих Батумского нефтеперерабатывающего завода», основанная на данных проведенных М. М. Тавадзе обследований. Полученные материалы свидетельствуют о непрерывном росте национально-смешанных браков в обследованной среде, что объясняется, по мнению автора, прежде всего многонациональным составом заводского коллектива и рабочего поселка, в котором живет основная часть рабочих Батумского завода. Этнографическое изучение национально-смешанных семей дает возможность представить те существенные изменения, которые произошли в их быту по сравнению с более традиционным бытом однонациональных семей, в брачно-свадебном цикле, в воспитании детей, в питании, в распространении русского языка и появлении грузинско-русского двуязычия.

Л. Н. Каландаришвили в своих работах охарактеризовал этнографические особенности современной культуры сельского населения Аджарии — хозяйства, материнской культуры, семейного быта, положения женщины и др. Одна статья этого автора посвящена практически актуальному вопросу миграции аджарцев — жителей сел с гор на равнину (VI), процессу, активно происходящему и в других районах Грузии.

С тех же позиций практической значимости следует подходить и к статье Н. А. Кахидзе, содержащей не только общую характеристику современных аджарских ремесел, но и рекомендации по восстановлению традиций этой сферы народной культуры.

Помимо исследований культуры и быта этнографических групп грузинского народа в серии представлены статьи, дающие этнографическую характеристику (сельскохозяйственных культур, жилища, пищи) инонациональных групп, живущих в Аджарии — абхазов (Т. А. Ачугба, VI; Г. Г. Копешавидзе, VIII) и греков (Л. А. Демурова, X). Работу в этом направлении желательно продолжить, так как исследования подобного рода дают возможность проследить особенности этнокультурного развития малых по численности групп в иноэтническом окружении, различные этнокультурные взаимодействия, культурную адаптацию переселенцев. Такие процессы прослеживаются, в частности, в системе питания абхазов Аджарии, в которой тесно переплелись традиционное (абыста, аджика, ряд мучных, мясных и овощных блюд), заимствованное (пахлава, бурма, щербет и др.) и новое, появившееся в иных природных условиях жизни абхазов на побережье (например, рыба).

Последняя, также небольшая по численности группа статей историографического характера. Это В. Б. Донадзе «Нико Николадзе о Батуми» (IX), И. А. Бекиришвили «Пальгрев об Аджарии» (IX) и Н. А. Кахидзе «Путешественники-исследователи о ремесленном производстве в Аджарии» (VI).

В современном этнографическом кавказоведении историографические работы довольно редки⁷. Между тем важность такого рода исследований очевидна: знание истории этнографической науки, работ отдельных исследователей народного быта помогает понять и оценить достижения и недостатки, пробелы в изучении различных научных проблем и т. п. Поэтому несомненно, что активизация историографических исследований этнографов (и не только Батумского НИИ) составляет достаточно актуальную на сегодняшний день задачу кавказоведения.

Завершая обзор, хочется еще раз подчеркнуть значение опубликованной серии и каждой статьи в отдельности. Это и интересные конкретные материалы, которые отныне вводятся в научный оборот, и изучение многих аспектов традиционно-бытовой и современной культуры населения Юго-Западной Грузии, и выявление в бытовой культуре локальных и общегрузинских черт.

Несомненным достоинством рецензируемой серии является большой и интересный иллюстративный материал (чертежи, фотографии, рисунки). Это не только органическая часть исследования. Нередко такие материалы — важный самостоятельный этнографический источник, к сожалению, еще недостаточно ценный и используемый в этнографических работах. Тем более досадным кажется отсутствие иллюстраций в некоторых статьях серии — по грекам, абхазам, лазам.

При знакомстве с рецензируемой серией встают новые вопросы, новые проблемы, на которые нацеливают уже проведенные исследования. Немало их осталось вне рамок опубликованных работ, в том числе такие важные проблемы как земледелие, пища, традиционные верования, сельскохозяйственный календарь, многие аспекты общественного быта. Их детальное изучение представляется новой задачей будущих этнографических исследований сотрудников Батумского НИИ.

⁷ Из немногих новейших публикаций следует назвать прежде всего монографию А. И. Робакидзе «Пути развития грузинской советской этнографии (1922—85)». Тбилиси: Мецниереба, 1983.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ЭСКИМОСОВ В ЭТНОГРАФИИ США И КАНАДЫ (1960—1970-е годы)

Возросшая политическая активность эскимосов, а также роль их в развитии производительных сил канадского и американского Севера в настоящее время привлекает внимание не только этнографов, но и ученых других специальностей. Настоящая работа представляет собой попытку выделить и проанализировать основные направления этнографического изучения эскимосов США и Канады в 1960—1970-е годы XX в. Такие обзоры полезны и для общего представления об исследованиях в североамериканской этнографии, и как источник новой информации для тех, кто просто интересуется современными проблемами зарубежного Севера.

В 1960—1970-е годы интерес к северной тематике вызвал огромный поток научной литературы¹. Небольшой объем статьи не дает возможности остановиться на всех направлениях современного эскимосоведения, поэтому здесь рассмотрены только наиболее, на наш взгляд, важные и характерные. Предварительный анализ позволяет утверждать, что большинство работ посвящено социальным аспектам развития эскимосского этноса как в прошлом, так и в настоящее время. В них выделяются следующие направления: изучение традиционной социальной организации, этнопсихологические исследования, прикладные работы. В рамках последних двух направлений проводятся исследования современных этносоциальных процессов. Особняком стоит четвертое — этноисторическое направление, тесно связанное с археологией.

Северная этнография долгое время характеризовалась, по выражению Э. Бёрча «скандальным непониманием или пренебрежением» к социальным изменениям во времени². Антиисторический подход прослеживался во многих этнографических исследованиях почти до середины XX в. Ученые исходили из того, что описываемые народы, их культуры, социальные институты существовали без изменений и в период прихода европейцев на американский континент, и позже, вплоть до нашего времени. Фактически, это было синхронное описание современной исследователю ситуации, а не изучение динамики развития этноса.

Необходимость анализа новых явлений в культурах северных народов потребовала рассмотрения их из нескольких временных точек, т. е. применения диахронного метода. Новый подход обусловил сочетание этнографических данных с материалами археологии, лингвистики и истории, что стало характерным для современных этноисторических исследований в американской этнографии Севера.

С 1960-х годов этноисторические исследования на Севере стали более систематическими, лучше насыщены фактическим материалом. Ведущими этноисториками можно назвать М. Лэнтис, В. Освальта, Дж. Ван Стоуна, Дж. Хелм и Э. Ликок. М. Лэнтис выделила три главные темы, над которыми работают ученые этого направления: история культуры, этническая история, этногенез. Применяются в основном три метода: сочетание письменных источников с археологическими данными; анализ архивных материалов вместе со сведениями информаторов; привлечение материалов устного народного творчества для реконструкции исторических процессов³.

Важным этапом в изучении этнической истории коренного населения Аляски является выпуск книги «Этноистория юго-запада Аляски и Южного Юкона»⁴. Это сборник статей, представленных на ежегодном собрании Американского общества этноисториков и показывающих некоторые конкретные результаты исследований, проведенных на основе разработанной ими новой методики.

Наиболее трудно для археолога, считает Р. Аккерман, найти этнографические параллели своим археологическим построениям; это нередко вынуждает его приступать к этнографическим изысканиям⁵. В 1963—1965 гг. Р. Аккерман имел возможность проверить свою программу в полевых условиях на юго-востоке Аляски. Такие этнографические и архивные материалы, как планы деревень, внешний вид, конструкция и планы домов, фотографии интерьеров, придали его археологическим изысканиям необходимую глубину, поскольку возросли возможности интерпретации материала. Основным выводом, к которому приходит Р. Аккерман, является то, что при всей значимости привлечения единичных архивных и этнографических данных к наибольшему успеху в этноисторических исследованиях

¹ Arctic Bibliography/Ed. Martha M. 16 V. Montreal, 1975; *Arora V. P. Eskimos. A Bibliography*. Regina, 1972; *Burch E. S., Jr. The Ethnography of Northern North America*.— Arctic Anthropology, 1979, № 1, Bibliography, p. 95—146; *Eskimo Acculturation A Selected, Annotated Bibliography of Alaskan and Other Eskimo Acculturation Studies* Fairbanks, 1970; *Hippler A. E., Wood J. R. The Alaska Eskimos. A Selected Annotated Bibliography*. Fairbanks, 1977; *Jones D. M., Wood J. An Aleut Bibliography*. Fairbanks 1975; *Marken J. W. The Indians and the Eskimos of North America: a Bibliography of Books in Print through 1972*. Vermillion, 1973; *Murdock G., O'Leary P. and T. J. Ethnographic Bibliography of North America. V. 2. Arctic and Subarctic*. New Haven, 1975.

² Burch E. S., Jr. The Ethnography of Northern North..., p. 91.

³ Lantis M. Introduction: the Methodology of Ethnohistory.— In: Ethnohistory in Southwestern Alaska and the Southern Yukon. Kentucky, 1970, p. 4.

⁴ Ethnohistory in Southwestern Alaska and the Southern Yukon. Kentucky, 1970.

⁵ Ackerman R. Archaeology, Ethnoarchaeology and the Problems of Past Cultural Patterning.— In: Ethnohistory in Southwestern Alaska..., p. 12—17.

едет органичное слияние всех упомянутых выше способов получения материала в единый метод.

При изучении культурных традиций и изменчивости культур Дж. Ван Стоун и [ж. Таунсенд] пользовались сходными методами, привлекая материалы и археологии, этнографии, и истории⁶. Метод сопоставления фольклорных данных с письменными историческими источниками использован в статье К. Мак-Клеллан, попытавшейся понять, как действительность воспринималась аборигенами и преломлялась в их сознании, как воспроизводилась она на новой основе в фольклоре⁷.

Подбор статей сборника весьма характерен для этноисторического направления. В нем представлен основной метод изучения этнической истории аборигенов — сочетание различных источников при исследовании одной проблемы — археологических, документальных, фольклорных. Каждый из авторов, используя один из источников как основной, а два других как вспомогательные, пытается реконструировать первые контакты коренных жителей с западной цивилизацией и показать их последствия.

Под влиянием бурных этносоциальных процессов, проходящих на Севере с 1950-х годов, в этноисторическом направлении возникла еще одна тема — исследование социальных изменений во времени. Связи этноистории с археологией и другими смежными дисциплинами дают ученым огромную историческую перспективу. Так, М. Лентис при помощи исторических источников реконструирует алеутскую социальную систему⁸. Возникновению socioeconomic институтов у эскимосов посвящены работы Дж. Ван Стоуна и В. Освальта⁹.

Общим для большинства этноисторических работ является исследование механизма взаимодействия природных условий и социальных структур у изучаемых народов. Выделяются и изучаются общие и частные явления, происходящие в экологической системе, влияющие на социокультурное развитие этноса. В границах единой экологической системы исследуется взаимодействие охотничьих обществ с популяциями животных, мясо которых служит им основной пищей¹⁰. Этноистики считают, что если построить модель экологических изменений на Севере, то ее можно будет использовать при изучении более сложных экосистем, расположенных южнее¹¹.

Подводя итоги, можно определить основные черты этноисторических исследований на Севере Северной Америки: углубление хронологических рамок, тесная связь с археологическими источниками, использование современного этнографического материала, исследование связей этноса с окружающей средой как в прошлом, так и в настоящем, реконструкция социальной организации¹².

Новый взгляд на эскимосский этнос как на постоянно развивающееся во времени и пространстве явление нашел свое отражение в изучении традиционной эскимосской социальной организации. От объяснения развития социальной структуры этого народа, представлений о процессах взаимодействия европейской и эскимосской культур зависят не только определенные теоретические выводы, но и административная политика по отношению к малым народам этого региона¹³.

Изучение структуры и свойств традиционной социальной организации эскимосов проводится в основном в рамках школы экологической антропологии, одним из ярких представителей которой являлся Э. Сэрвис¹⁴. Последователи этой школы стоят на позициях экологического детерминизма, придавая особое значение факторам окружающей природной среды в культурообразовании¹⁵.

⁶ Van Stone J. W. Ethnohistorical Research in Southern Alaska: A Methodological Perspective.— In: Ethnohistory in Southwestern..., Townsend J. B. Tanaina Ethnohistory: An Example of a Method for the Study of Cultural Change.— In: Ethnohistory of Southwestern Alaska...

⁷ McClellan C. Indian Stories about the First Whites in Northwestern America.— In: Ethnohistory of Southwestern...

⁸ Lantis M. The Aleut Social System.— In: Ethnohistory in Southwestern Alaska...

⁹ Van Stone J. W. Eskimos of the Nushagak River; an Ethnographic History. Seattle, 1967; Oswalt W. H., Van Stone J. W. The Ethnoarchaeology of Crow Village, Alaska. Washington, 1967.

¹⁰ Burch E. S., Jr. The Caribou Reindeer as a Human Resources.— American Antiquity, 1972, № 37, p. 339—368; *idem*. Muskox and Man in the Central Canadian Subarctic. 1689—1974.— Arctic, 1977, v. 30, № 3, p. 135—157; Foote D. Ch., Greer Wootten B. Man Environment Interactions in an Eskimo Hunting System. Washington, 1966; Gubsher N. J. The Nunamiut Eskimos Hunters of Caribou. New Haven—London, 1969; Wenzel G. The Harp-Seal Controversy and the Inuit Economy.— Arctic, 1978, v. 31, № 1, p. 3—6; Wilkinson P. F. Oomingmak: a Model for Man-Animal Relationships in Prehistory.— Current Anthropology, 1972, v. 13, № 1, p. 23—44.

¹¹ Burch E. S., Jr. The Ethnography of Northern North..., p. 93—94.

¹² Хороший обзор этноисторических работ содержится в статье: Ван Стоун Дж. Этноисторические исследования на Аляске: обзор.— В сб.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, с. 212—227.

¹³ Подробнее о связях изучения социальной организации эскимосов с экономико-политическим развитием Севера см. Лопуленко Н. А. Социальное развитие эскимосов Аляски в освещении американских этнографов.— В сб.: Этнография за рубежом. М.: Наука, 1979, с. 250—274.

¹⁴ Service E. Primitive Social Organization. N. Y., 1971.

¹⁵ Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979, с. 246—253; Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978, с. 296—299.

В 1960-е годы в эскимосоведении получила распространение концепция *flexibility* (гибкости) как основного свойства не только социальной организации, но и традиционной культуры эскимосов. Многочисленные работы посвящались гибкости эскимосского языка, психики эскимосов, даже гибкости и готовности к изменениям в тех же стилях резьбы. Но нас в данный момент занимает тема гибкости традиционной социальной организации. Возможно, изобилие работ на тему «гибкости» традиционной культуры должно показывать, что эскимосской культуре ничего не грозило и не грозило в ходе изменения условий ее существования. Если раньше она легко приспосаблилась к природным и климатическим изменениям, то теперь она может также приспособиться к модернизации экономической и социальной жизни¹⁶.

Каким же образом проявляется эта гибкость? Первичными хозяйственными единицами. Э. Сэрвис считал локальные группы, которые по уровню социального разделения на три типа: патрилокальные, составные и аномальные. Однако только патрилокальная была формой естественной адаптации, а две другие образовались в результате разрушения прежних патрилокальных групп вследствие контактов с европейцами и воздействия европейской культуры; это и позволило эскимосам выжить в условиях нового социального окружения¹⁷.

Другую трактовку общественного развития эскимосов дал Ли Гемпл. Он выделил три вида объединения: хозяйственную и локальную группы, региональное объединение. Все они отличаются подвижной структурой, вырабатывавшейся в адаптации к окружающей среде и находящейся, по его словам, в состоянии «стабильной нестабильности»¹⁸. Таким образом, основу общества эскимосов Л. Гемпл видел не в «составной» форме их групп, которую считал характерной для всех эскимосских объединений в доконтактный период.

Широкие полевые исследования в различных районах Арктики позволили Д. Дамасу выделить несколько характерных черт эскимосской социальной организации в прошлом: территориальная интеграция, сравнительно высокий уровень эндогамии и неалогических связей, в качестве основной ячейки большая родственная группа (band) основной популяционный размер около 500 человек, особый диалект, отличающийся от материнской культуры¹⁹.

Подвергнув критике мнение об универсальности эскимосской социальной организации, Э. Бёрч однако подчеркивал, что ее основой была родственная группа. Поскольку эта группа одновременно являлась и производственной (совместная охота), то оплотнения родства были частью более широких социальных отношений. Кроме того, родство служило фактором защиты. Те, у кого не было родственников, обычно подвергались жестокому обращению как со стороны соплеменников, так и в межплеменных отношениях.

Анализируя «бесформенность» и «двойственность» — черты, которые многие этнографы считают весьма характерными для эскимосской социальной организации, Э. Бёрч пришел к выводу, что они появились не вследствие отсутствия определенных правил иерархического расположения людей в системе родства, а благодаря разрушению родственных связей, происходившему главным образом под влиянием контактов с белыми. Эти связи все чаще заменялись неродственными союзами. В дальнейшем ослаблению родственных связей способствовали школы, церковь, проникновение новых экономических отношений и урбанизация. И хотя вначале Э. Бёрч исходил из постулата, что родственные отношения эскимосов и их социальная организация были «бесформенны», позже он пришел к выводу, что при всей кажущейся бесформенности и служили реальным и гибким орудием сохранения эскимосского общества²⁰.

Важной темой в изучении традиционной социальной организации является анализ вспомогательных форм родства. Четкую взаимосвязь между структурой общества эскимосов и этим институтом выявляют многие американские ученые. Под вспомогательными формами родства, обозначаемыми термином *alliance*, понимаются всевозможные проявления общественной жизни: от охотничьих и рыболовных артелей, усыновления и отношений тезек до обмена супругами. Такие союзы могли возникнуть на основе брака, развода, вдовства, ритуального покровительства, серьезного или шутивого партнерства (например, при дележе мяса, исполнении танцев и песен, в спортивной борьбе при обмене амулетами). Многие американские ученые считают, что именно этот институт позволял эскимосскому обществу гибко приспосабливаться к новым условиям.

Исследователи вскрыли различные стороны функционирования вспомогательных форм родства. По мнению одних, объединения играли решающую роль в развитии взаимоотношений и определении места в группе, являясь регуляторами межобщинных

¹⁶ Eskimo of the Canadian Arctic. Toronto, 1968; о социальной организации у зарождающихся эскимосов см. *Файнберг Л. А.* Общественный строй эскимосов и алеутов. М. Наука, 1964.

¹⁷ Service E. Op. cit.

¹⁸ Guemple L. Eskimo Band Organization and the «DP Camp» Hypothesis.— *Acta Anthropologica*, 1972, v. 9, № 2, p. 107.

¹⁹ Damas D. The Diversity of Eskimo Societies.— In: *Man the Hunter*/Ed. Lee R. E. De Vore I. Chicago, 1968, p. 111—117; *idem*. Characteristics of Central Eskimo Band Structure.— *Contributions to Anthropology: Band Societies*/Ed. Damas D. Ottawa, 1966, p. 116—134; *idem*. The Structure of Central Eskimo Associations.— In: *Alliance in Eskimo Society: Proceedings of the American Ethnological Society*, 1971/Ed. Guemple Seattle, 1972, p. 40—45.

²⁰ Burch E. S., Jr. Eskimo Kinsmen: Changing Family Relationship in North-West Alaska. Minnesota, 1975.

и ингода и межэтнических отношений. По мнению других, эти объединения вместе с неформальными производственными группами «создавали сложную сеть социальных отношений»²¹, которая дополняла и расширяла существовавшую систему родства.

На причины возникновения вспомогательных форм родства также имеются различные точки зрения. Некоторые ученые объясняют их появление интенсивными процессами аккультурации в XIX—XX вв. Другие считают, что широкое распространение этого явления по всей Арктике, обнаружение его в очень ранних источниках, опровергает высказанную выше гипотезу. Однако и те и другие, биологизируя законы развития общества, преувеличивая роль адаптационных процессов, отводят вспомогательным формам родства роль механизма адаптации всей социальной системы к окружающей среде²².

Американские эскимосоведы провели в 1960—1970-е годы обширнейшие исследования с целью определения природы традиционной социальной организации и ее роли в культуре эскимосов. Огромный фактический материал, полученный в ходе полевых работ у различных групп эскимосов, использование диахронного метода в исследованиях, привлечение больших исторических и этнографических параллелей позволили им отказаться от идеи исключительности форм эскимосской социальной организации и подойти к мысли об универсальности черт общественного строя у разных народов одного уровня развития.

В американской этнографии Севера изучение современных этнических процессов, одного из важнейших теоретических вопросов современности, относится к области прикладных проблем, что обусловлено несколькими причинами. Первая — изменения традиционно рассматриваются только как результат столкновения индустриального буржуазного общества с обществами аборигенов, исключаются явления саморазвития традиционных обществ и классовый подход в изучении и оценке современных этнических процессов. Вторая — стремление выполнить социальный заказ капиталистического общества — помочь приспособить традиционные общества для нужд развивающейся промышленности.

В настоящее время, когда эскимосы США и Канады доказали свою жизнеспособность в условиях хищнического истребления их средств существования, когда они оказывают сопротивление планам ассимиляции, демонстрируют свою сплоченность перед лицом широкого наступления капитала на северный регион, перед учеными и администраторами встали новые проблемы. Изучаются локальные культурные изменения; новые комплексы охотничьего хозяйства; новые социальные формы, вызванные к жизни благодаря концентрации аборигенного населения; воздействие изменений в расселении и семейных отношениях на функцию кровного родства; статус и поведение женщины в связи со стабилизацией брачных связей и др. Но все эти и множество других вопросов ставятся и решаются во имя основной проблемы: выяснение факторов (экологических, экономических и социальных), ведущих к успеху или неудаче программ развития общин коренного населения²³.

Американские этнографы отводят решающую роль в существовании этнических общностей самосознанию²⁴. Именно поэтому современные этносоциальные процессы на Севере во многом изучаются в рамках школы культуры и личности (culture and personality), опираясь на ее методологию и ее методы. В противоположность исследованию проблем приспособления личности (personal adjustment problems), которые американские ученые относят к числу прикладных, исследования культуры и личности считаются чисто теоретическими²⁵. Но внимательное ознакомление с тематикой указанных исследований говорит о том, что такое разделение их искусственно.

В исследованиях приспособления личности разрабатываются следующие вопросы: отождествление личности, психика человека, влияние на нее средств массовой коммуникации, приспособление к новым видам работ, к городским условиям жизни, к релокации, к технологическим изменениям, к социальным изменениям вообще, преступления и социальные отклонения в общинах, алкоголизм, самоубийства и т. п. В рамках учения о культуре и личности те же проблемы рассматриваются в контексте определенной культуры, в том числе этнической.

Исследования культуры и личности в США проводятся довольно широко, практически в каждой этнической общности. У их истоков стоит И. Хэллоуэлл²⁶, который ввел методику психологических исследований в культурную антропологию. Нельзя не отме-

²¹ Alliance in Eskimo Society/Ed. Guemple L. Proceedings of the American Ethnological Society, 1971. Seattle, 1972, p. 4; Guemple L. Inuit Adoption. Ottawa, 1979; Legros D. Instrumentalismes contradictoires de la logique des idéologies dans une formation sociale inuit aborigène.— Anthropologica, 1978, v. 20, № 1—2, p. 145—179.

²² Damas D. Three Kinship System from the Central Arctic.— Arctic Anthropology, 1975, v. 12, № 1, p. 10—30; Heinrich A. Some Formal Aspects of a Kinship System.— Current Anthropology, 1971, v. 12, p. 541—557; Hennigh L. Functions and Limitations of Alaskan Eskimo Wife Trading.— Arctic, 1970, v. 23, № 1, p. 24—34; Service E. R. A Profile of primitive culture. N. Y., 1958, p. 64—85.

²³ Balikci A. The Eskimos of the Quebec Labrador Peninsula: Ethnographic Contributions.— In: Le Nouveau—Québec. Contribution à l'étude de l'occupation humaine. Paris—La Haye, 1964, p. 375—394.

²⁴ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 163.

²⁵ Burch E., Jr. The Ethnography of Northern..., p. 85.

²⁶ Hallowell I. Culture and Experience. N. Y., 1955.

тять, что он уделял слишком большое внимание психоанализу Фрейда, который изменялся им при изучении структуры личности²⁷.

Последователями И. Хэллоуэла среди этнографов-североведов в 1960—1970-е стали Дж. и И. Хонигманы и М. Лэнтис²⁸. Следует остановиться на деятельности Дж. Хонигмана — одного из основателей исследований культуры и личности в северной этнографии — подробнее. Его работы, часть из которых написана совместно с женой И. Хонигман, посвящены путям развития общин коренного населения, способам адаптации к макросистемам национальных государств западного мира²⁹. В них проявляется стремление разобраться в связях между индивидуумом, культурой и обществом. По мнению Дж. Хонигмана, ученые-обществоведы вообще, а этнографы в особенности, призваны за социальными и культурными явлениями выявлять суть «личности», рассматривать каждую личность как активного участника реальной действительности³⁰.

Дж. Хонигман ввел термин *situationalism*, подразумевающий, что индивидуумы и группы более гибки, чем полагают большинство этнографов и психологов: они борются и приспосабливаются, принимают решения в зависимости от ситуации. В труде Дж. Хонигмана «ситуационный» подход проявляется и в исследовании индейцев-каск и инуитов, и жителей города Инувик. В методике ученого описание личности используется для интерпретации культуры и поведения общества.

В книге «Арктические горожане»³¹ Дж. и И. Хонигман применили свой метод, анализируя жизнь Инувика, нового канадского города в устье р. Маккензи. Исследуя внутренний мир коренных жителей, их психику, авторы пришли к выводу, что в процессе адаптации к новым условиям в северных городах сложился новый социальный тип аборигена, чье поведение и реакцию можно предсказывать в свете теории культуры и личности. Мало того, авторы полагают, что «эскимосский тип личности» — основная причина успешной, с их точки зрения, адаптации эскимосов, т. е. замечательных психических способности и уникальный тип личности позволили эскимосам быстро приспособиться к новым социально-экономическим условиям.

Д. Джоунс также подчеркивает способность эскимосов адаптироваться к любым изменениям. Их движение в города, по ее мнению, отражает желание «влиться в главный экономический поток», а маргинализм коренного населения является следствием не только культурных отличий, но и воздействия социально-экономических условий, в которых оно оказывается. По ее мнению, маргинализм может быть преодолен только посредством развитой системы социального обеспечения³².

Исходя из посылки, что духовная жизнь эскимосов в большой степени определяет их социальное и хозяйственное развитие, Э. Бёрч выдвигает положение, что «мифологическое мышление» эскимосов влияло раньше и продолжает влиять на способы и эффективность их адаптации к окружающей среде³³. Их духовная жизнь еще не разрушена и простого замещения ценностей, как это произошло в материальной культуре, в ней произойти не может. Этим и объясняются большие трудности в переориентации и приспособлении эскимосов к современному миру, которые, как считает Э. Бёрч, в дальнейшем еще возрастут. Однако, на наш взгляд, такое объяснение неправомерно. Не «мифологическое мышление» эскимосов затрудняет адаптацию, а их тяжелое социально-экономическое положение; следствием же неудовлетворительной адаптации является сохранение «мифологического мышления».

Большим вкладом в этнопсихологические исследования на Севере стали труды А. Хипплера и Дж. Бриггса³⁴, которые проводили полевые работы среди эскимосов с целью выяснения процессов социализации, а также психосоциального содержания их семейной жизни; в итоге получен интереснейший материал о динамике взаимоотношений культуры и личности у эскимосов.

²⁷ Аверкиева Ю. П. Указ. раб., с. 154—156.

²⁸ Hippler A. E. Psychological and Psychoanalytical Studies of North American Arctic People.— In: *Arctica*, 1978. P., 1982, p. 35—37; Honigmann J. Culture and Ethos of Kaska Society. New Haven, 1949; *idem*. Social Networks in Great Whale River: Notes on an Eskimo, Mantagnais-Naskapi, and Euro-Canadian Community. Ottawa, 1962; *idem*. Interpersonal Relations in Atomistic Communities.— *Human Organization*, 1968, v. 27, p. 220—229; Lantis M. Eskimo Childhood and Interpersonal Relationships. Nunivik Biographies and Genealogies. Seattle, 1960.

²⁹ Honigmann J. and I. Eskimo Townsmen. Ottawa, 1965.

³⁰ Honigmann J. Preface.— In: *Personality in Culture*. N. Y., 1967, p. 11.

³¹ Honigmann J. and I. Arctic Townsmen: Ethnic Backgrounds and Modernization. Ottawa, 1970.

³² Jones D. M. The Urban Native Encounters the Social Service System. Fairbanks, 1974.

³³ Burch E. S., Jr. Non-Empirical Environment of the Arctic Alaskan Eskimos.— *Southwestern Journal of Anthropology*, 1971, v. 27, № 2, p. 148—165.

³⁴ Briggs J. Never in Anger: Portrait of an Eskimo Family. Cambridge, 1972; *eadem*. Aspects of Inuit Value Socialization. Ottawa, 1979; Hippler A. Additional Perspective on Eskimo Female Infanticide.— *American Anthropologist*, 1972, v. 74, № 5, p. 1318—1319; *idem*. The North Alaska Eskimos: A Culture and Personality Perspective.— *American Ethnologist*, 1974, v. 1, p. 449—469.

проблемы развития личности в условиях сменения культуры поднимаются также в работах Дж. Блюма. Особое внимание он обращает на социально-культурную среду, в которой произошли его респонденты³⁵.

Один из методов, весьма распространенный в этнопсихологических работах, — анализ биографических данных личности. Герой книги Ч. Хьюза, эскимос с о. Св. Лаврентия, сам рассказывает ученому о своем отрочестве. Автор попытался дать психологический анализ трех ролей мальчика: ученика охотника, школьника и сына, используя методы психиатрии и с точки зрения психиатра. Однако оставаясь в плену фрейдистской теории, Ч. Хьюз объясняет поведение героя, игнорируя экологические, культурные и социально-экономические причины³⁶.

Это же относится и к большинству исследований культуры и личности, в которых общественное развитие подменяется развитием психики индивидуумов, а общественные отношения сводятся к межличностным. Основной проблемой для американских этнопсихологов, или антропологов поведения, как они сами себя называют, продолжает оставаться адаптация и аккультурация коренного населения, но решают они эти проблемы с позиций психологии и даже психиатрии³⁷.

В 1970-е годы резко возросло число чисто прикладных исследований, проводимых зачастую по заказам эскимосских ассоциаций с целью решения практических проблем. В ряде работ ставилась задача практической помощи коренному населению: в приспособлении коренных жителей к тем быстрым изменениям, которые произошли в короткий промежуток времени на Севере; в наиболее быстрой и полной интеграции в евроканадское или американское общество с сохранением некоторых аспектов традиционной культуры; для поддержки групп коренного населения, уже попавших под влияние современных экономических отношений, но живущих в районах, где можно вести только охотничье-собирательское хозяйство. В работах ученых этого направления наряду с реконструкцией и анализом культурного наследия эскимосов изучаются природопользование, системы жизнеобеспечения, политико-экономические и ряд других вопросов. Практический интерес к проблемам адаптации обусловил значимость исследований в области экономики, образования, нормативной этнографии и других аспектов, отражающих современные этнические процессы (а иногда и влияющих на них) у эскимосов Америки.

Большое внимание уделяется влиянию современных социокультурных изменений на натуральное хозяйство эскимосов. Кратко суть вопроса можно сформулировать так: каким образом аборигены могут охотиться и ловить рыбу на землях, где развивается промышленность³⁸? Для ответа на этот вопрос прежде всего нужно знать количество личи в охотничьих угодьях и способы охоты на нее. Такая информация собрана, опубликованы даже работы об изменениях в пище эскимосов³⁹.

Необходимо также, чтобы у коренных жителей были юридические права охотиться и жить на собственных землях. И не только формальные права, но и практическая возможность. Здесь мы подходим к одной очень большой теме — вопросу о правах коренного населения Севера на земли и земельные ресурсы. Мы не будем его подробно рассматривать, поскольку он относится к разряду экономико-политических. Отметим только, что экономическое развитие современных общин эскимосов теснейшим образом связано с борьбой коренного населения Севера Северной Америки за права на земли. И только полное удовлетворение требований аборигенов может способствовать решению проблемы существования и развития их общин⁴⁰.

После 1971 г. появилось множество работ, анализирующих и критикующих существующую систему образования, например труды Арктического института Северной

³⁵ Bloom E. D. Psychiatric Problems and Cultural Transitions in Alaska.— Arctic, 1972, v. 25, № 3, p. 203—215.

³⁶ Hughes Ch. C. Eskimo Boyhood: an Autobiography in Psychosocial Perspective. Lexington, 1974.

³⁷ Chance N. A. Acculturation, Selfidentification and Personality Adjustment.— American Anthropologist, 1965, v. 67, p. 372—393; Hellon C. P. Mental Health Problems in the Arctic.— Inter-Nord, 1972, v. 12, p. 333—337; Hippler A. E. The North Alaska Eskimos: a Culture and Personality Perspective.— American Ethnologist, 1974, v. 1—3, p. 449—469; Parker S. Eskimo Psychopathology in the Context of Eskimo Personality and Culture.— American Anthropologist, 1962, v. 64, № 1, p. 76—96; *idem*. Ethnic Identity and Acculturation in Two Eskimo Villages.— American Anthropologist, 1964, v. 66, p. 325—340.

³⁸ Nowak M. Subsistence Trends in a Modern Eskimo Community.— Arctic, 1975, v. 28, № 1, p. 21—34.

³⁹ Draper H. H. The Aboriginal Eskimo Diet in Modern Perspective.— American Anthropologist, 1977, v. 79, № 2, p. 309—316; Usher P. J. Evaluating Country Food in the Northern Native Economy.— Arctic, 1976, v. 29, № 2, p. 105—120.

⁴⁰ Борьба за права на земли посвящена обширнейшая литература. Здесь названа небольшая ее часть: Arnold W. C. Native Land Claims in Alaska. Anchorage, 1967; Barber L. I. The Basis for the Native Claims in Canada.— Western Canadian Journal of Anthropology, 1976, v. 6, № 2, p. 5—12; Ervin A. M. The Emergence of Native Alaskan Political Capacity 1959—1971.— The Musk Ox, 1976, v. 19, p. 3—14; Fisher V. Alaska Native Land Claims Bibliography.— In: Arctica 1978. P., 1982, p. 123—128; Haynes J. B. Land Selection and Development under the Alaska Native Claims Settlement Act.— Arctic, 1975, v. 28, № 3, p. 201—208; Harrison G. S. The Alaska Native Claims Settlement Act, 1971.— Arctic, 1972, v. 25, № 3, p. 232—233; Lantis M. The Current Nativistic Movement in Alaska.— In: Circumpolar Problems. Oxford, 1973.

Америки, Канадской федерации учители и др. Ученые проводили обследования условий жизни, образования, языкового и социального контекста школьных программ⁴¹. Эти критические исследования дополняются фундаментальными трудами Н. Чанса, не только критикующего, но и предлагающего новую основу для постановки образования на Севере⁴².

Одним из аспектов исследований социальных и культурных изменений является этническая демография эскимосов⁴³. Наибольшее внимание уделяется проблемам изменения рождаемости, роста численности и омоложения популяции. Широкий интерес к демографическим процессам на Севере поддерживается не только потребностью экономического развития региона. Исследования в этой области дают ценный материал для демографической характеристики охотничье-собирательских обществ в современном мире.

В области нормативной этнографии особое внимание уделяется проблеме конфликтов. Будучи вовлеченными в капиталистическое общество, аборигены должны подчиняться и законам этого общества. Однако традиционные способы разрешения конфликтов часто отличаются от евроамериканских норм морали и права. Ряд ученых предлагают проекты для улучшения действия юридических органов в условиях Севера. Среди них — обучение коренных жителей основам юриспруденции белого общества, с одной стороны, или введение в судебную практику некоторых норм обычного права с другой⁴⁴.

Работы, в нашем понимании, чисто прикладного характера — это сравнительное явление в американско-канадских северных исследованиях. В 1950-е годы практически одна М. Лэнтис постоянно работала консультантом в этой области. В 1960-е годы к ней присоединились Н. Дэвис, М. Фримен, Ф. Нортон и Е. Хасс. Н. Дэвис исследует современную экономику и динамику культуры применительно к решению практических вопросов. М. Фримен основал исследовательское бюро для помощи координации исследований, касающихся землепользования канадских инуитов по специально разработанной программе. Прикладные проблемы изучают и правительственные чиновники. Однако эти широкие исследования мало публикуются, поскольку они связаны чаще всего со специальными заказами правительственных учреждений, и обзор положения дел в этой области затруднен.

Большое значение для судеб коренного населения Севера имеют работы, где в ряду с анализом современного состояния экономики авторы пытаются обрисовать этнокультурный облик изучаемого народа. Ведь очень часто чиновники, занимающиеся вопросами развития северных районов, плохо представляют себе культурную специфику этого ареала. К исследованиям этого типа относится полезная работа Н. Дэвис, которая при составлении доклада для комиссии по землепользованию на Аляске постаралась увязать новый фактический материал с большой вводной статьей об этнографии эскимосов тихоокеанского побережья⁴⁵. Р. Нельсон, исследовавший средства существования современных эскимосов, доказывал, что это «не просто охота на карибу и поедание их; это — очень сложный комплекс явлений, неразрывно связанный с социальной системой, этикой, моделями личности, ценностями, религией и языком»⁴⁶. Такие работы, несомненно, имеющие научную ценность, в результате играют двойственную роль. С одной стороны, это, возможно, искреннее желание части ученых с помощью общего этнографического образования чиновников правительственных учреждений смягчить в какой-то степени последствия проводимой ими политики. С другой — они способствуют более успешной колонизации северных территорий.

Подводя итоги, можно сказать, что в эскимосоведении 1960—1970-х годов ясно прослеживается одна общая тенденция. Она связана с социальным заказом и, возможно,

⁴¹ Darnell F. Education among the Native Peoples of Alaska.— *Polar Record*, 197, № 122; Kleinfield J., Wright L. Vocational Education in Alaska: Central Issues and Problem Areas.— *Alaska Review Social and Economical Conditions*, 1979, v. 16, № 1, p. 1-29; Lin P. C. Alaska's Population and School Enrollments.— *Review of Business and Economic Conditions*, 1971, v. 8, № 5, p. 1-47.

⁴² Chance N. Minority Education and the Transformation of Consciousness.— *Learning and Culture*. Seattle, 1973, p. 175-184; *idem*. Directed Change and Northern Peoples: Suggested Changes in Light of Past Experience.— In: *Science in Alaska*. College, 1970, p. 88-89.

⁴³ Balikci A. Female Infanticide on the Arctic Coast.— *Man*, 1967, № 2, p. 615-625; Damas D. Demographic Aspects of Central Eskimo Marriage Practices.— *American Ethnologist*, 1975, v. 2, № 3, p. 409-418; Freeman M. The Significance of Demographic Changes Occurring in the Canadian East Arctic.— *Anthropologica*, 1971, v. 13, № 1-2, p. 215-236; *idem*. A Sociological and Ecologic Analysis of Systematic Female Infanticide among the Netsilik Eskimo.— *American Anthropologist*, 1971, v. 37, № 5, p. 1011-1018; Hobart Ch. W. Socioeconomic Correlates of Mortality and Morbidity among Inuit Infants.— *Arctic Anthropology*, 1975, v. 12, № 1, p. 37-48; Laughlin W. S. The Demography of Hunters: an Eskimo Example.— In: *Man the Hunter*, Chicago, 1968, p. 241-243; *idem*. The Purpose of Studying Eskimos and their Population Systems.— *Arctic*, 1970, v. 23, № 1, p. 3-13; Milan F. A. & Pawson S. The Demography of the Hunter Population of an Alaskan City.— *Arctic*, 1975, v. 28, № 4, p. 275-283.

⁴⁴ Hippler A. E., Conn S. Northern Eskimo Law Ways and Their Relationship to Contemporary Problems of «Bush Justice». Fairbanks, 1973; *idem*. The Changing Legal Culture of the North Alaska Eskimo.— *Ethos*, 1974, v. 2, № 2, p. 171-188.

⁴⁵ Burch E. S., Jr. The Ethnography North..., p. 82.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 85.

), не всегда ясно осознается самими учеными: доказать огромные адаптивные возможности эскимосского этноса к ценностям капиталистического общества, найти способы быстрой, наиболее экономичной адаптации эскимосов, ибо колониалистская политика их ассимиляции себя не оправдала. Выраженная с разной степенью интенсивности в большей части исследований, эта тенденция стала основой всех направлений. Она тесно переплетает их, что подчас трудно отнести какую-либо работу к одному определенному направлению. Кроме того, большинство этнографов, отдавая предпочтение одному направлению, проводят исследования и в других областях этнографии евра. Наиболее яркий пример — труды М. Лэнтис, главы этноисториков, с успехом работающей и в области изучения социальной организации и этнической психологии. Другой пример — исследования Д. и И. Хонигманов, изучавших этносоциальные процессы сквозь призму этнической психологии и ее методами, и др.

Хотя работы по этнографии северных народов и не стали основой для какой-либо самостоятельной школы в американской этнографии, значение их очень велико. В объектеоретическом плане материалы этих исследований широко привлекались и привлекаются для доказательства многих теорий и обоснования новых направлений. В методическом отношении в полевых условиях на Севере отработывалась новая методика этнографических исследований. В практическом плане этнографические исследования на современном этапе наряду с обоснованием политики администрации принесли определенную пользу и самому эскимосскому народу, помогая ему осознать ценность своей культуры и важность сохранения ее в современном мире.

Т. Б. Уварова

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ИЗДАНИЯХ ИНИОН АН СССР

Современное научное исследование невозможно без своевременного выявления и использования новейшей информации — от фактических данных до новых концептуальных подходов — в сфере разрабатываемой проблематики. Большая работа по научно-информационному обеспечению исследований в области обществоведения осуществляется созданным 15 лет назад Институтом научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР).

Проблемы исторической науки, занимающей центральное место в комплексе обществоведческих дисциплин, постоянно находят широкое освещение во всех видах изданий ИНИОН: библиографических указателях (текущих и ретроспективных); периодических реферативных журналах, проблемно-тематических реферативных сборниках и аналитических обзорах.

Ежемесячные библиографические указатели (БУ) ИНИОН АН СССР, информирующие о новой советской и зарубежной литературе по истории, археологии и этнографии, ежегодно учитывают почти 40 тыс. работ, в том числе около 700 по этнографии. Но они содержат лишь сигнальную информацию, почти не раскрывающую концептуального содержания научных трудов.

Одним из основных видов изданий ИНИОН АН СССР являются реферативные журналы (РЖ) «Общественные науки в СССР» и «Общественные науки за рубежом», выходящие с 1973 г. в виде ряда серий в соответствии с основными дисциплинами современного обществоведения.

Серия «История» РЖ «Общественные науки за рубежом», как отмечалось в редакционной статье первого номера журнала (1973 г.), «предназначена для широкого круга научных работников, преподавателей высших учебных заведений, пропагандистов. Ее основная роль — отражать в форме кратких рефератов наиболее актуальные новейшие работы зарубежных исследователей... Задача реферата — дать по возможности полную и объективную информацию об основных концепциях и положениях реферируемых книг и статей¹.

Годовые комплекты обеих РЖ серии «История» состоят из шести номеров, в каждом из которых публикуется не менее семидесяти рефератов (почти исключительно монографий). В том и другом РЖ выделен специальный раздел «Этнография», состоящий обычно из четырех рефератов. Подготовка этнографических материалов для РЖ осуществляется в тесном контакте с Институтом этнографии АН СССР. Ведущие сотрудники Института С. И. Брук и С. И. Вайнштейн на протяжении всех лет издания РЖ входят в состав редколлегии серии «История» соответственно по зарубежной (РЖЗ) и советской (РЖС) литературе.

Отбор литературы в раздел «Этнография», как и в РЖ в целом, осуществляется на основании таких критериев, как актуальность, селективность, репрезентативность и оперативность. Формирование раздела идет, прежде всего, на основе редакционно-издательского плана Институтов этнографии, востоковедения и Дальнего Востока АН СССР, а также крупнейших республиканских издательств (Украина, Белоруссия). Учи-

¹ РЖ «Общественные науки за рубежом», серия «История». М.: ИНИОН АН СССР, 1973, № 1, с. 4—5.

тываются и книги, выпущенные издательствами автономных республик и областей. В раздел «Этнография» в РЖС включаются также рефераты, подготовленные издательскими центрами — институтами отделений и филиалами АН СССР, академическими институтами и университетами союзных республик.

Однако число их в общем количестве публикуемых рефератов пока невелико. Очевидно, что практика подготовки рефератов на местах может быть существенно расширена, прежде всего в исследовательских центрах, ведущих обширную издательскую деятельность и публикующих большое количество этнографической литературы, например, Сибирское отделение АН СССР и его филиалы — Бурятский, Якутский и другие.

Особенно большое значение имеет подготовка рефератов на книги, издаваемые национальных языках и в силу этого практически недоступные для широких читательских кругов, в том числе и для специалистов-этнографов.

Учитывая, что годовой комплект РЖС включает 22—27 рефератов (это значит, что меньшее общее количество выпускаемой в стране за год этнографической литературы приходится проводить тщательный отбор работ. При небольшом объеме раздела большое значение приобретает смысловое и даже композиционное расположение материала, что позволяет значительно повышать информативность раздела. Это достигается из готовкой проблемно-тематических реферативных обзоров, освещающих работы по тем или иным вопросам: семейной обрядности (РЖС, 1981, № 4); бытовой культуре (1981, № 3); этнической антропологии (1984, № 1) или отдельным этнографическим регионам: Поволжье (1982, № 4), Сибирь (1983, № 4), Кавказ (1983, № 5).

Большой интерес для этнографов представляют помещаемые в РЖС материалы по истории докапиталистических формаций в разделах по истории СССР (эпоха первобытнообщинного строя и феодализма), средних веков, древней истории, археологии. В них можно ознакомиться с работами, затрагивающими проблематику, смежную с этнографической.

Помимо сигнальной, рефераты, а тем более реферативные обзоры выполняют и информационно-формативную функцию, знакомя читателя с новейшим фактологическим и концептуальным материалом. Использование РЖС дает, например, возможность пополнять общие лекционные курсы по этнографии даже при отсутствии значительных библиотечных фондов по данной специальности.

Следует обратить внимание на определенное науковедческое значение РЖС, даже с учетом выборочного характера освещения литературы. Широта охвата — в каждом номере РЖС помещается 15—18 рефератов на книги по истории докапиталистических формаций, археологии, этнографии — позволяет составить представление об основных тематике исследований, их главных направлениях, проблемно-региональной специализации исследовательских центров, а также достаточно оперативно фиксировать новые явления в этнографической науке.

Процесс формирования раздела «Этнография» в РЖС гораздо менее поддается предварительному планированию, хотя и здесь используется «регулирующий механизм» в виде предварительных издательских объявлений и публикаций, на основе которых производится заказ литературы.

Большое внимание при формировании РЖС уделяется работам зарубежных ученых-марксистов, и в первую очередь, ученых из социалистических стран. В разделе «Этнография» рефераты таких исследований, как подготовленные советскими специалистами, так и поступившие через Международную информационную систему по общественным наукам (МИСОН), составляют около трети всех публикуемых материалов.

Наиболее полно в разделе представлена англоязычная литература, главным образом американская. Кроме того, на английском языке публикуются работы японских и индийских ученых, а также издается большое количество периодических изданий, в том числе и международных².

Таким образом, поток литературы, охватываемый РЖС, крайне разнохарактерен. В силу этого он отражает лишь наиболее общие тенденции развития этнографической науки за рубежом. Вместе с тем, информативное значение материалов РЖС, учитывая меньшую доступность первоисточников для исследователей, несомненно, большее, чем рефератов на советские издания. Научная ценность публикуемых в РЖС материалов обеспечивается высокой квалификацией референтов, среди которых ряд специалистов Института этнографии АН СССР. Представляется крайне важным, чтобы и дальнейшее пополнение состава внештатных референтов ИНИОН осуществлялось с привлечением сотрудников Института этнографии.

Основное внимание при подготовке реферата для РЖС уделяется выявлению и изложению новых концепций, фактологического материала (зачастую это полевые материалы авторов, собранные в последние годы), методике исследований.

Развернутые рефераты, т. е. более подробные и с элементами аналитического анализа материала, прежде всего концептуальных авторских положений, готовятся для проблемных ретроспективных изданий, таких, как реферативные сборники (РС), сборники обзоров (СО), научно-аналитические обзоры (НАО). Ряд таких изданий был подготовлен Отделом исторических наук ИНИОН совместно с Институтом этнографии АН СССР и с привлечением специалистов других исследовательских центров. В их числе вышедший в 1979 г. реферативный сборник «Современная зарубежная этнопсихология» представляющий собой первую в нашей стране попытку составления ретроспективной и представительной выборки из работ европейских и американских этнопсихологов последних десятилетий. Как отмечалось в кратком редакционном предисловии, «издание данного сборника, содержащего различные обзоры, переводы и рефераты отдельных ра-

² Например, *Ethnology* (выходит с 1960 г. четыре раза в год).

бот зарубежных ученых, было продуктивно, с одной стороны, все возрастающим значением этнопсихологических исследований во всех странах мира (в том числе и ролью этнопсихологического инструментария при интерпретации основных проблем, стоящих перед теоретической этнографией и культурной антропологией), с другой — сравнительно малым знакомством советских этнографов и социологов с состоянием и проблематикой этой отрасли за рубежом»³.

Сборник состоит из двух разделов: «Вопросы теории» и «Конкретные этнопсихологические исследования» (общие и региональные) и библиографии основных работ русских, советских и зарубежных авторов по проблемам этнопсихологии второй половины XIX—XX в.

Во вводной статье (авторы — С. А. Арутюнов и С. И. Королев) «Этнопсихология как наука» даны краткая характеристика и сопоставление истории развития этнопсихологии в нашей стране и за рубежом, что позволяет проследить эволюцию основных идей и концепций, выявить коренные методологические различия подхода к исследованию предмета советских и буржуазных ученых. Вводная статья, таким образом, позволяет составить общее представление о развитии этнопсихологии за рубежом.

Важная задача информационного обслуживания широких кругов научной общественности была выполнена двухтомным изданием «Советское финно-угроведение, 1975—1980», подготовленным в 1980 г. к V Международному финно-угорскому конгрессу в Турку (Финляндия) Институтами этнографии и археологии АН СССР совместно с ИНИОН АН СССР. Указатель литературы к обзорам включил около 1,5 тыс. наименований работ. Сборник получил высокую оценку зарубежных финно-угроведов. Аналогичное издание было подготовлено к VI Международному финно-угорскому конгрессу (Сыктывкар, 1985 г.)⁴.

В 1984 г. Отделом исторических наук ИНИОН АН СССР совместно с Институтом этнографии (в первую очередь сектором этнографии народов Америки) подготовлен реферативный сборник, посвященный североамериканским индейцам⁵. В нем освещаются исследования американских и канадских ученых за последние 10 лет по проблемам истории и современного положения индейского населения Северной Америки. Сборник состоит из четырех разделов. В первый вошли работы обзорного характера, освещающие прошлое коренного населения, время и пути заселения континента, содержащие характеристику основных культурных ареалов, типов этнических общностей североамериканских индейцев, взаимодействие культур индейского и белого населения, индейскую культуру в современных условиях.

Во второй раздел сборника включены исследования, посвященные анализу конкретных форм взаимоотношений коренного и европейского по происхождению населения в XVIII—XIX вв.

В третий раздел вошли работы, характеризующие положение индейского населения: экономическое состояние индейских общин, развитие и характер современного этнического самосознания индейцев, вопросы их духовной культуры и религиозных представлений.

Четвертый, заключительный, раздел составили рефераты работ, освещающих политику правящих кругов США и Канады в отношении коренного населения Северной Америки.

Подбор и компоновка книг, определивших структуру сборника, позволили выявить и разносторонне осветить различные аспекты современной индейистики, что несомненно привлечет к нему внимание широкого круга исследователей.

Для этнографов представляют интерес также реферативные сборники по смежной проблематике. В первую очередь следует назвать подготовленные Отделом исторических наук ИНИОН АН СССР совместно с Институтом всеобщей истории при участии советских ученых-медиевистов Ю. Л. Бессмертного, А. Я. Гуревича и др. реферативные сборники «Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии» (М.: ИНИОН АН СССР, 1980), «Культура и общество в средние века: методология и методика зарубежных исследований» (М.: ИНИОН АН СССР, 1982), «Демография европейского средневековья в современной зарубежной историографии» (М.: ИНИОН АН СССР, 1984).

Существенным подспорьем для исследователя могут служить также развернутые рефераты (от 1 до 3 листов) важнейших монографий, сборников, статей зарубежных авторов.

В заключение хотелось бы выразить уверенность в том, что тесное рабочее сотрудничество специалистов Института этнографии и ИНИОН АН СССР и впредь будет способствовать дальнейшему совершенствованию оперативного и качественного информационного обеспечения ученых в области этнографии.

³ Современная зарубежная этнопсихология. М.: ИНИОН АН СССР, 1979, с. 2.

⁴ Советское финно-угроведение, 1980—1984. М.: ИНИОН АН СССР, 1985.

⁵ Североамериканские индейцы в прошлом и настоящем. М.: ИНИОН АН СССР, 1985. 389 с.

С. Х. Мафедзев. Очерки трудового воспитания адыгов. XIX — начало XX в. Нальчик: Эльбрус, 1984, 170 с.

Давно назревшие и пользующиеся большим вниманием проблемы реформирования образования сегодня ставят перед этнографами с особой остротой задачу полного освещения опыта народного воспитания. К сожалению, специальные исследования этого направления весьма немногочисленны, а по этнографии адыгов, насколько нам известно, их еще не было вообще. Книга известного кабардинского этнографа С. Х. Мафедзева, вышедшая недавно в издательстве «Эльбрус», восполняет этот пробел.

Автор подробно рассматривает принципы и методы, конкретные приемы и средства трудового воспитания адыгов. Хронологически работа охватывает преимущественно период XIX — начала XX века, хотя и не ограничивается им, состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе речь идет об общих принципах и установках трудового воспитания адыгов, во второй — о роли народных игр в этом процессе и, наконец, третья глава посвящена специфике трудового воспитания в различных отраслях хозяйственной деятельности. В основу работы положены материалы архивов, многочисленные литературные источники, обширный полевой материал.

Подходя к вопросу воспитания с марксистских исторических позиций, С. Х. Мафедзев с самого начала подразделяет систему трудового воспитания на две субсистемы: воспитание в среде крестьянства и воспитание в среде феодальной знати. Согласно исторически сложившейся традиции, адыгские князья и дворяне считали недостойным заниматься производительным трудом, соответственно детям своим внушали презрение к деятельности земледельца, скотовода, ремесленника. Даже торговля, за исключением, пожалуй, торговли рабами из числа пленников, считалась делом постыдным, недостойным звания князя или дворянина. Русский офицер Ф. Ф. Торнау, хорошо знавший адыгов, в связи с этим писал: «Черкесский дворянин проводит жизнь на лошади в разбойничьих набегах, в делах с неприятелем или разъездах по гостям. Дома у себя он проводит весь день лежа в кунацкой, открытой для каждого прохожего, чистит оружие, поправляет конскую сбрую, а чаще всего ничего не делает»¹. Впрочем, знать порою не гнушалась «черной» работы, но лишь в тех случаях, когда это касалось содействия отбитых у неприятеля табунов и стад. Навыки скотоводческого труда прививались даже самым знатым феодалам. Но лишь в этом, как мы понимаем, следуя взглядам автора книги, и заключалось трудовое воспитание молодых представителей кавказского дворянского сословия (с. 7).

Основное содержание исследования С. Х. Мафедзева посвящено подлинно народному опыту воспитания — трудовому воспитанию в среде широких масс свободного и зависимого крестьянства. Изучение данной проблемы — одно из главных достоинств этой небольшой по объему, но, бесспорно, очень интересной и весьма полезной книги.

Исследователь оперирует массой этнографического материала, прямо или косвенно связанного с тематикой работы. Вырисовывается целостная картина традиционной системы трудового воспитания адыгов. Какова же структура этой системы, каковы характерные черты?

Первое, что нужно отметить, — это совмещение рациональных и иррациональных (магических) средств и приемов. Роль последних в системе трудового воспитания адыгов была довольно велика, что в условиях феодального быта было вполне естественным. Неудивительно, что С. Х. Мафедзев отводит им в книге так много места, хотя порой и создается впечатление, что книга несколько перенасыщена фактами и отношениями этого типа. Перед читателем открывается целая галерея магических сюжетов. Чтобы мальчик стал отважным и сильным, ему еще в колыбели давали подержать книгу; девочке в тех же целях вручались ножницы. Колыбель обязательно делали из боярышника. Считалось, что таким образом «обеспечивалось» счастье и здоровье ребенка. Шестовала целая серия приемов предохранения ребенка от дурного глаза. Исполнялись различного рода обряды, действующие в тех же направлениях: «укладывание ребенка в люльку», «показ воспитанника» и др.

Нужно обратить внимание на одно очень важное, на наш взгляд, обстоятельство. Большая часть подобных магических по своей природе действий была приурочена к начальному этапу жизни воспитуемого, что объясняется высокой смертностью детей, помощью родителей перед лицом этой беды. В прошлом почти в каждой горной семье умирало несколько детей, познания родителей в области медицины были малы, врачей не было вообще.

Вторая и третья главы книги посвящены рациональным методам трудового воспитания, часть из которых не утратила актуальности по сей день. Во второй главе идет о традиционных формах игровой деятельности, прямо или косвенно служащей целям трудового воспитания.

С. Х. Мафедзев давно известен среди кавказоведов-этнографов как специалист, связавший себя народными играми, автор целого ряда работ по этой проблеме. В настоящем исследовании он сделал акцент на воспитательную роль народных

¹ Т. [Торнау Ф. Ф.]. Воспоминания кавказского офицера. — Русский вестник, 1864, № 11, с. 60.

² См., напр.: Мафедзев С. Х. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1979, 203 с.

нимания, сообразительности и т. д. Подробно рассматриваются в связи с этим игры-загадки, сюжетные игры, игры-импровизации. Весьма поучительны игры-подражания, то есть игры, моделирующие деятельность взрослых в различных жизненных ситуациях: «дом-дом», «гость-гость», «дорогой урожай» и др. Подобные игры при надлежащем оформлении в соответствии с требованиями современной педагогики могли бы обогатить репертуар современных детских игр, сыграли бы важную роль в трудовом, нравственном и умственном воспитании новых поколений.

Рациональны также в своей основе многочисленные народные приметы и фенологические наблюдения, непосредственно связанные с оптимизацией труда земледельцев, котоводов, ремесленников. Эти сведения сосредоточены, главным образом, в третьей главе, в которой рассматривается трудовое воспитание в различных сферах хозяйства.

С. Х. Мафедзев — первый специалист-этнограф, подробно осветивший особенности народного календаря адыгов, его связь с практической деятельностью хлебороба, животновода, промысловика. Многие названия месяцев, как правильно отмечает ученый, были непосредственным выражением этой связи, например: *Иуэбъуэ мазэ* — месяц молоденьбы (октябрь), *мэклушэжгъуэ мазэ* — месяц сбора сена с полей (ноябрь). Чрезвычайно интересен и разнообразен опыт предсказания погоды: по наблюдаемости звезд, по направлению и силе ветра, по характеру и расположению облаков, по шуму реки и т. д. Можно не сомневаться, что многие подобные знания были бы бесполезны даже для современных специалистов сельского хозяйства. Хорошо известно, как много мы теряем, утрачивая по крупицам накопленный предыдущими поколениями опыт хозяйствования, опыт бережливого, заботливого отношения к земле, к природе, к домашним и диким животным. Работа С. Х. Мафедзева имеет прямое отношение к решению этих важных современных проблем.

Весьма актуальны и поучительны данные, характеризующие традиции обучения детей домашним промыслам. Кроме всего прочего — это материал, необходимый для возрождения народного творчества, а значит и улучшения качества изделий, выпускаемых местной промышленностью. Возрождение народного искусства — дело весьма сложное и многогранное. И начинать его нужно с серьезного, вдумчивого этнографического и историко-этнографического анализа. Образцы такого анализа можно найти в книге С. Х. Мафедзева.

Трудовое воспитание, как нам представляется, необходимо рассматривать как определенную, очень широкую сферу человеческой деятельности, с социально заданным распределением ролей. Поэтому нужно приветствовать, что С. Х. Мафедзев воспроизводит всевозможные педагогические ситуации, в которых реализуется народный опыт трудового воспитания, исследует роль и место в этих ситуациях старших и младших, мужчин и женщин, мальчиков и девочек и т. д. Определенное внимание уделяется личности воспитателя и воспитуемого, стратегии и тактике их поведения. На наш взгляд, это существенный аспект системы воспитания в целом. В самом деле, от распределения ролей в педагогической ситуации во многом зависит как содержание, так и форма воспитывающего влияния. С. Х. Мафедзев вплотную приближается к этим вопросам. Например, отмечается важная роль лидеров игры в педагогическом воздействии на других членов совместного действия (с. 75).

Вообще же компоненты системы воспитания, непосредственно связанные с ее психологической динамикой, можно было бы представить полнее и детальнее. Специальный анализ в связи с этим системы трансляции и актуализации народного опыта воспитания мог бы составить особый раздел. Обычно этническая специфика наиболее ярко обнаруживается только на этих уровнях анализа, то есть на уровнях конкретной реализации в принципе единых для всех народов установок трудового воспитания.

Желательно было бы четче разграничить рациональные и иррациональные методы воспитания, позитивные и негативные с точки зрения перспектив развития социалистического общества.

Несомненно, нерешенных в этнопедагогике проблем остается еще немало. Ценность книги С. Х. Мафедзева как раз в том и состоит, что в ней в явной или неявной форме эти проблемы ставятся, ставятся и решаются и, как было отмечено — впервые, важные теоретические и практические вопросы этнопедагогики адыгских народов. Нет сомнения в том, что для многих этнографов, педагогов она явится подспорьем в их научной и практической деятельности, стимулом для дальнейших поисков в этом направлении.

Всякий подобный труд нужно оценивать прежде всего с точки зрения того, что и как в нем сделано, и лишь во вторую очередь с точки зрения упущений, недоработок, необходимых дополнений и уточнений. Это конструктивный подход к делу, без которого невозможно развитие науки и практики.

Руководствуясь им, нельзя не признать, что исследование С. Х. Мафедзева является ценным вкладом в этнографию адыгских народов, в решение актуальных задач трудового воспитания подрастающего поколения. Остается только пожелать ученому новых успехов в этом благородном деле.

С. А. Арутюнов, Б. Х. Бгажников

Бережное отношение к народной культуре, к ее особенностям всегда было с из главных принципов национальной политики нашего многонационального государства. В осуществлении этого принципа на практике важное место принадлежит: графической науке, объектами изучения которой являются традиционная культура также процессы ее трансформации в современных условиях.

Средняя Азия — область формирования древних многообразных и ярких культур в том числе и культуры киргизского народа. Несмотря на то, что многие ученые уделяли пристальное внимание ее изучению, некоторые ее стороны еще нуждаются в дальнейшем, более глубоком исследовании. В этой связи всячески следует приветствовать вышедшую недавно книгу Г. Н. Симакова, посвященную киргизским народным развлечениям. Народные игры и развлечения как объект этнографического исследования можно использовать двояко: для воссоздания происхождения и культурного прошлого народа и при разработке новых современных народных развлечений и советских обрядов. Научное и практическое значение этой проблематики определили задачи автора книги: выявляет и анализирует общественные функции традиционных киргизских народных развлечений, зафиксированных источниками конца XIX — начала XX в.; вводит в научный оборот новый обширный фактический материал; рассматривает происхождение и значение различных народных игр.

Книга Г. Н. Симакова состоит из введения, пяти глав и заключения. Следует отметить фундаментальность составляющей основу книги источниковедческой базы и, прежде всего, использование ряда архивных материалов на киргизском языке из рукописного фонда Отделения общественных наук АН КиргССР, впервые вводимые автором в научный оборот. Не меньшее значение имеет обширный полевой этнографический материал по народным играм, собранный и систематизированный автором, практическая ценность которого нельзя переоценить по той причине, что традиционная культура уходит в прошлое, претерпевает изменения, трансформируется в новые формы. Во многих отношениях автор рецензируемой книги выступает как новатор. Прежде всего это касается удачной попытки классификации народных развлечений по их функциональному значению в общественной жизни киргизов. Ряд функций (военная, ритуальная, коммуникативная и др.) впервые в этнографической литературе выявляются на киргизском материале. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что предложенная автором классификация представляет собой исторически развивающуюся модель, которая учитывает полифункциональность явлений, их взаимосвязанность и изменчивость. Достоинство предлагаемой Г. Н. Симаковым классификации также в том, что она открывает возможность научной дискуссии и дальнейшего совершенствования данной систематики.

Автор начинает свою классификационную схему с рассмотрения воспитательных функций, исходя из общепризнанного положения о том, что социальные основы личности закладываются в любом обществе с раннего детства. В результате ему удается на примере детских игр убедительно показать их значение в формировании сознания и физической подготовки взрослых членов общества (с. 13). Автор подробно описывает игры детей, распределяя их по сферам воздействия на складывание духовного и физического облика человека. Рассматриваемые игры знакомят детей с основами ведения скотоводческого хозяйства, нормами отношений между людьми, социальными отношениями, традиционными доисламскими верованиями, магией, тотемизмом и т. д. Как положительное явление следует отметить, что, говоря о производственной деятельности в связи с играми, автор достаточно полно учитывает принцип половозрастного деления общества.

Рассматривая военную и спортивную функции развлечений (глава II) автор подробно остановился на описании и генезисе игр и состязаний, их атрибутике, удачно используя данные киргизского эпоса «Манас». Это позволило ему высказать ряд интересных догадок и провести сравнения исторического характера, касающиеся отдельных видов развлечений (с. 57—59). Отмечаемая автором связь многих игр и состязаний (*эр сайыш*, *эр оодарыш* и др.) с военным прошлым киргизов представляется весьма убедительной (с. 59, 64, 68). Не менее справедлив вывод об отсутствии в развлечениях спортивной специализации, что свидетельствует об общенародном их характере, а это имело особое значение в прошлом, когда каждый мужчина был воином (с. 69). Г. Н. Симаков верно подметил тенденцию, согласно которой постепенно из военных игр стали исчезать особенно тяжелые, наносящие вред здоровью упражнения. Окончательно этот процесс завершился к началу XX в.

В главе III, посвященной зрелищно-эстетической функции развлечений, автор обоснованно отмечает их коммуникативное значение, как важное средство общения (с. 133). В условиях разобщенности мелких групп скотоводческого населения возможности встреч во время проведения игр имели большое социальное значение. Не менее важны выводы Г. Н. Симакова в IV главе о непосредственной связи в прошлом некоторых видов развлечений с ритуальной сферой и культурной практикой. Сюда относится, например, «отвязывание верблюда», восходящее к древним обрядам культа плодородия (с. 119, 122)¹. Связь с ритуальной сферой автор выявляет в скачках с козлом, некоторых свадебных играх (*тошок талашуу*), скачках на похоронах и поминках (отражение культа предков).

¹ По сообщению исследователя Дж. Х. Кармышевой, занимавшейся переводом эпоса «Манас», в последнем содержатся подробные описания этого вида развлечений.

В IV главе, посвященной социальным функциям развлечения, автор обращает особое внимание на следы социально-возрастной стратификации, сохранившиеся в ряде игр развлечений, и прослеживает их историческую связь с производственной, военной культовой практикой (с. 160). О наличии в прошлом половозрастной стратификации свидетельствуют сохранившиеся до начала XX в. традиционные раздельные трапезы. Можно присоединиться к выводу Г. Н. Симакова о том, что в развлечениях нашли отражение характерные явления социального устройства киргизского общества конца XIX — начала XX в. (с. 201).

Особо хочется подчеркнуть еще одно достоинство книги, а именно основательное подробное описание рассматриваемых этнографических явлений, например, описание баянных состязаний «эр сайыши» (с. 47—63).

Очень полезен при чтении книги хорошо составленный указатель терминов.

Как и любое большое исследование, книга Г. Н. Симакова не лишена отдельных просчетов и спорных моментов. Впрочем, они не носят принципиального характера и по большей части не затрагивают основных сюжетов рецензируемого труда. Говоря о недостатках, необходимо отметить, что автор не очень четко определил понятие «развлечения». Рассматривая их социальное значение вернее было бы, возможно, говорить об играх, «состязаниях» и т. п., так как термин «развлечения» недостаточно определен его содержание значительно шире того круга проблем, о которых говорится в книге. В отдельных местах рассматриваемой работы, думается, Г. Н. Симаков недостаточно соотносит «развлечения» со всей системой жизнедеятельности, что может создать неверное впечатление об их излишне большом значении в жизни народа. Можно полагать, что работа выглядела бы более полно и убедительно, если бы автор теснее связал рассматриваемые им явления с повседневной хозяйственной и социальной жизнью, отражением которых они являлись. Учитывая детальность описаний игр и соревнований, было бы не лишним сообщить читателю, кто, как и из чего изготовлял костюмы и другие атрибуты народных празднеств.

Известные возражения вызывает использование и трактовка Г. Н. Симаковым некоторых терминов и понятий, связанных с социально-экономическими отношениями институтами первобытного общества. Так, трудно согласиться с применением при анализе ряда явлений термина «групповой брак». «Пережитками группового брака» автор называет некоторые элементы свадебных игр и развлечений (с. 178, 182, 184 др.). Г. Н. Симаков использует понятие «групповой брак» в том смысле, в каком оно применялось в литературе до 1960-х годов. Между тем, известно, что это понятие в последние годы было значительно переосмыслено советскими этнографами (ср. Ю. И. Семенов. Происхождение семьи и брака. М., 1974, с. 152 и сл.). Кроме того, в том контексте, в котором оно используется в книге, речь идет в действительности не о групповом браке, как социальном институте, а лишь о случаях неупорядоченных отношений между полами, что хорошо известно в прошлом у многих народов и объясняется хозяйственными, культовыми и социальными причинами. Можно полагать, что в генезисе игры *кыз куумай* проявляются именно такого рода отношения между полами, а не древние брачные нормы и, тем более, не «институт группового брака». В противном случае пришлось бы объяснять пережитками «группового брака» и наблюдаемые во всех современных обществах случаи неупорядоченных отношений между полами.

Во многих местах рецензируемой книги автор говорит о «феодалных отношениях» кочевых киргизов (см., например, с. 185, 186, 215 и др.). Но и в этом случае Г. Н. Симаков не учитывает новейшие точки зрения относительно социально-экономических отношений у кочевников. Кроме того, в известной мере, он сам противоречит своей оценке общественного строя киргизов, постоянно и справедливо отмечая, что в основе существовавшего в конце XIX и начале XX века социального расслоения лежит имущественное неравенство. Это, как известно, не является специфическим признаком именно феодальных отношений. Вместе с тем ни одной характерной для феодальных отношений черты автор не называет.

Однако не эти просчеты определяют значение рецензируемого труда. Хотелось еще раз отметить, что он, несомненно, представляет собой существенный вклад в этнографию народов Средней Азии. Исследуемый в книге материал полностью подтверждает мысль Г. Н. Симакова о том, что большинство традиционных развлечений является прямым отражением жизни кочевников-скотоводов, и возникновение игр, соревнований т. п. непосредственно связано с общественной и хозяйственной деятельностью киргизов. Особено следует подчеркнуть, что через всю книгу красной нитью проходит важное отношение Г. Н. Симакова, этнографа-полевика, к культуре киргизского народа. Это отношение однозначно определяется как искреннее уважение и любовь к историческим традициям и современной культуре изучаемого народа.

К. П. Калиновская

Литовская мифология привлекает внимание разных исследователей: языковедов, фольклористов, философов и этнографов, историков искусства и религии. В последние годы опубликован ряд трудов советских и зарубежных ученых по отдельным вопросам литовской мифологии¹. Она широко освещается также в солидном обобщающем труде — двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» (1980—1982 гг.).

Несмотря на очевидные достижения в изучении литовской мифологии, многие вопросы еще ждут своего решения. До сих пор не выделены отдельные аспекты мифологии, не определено с каких позиций целесообразно подходить к ее изучению представителями различных наук и т. д.

Новая книга Н. Велюса «Мировоззрение древних балтов» — свидетельство о том, как много может быть сделано в этой области. Литовская мифология рассматривается в ней в общем балтском контексте, в многообразных ее проявлениях — не столько в традиционных рассказах, сколько в мифологическом мировосприятии, которое нашло отражение в самых различных областях духовной и материальной культуры населявших древних балтских племен. Отзвуки мифологического мировосприятия открываются в самых неожиданных явлениях. Высота сундуков для приданого и их декор, орнаменты народной одежды, конструкция орудий обработки льна, типаж ряженных и многие другие составные части комплексов традиционной культуры оказываются связанными с господствовавшими когда-то мифологическими представлениями.

Н. Велюс проделал огромную работу, проанализировав в мифологическом аспекте самые различные источники истории культуры балтов: археологические и этнографические описания, древние хроники, сборники фольклора, картотеку топонимов и т. В поисках закономерностей, которые могли бы послужить основанием для реконструкции и материалистической интерпретации мифологических представлений, он ознакомился с основными обобщающими трудами по истории, археологии, этнографии, религиоведению, фольклору, языкознанию, искусству балтских народов.

Книга Н. Велюса, содержащая ряд новых научных гипотез, заложила основы новой дисциплины, которую условно можно назвать диалектологией мифологической культуры древних балтов. Принцип ареального исследования здесь выступает одним из главных. В целом работа написана с учетом достижений науки XX в. и основана на системном анализе. Автор широко использует оппозиции как средство познания системных связей, идет путем, разработанным лингвистами, культурологами и др.

Н. Велюс выбрал несколько наиболее характерных культурных оппозиций: «низ — верх», «запад — восток», «вода — огонь», «камень — дерево», «черное — белое», «ночь — день» и др. Автор, разумеется, был вынужден ограничить число оппозиций. В будущий набор можно было бы и увеличить, например интересно проследить оппозиции «юг — север», «правое — левое», «мужчина — женщина», «свой — чужой» и т. д. и выбранные пары дали Н. Велюсу возможность выявить ареальные различия в мифологии.

В советской науке применение оппозиционного метода исследования для решения различных вопросов мифологии не является новостью. Опираясь на этот метод, изучали древнюю мифологию славян, например, В. В. Иванов и В. Н. Топоров². Н. Велюс также пользуется им. Он выявляет противоположные тенденции в разных областях мифологии: начиная с пантеона древних балтов и календарных обрядов и кончая мифологическим моделированием мира животных и растений, топонимикой и т. п. Автор оригинально подходит к решению вопроса о происхождении ареальных различий. Он предполагает гипотезу, согласно которой мифологическое мировоззрение балтов и их территориальные различия могут быть объяснены, исходя из мифологемы «мирового древа», которая в течение столетий определяла модель мира и особенности культуры различных народов.

Руководствуясь марксистской методологией, Н. Велюс стремится дать социальное обоснование мифологическим представлениям балтов и их ареальной дифференциации. По его мнению, мифология жрецов, воинов и земледельцев в разных ареалах играла различную роль. Причины этого явления могли быть заложены в особенностях социальной жизни древних балтов. Поэтому возможно предположение, что мифологические ареальные различия балтов являются своеобразными «социолектами». Правда, автор

¹ См., например: *Топоров В. Н.* К балто-скандинавским мифологическим связям. — In: *Donum Balticum*. Stockholm, 1970, p. 534—543; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974; *их же.* Балтская мифология в свете сравнительно-исторических реконструкций индоевропейских древностей. — In: *Zeitschrift für Slawistik*. B., 1974, Bd. XIX, S. 144—156; *Gimbutas M.* The Lithuanian God Velnias. — In: *Myth in Indo-European Antiquity*. Berkeley, 1974, p. 87—92; *Ström Biezais H.* Germanische und Baltische Religion. Stuttgart etc., 1975; *Jurginis J.* Pagonybės ir krikščionybės santykiai Lietuvoje. Vilnius: Mintis, 1976; *Vėlius N.* Mitinė lietuvių sakmių būtybės. Vilnius: Vaga, 1977; *Dundulienė P.* Medžiai senovės lietuvių tikėjimuose. Vilnius: Mintis, 1979; *Greimas A. J.* Apie dievus ir žmones: Lietuvių mitologijos studijos. Chicago, 1979; *Kosman M.* Zmierzch Perkuna czyli ostatni poganie na Baltykiem. Warszawa, 1981; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К проблеме лит. jumis и балтийского близнечного культа. — В кн.: Балто-славянские исследования, 1982, М.: Наука, 1983, и др.

² *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские моделирующие семиотические системы (древний период). М.: Наука, 1965.

подробно не обсуждает этой двойной обусловленности мифологии. Можно допустить, что балты уже в эпоху индоевропейской общности унаследовали упомянутую социальную структуру и ядро мифологического мировосприятия, которое в свою очередь играло существенную роль в организации социальной жизни, в территориальном расположении и мифологическом осмыслении действительности и в более поздние периоды.

При ретроспективном изучении структуры мировоззрения древних балтов предположения о бывших ареалах приходится делать на основе едва заметных различий в форме или в содержании, а еще чаще — в степени яркости признаков. Ведь материал, доступный для анализа и обобщений, в основном относится к позднему времени (XIX—XX вв.) и, следовательно, прошел длительный путь развития. Таким образом, оппозиции нередко выступают перед нами не как взаимоисключающие признаки, а как сосуществующие, различие которых обнаруживается только в частоте (интенсивности, доминировании), иерархическом расположении признаков. Оппозиции — это теоретический постулат, в действительности же в унаследованной культуре последних веков существуют сложные комплексы признаков, явлений. Их ареальные различия порой довольно неясны, о чем красноречиво свидетельствуют таблицы, в которых приведены количественные показатели (см., например, с. 75, 81—82, 172 и т. д.).

Провести исчерпывающие количественные исследования во всех затронутых областях духовной и материальной культуры — задача непосильная для одного ученого. Материал собирался и упорядочивался в течение десятилетий, поэтому его применение в статистических измерениях, дифференцированных ареально, представляет значительные сложности. Н. Велюс делает расчеты лишь на основании отдельных явлений и признаков. В таблицах приведены количественные показатели, в одних случаях подтверждающие выводы автора, в других — противоречащие им, с трудом поддающиеся интерпретации. Возможно, в будущем они, как и более детальное картографирование, внесут существенные коррективы в очертания границ ареалов, помогут выявить почти исчезнувшие тенденции.

В книге Н. Велюса не все одинаково убедительно, не все выводы достаточно глубоко обоснованы. О некоторых из них хочется поспорить с автором. Так, в качестве примера ареальных различий мировоззрения он приводит данные по фольклору, в том числе касающиеся различной распространенности отдельных его видов и жанров в конкретных этнографических зонах (с. 73). В работе утверждается, что для восточного ареала характерно господство песенных традиций, для среднего — сказочных, а для западного — известное доминирование загадки. Это утверждение выглядит преждевременным, так как вопрос еще недостаточно разработан. Приводимые автором аргументы мифологической интерпретации этого явления относятся к различным эпохам. В одном случае Н. Велюс исходит из этимологии слова *daina*, в другом — опирается на поздние реинтерпретации, возникшие при столкновении языческого мировосприятия с христианским (например, загадки загадывает черт). Вообще, вряд ли можно оперировать суммарными данными сказок и песен при выявлении различий в мировоззрении древних балтов: уж очень разные жанры кроются под этими обобщенными понятиями. Что касается древнейшего вида литовского песенного творчества — *sutartinės*, то границы его распространения не совпадают с границами восточного ареала. Натянутым выглядит и соотношение песни преимущественно лишь с правыми полюсами оппозиций (например, с днем, летом (с. 68) и т. д.).

При изучении указанной проблемы неизбежно возникают трудности классификационного характера. Автор выделяет ареалы и обозначает их иначе, чем это диктуется традицией (восточный, средний, западный). И все же ему часто приходится ссылаться на обобщения, сделанные другими исследователями, оперирующими этнографическими или диалектными классификациями. Это приводит к некоторой неточности в суждениях. Например, один из ареалов назван восточным, в то время как он лежит на юго-востоке, охватывая и Дзукию (с. 16).

Хочется верить, что гипотезы, выдвинутые Н. Велюсом, послужат импульсом к новым исследованиям. С ними будут спорить, в будущем одни из них могут быть уточнены, другие — опровергнуты. Вместе с тем его книга показала, насколько плодотворно комплексное, системное изучение традиционной культуры.

Л. И. Саука

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

И. Н. Соломоник. Традиционный театр кукол Востока. М.: Наука, 1983. 184 с.

Автор книги — известная советская исследовательница театра кукол, посвятившая немало работ традиционным формам этого вида искусства у народов Азии¹. Обычно книга, особенно первая книга, — это обобщение публикаций более частного характера.

¹ Часть работ опубликована в журнале «Сов. этнография», см.: Проблемы анализа народного театра кукол (1978, № 6); Язык силуэта яванских ваянгов (1979, № 3); Кукольные традиции Востока и современный театр (1980, № 6); Традиционный театр перчаточной куклы в Китае (1985, № 5).

В данном случае мы имеем безусловное исключение из этого правила. Хотя ~~мы~~ идеи и методы, разработанные И. Н. Соломоник в ее статье, положены в основу ~~та~~ ных разделов книги, тематика ее по существу нова: это как бы последовательный ~~и~~ диальный обзор разных по составу выразительных средств и форм кукольно-театрального искусства, начиная с еще почти недифференцированных видов, где сливаются вместе повествование, ритуал, картина, и до сложных развитых видов театра, как является знаменитый яванский ~~вайанг-пурво~~.

Понятно, что небольшой объем книги не дал возможности автору исчерпывающе рассмотреть всю тематику традиционного восточного театра, да, впрочем, насколько можно понять, она и не стремилась к этому, ставя себе целью предложить вниманию читателей не столько дескриптивное, сколько аналитическое сочинение, в котором исследуются проблемы только «театра плоских изображений». Таковой, по мнению автора, включает все виды театрализованных или даже полутеатрализованных действий, где используются не объемные куклы, а либо плоские, либо вообще не куклы, а лишь их изображения. Надо сказать, что, хотя интуитивно многие читатели воспримут противопоставление «театра плоских изображений» «театру объемных изображений» как обоснованное, все же в книге не хватает раскрытия внутренней логики этой дихотомии. Кроется ли за, казалось бы, чисто внешним различием какой-то более глубокий смысл? Что объединяет столь разнородные на первый взгляд явления, как базарный, базарный русский «раёк» и утонченный, формализованный до предела архаичный ~~кратический~~ ваянг-пурво?

В какой-то степени мы находим ответы на эти вопросы через понятие «художественный язык», означающее, по мысли И. Н. Соломоник, «систему выразительных средств кукольного спектакля, включающую помимо словесного большого набор несловесных способов выражения» (с. 4). Знание специфики художественного языка театра предполагается не только у исполнителей, но и у зрителей, — и с этой точки зрения анализ художественного языка — этнографическая проблема, связанная с активно развивающейся в последние годы этнической семиотикой. Действительно, плоские изображения, будь то картина или пергаментная кукла, имеют общие особенности как в плане выражения, так и в плане содержания художественного языка. Их плоскость и значительной степени ограничивает их подвижность, а в некоторых случаях делает ее вообще невозможной. Естественно, это компенсируется иными выразительными средствами, такими, например, как слово, тембр, цвет, силуэт, композиция. Все эти способы выражения, как и пластика, там, где она есть, подробно рассмотрены в книге. План содержания также многослоен и имеет по крайней мере два уровня: сюжетный, поверхностный и уровень отвлеченных идей и абстрактных образов, глубокий. «Ключи к последнему, — пишет автор, — нужно искать в традиционном значении символов народа-носителя, в его истории, культуре, религии, философии, нравах и обычаях» (с. 5).

В 1-й главе И. Н. Соломоник анализирует вид представления, весьма редко применявшийся до сих пор внимание ученых, — демонстрацию статичных картин или нарисованных сцен. Само отнесение этого жанра к театральному искусству достаточно условно. Однако популярность его в широких слоях народа известна каждому этнографу. Автор склонна видеть в нем зачаточную форму развития художественного языка театра кукол. Она суммирует опубликованный материал по Индии и Индонезии (в частности, по маратхской читракатхе и яванскому ваянг-беберу) и, рассмотрев особенности языка этих представлений, приходит к выводу, что первостепенную роль играет в них слово при полной выключенности пластики, имеющей огромное значение как театральный способ выражения. Но все же здесь уже прослеживаются иные, близкие к театральным формы плана выражения.

Хотя можно полагать, что стадийно представления статичных картин — одна из наиболее ранних форм сценического искусства, в реальности далеко не все они так архаичны. С появлением настоящего театра во всем его многообразии они не исчезают, наоборот, существовали и даже существуют до сих пор, специализируясь, развиваясь и приспосабливаясь к требованиям времени. Так, например ваянг-бебер, бытующий еще кое-где на Яве, — сложное, формализованное зрелище, выполняемое профессиональным мастером, далангом (этот же термин применяется для обозначения кукловода яванского ваянга), и включающее большой набор картин, позволяющих демонстрировать сложные драматические произведения, мало чем отличающиеся от репертуара традиционного кукольного театра.

Но существует и иной путь развития представления нарисованных сцен. Он характеризуется не столько профессионализацией и приближением к театру как таковому, сколько поверхностной модернизацией и превращением в коммерческое зрелище, в котором второй аспект плана содержания исчезает полностью. Подобной эволюции подвержены три маленьких, но очень интересных и поучительных раздела в первой главе, в которых кратко характеризуются русский раёк, иранский шахрфэрэнг и похожий на них китайский показ картинок фан ян пянь. Характерно, что во всех трех используется ящик со смотровыми стеклами, допускающий к созерцанию картинок только небольшое число зрителей. Ящик — основной признак коммерческого характера действия. Да сами картины переживают определенное изменение: чаще всего это уже не серия последовательных иллюстраций к какому-то единому тексту — ритуальному, магическому или историческому, а просто набор интересных, курьезных, а зачастую и обидных картинок. Интересно, что еще совсем недавно такие смотровые ящики для развлечения курортников, снабженные набором красивых старинных открыток, демонстрировались на набережной Сухуми. Их исчезновение в начале 1980-х годов, видимо, знаменовало конец этого своеобразного вида искусства в нашей стране.

Вторая стадия развития выразительного языка кукольного театра, которой автор посвящает 2-ю главу книги,—это представления динамичных картин, т. е. представления, разыгрываемые при помощи вырезанных групповых композиций персонажей. Как правило, они демонстрируются при помощи подсвеченного сзади экрана и тем самым относятся к категории, известной под названием «теневого театра». И. Н. Соломоник относит к правомочности этого термина не только применительно к этому виду представлений, но и вообще ко всем формам кукольного театра с экраном. Не будем отвлекать внимание читателя подробностями этой дискуссии — она не нова и велась, в том числе, и в советских научных кругах. Отмечу, что автор предлагает иной, наиболее, как мне кажется, подходящий из всех предлагавшихся терминов: вместо «теневого» — «силуэтный театр». Сомнения вызывает, однако, высказанный на с. 44 тезис о том, что слово «тень» вообще редко употребляется для наименования кукольного театра у самих носителей этой традиции. Связано с этим понятием слово «ваянг», обозначающее один из самых знаменитых видов такого театра. Насколько можно понять, оно происходит от аустронезийского корня *bayaŋ, имевшего реконструированное значение «мерцать, колебаться, колыхаться». От этого же корня в малайском языке образовано слово bayaŋan — «тень».

Представления динамичных картин проанализированы автором главным образом на кампучийско-тайландском и в меньшей степени на индийском (Карнатака) материале. Они, конечно, резко отличаются от демонстрации картинок, сопровождающейся рассказом, и предстают в виде подлинного театрального действия. Собственно говоря, здесь вырезанная картина—кукла, только статичная, лишенная самостоятельного движения. Каждую куклу, выполненную в человеческий рост или даже больше, несет один актер-кукловод, движения которого составляют органическую часть художественного языка. Нередко кукловод является одновременно и танцором. Таким образом, пластика тут находит свое выражение, но она не перенесена еще на саму куклу. Кукла мертва, лишена жеста, несмотря даже на то, что изображение ее всегда динамично. Вот как, например, показывается бой двух обезьян. Вначале выходят два кукловода, каждый из которых несет по огромному изображению обезьяны. Актеры танцуют и медленно сближаются, раскачивая определенным образом куклы. Затем на смену им выходит третий актер с панно, изображающим обеих обезьян в рукопашной схватке. Такая специфика определяет еще одну характерную особенность этого промежуточного между статичными картинками и кукольным театром действия — регулярное чередование и обязательное дублирование словесного и несловесного способов выражения.

В заключение 2-й главы приведен раздел, посвященный знаменитому изображению мирового древа в индонезийском ваянге — кайону, или гунунгану. Строго говоря, кайон не самостоятельная кукла, он как бы декорация или постоянно присутствующий на сцене почти всегда статичный элемент, вокруг которого происходит кукольное представление. Видимо, именно его статичность и явилась поводом для анализа его совместно с театром динамичных картин. Насколько можно понять, автор присоединяется к мнению большинства исследователей, что кайон представляет собой древнейший символ мира и жизни, возможно, связанный с образами, зародившимися в индуистской среде.

Эта последняя проблема более подробно рассмотрена в 3-й, заключительной главе — «Представления плоских кукол», целиком посвященной «древним мерцающим теням» — ваянг-пурво, яванскому силуэтному театру, чей художественный язык, по выражению И. Н. Соломоник, «получил такое высокое развитие, какого не достигли выразительные средства ни одного другого плоскостного традиционного театра кукол Азии» (с. 153). Скажу сразу, что, на мой взгляд, эта глава — лучший на русском языке очерк о ваянге, особенно если дополнить его упомянутыми выше статьями. В небольшой главе (60 страниц) не только дается превосходное описание театра, вплоть до деталей, но и затронуты практически все этнографические, исторические и искусствоведческие проблемы, связанные с этим важным элементом западноиндонезийской культуры. Для целого ряда этих проблем автор предлагает свои решения, основанные на глубоком и кропотливом анализе материала. Для ваянга, как считает И. Н. Соломоник, «система выразительных средств... демонстрирует крайнюю напряженность работы всех без исключения каналов, их предельную насыщенность информацией» (с. 152). Невербальные способы выражения особенно разработаны в ваянге, в частности, потому, что текст читается на языке кави, или древнеяванском, непонятном многим зрителям. Большие разделы этой главы посвящены анализу символики цвета, силуэта, композиции, пластики, представляющему, как можно без преувеличения сказать, новое слово в изучении этого вида театрального искусства.

Для этнографа, особенно исторически ориентированного, весьма интересен взгляд автора на связь индонезийского театра с индуистской цивилизацией. И. Н. Соломоник явно склоняется к признанию генетической связи между индийским силуэтным театром и его индонезийско-яванскими вариантами (включая и ваянг-бебер). Не отрицая такую преемственность, более того, даже признавая ее несомненную очевидность, мне бы хотелось еще раз подчеркнуть глубокое своеобразие яванского и развивавшегося из него балийского и малайского ваянга. Оно столь фундаментально, что сама мысль о том, что ваянг — заимствованный элемент в яванской культуре, кажется чуть ли не еретической. Уж если ваянг привнесен, то что же тогда более характерно, более органично для Явы? Наверное, этот вопрос стоило бы решать под несколько иным углом зрения. На самом деле распространение индуистской цивилизации в начале новой эры на Юго-Восточную Азию знаменовало появление новой историко-этнографической или историко-культурной области сопоставимой, скажем, с ареалом европейской или античной

цивилизации. И если основа этой общности (вернее, ее идеологический фундамент) создавалась в Индии подобно тому, как база античной цивилизации возникла в Греции, то далее в развитии культурных ценностей участвовали на равных различные этносообщества этого огромного ареала. С этой точки зрения яванская культура, и в том числе ваянг, есть самостоятельное творческое развитие некоторого общего для всей области культурного наследия. Впрочем, исторические корни ваянга — далеко не главная тема этой книги.

Завершая эту рецензию, я хотел бы подчеркнуть, что книга И. Н. Соломонова — превосходное научное исследование, которое будет долгое время давать пищу для размышлений и дальнейших изысканий не только специалистам по театру или искусству Южной и Юго-Восточной Азии, но и многим нашим коллегам, изучающим закономерности развития и функционирования изобразительных форм культуры.

М. А. Чин

НАРОДЫ АФРИКИ

Э. С. Львова. Этнография Африки. М.: Изд-во МГУ, 1984. 245 с.

Подготовка и издание учебной литературы для студентов — дело государственной важности. И именно с позиций ученого-африканиста и преподавателя этнографии в университете хотелось бы высказаться об учебном пособии Э. С. Львовой, в котором научная новизна успешно сочетается с требованиями, предъявляемыми к собственно учебной литературе. Это издание, несомненно, отличается актуальностью тематики, методологической основательностью, а также весьма своевременно и необходимо для обеспечения учебного процесса в вузах¹. Для этого в пособии достаточно материал мировоззренческого, методологического характера, выдержана и воспитательная функция учебной литературы, связанная с формированием у студентов научного диалектико-материалистического мировоззрения, коммунистической убежденности и нравственности.

«Этнография Африки» знакомит студентов с доступно изложенной историей этнографического изучения народов Африки с древности и до настоящего времени как в нашей стране, так и за рубежом (с. 20—35); с особенностями развития этнической истории в древности, средневековье, новое и новейшее время, в том числе впервые — с антропологическим африканизмом (с. 36—60); с особенностями хозяйства и материальной культуры (с. 61—116); обрядами жизненного цикла, системами родства, семейно-брачными отношениями, с особенностями африканской общины, традиционными институтами власти, т. е. с общественным бытом в целом (с. 117—174). В фокусе изложения материала и его анализа Э. С. Львова постоянно держит «этнографическое ядро» — традиционность, массовость явлений. Это характерно и для раздела «Духовная культура африканских народов» (с. 175—238), в котором описываются как неязыковые средства передачи информации, так и устная историческая традиция и оригинальные системы письма идущие «от символики магических тайных знаков» (с. 180).

Читатель найдет в работе уникальные для учебной литературы сведения о местных системах веса и счета, записи цифр, классификацию религиозных представлений и верований народов Африки, познакомится с особенностями африканского фольклора с современной литературой, с борьбой мнений вокруг проблемы взаимодействия культур, принятия или непринятия европейской культуры. Э. С. Львова раскрывает значение и роль музыки, танцев, пения в жизни африканских народов, анализирует тенденции современного развития музыкального и танцевального искусства Африки, становление профессионального театра, традиционные виды декоративно-прикладного искусства, их развитие и появление новых жанров, использование народных традиций в архитектуре и т. п.

Историко-этнографическая энциклопедичность в показе особенностей африканского мира в учебном пособии — не самоцель для автора. Как справедливо отмечает Э. С. Львова, знание этих особенностей необходимо, прежде всего, «для правильного понимания и анализа современной ступени развития государственности, политической борьбы и вообще всего комплекса жизни в странах Африки» (с. 239).

Рассматриваемая работа о Тропической Африке (к сожалению, автор не затрагивает проблемы этнографии Магриба) еще раз убедительно показывает несостоятельность реакционных концепций об извечной отсталости народов Африки и существования у них

¹ Издававшиеся до настоящего времени обобщающие труды по этнографии Африки касались, как правило, лишь отдельных проблем. См. например: Народы Африки (серия «Народы мира»). М., 1954; *Исмаилова Р. Н.* Этнические процессы в современной Тропической Африке. М., 1973; *Очерки музыкальной культуры народов Тропической Африки*. М., 1973; *Дэвидсон Б.* Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975; *Этническая история Африки. Доколониальный период*. М., 1977; *Синицына Е. И.* Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978; *Шпажников Г. А.* Религия стран Африки. М., 1981; *Кирей Н. И.* Этнография народов Африки. Краснодар, 1981; *Урсу Д. П.* Современная этнография стран Тропической Африки. 1960—1980. М., 1981 (см. также список рекомендуемой литературы в рецензируемой книге).

особого исторического пути». Расширение этнографических знаний об Африке необходимо и в связи с существованием в ряде стран бытовых предрассудков, откровенно расистских мифов и антиафриканских предрассудков. Автор излагает историю Африки как историю длительного общения и смешения разных в языковом, расовом и культурном отношении групп населения (и не только африканского), как часть истории всего человечества.

Усвоению материала способствуют и помещенные в книгу иллюстрации, карты (политическая, антропологическая, этнолингвистическая), а также тематический принцип построения работы, соответствующий задачам проблемного обучения в вузе. Такой принцип позволил автору более убедительно показать общее и особенное в развитии африканских народов, поставить некоторые проблемы, общие для всего континента.

Так, большое внимание уделено рассмотрению доставшихся в наследство от доколониальных времен архаических общественных форм, проблемам этногенеза, разрушительного воздействия колониализма, а также современным культурно-этническим процессам. Э. С. Львова также проанализировала роль этнического фактора в общественно-политической жизни стран Африки, показала, как правительства независимых стран континента (особенно революционно-демократические и авангардные партии) решают сложные проблемы национально-государственного строительства в условиях этнической пестроты и еще сохраняющейся порой межплеменной отчужденности.

Следует обратить внимание и еще на один позитивный момент. «Этнография Африки» рассчитана на студентов востоковедных и исторических факультетов университетов и педагогических институтов, в учебные планы которых включен курс этнографии. Поэтому Э. С. Львова учла программы лекционных курсов. Но еще важнее подчеркнуть, что появлением данного учебного пособия создана реальная база для подготовки одноименного спецкурса на исторических факультетах всех университетов; кроме того, в немложены и результаты собственных научных исследований автора, отражена методика исследования этнических проблем современной Африки.

Автору, однако, можно высказать и несколько замечаний. Прежде всего, можно желать более органичного сочетания интересов определенной исследовательской специальности и позиции педагога. Информационно-проблемное изложение программного материала следует более четко согласовывать с интересами студенческой аудитории, фактическим значением тех или иных тем курса.

Имеются и другие недостатки. Так, объем пособия явно не соответствует реальному учебному бюджету времени, отводимого на проработку курса. Хотя пособие рассчитано на студентов, уже знакомых с общей этнографией и ее терминологией, желательно поместить в нем хотя бы краткий словарь употребляющихся в книге терминов (Э. С. Львова лишь изредка раскрывает терминологические понятия, например «хозяйственно-культурный тип» на с. 61).

В содержании пособия, которое, думаю, заслуживает повторного издания, должна быть найдена отражение и определенная система учебной познавательной и практической деятельности. Например, было бы целесообразно в конце каждого из четырех разделов пособия ввести специальный вопросник по проблемному принципу, что помогло бы студенту контролировать результаты своей деятельности, приобрести навыки самостоятельной работы (особенно это важно при обучении иностранных, в частности, африканских студентов).

В целом же «Этнография Африки» удачно коррелирует с той литературой, с которой студенту придется столкнуться в его дальнейшей учебной и профессиональной деятельности.

Фундаментальное освещение Э. С. Львова с марксистских позиций вопросов этнографии африканских народов имеет не только познавательное, но и идейно-политическое значение. Такой подход позволяет подчеркнуть равные способности всех народов к культурному прогрессу, их важный вклад в мировую культуру, показывает, что равномерность культурного развития человечества вызвана не особыми свойствами и этносов, а местными особенностями всемирно-исторического процесса. Книга Э. С. Львова будет способствовать более глубокому пониманию студентами африканской действительности, даст толчок активизации студенческих научных исследований многим проблемам африканистики, выполнит, следовательно, свои учебно-познавательные, научные и идейно-политические функции. Пособие дает четкое представление о всех сторонах жизни африканских народов в прошлом и настоящем, а также помогает студентам и широкому кругу читателей выработать правильное отношение к культурному наследию Африки.

Н. И. Курей

Язык и этнос — одна из наиболее традиционных и в то же время дискуссионных проблем, когда-либо стоявших перед этнографической наукой. Не нова она и лингвистов, которые со времен становления сравнительно-исторического языкознания уделяли определенное внимание не только языку, но и его носителям. На первых порах этот вопрос решался с наивной прямолинейностью: язык всегда отождествлялся с этносом. Позже более глубокое знакомство с реальной действительностью потребовало разработки нового, более гибкого подхода, однако еще сравнительно недавно многие авторы все же подходили к этому вопросу довольно поверхностно. Да и как могло быть иначе, если лишь немногие вплотную обращались к изучению социальных функций языка в конкретной обстановке?

Существенные сдвиги в этой области произошли в последние десятилетия, когда в составе лингвистики выделились два новых близкородственных направления: социолингвистика и этнолингвистика. Эти науки еще очень молоды, их теоретические установки и терминологический аппарат только формируются, а предмет исследования представляется не всегда достаточно четким. И тем не менее, как свидетельствует рецензируемая монография, они уже сейчас способны внести весомый вклад в науку.

Лейтмотивом книги служат взятые авторами в качестве эпиграфа слова выдающегося французского лингвиста А. Мейе о том, что язык развивается в социальной среде. Действительно, введение социального параметра значительно углубляет представление о языке, делая его более многообразным и, можно сказать, многомерным явлением. Социальную среду можно понимать по-разному, и на этом основано разграничение этнолингвистической и социолингвистической проблематики. Первая, по мнению авторов, «ориентирована прежде всего на языковое выражение особенностей этнической духовной культуры...», а второе — «на языковое выражение различий между группами (слоями, классами)... в пределах некоторой этнической единицы или совокупности таких единиц» (с. 5). Думается, что эта характеристика не совсем полна и кое в чем может быть расширена. Так, задачей этнолингвистики более правомерно считать изучение характера использования языка разными этносами и отражения в языковых явлениях специфики культуры и социальных особенностей того или иного этноса. В целом соотношение между социолингвистикой и этнолингвистикой заключается, видимо, в том, что объект первой — общесоциологическое в языке и языковой среде, независимо от этнического фактора, а объект второй — особое, т. е. явления, порожденные именно этническим фактором. Вместе с тем, как справедливо указывают авторы, на практике эти аспекты далеко не всегда удается разграничить, в особенности если речь идет об обществах, подобных африканским, где отдельные социальные группы нередко имеют разное этническое происхождение. В частности, это нашло отражение в теоретической части рецензируемого издания, где исследователи уделяют внимание этнической ситуации (с. 26—33), и в самой направленности исследования, главную цель которого составляют анализ языковых процессов в современной Западной Африке в их прямой связи с этническими процессами и выработка прогнозов относительно судеб тех или иных языков в различных этнических средах.

Специфика Западной Африки состоит в том, что государственные, этнические и лингвистические границы здесь чаще всего не совпадают. Одна из главных причин этого, подчеркивают авторы, связана с наследием колониализма, однако, как представляется, корни сложившейся ситуации уходят глубоко в доколониальное прошлое. Эти обстоятельства заставляют искать особый подход к изучению среды бытования языка, и для ее анализа авторам приходится вводить новое понятие коммуникативной среды (КС), «которая определяется как исторически сложившаяся этносоциоязыковая общность, характеризующаяся относительно стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью» (с. 9). КС состоит, как правило, из разных этнических блоков и лишь в виде исключения совпадает с единым этноязыковым сообществом. КС выделяется по коммуникативным признакам, и ее границы не совпадают ни с границами этнических единиц, ни с границами отдельных языков. На первый взгляд, понятие КС кажется несколько аморфным, но его умелое применение к конкретным ситуациям может, как демонстрируют авторы, привести к весьма существенным выводам. Именно оно позволяет не только уловить, но и, что много важнее, объяснить вариативность языковых явлений как в условиях бытования единого языка в многоэтнической среде, так и в обстановке использования нескольких разных языков в рамках одного этноса.

Так, исключительный интерес представляют собранные в гл. V данные о судьбах дисперсного языка фула, главными носителями которого являются фульбе, до сравнительно недавнего времени представленные преимущественно скотоводами-кочевниками. Отдельные группы фульбе живут изолированно друг от друга в иноэтничном окружении (причем отсутствует и какой-либо центр, к которому все они могли бы тяготеть). Этому соответствует разнообразие языковых ситуаций: от абсолютного доминирования языка фула у одних групп до его полной утраты у других. Но независимо от этого все фульбе отличаются высоким уровнем развития этнического самосознания, в основе которого, по мнению авторов, лежит особый образ жизни (кочевое скотоводство) и представление о наличии единоплеменников, обитающих в иных, самых разнообразных местах, пусть и весьма отдаленных. Ситуация усложняется тем, что в среде фульбе имеются иноэтнические сервильные и ремесленные группы, утратившие родной язык и перешедшие на язык фула. В этих условиях создаются предпосылки для формирования новой этнической общности, обозначаемой термином «пулааку», охватывающим «фульбе

ский мир» в целом, независимо от этнического происхождения отдельных его членов. Таким образом, «понятие „фульбе“, вопреки его узкоэтническому значению, начинает наполняться новым содержанием, важнейшим ингредиентом которого становится тождественность по языку» (с. 100).

Зато в ареале языка хауса этнические процессы не имеют столь же однонаправленного характера. Если малые народы Нигерии, переходя на хауса, соответственно меняют и свое этническое самосознание, то фульбе Центральной Нигерии, несмотря на отход от родного языка, грочно сохраняют прежнюю этническую идентификацию (с. 109).

Для характеристики КС исследователи разрабатывают детальную типологию, основными компонентами которой являются этнические, языковые и разнообразные социоэкономические и социокультурные параметры (гл. II). При всей ценности разработанной ими схемы некоторые возражения вызывает стремление авторов противопоставить этническую и языковую ситуации, играющие важнейшую роль в их исследовании, всем остальным (политической, экономической, социальной, культурной и т. д.), будто бы второстепенным (с. 38). На деле это ведет к обеднению исследования, так как сужает роль политических, экономических, социокультурных и других параметров в развитии социолингвистической среды и ее функционировании. Понятно, что в центре внимания авторов находятся языки как один из важных объектов изучения и этносы как носители языков. Однако все остальные факторы, которые авторы называют «внешними» (с. 38—46), формируют облик этнических общностей и устанавливают рамки и характер их функционирования, а также, что особенно важно, определяют, какие именно этносы, почему, в какой мере и как вступают между собой в контакт. Эти же факторы определяют и направление этнических процессов. Впрочем, авторы не претендуют на создание сколько-нибудь окончательной универсальной модели и отчетливо сознают необходимость ее дальнейшей разработки (с. 7), что потребует, по-видимому, некоторого смещения акцентов в соотношении указанных ими «компонентов коммуникативной ситуации».

Вместе с тем в ходе анализа конкретных явлений исследователи дают достаточно сбалансированную оценку разнообразных факторов. Они подразделяют Западную Африку на три социолингвистические зоны: внутреннюю (суданскую), береговую (гвинейскую) и среднюю (лесную) (с. 64). В каждой из этих зон в силу тех или иных исторических условий сложилась своя специфическая этноязыковая ситуация. В суданской зоне еще в доколониальный период возникла местная государственность с весьма своеобразным характером урбанизации. Здесь широко распространено двуязычие, и этническая дробность гораздо выше языковой. В качестве языков межэтнического общения в этом регионе выступают языки тех народов, которые составляли этническое ядро больших государственных образований и которые нередко являлись референтной группой для более мелких иноэтнических групп (с. 68). В результате последние зачастую утрачивают свои прежние языки.

В береговой зоне доколониальные структуры были уничтожены или сильно деформированы в колониальную эпоху. Здесь недавно возникли крупные современные промышленные города и огромные плантационные хозяйства, ставшие центрами скопления значительного разнородного населения. Важным фактором было также возвращение сюда из Америки бывших рабов, утративших свой родной язык. Все это наряду с высоким престижем пропагандируемой миссионерами европейской системы образования ведет к распространению пиджинов и формированию на их основе креольских языков. Таким образом, в береговой зоне в отличие от внутренней языками межэтнического общения служат импортированные языки (с. 72).

Между внутренней и береговой зонами лежит промежуточная лесная зона, где, с одной стороны, не возникало средневековых государств, а с другой — меньше ощущалось влияние колониализма. В результате здесь отмечается сильная этноязыковая дробность, сохранение многих черт древнего образа жизни и традиционной культуры и высокая степень трибализма. Вместе с тем и в этой зоне межэтническое общение ведет к широкому развитию двуязычия. Однако в таких условиях наблюдается превеликое подчеркивание диалектных различий и нежелание признавать близкое родство соседних языков. Поэтому при межэтнических контактах предпочтение отдается пиджинизированным формам местных или импортированных языков.

Очень интересным представляется основанное на изучении ранних письменных источников предположение авторов о том, что в далеком прошлом на гвинейском побережье имелись коммуникативные среды именно лесного типа. Однако в дальнейшем возникла еще более сложная картина, когда «береговые» факторы наслонились на «суданские» (с. 75).

Скрупулезно проведенное авторами исследование вводит в оборот новые, очень важные данные о роли языка в этнических процессах в различных районах Африки, которые до сих пор в этом смысле были известны нашей науке весьма мало. Некоторые выводы авторов по своему значению выходят далеко за пределы африканского материка и заставляют внести определенные коррективы в наши общетеоретические представления. Так, обычно считается, что наддиалектные кодифицированные формы языка складываются только с появлением письменности и это является важной предпосылкой этнической консолидации. Африканские же материалы показывают, что наддиалектные «стандартные» формы могут складываться и в условиях только устного функционирования языка. В ряде районов Западной Африки этому способствовала деятельность касты певцов-гриотов (с. 46). Этот факт заставляет по-новому взглянуть на роль устной эпической традиции в этнических процессах.

Таким образом, проводимые в настоящее время лингвистами исследования современных языковых ситуаций и процессов способны многое дать этнографам, позволяя

взглянуть на некоторые, казалось бы, традиционные проблемы под свежим углом зрения. Несомненно, сами лингвистические исследования в этой области могли бы стать глубже и четче, если бы лингвисты шире знакомились с достижениями этнографов. Это касается не только общетеоретических разработок и концепций, но и терминологии. Работа, безусловно, только выиграла бы, если бы вместо иностранных калек типа «социализация», «семейная резиденция», «маритальный принцип инцестифобии» и т. д. в ней использовались принятые в советской науке термины «социализация», «брачное поселение», «экзогамия» и т. д.

Итак, рецензируемое издание не только вводит в сборот новые важные факты, и показывает, сколь много могут дать друг другу лингвисты и этнографы, как бы призывая к объединению усилий в решении сходных проблем.

В. А. Шнирельман

Soviet Ethnology at the Transition Point between Two Five-Year Periods

A survey is given of the main results achieved by Soviet ethnology during the last five years in the light of the decisions of the 26th Party Congress; the principal prospects of ethnographical research for the next five-year period are outlined. The authors stress the fact that in the past period scholars concentrated their greatest efforts on continuing research into theoretical and methodological problems besides studying contemporary ethnic processes and the traditional cultures of all the peoples of the world. At present Soviet ethnographers face still more complex and important tasks aimed at the further development of basic research and, at the same time, at considerably augmenting the role played by our science in practical activities.

Yu. V. Bromley, A. Ye. Ter-Sarkisyan

The Functions of Ethnography in the Elaboration, Inculcation and Further Development of Socialist Ritual (the Family Cycle)

The authors discuss the role of ethnographers in the rise of socialist ritual which is taking place among all the peoples of the Soviet Union under the influence of changing socioeconomic and cultural conditions with the active aid of specially formed organizations. Although this process is still underway, two main types of ritual ceremony can already be distinguished: the concise type, where common Soviet traits prevail and the more extensive type, in which a greater number of ethnically specific traditional traits have been preserved. The process by which ritual is formed in the Soviet period is a contradictory one and requires constant observation by scholars in social sciences including ethnographers. The authors note that the tendency towards poorly controlled inventive activity on a mass scale in this field leads in some cases to the occurrence of negative features.

The authors express their opinions on the forming of new rituals and on the ways in which ethnographers can contribute to the creation of Soviet ritual.

N. P. Lobachova, M. Ya. Ustinova

The Finnish Family of To-Day

Studies by Finnish sociologists, demographers, medical and other experts carried out in the 1970ies have shown a fairly stable condition of the institution of the family in Finland. Its most acute problem is the small number of children: the average family size is 2.7. An important factor is the material aspect: statistics show a lower per capita income for families with a large number of children. This affects housing conditions, diet, lack of summer recreation, etc. In striving for a higher income women, including mothers, increasingly become drawn into the sphere of wage-earning work, this leads to overwork and hence to the practice of birth control. The difficulties facing the Finnish family are rooted in the socioeconomic system of the country; the situation cannot be improved without government measures including changes in the system of taxation.

N. V. Shlygina

Ainu Kinship Terminology

Although the Ainu have been much described in scholarly literature, many aspects of their traditional social organization remain insufficiently studied. This is particularly true of their system of kinship terms — a valuable source in the study both of traditions in the sphere of family-and-marriage relationships and of ethnogenetic problems. The article offers

milar in some points to that of certain Siberian ethnic groups. At the same time, some Ainu kinship terms coincide with the corresponding terminology of Altaic-speaking communities; this is evidence of ethnic contacts in antiquity.

A. B. Spevakova

**The Hiri Motu Language in Papua New Guinea:
Its Origin and Early Evolution**

The author analyses the origin and early evolution stages of Police Motu, now officially called Hiri Motu, one of the principal languages of communication in present-day Papua New Guinea. The problem is considered against a broad historical background, account is taken of the ethnolinguistic situation and the colonial policies of Great Britain (up to 1900) and Australia (beginning with 1901) in the region.

T. E. Dutton

Yu. V. Bromley, A. Ye. Ter-Sarkisyan (Moscow). Soviet Ethnology at the Transition Point between Two Five-Year Periods. *N. P. Lobachova, M. Ya. Ustinova* (Moscow). The Functions of Ethnography in the Elaboration, Inculcation and Further Development of Socialist Ritual (the Family Cycle). *N. V. Shlygina* (Moscow). The Finnish Family of To-Day. *A. B. Spevakovsky* (Leningrad). Ainu Kinship Terminology. *T. E. Dutton* (Canberra). The Hiri Motu Language in Papua New Guinea: Its Origin and Early Evolution.

from the History of Ethnography

V. A. Zibarev (Tomsk). From the History of Common Law of the Peoples of the North.

Communications

N. A. Sobolevskaya (Khabarovsk). Rural Dwellings and Household Buildings in the Amur River Area in the Early 20th Century. *K. K. Loginov* (Petrozavodsk). Are the «Zao-nezhnians» (Trans-Onega Lake Group) a Local Group of the Russians? *A. S. Sokolov* (Leningrad). Russian Working People's Migration to America in the Last Quarter of the 19th Century. *V. K. Roy Burman* (New Delhi). Transformation of Tribes and Analogous Social Formations.

Searchings, Facts, Hypotheses

Ye. V. Govor (Moscow). N. N. Mikloukho-Maclay in the Memories of His Contemporaries (Some Forgotten Pages).

Our Anniversaries

List of Major Works by *B. A. Kaloyev*, Doctor of Historical Sciences (to His 70th Birthday).

List of Major Works by *M. G. Rabinovitch*, Doctor of Historical Sciences (to His 70th Birthday).

Academic Life

N. V. Yukhneva (Leningrad). «Ethnography of St. Petersburg — Leningrad»: Second Conference. *V. K. Sokolova* (Moscow). «Heroic-Historical Epic Poetry: Its Significance for the Creative Culture of the Peoples of the Caucasus» — a Scientific Symposium. *S. B. Rozhdestvenskaya, V. V. Rudnev* (Moscow). The Third All-Russian Festival of Youthful Ethnographers. *M. S. Butinova* (Leningrad). The 16th Scientific Conference for the Study of Australia and Oceania. *I. Ya. Boguslavskaya* (Leningrad). The Art of Gzhel'. Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *V. Ye. Gushev* (Leningrad). Folk Poetry in the Years of the 2nd World War. *N. G. Volkova* (Moscow). The Ethnographic Study of South-West Georgia. *N. A. Lopulenko* (Moscow). Main Trends in the Study of North American Eskimos by U. S. and Canadian Anthropologists in the 1960ies and 1970ies. *T. B. Uvarova* (Moscow). Ethnographic Subject-Matter in Publications by the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the USSR Academy of Sciences. Peoples of the U.S.S.R. *S. A. Arutiunov* (Moscow), *B. Kh. Bgazhnokov* (Nalchik). *S. Kh. Maifedzev*. An Outline of Work Training among the Adyghe in the 19th and Early 20th Centuries. *K. P. Kalinovskaya* (Moscow). *G. N. Simakov*. The Social Functions of Kirghiz Popular Amusements in the late 19th and Early 20th Centuries (a Historical-Ethnographic Outline). *L. J. Sauka* (Vilnius). *N. Vēlius*. Senovės Baltų pasaulėžiūra (The World Outlook of the Ancient Balts). Peoples of Asia outside the U.S.S.R. *M. A. Chlenov* (Moscow). *I. N. Solomonik*. The Traditional Puppet Theatre in the East. Peoples of Africa. *N. I. Kirey* (Krasnodar). *E. S. Lvova*. Ethnography of Africa, a Manual. *V. A. Shnirelman* (Moscow). *V. A. Vinogradov, A. I. Koval', V. A. Porkhomovsky*. Socio-Linguistic Typology. West Africa.

Технический редактор *Гришина Е. И.*

Сдано в набор 10.01.86 Подписано к печати 04.03.86 Т-05847 Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Высокая печать Усл. печ. л. 15,4 Усл. кр.-отт. 46,4 тис. Уч.-изд. л. 19,9 Бум. л. 5,5.
Тираж 2962 экз. Зак. 4734

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6